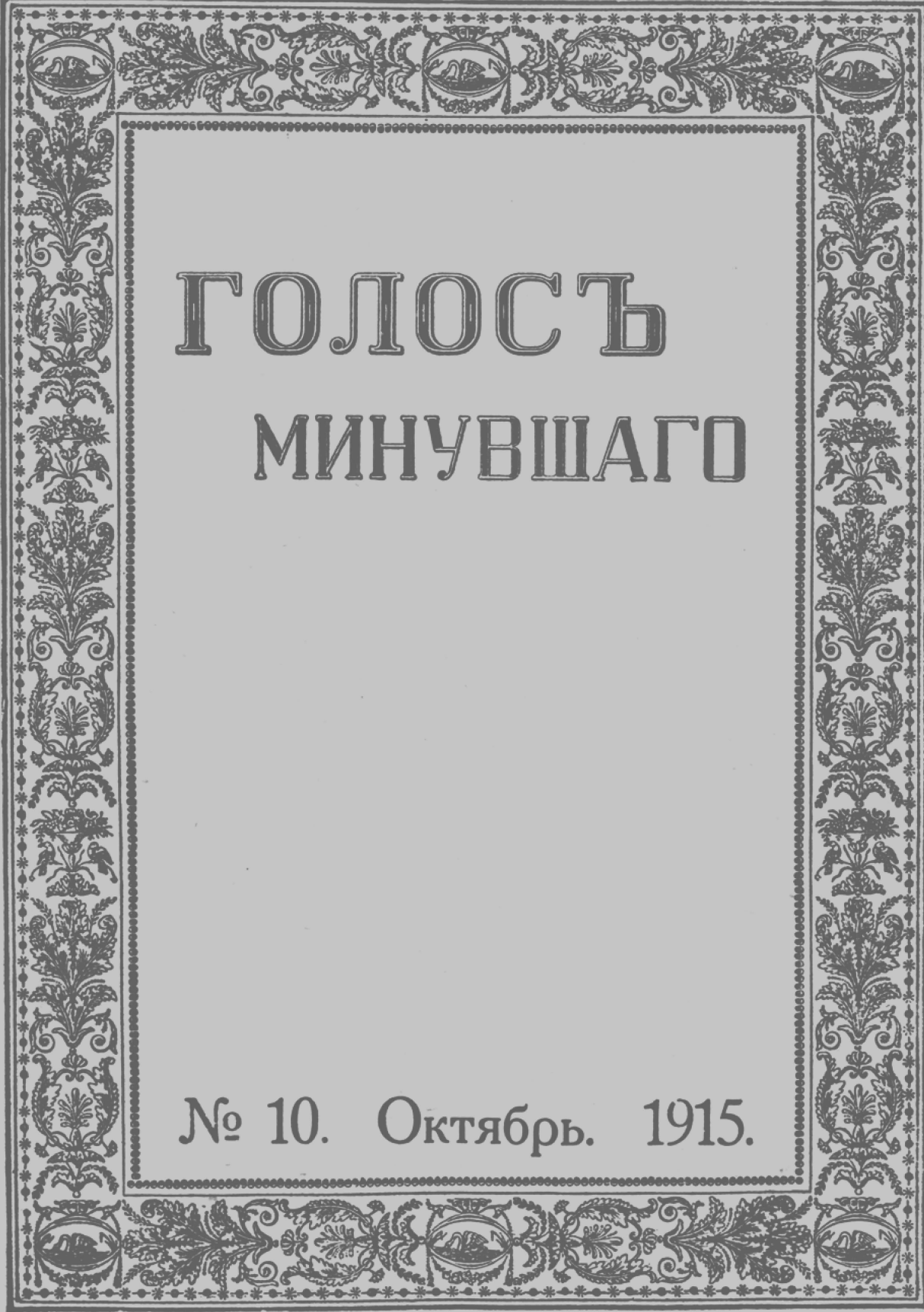

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 10. Октябрь. 1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	<i>Стр.</i>
С. П. Мельгуновъ. Изъ исторіи возсоединенія униатовъ въ Россіи . . .	5
В. Евгеньевъ. Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ	38
П. Л. Войковъ. Ужасный памятникъ налогового обложенія . .	77
И. Бикерманъ. Цесаревичъ Константинъ и 11 марта 1801 г. . . .	102
II. Воспоминанія:	
П. Витязевъ. П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.	
IV. Изъ разсказовъ М. П. Сажина	112
Е. Н. Водовозова. Изъ давнoproшедшаго	148
П. Л. Юдинъ. Къ характеристикѣ Драгомирова и Радецкаго . .	158
А. Е. Кауфманъ. За кулисами университета—юбиляра	165
Н. И. Карѣевъ. Мои встрѣчи съ Викторомъ Консидераномъ . .	179
Гр. Де-ла Гардъ. Картины изъ жизни Вѣнскаго конгресса . . .	184
III. Матеріалы:	
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ	204
В. Ф. Малиновскій. Размышленія о преобразованіи государственнаго устройства въ Россіи. 1803 г. Съ предисловіемъ В. И. Семеновскаго	239
IV. Мелочи прошлаго.	
1) Петербургъ въ 1803 г. 2) Москвичъ о петербургскихъ театрахъ въ 1829 г. 3) Московскій предводитель дворянства Ершовъ . .	265
V. Юбилей.	
Н. Н. Полянскій. А. Ф. Кони	269
VI. Критика и библиографія.	
С. П. Мельгуновъ. П. Кудряшевъ. Идеинные горизонты міровой войны. И. М. Херасковъ. Раппопортъ. Ж. Жоресъ. В. Ф. Лазурскій. Памяти великаго грузинскаго поэта кн. Ан. Р. Церетели. П. Н. Сакулиаъ. Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Каллаша	

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 10. Октябрь. 1915

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинковскій пер., соб. д.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
С. П. Мельгуновъ. Изъ исторіи возсоединенія униатовъ въ Россіи.	5
В. Евгеньевъ. Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ	38
П. Л. Войковъ. Ужасный памятникъ налогового обложенія . .	77
И. Бикерманъ. Цесаревичъ Константинъ и 11 марта 1801 г. . . .	102
II. Воспоминанія:	
П. Витязевъ. П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.	
IV. Изъ разсказовъ М. П. Сажина	112
Е. Н. Водовозова. Изъ давнопрошедшаго	148
П. Л. Юдинъ. Къ характеристикѣ Драгомирова и Радецкаго . .	158
А. Е. Кауфманъ. За кулисами университета—юбиляра	165
Н. И. Карѣевъ. Мои встрѣчи съ Викторомъ Консидераномъ . .	179
Гр. Де-ла Гардъ. Картины изъ жизни Вѣнскаго конгресса	184
III. Матеріалы:	
Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ	204
В. Ѳ. Малиновскій. Размышленія о преобразованія государственнаго устройства въ Россіи. 1803 г. Съ предисловіемъ В. И. Семеновскаго	239
IV. Мелочи прошлаго.	
1) Петербургъ въ 1803 г. 2) Москвичъ о петербургскихъ театрахъ въ 1829 г. 3) Московскій предводитель дворянства Ершовъ . .	265
V. Юбилей.	
Н. Н. Полянскій. А. Ѳ. Кони	269
VI. Критика и библіографія.	
С. П. Мельгуновъ. П. Кудряшевъ. Идейные горизонты міровой войны. И. М. Херасковъ. Раппопортъ. Ж. Жоресъ. В. Ѳ. Лазурскій. Памяти великаго грузинскаго поэта кн. Ак. Р. Церетели. П. Н. Сакулинъ. Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Каллаша	

и Н. Е. Эфроса. Е. В. Тарле. Воспоминанія и переписка Ольги Новиковой. И. С. Рябининъ. Мемуары гр. Потоцкой. С. Н. Валкъ. М. Н. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. Ред. проф. В. В. Сиповскаго. С. П. Мельгуновъ. А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. В. Н. Перцевъ. Граф. Марія Ларинъ. При дворѣ Габсбурговъ. В. Бузескулъ. Л. Н. Беркутъ. Борьба за инвеституру во время имп. Генриха V. А. И. Калишевскій. Обзоръ трудовъ по славяновѣдѣнію. Вып. III. Украиновѣдѣніе 286

VII. Некрологъ.

В. М. Фриче. Гр. Ф. Г. Де-ла Бартъ 321

VIII. Рисунки.

Портреты П. А. Лаврова и Ф. Г. Де-ла Барта.

IX. Объявленія.

Проспектъ объ изданіи «Масонство».

Изъ исторіи воссоединенія униатовъ въ Россіи.

(Къ десятилѣтію акта 17 октября 1905 г.).

«Отторгнутые насиліемъ
воссоединены любовью».
(Надпись на медали съ памятью вос-
соед. униатовъ въ 1839 г.).

Никогда еще въ Россіи такъ рѣзко не выдвигались національные вопросы, какъ въ наши дни. Это сдѣлала война. Но чѣмъ разрѣшатся поднятые ею сложные вопросы? Едва ли общественное сознаніе въ состояніи даже учесть сейчасъ возможные послѣдствія неясныхъ еще абрисовъ международной политической конъюнктуры. Это не мѣшаетъ, конечно, различнымъ общественнымъ группамъ по разному опредѣлять открывающіяся перспективы и по разному намѣчать тѣ пути, по которымъ должно идти государственное строительство. Чуждая свойствъ пророческаго предвидѣнія, исторія даетъ, однако, конкретный матеріалъ для иллюстраціи извѣстныхъ моментовъ прошлаго—это то, что мы называемъ уроками исторіи. Одну изъ такихъ многочисленныхъ и весьма поучительныхъ иллюстрацій представляютъ какъ разъ развертываемыя ниже страницы изъ лѣтописи сравнительно недавняго времени. Онѣ касаются явленія, которое старались вытравить изъ живой народной жизни извѣстной части населенія, обитающаго на территоріи русскаго государства, во имя отвлеченныхъ государственныхъ соображеній и невѣрно понятыхъ историческихъ традицій.

Въ 1839 г. прекратилось офиціальное существованіе церковной униі въ Россіи. Совершилось одно изъ «величайшихъ событій» царствованія Николая I—тихое и мирное «возвращеніе полуторамилліоннаго западно-русскаго народа въ лоно православной церкви»¹⁾, совершилось возвращеніе «дѣтей, нѣкогда отторгнутыхъ насиліемъ», какъ выражался оберъ-прокуроръ Синода Протасовъ. И этотъ «великій» актъ государственной мудрости

¹⁾ Слова историка униі Кипріяновича.

и церковнаго торжества, отмѣченный учрежденіемъ спеціальной медали, совершился «по правиламъ вѣротерпимости», какъ подчеркивалъ въ своей рѣчи по поводу 25-лѣтія царствованія Николая I московскій митрополитъ Филаретъ. Это былъ актъ добровольнаго согласія и внутренняго тяготѣнія населенія къ православноѣ церкви...

Такова точка зрѣнія, господствующая во всѣхъ безъ исключенія русскихъ историческихъ трудахъ, посвященныхъ исторіи воссоединенія униатовъ въ Россіи и принадлежащихъ преимущественно перу церковныхъ писателей ¹⁾. Воссоединеніемъ униатовъ въ западномъ краѣ ²⁾ въ 1839 г. было исправлено историческое насилие, совершенное надъ массою русскаго населенія введеніемъ брестской церковной уніи 1595 г., непризнанной въ сущности этимъ населеніемъ и державшейся лишь интригой, «насильствомъ и мученіями» въ теченіе болѣе 250 лѣтъ. «Исторія» въ 1839 г., какъ увидимъ, сыграла плохую роль—при исправленіи историческихъ ошибокъ живой народный организмъ, живая народная вѣра послужили экспериментомъ для осуществленія маложизненныхъ теоретическихъ предпосылокъ, установленныхъ государственными дѣятелями николаевской эпохи.

Одинъ изъ главныхъ творцовъ дѣла воссоединенія, бывшій униатскимъ епископомъ, а впослѣдствіи митрополитомъ литовскимъ, Іосифъ Сѣмашко, въ сочиненіи объ уніи, начатомъ въ 1827 г., такъ опредѣлялъ судьбу уніи въ польско-литовскомъ государствѣ: «Въ 1595 г. папа насладился удовольствіемъ видѣть припадающихъ къ ногамъ своимъ и оныя лобзающихъ русскихъ епископовъ; каковое свое торжество, а русскихъ позоръ, и медалью увѣковѣчилъ». Проведенная «происками нѣсколькихъ лицъ» унія не имѣла твердаго основанія. Но подъ вліяніемъ угнетеній «половина православнаго въ Польшѣ народа нашлась принужденною оставить благочестіе». Далѣе «хитрая политика бывшей польской республики—говоритъ офиціальныи актъ воссоединенія 1839 г.—и согласно съ нею направленіе мѣстнаго латинскаго духовенства, нетерпѣвшія духа русской народности и древнихъ обрядовъ православнаго

¹⁾ См. М. Я. Морошкинъ «Воссоединеніе Уніи» («Вѣст. Евр.» 1872); Г. Я. Киприановичъ. «Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и виленскаго», Вильно, 1897 г. Прот. Г. Шавельскій. «Послѣднее воссоединеніе съ православною церковью униатовъ бѣлорусской епархіи», Спб. 1910. Въ послѣднихъ двухъ работахъ указана подробная библиографія многочисленныхъ брошюръ и журнальныхъ статей, посвященныхъ уніи. Изъ воспоминаній современниковъ наибольшее значеніе имѣютъ «Записки Іосифа, митрополита Литовскаго», изданныя въ 1883 г. Академіей Наукъ. Здѣсь помѣщена главнѣйшая офиціальная переписка.

²⁾ Униаты оставались въ Царствѣ Польскомъ.

востока, устремили всѣ силы свои къ изглаженію, если бы можно было, и самыхъ слѣдовъ первобытнаго происхожденія нашего народа». Отсюда «скоро обычаи и священные церковные обряды, постановленія и самое богослуженіе нашей церкви стали измѣняться, а на мѣсто ихъ вводились латинскія, вовсе ей несвойственныя». Уніи грозило полное уничтоженіе или превращеніе въ католичество: обрили священникамъ бороды, сняли прежнія ихъ рясы, ввели нѣкоторые римскіе обряды и празднества. Унія была бы уничтожена, «если бы Всевышній не прекратилъ сихъ вѣковыхъ страданій, возвратя Россійской державѣ... древнія достоянія Руси». «Загремѣло надъ Польшею оружіе Екатерины, и большая половина униатскаго народа обратилась къ Греко-Россійской церкви» ¹⁾. И Сѣмашко и офиціальныи актъ возсоединенія до нѣкоторой степени вѣрно обрисовываютъ положеніе уніи въ XVIII в. Для русской народной массы, находившейся подъ владычествомъ Польши, борьба за вѣру отцовъ являлась знаменемъ сохраненія порабощенной національности. Подъ уніей сохранялось православіе. И совершенно естественно, что вслѣдъ за присоединеніемъ западно-русскихъ областей къ Россіи во времена польскихъ раздѣловъ униаты массами переходили въ православіе «безъ всякихъ усилій со стороны русскаго правительства», какъ констатируютъ изслѣдователи униатскаго вопроса въ Россіи ²⁾. Но въ то же время естественно было и другое явленіе, отмѣченное уже рьянымъ впослѣдствіи возсоединителемъ униатовъ съ православіемъ Іосифомъ Сѣмашкой. Если въ 1794 г. легко обращались изъ уніи въ православіе въ Кіевской, Подольской, Волынской губерніяхъ, то чѣмъ ближе подвигались къ мѣстностямъ, гдѣ унія болѣе крѣпко утвердилась въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе усиливались затрудненія, и мы видимъ, какъ начинаются дѣйствія насильственнаго миссіонерства, какъ для обращенія униатовъ отправляются воинскія команды съ пушками и прочими атрибутами государственнаго воздѣйствія. Однимъ словомъ, мы встрѣчаемся съ фактами насилія, съ заявленіями со стороны населенія, что высказавшіе желаніе присоединиться къ православію «подписались, не зная подъ чѣмъ» ³⁾, съ генералъ-губернаторскими предписаніями «униатскихъ или римско-католическихъ поповъ ни по какой надобности... ниже на одинъ часъ» не принимать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ обыватели обращены изъ уніи въ православіе. Мы встрѣчаемся уже съ явленіемъ, именуемымъ совращеніемъ въ унію и наказуемымъ, съ указаціями,

¹⁾ *И. Сѣмашко. Записки. I, 334.*

²⁾ *Кояловичъ, Морошкинъ, Чистовичъ, Кипріановичъ и др.*

³⁾ *Рункевичъ. «Исторія минской архіепископіи 1713—1833», 369.*

что эти вновь совратившіеся все болѣе и болѣе удаляются отъ православной церкви, какъ констатируетъ одинъ изъ рескриптовъ Павла I минскому губернатору Карнѣеву. Это явилось результатомъ слишкомъ энергичной дѣятельности правительства и духовенства въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II въ области исправленія во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ историческихъ насилій, совершенныхъ въ предшествующую эпоху... До тѣхъ поръ, пока исправленіе историческихъ несправедливостей касалось той массы населенія, которая, принадлежа къ уніатской церкви, тяготѣла къ православію въ его чистомъ видѣ, дѣло шло хорошо—обращеніе происходило безъ усилій со стороны правительственной власти, другими словами происходило добровольно, но обстоятельства мѣнялись тамъ, гдѣ унія въ силу традиціи или иныхъ историческихъ судебъ сама уже становилась народной вѣрой, гдѣ «латинскія нововведенія», вводимыя исподволь и узаконенныя на церковномъ соборѣ 1720 г., сдѣлались уже органической частью народной религіи, вѣрою отцовъ и дѣдовъ, гдѣ православіе признавалось со всѣми латинскими новшествами, гдѣ бритыя бороды священниковъ сдѣлались уже роднымъ, гдѣ москаль съ бородой нарушалъ уже вошедшій въ жизнь бытовой укладъ.

Унія была компромиссомъ между православіемъ и католичествомъ, компромиссомъ, быть можетъ, придуманнымъ, но уже вошедшимъ въ жизненный обиходъ, равно какъ и позднѣйшее единовѣріе, измышленное митр. Платономъ и бывшее компромиссомъ между старообрядчествомъ и господствующей церковью, сдѣлалось съ теченіемъ времени народнымъ достояніемъ для тѣхъ, предки которыхъ склонились къ единовѣрію.

Преемникъ Екатерины принялъ нѣкоторыя мѣры къ прекращенію того, что проф. Кояловичъ называлъ «мелкими злоупотребленіями»¹⁾ при обращеніи уніатовъ въ православіе. «Умная система управленія» Екатерины, заключавшаяся въ насильственной русификаціи, замѣнилась попыткой установить извѣстный status quo, сводящійся къ тому, что было учреждено 6 римско-католическихъ епархій и 3 уніатскихъ: полоцкая (Бѣлоруссія), брестская (литовская и минская губ.), луцкая (украин. губ.). Въ этой реставраціи, приведшей, по мнѣнію церковныхъ историковъ, къ тому, что «православная пропаганда по дѣлу объ уніатахъ» была «пріостановлена», проф. Кояловичъ видѣлъ «мрачное зло для западной Россіи», совершенное подъ вліяніемъ обласканныхъ Павломъ «латинянъ»...

¹⁾ Чтенія по ист. Зап. Россіи, 306.

Обрусители считали, что у нихъ «право» на унию, «латиняне», въ свою очередь, предъявляли на нее свои права. И тѣ и другіе мало считались съ унией, какъ явленіемъ бытовымъ. Очень далека была отъ безпристрастія, вытекающаго изъ признанія права религіознаго самоопредѣленія, конечно, и самъ законодатель. Безпристрастіе Павла вытекало изъ иныхъ побужденій. Онъ «глава церкви, папа и все, что угодно» въ своемъ государствѣ. Абсолютистская тенденція влекла Павла на путь охраненія истины православія и истины католичества¹⁾. Унія была чѣмъ-то промежуточнымъ, лишь временнымъ компромиссомъ, что съ достаточной отчетливостью проявилось въ указѣ 26 февраля 1797 г., гласившемъ, что униаты суть «присоединенные къ православнымъ или католикамъ, а не сами по себѣ».

Можетъ быть въ западномъ краѣ законодательная практика временъ Павла и склонна была признать за католиками большія права на унию, такъ какъ униаты были подчинены учрежденному въ 1798 г. департаменту римско-католическаго вѣроисповѣданія. Высшее униатское духовенство относилось къ этому подчиненію весьма несочувственно, и подъ его давленіемъ созданъ былъ иной порядокъ униатскаго церковнаго управленія: въ 1804 г. въ центральную римско-католическую духовную коллегію были введены и представители отъ униатскихъ епархій, а затѣмъ по запискѣ архіеп. полоцкаго Игнатія Лисовскаго, поданной кн. А. Н. Голицыну, занимавшему въ то время постъ синодскаго оберъ-прокурора, 16 іюля 1805 г. въ римско-католической коллегіи былъ образованъ особый униатскій департаментъ. Такимъ образомъ государство какъ бы признало самостоятельное существованіе вѣроисповѣданія, именуемаго унией²⁾. Къ этому признанію, очевидно, и стремились въ своей дѣятельности въ первые годы царствованія Александра I митрополиты униатскій Лисовскій и его преемникъ арх. полоцкій Красовскій. Оба сторонника сближенія православія съ унией признавали самоцѣнность послѣдней. Дѣйствительность ставила, однако, вопросъ въ нѣсколько иную плоскость—постепеннаго уничтоженія униі. Существуетъ своего рода легенда о симпатіяхъ Александра I къ католичеству, легенда, не основывающаяся на фактахъ, хотя наши церковные историки рассматриваютъ время Александра I, какъ эпоху правительственныхъ симпатій къ католичеству. На самомъ дѣлѣ въ это время католическихъ симпатій унія довольно систематически направляется въ сторону православія. Быть мо-

¹⁾ Дневникъ Сестренцевича (перваго митроп. катол. въ Россіи), «Ст. и Нов.» XVI, 184.

²⁾ Въ 1806 г. была возстановлена и литовская униатская митрополія.

жетъ, нигдѣ это такъ опредѣленно не сказалось, какъ въ вопросѣ о совращеніяхъ. Какъ быть съ тѣми, которые изъ уніи перешли въ католичество?—Сенатскій указъ 8 авг. 1810 г. разрѣшилъ вопросъ такъ: только совращенные до 1798 г., т.-е. до установленія павловскаго status quo, имѣютъ право остаться въ римской церкви. Но, такъ или иначе, уніаты существовали при Александрѣ I. И, какъ готовы признать церковные историки, успѣхи православія за счетъ латинянъ и успѣхи латинянъ были ничтожны. Правда, массовыя дѣла о совращеніяхъ заполняли церковныя бюрократическія канцеляріи¹⁾, но жизнь текла болѣе или менѣе нормально—безъ тѣхъ грубыхъ правонарушеній, свидѣтелемъ коихъ пришлось быть послѣдующему времени. Если среди высшаго уніатскаго духовенства наблюдалось теченіе, стремившееся придать уніи извѣстную самостоятельность, то въ той же уніи создавалось и другое теченіе—въ пользу полного единенія съ государственной церковью: явленіе—неизбѣжное при сожителствѣ двухъ національностей, двухъ борющихся религій. Къ этой, какъ бы естественной, склонности примѣшивалось и другое соображеніе—болѣе матеріалистическаго характера. Унія все же была, съ точки зрѣнія правительства, «что-то среднее, незаконнорожденное», только терпимое. Это отзывалось на положеніи духовенства и въ особенности на самолюбіи князей уніатской церкви. Положеніе высшаго уніатскаго духовенства можно ярко охарактеризовать фактомъ, имѣвшимъ мѣсто уже при Николаѣ I. При похоронахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны митрополиту уніатскому Булгаку запрещено было присутствовать при богослуженіи во избѣжаніе «соблазна».

Народная масса, равнодушная къ почестямъ, видѣла въ уніи свою религію и цѣнила ее, какъ таковую. На дѣлѣ уніаты, католики и православные прекрасно уживались другъ съ другомъ, когда имъ не мѣшали посредствующія звенья въ видѣ всевозможныхъ просвѣтительныхъ миссій. Уніаты, именно благодаря своему промежуточному положенію, были какъ бы связывающимъ звеномъ между католичествомъ и православіемъ. Уніаты любили свой обрядъ, своего попа, а когда его не было, ходилъ въ католическій костелъ или православный храмъ, находя и въ томъ и другомъ для себя по нуждѣ общее. Это была та народная религіозная терпимость, то здоровое и рациональное чувство вѣры, которое впослѣдствіи публицисты аксаковскаго лагеря именовали «религіознымъ индифферентизмомъ». И понятно, что при этомъ «религіозномъ индифферентизмѣ», когда проявлялась на-

¹⁾ Напр., дѣло о совращеніи 20000 чел. въ вилен. епархіи длилось цѣлыхъ 20 лѣтъ и не нашло еще своего разрѣшенія въ 1827 г.

сильственная тенденція увлечь населеніе въ сторону офіціального православія, оно рѣзко реагировало отказомъ. Такъ въ 1807—8 гг. отмѣчено болѣе 50000 «совращеній» подъ вліяніемъ слуховъ объ уничтоженіи уніи.

Николаевское время не терпѣло «религіознаго индиферентизма» и постаралось покончить съ тѣмъ промежуточнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась унія, принося реальныя религіозныя потребности населенія въ жертву господствовавшей государственной политикѣ. Бесѣдуя съ уніатскимъ епископомъ Іосифъ Сѣмашкой 11 августа 1829 г., императоръ Николай сказалъ ему: «Я не хочу, дабы ваша церковь была переднею Римскаго обряда—я хочу, дабы всякая церковь была въ собственныхъ своихъ предѣлахъ». Въ дѣйствительности, если мы сопоставимъ эти слова съ вышеописаннымъ положеніемъ митрополита Булгака на похоронахъ Маріи Ѳеодоровны, то увидимъ, что въ понятіе о «собственныхъ своихъ предѣлахъ» вкладываются своеобразный смыслъ. Онъ заключался въ уничтоженіи уніи—въ возвращеніи въ лоно православія «дѣтей, нѣкогда отторгнутыхъ насиліемъ». Эта идея покрывалась болѣе широкой политической формулой, это было, по выраженію Сѣмашки, продолженіе вѣковой борьбы «между Россіей и Польшей». Или, говоря проще, на первый планъ выдвигалась политическая подкладка: «упраздненіе уніи—заявлялъ въ послѣдствіи близкій Ив. Аксакову де-Пуле—должно было явиться первымъ жизненнымъ актомъ обрусѣнія нашихъ западныхъ губерній»¹⁾. Вопросъ о ликвидаціи уніи въ николаевское царствованіе былъ поставленъ уже совершенно опредѣленно послѣ злосчастнаго 1831 года: «Польская смута показала правительству, какъ нельзя яснѣе, всю опасность латинскаго направленія въ уніи и всю благотворность для Россіи возсоединенія уніатовъ»,—говоритъ одинъ изъ первыхъ историковъ уніи проф. Кояловичъ²⁾. Послѣ «беззаконнаго и безумнаго конституціоннаго неистовства» вопросъ объ уніи сдѣлался неизбѣжнымъ. Дѣло было только во времени и въ средствахъ осуществленія «великой идеи», которая послѣ польскаго возстанія могла найти сочувствіе въ русификаторскихъ настроеніяхъ русскаго общества, когда даже Пушкинъ выступалъ съ «истинно народными стихами», по выраженію Уварова, т.-е. съ одой «Клеветникамъ Россіи», когда даже великій поэтъ говорилъ, что надо «задушить» польскій сепаратизмъ,—уничтоженіе уніи, по представленіи офіціальной Россіи, именно къ этому и вела. Въ литературѣ былъ споръ, кто является истиннымъ творцомъ

¹⁾ Др. и Нов. Россія 1879. II, 326.

²⁾ Чтенія по ист. Зап. Рос. 323.

возсоединенія уніатовъ—императоръ ли Николай или еп. Сѣмашко. Вопросъ довольно второстепенный. Идея была не нова и притомъ она настолько отвѣчала всему духу новаго царствованія, проникнутому обрусительной политикой, что искать инициаторовъ нѣтъ нужды: къ этому вела вся религіозная политика Николая I, направляемая въ духѣ извѣстной уваровской триады. Члену уніатской коллегіи Іосифу Сѣмашко и его единомышленникамъ Антонію Зубко, Василию Лужинскому и др., такъ сказать практикамъ по уніатскимъ дѣламъ, принадлежала лишь разработка плана разрѣшенія давно «назрѣвшаго уніатскаго вопроса»¹⁾.

Общее направленіе вѣроисповѣдной политики въ эпоху Николая I достаточно извѣстно—мы о немъ можемъ и не говорить. Административная практика довольно просто разрѣшала всѣ религіозныя сомнѣнія—это было время, какъ мы знаемъ, самага усиленнаго преслѣдованія всѣхъ инакомыслящихъ во имя торжества официального православія. Казалось бы, что съ господствовавшей тогда полицейско-административной точки зрѣнія было бы просто разрѣшить уніатскій вопросъ. Но уніатская церковь все же не была въ томъ прекарномъ положеніи, въ какомъ, напримѣръ, находилось старообрядчество, это была церковь, признанная государствомъ; уніатскій вопросъ осложнялся и тѣмъ, что здѣсь православіе соприкасалось съ католичествомъ, имѣвшимъ официальную главу и занимавшимъ въ государствѣ опредѣленное положеніе. Слѣдовательно здѣсь косвенно затрагивались и международныя отношенія. Нельзя было такимъ образомъ однимъ почеркомъ пера устранить сложившуюся церковную организацію. Едва ли не самое большое затрудненіе представлялось въ томъ, что въ уніатскомъ вопросѣ правительство Николая I должно было столкнуться и съ соціальной стороной вопроса и тѣмъ самымъ попадать въ противорѣчіе съ самимъ собой. Полонофобія имѣла двойной политическій оттѣнокъ—замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ издатель «Гражданина» кн. Мещерскій—«оттѣнокъ ненависти къ поляку и оттѣнокъ ненависти къ помѣщику»; при существованіи крѣпостного режима въ Россіи орудіе обоюдоострое: приходилось холопа возстанавливать на господина, ибо вѣра уніатская была вѣрой холопской, господинъ же былъ по преимуществу католикъ, тянувшій уніатовъ въ свою сторону.

Отсюда являлась неизбежность подготовить принятіе уніи, создать обстановку добровольнаго акта перехода и дѣйствовать

¹⁾ Воспоминанія Вас. Лужинскаго печатались въ «Прав. Соб.» 1884—85 г.; Ант. Зубки въ «Рус. Вѣст.» 1864 г.

осторожно. Эту обстановку и должны были создать униаты—Сѣмашко и его единомышленники, воспитанники виленской семинаріи, отступавшіе отъ идей сближенія, проводимыхъ Лисовскимъ и Красовскимъ, и перешедшіе на сторону православія: они должны были административную реформу превратить въ «дѣло рукъ Божіихъ». Мы не будемъ останавливаться на выработкѣ проекта осуществленія «великой идеи» возсоединенія униатовъ. Она шла по проторенному пути бюрократическаго творчества эпохи Николая I. Въ ноябрѣ 1827 г. свящ. І. Сѣмашкой, членомъ униатской коллегіи, была подана черезъ Шишкова всеподданнѣйшая записка о бѣдственномъ положеніи униатской церкви. Императоръ Николай написалъ на ней характерную резолюцію: «я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ записку. Раздѣляя совершенно сей образъ мысли, я радуюсь, что случайно нашелъ въ униатской церкви человѣка, который можетъ быть способенъ помочь намъ въ дѣлѣ, которымъ непрестанно занимаюсь и съ помощью Божіей приведу въ исполненіе». Гр. Блудовъ, другъ Карамзина и Жуковскаго, занимавшій въ то время постъ главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій и разсматривавшій записку по порученію Николая, также пришелъ отъ нея въ восторгъ, найдя въ ней «поразительно вѣрное изображеніе зловреднаго направленія умовъ въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ», хотя, по замѣчаніи историка уни Кипріяновича¹⁾, «самъ Блудовъ былъ весьма мало знакомъ съ униатскимъ вопросомъ». Дѣло пошло на первыхъ порахъ такъ секретно, что о мысли покончить съ унией даже никто изъ членовъ синода не зналъ: посвященъ былъ въ планъ лишь митрополитъ Филаретъ, съ одобренія котораго предпринимались наиболѣе важные церковно-государственные акты. Скрывая до времени основную цѣль, выдѣленная въ самостоятельное учрежденіе коллегія греко-униатскихъ дѣлъ должна была осуществить рядъ подготовительныхъ мѣръ, при помощи которыхъ производилась совершенная ломка стараго зданія и сооруженіе новаго». Эти мѣры сводились къ наблюденію за чистотой чина богослуженія или, вѣрнѣе, къ устраненію изъ практики всего католическаго, наслоившагося послѣ 1595 года, къ упраздненію базилианскихъ, т.-е. униатскихъ монастырей (къ 1835 г. ихъ было закрыто $\frac{2}{3}$), къ закрытію монастырскихъ училищъ и къ созданію русскихъ семинарій, долженствовавшихъ служить «мастерскими» для развитія духа православнаго, русскаго, къ запрещенію униатскимъ дѣтямъ ходить въ латинскія школы, къ замѣщенію должностей высшаго

¹⁾ *Иос. Сѣмашко*, 61.

уніатскаго духовенства людьми въ «душѣ православными» (какимъ былъ І. Сѣмашко, возведенный въ санъ литовскаго епископа въ 1829 г.), не переходившими официально въ православіе лишь для того, чтобы не утратить вліянія на паству. Къ 1834 г. епископскія мѣста заняли исключительно сторонники присоединенія¹⁾. И началось довольно энергическое очищеніе уніи отъ примѣсей латинскихъ—устройство въ алтаряхъ иконостасовъ, употребленіе служебниковъ московскаго изданія (1831 г.), запрещеніе священникамъ брить бороды и пр.—все это должно было служить «оселкомъ сближенія съ православной церковью». Такъ уніаты-обрусители подготовляли дѣло, подготовляли, казалось, такъ успѣшно, что гродненскій губернаторъ, столь извѣстный впослѣдствіи своими мѣрами обрусненія Муравьевъ, писалъ уже въ 1834 г.: «Греко-уніатское духовенство, не взирая на нротиводѣйство католичества, стараясь выйти изъ постыднаго ига римлянъ, привыкаетъ къ мысли предстоящаго преобразованія».

Можно было сколько угодно скрывать секретныя мысли въ секретныхъ комитетахъ, но они обнаруживались сами по себѣ. Заработала и католическая пропаганда, отыскивая ходы въ высшія сферы и противодѣйствуя рѣшительнымъ начинаніямъ по уничтоженію уніи: вѣдь унія *in sere* принадлежала католичеству. Эта борьба интригъ, взаимныхъ подкоповъ, доносовъ, жалобъ представляетъ для насъ слишкомъ мало интереса, чтобы слѣдить за всѣми ея перипетіями²⁾. Насъ интересуетъ больше отношеніе той массы, о спасеніи душъ которой заботились обрусители, желавшіе вырвать уніатовъ изъ когтей насильственной полонизаціи.

Для массы уніатскій обрядъ, какъ онъ сложился къ 30-мъ гг., являлся въ полномъ смыслѣ слова народной вѣрой, освященной уже многолѣтней традиціей. Совершенно естественно, что масса въ большинствѣ своемъ становилась въ крайне враждебныя отношенія къ нововведеніямъ, видя въ *очищеніи* обрядовъ нарушеніе вѣры отцовъ и дѣдовъ. То, что для обрусителей было отклоненіемъ отъ истиннаго благочестія, для вѣрующихъ являлось своимъ роднымъ и истиннымъ. Новые священники въ клобукахъ и рясахъ, съ бородами, являлись чѣмъ-то совершенно чуждымъ

¹⁾ Въ 1828 г. для удобства вмѣсто четырехъ епархій были учреждены двѣ: Бѣлорусская и Литовская. Въ Бѣлорусскую входили губерніи: Витебская, Могилевская, Минская, часть Волынской, Кіевская; въ Литовскую—Гродненская, Виленская, Бѣлостокская обл., Волынская, Подольская.

²⁾ Наиболѣе рѣшительнымъ было выступленіе бѣлорусскаго дворянства въ 1834 г. въ защиту уніи.

народному сознанію. «Ахъ, яка страшная Благочестія, щеже мы отъ роды таковой не бачимъ»—таково было едва ли не общее впечатлѣніе отъ духовнаго пастыря, но николаевскіе жандармы, въ какихъ бы костюмахъ ни были они наряжены, или были плохіе психологи или не желали ими быть во имя своеобразно понятныхъ высшихъ государственныхъ соображеній¹⁾. Надо мысленно перенестись въ николаевское время, проникнуть въ психологію Бенкендорфовъ, Дубельтовъ, Филаретовъ, являвшихся проводниками пресловутой официальной народности и дѣлавшихъ религію орудіемъ своей политики; надо припомнить всю практику государственной политики этой эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма», какъ угодно теперь именовать николаевскую эпоху нѣкоторымъ русскимъ историкамъ, чтобы уже теоретически представить себѣ формы, въ которыя должна была выливаться мѣра пріуготовленія къ осуществленію «великой идеи» уничтоженія уніи. Полицейскія преслѣдованія, доведенныя до крайнихъ предѣловъ, характеризуютъ вѣроисповѣдную политику николаевскаго царствованія. Совершенно неизбѣжно, что вытекавшіе отсюда практическіе методы не могли не найти себѣ мѣста при подготовкѣ уніатовъ къ возсоединенію, т.-е. въ постепенномъ очищеніи уніи отъ католическихъ наслоеній. Пока въ секретныхъ комитетахъ зрѣлъ планъ возсоединенія уніатовъ съ матерью церковью, планъ, въ значительной степени разработанный Сѣмашкой, на практикѣ продолжала царить издавна принятая система единичныхъ и массовыхъ «добровольныхъ» обращеній посредствомъ миссіонерской пропаганды. Планъ Сѣмашко заключался въ томъ, чтобы, подготовивъ унію къ возсоединенію путемъ очищенія, единымъ правительственнымъ актомъ совершить это возсоединеніе. Съ этой точки зрѣнія Сѣмашко склоненъ былъ считать систему отдѣльныхъ присоединеній даже вредной. Но общій планъ, намѣченный Сѣмашкой, правительству все-таки казался слишкомъ смѣлымъ; онъ находился поэтому въ нѣдрахъ секретнѣйшихъ комитетовъ, и правительственные агенты на мѣстахъ не были достаточно освѣдомлены о предположеніяхъ центра. Мѣстные православные дѣятели, встрѣчавшіе въ своемъ рьяномъ миссіонерскомъ пылу нѣкоторое противодѣйствіе со стороны кружка Сѣмашки, готовы были приписать это противо-

¹⁾ Сѣмашко въ молодости, когда былъ еще дьякономъ и былъ далекъ отъ прозелетизма, прекрасно учитывалъ силу этой народной психологіи. Онъ писалъ своему брату 24 февраля 1821 г.: «Священникъ долженъ служить примѣромъ и образомъ для другихъ не только убѣжденіемъ, но даже своей внѣшностью. Трудно привлечь своимъ поученіемъ тому, кто самую внѣшностью отталкиваетъ ихъ отъ себя и заставляетъ чуждаться». («Кіев. Стр. 1897 № 1).

дѣйствіе лишь католической интригѣ, склонности униатскаго епископата къ католичеству и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ старались проявить свои миссіонерско-полицейскіе таланты. Особенно успѣшно подвизался на этомъ поприщѣ епископъ полоцкій Смарагдъ—одинъ изъ наиболѣе воинствующихъ и типичнѣйшихъ миссіонеровъ николаевской эпохи. Успѣхъ его дѣятельности былъ по внѣшности чрезвычайный: каждый годъ Смарагдъ тысячами обращалъ униатовъ въ православіе, каждый годъ тысячи добровольно отступали отъ своей вѣры и прилѣплялись къ православію. Но, однако, самому Смарагду въ 1837 г. приходилось констатировать Протасову странное явленіе, что «народъ расходится по капищамъ, а въ свои церкви (т.-е. православныя) неидетъ»¹⁾. Въ то же время мы наталкиваемся на еще болѣе странное явленіе: въ 1834 г. 35000 новообращенныхъ униатовъ крестятъ своихъ дѣтей въ латинство. Явленіе странное на первый взглядъ, но совершенно понятное, когда мы обратимъ вниманіе на формы такъ называемаго добровольнаго обращенія униатовъ. Миссія орудовала при содѣйствіи гражданскихъ властей. По полученіи заявленія, часто отъ 2—3 лицъ, о желаніи общины присоединиться къ православію, община объявлялась официально присоединенной. Подлоги и подкупы играли не послѣднюю роль въ этихъ заявленіяхъ. Затѣмъ начинается водвореніе православнаго священника, актъ освященія церкви, которые встрѣчаютъ противо-дѣйствіе со стороны мѣстнаго населенія, недопускающаго съ колыями освящать церкви. Народъ «крыжемъ (т. е. распростерши руки на подобіе креста) лежитъ въ церкви», не желая исполнять предписаній духовно-гражданскаго начальства о перемѣнѣ вѣры,—вотъ довольно-таки обычная картина добровольнаго перехода общины въ православіе. Достаточно указать, что въ одномъ августѣ мѣсяцѣ 1835 г. волненія происходятъ въ 112 приходахъ, для усмиренія которыхъ отправляются воинскія команды²⁾. Правда, по отзывамъ Смарагда, эти воинскія команды приходилось вызывать лишь «для усмиренія нѣсколькихъ глупыхъ мужиковъ», но въ дѣйствительности число этихъ глупыхъ и упрямыхъ мужиковъ было очень велико и число ихъ возрастало соразмѣрно интенсивности полицейско-миссіонерской дѣятельности духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Такимъ образомъ, «благостью Божьей, кроткими и своевременными мѣрами духовнаго и гражданскаго правительства» все въ

¹⁾ *Шавельскій*. «Послѣднее возсоединеніе униатовъ въ Бѣлоруссіи». Прил. 48. (письма Смарагда).

²⁾ Что дѣятельность Смарагда носила именно такой характеръ, не берутся отрицать и церковные историки. См. у *Шавельскаго*, стр. 178.

концѣ-концовъ умиротворилось, какъ доносилъ, напр., Смарагдъ оберъ-прокурору Синода Нечаеву въ 1834 г. Но помогало ли въ дѣйствительности это умиротвореніе внѣдренію истины въ униатскіе умы? Очевидно, нѣтъ, ибо въ общинѣ, добровольно присоединившейся, тотчасъ же начинались массовыя отпаденія, выражавшіяся прежде всего въ нежеланіи итти въ церковь: нерѣдкость, когда изъ 2000 обращенныхъ лишь 150 соглашались, въ концѣ-концовъ, обращаться за требами къ священникамъ. Самъ Смарагдъ, столь преуспѣвающій въ миссіи, меланхолически замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Нечаеву, что возмущившіеся униаты не хотятъ «вѣры ломать» и что для успѣха необходимы деньги: «одною проповѣдью и похвалою православія ничего взять нельзя. Теперь не апостольскія времена» ¹⁾. Что можетъ быть, въ концѣ-концовъ, характернѣе этого самопризнанія Смарагда? Если неистовый Смарагдъ, неосвѣдомленный въ правилственныхныхъ намѣреніяхъ объ единомъ актѣ возсоединенія униатовъ и недовѣрившій униатскимъ епископамъ, стоялъ въ 30-хъ гг. нѣсколько одиноко въ принятой имъ системѣ обращенія въ православіе, то это было лишь по невѣдѣнію. Въ методахъ всѣхъ обрусителей большой разницы не существовало: Смарагдъ насильно обращалъ, Сѣмашко и его единомышленники насильно готовили къ обращенію. Нюансъ небольшой. Католическіе историки уніи приводятъ длинные списки такихъ насилій со стороны тѣхъ, кого они причисляли къ ренегатамъ. Православные церковные историки всѣ эти факты считаютъ сплошной выдумкой—интригой іезуитовъ. Нѣтъ однако дыма безъ огня... Зная систему религиозной политики эпохи Николая I, можно уже въ теоріи не сомнѣваться, что подготовительныя мѣры къ возсоединенію униатовъ должны были подчасъ носить характеръ насильственныхъ дѣйствій. Почему западный край долженъ былъ представлять исключеніе, почему здѣсь испытанные приемы не должны были примѣняться? Теорія въ дѣйствительности вполне совпала съ практикой. Припомнимъ часто уже описывавшееся въ литературѣ знаменитое уничтоженіе старообрядческихъ, иргизскихъ монастырей при содѣйствіи воинскихъ командъ. Точную, хотя и болѣе слабую, копію мы встрѣтимъ въ актѣ присоединенія почаевской лавры въ 1831 г.—кордонъ жандармовъ, а въ окрестность на всякій случай отрядъ артиллеріи и кавалеріи. Въ униатскій обрядъ вводилось очищеніе, и тѣ приходы, священники которыхъ оказывались неподатливыми, закрывались, закрывались десятками, священники высылались и пр. Іосифъ не отли-

¹⁾ Прил. стр. 19.

чался «мягкимъ правомъ», по замѣчанію Де-Пуле. И достаточно просмотрѣть хотя бы даже официальную переписку Сѣмашки, чтобы увидѣть, что подготовка шла исключительно при содѣйствіи полицейскихъ властей. А при такихъ условіяхъ не приходится говорить о добровольномъ согласіи. Сѣмашко въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ 1837 г., осуждая православное духовенство въ томъ, что оно «по духу самой принятой имъ системы дѣйствовало противъ уніатовъ, какъ противъ враговъ», самъ дѣйствовалъ почти также—недаромъ, уже не католикъ, а православный епископъ полтавскій Гедеонъ называлъ его «предателемъ». Поклонники Сѣмашки склонны слишкомъ рѣшительныя иногда мѣры его относить на счетъ инициативы Протасова ¹⁾. Трудно сказать однако, кому въ дѣйствительности принадлежала инициатива—во всякомъ случаѣ Сѣмашко въ этомъ отношеніи не отставалъ отъ Протасова. «Примѣръ обузданія... весьма бы хорошее произвелъ впечатлѣніе»,—пишетъ онъ Протасову, 13 октября 1837 г., по поводу высылки противодѣйствующихъ помѣщиковъ ²⁾. Сѣмашко всегда возлагалъ большія надежды на помощь полицейскихъ властей въ дѣлѣ миссіонерства, полагая, очевидно, какъ и Смарагдъ, что времена апостольскія прошли. «Пригласить полицейскаго чиновника», «подвергнуть законному взысканію», «вразумить черезъ благонадежныхъ чиновниковъ»—эти довольно обычные предписанія и требованія со стороны уніатскихъ дѣятелей, какъ до воссоединенія, такъ и послѣ. Мы видимъ со стороны Сѣмашки и его друзей постоянныя и систематическія требованія полицейской команды то для высылки священниковъ, не принявшихъ московскихъ служебниковъ, то для вразумленія противодѣйствующихъ устройству алтарей по православному образцу и т. д.; съ ихъ стороны идутъ постоянныя жалобы на недостаточное содѣйствіе со стороны гражданскихъ властей и рекомендація начальству усердныхъ полицейскихъ (рекомендація Сѣмашки бѣлостокскаго исправника въ 1837 г.). Если Сѣмашкѣ докладываютъ объ успѣхѣ той или иной подготовительной мѣры, онъ сообщаетъ Протасову: «вѣроятно извѣстныя распоряженія по гражданской части подѣйствовали». Самъ Сѣмашко съ довольно большою откровенностью сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (I, 139), что съ неблагонадежными священниками «немного церемонились»; правда, съ его точки зрѣнія протестующіе были «по большей части и самые развращенные».

Любопытно то, что Сѣмашкѣ и его друзьямъ иногда приходилось входить въ коллизію съ гражданскими властями, которыя,

¹⁾ Напр., воспоминанія А. Евг. Е-ча. «Рус. Ст.» 1882, XI, 337.

²⁾ Записки. II, 64.

какъ извѣстно, не отличавшіяся мягкостію въ николаевское время, пытались отчасти умѣрять пылъ новыхъ адептовъ православія. Такъ генераль-губернатору Н. А. Долгорукову¹⁾ приходится дѣлать въ 1838 г. выговоръ Антонію Зубкѣ (брестскому епископу) за жестокое обращеніе и совѣтовать избѣгать фанатизма. Долгоруковъ пишетъ Протасову: «Въ религіозныхъ дѣлахъ мученическій вѣнецъ есть самая большая слава, а въ здѣшнемъ краѣ религіознымъ фанатизмомъ немедленно воспользуется и политическій». За это Сѣмашко, Зубко и др. обвиняли Долгорукова въ религіозномъ индиферентизмѣ и въ покровительствѣ полякамъ. Для Сѣмашки чрезвычайно характерно столкновеніе, происшедшее у него впослѣдствіи съ ген.-губ. Сѣверо-Западнаго края В. И. Назимовымъ. Послѣдній въ 1859 г. наложилъ взысканіе на исправника, примѣнившего по отношенію къ «бывшимъ» униатамъ тѣлесное наказаніе. Сѣмашко протестовалъ противъ кары, наложенной на исправника²⁾.

Конечно, эти столкновенія духовнаго миссіонерства съ гражданскими властями не измѣняли общаго характера готовящагося возсоединенія униатовъ съ матерью-церковью. Вмѣшательства этой высшей власти были рѣдки, и по большей части объ власти дѣйствовали рука объ руку. Всѣ вводимыя въ греко-униатскую церковь преобразованія считались «чисто административнымъ дѣломъ»³⁾. Полиція и миссія постепенно брали непріятельскія крѣпости, какъ характерно однажды выразился Николай I по поводу доклада Блудова о новыхъ добровольныхъ присоединеніяхъ къ православію: «Вотъ и еще уничтожили нѣсколько непріятельскихъ крѣпостей». По мѣрѣ того, какъ одни брали непріятельскія крѣпости, а другіе подготавливали ихъ сдачу, приближалось время назначенія общей капитуляціи. Въ 1837 г. униаты были переданы изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдѣніе синода, т.-е. этимъ какъ бы уничтожилось признание за унией характера самостоятельнаго вѣроисповѣданія, — униатская коллегія становилась отдѣленіемъ только вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ слѣдующемъ году (23 февраля) умеръ митрополитъ униатскій Булгакъ, человѣкъ безхарактерный, но въ душѣ державшійся мнѣній своихъ предшественниковъ — Лисовскаго и Красовскаго, т.-е. стремившійся къ признанію униі самостоятельнымъ вѣроисповѣданіемъ и тѣмъ самымъ кос-

¹⁾ Виленскій, гродненскій, бѣлостокскій и минскій въ 1831—1840.

²⁾ Записки. II, 651—55.

³⁾ Житомирскій губернаторъ Масловъ попросту, напр., предписалъ всѣмъ владѣльцамъ имѣній въ 1837 г. устроить алтари въ теченіе 7 мѣс. по православному образцу. Никакого согласія здѣсь и не спрашивалось.

венно препятствовавшій правительственнымъ начинаніямъ полной ассимиляціи уніи съ православіемъ. Это былъ *послѣдній* уніатскій митрополитъ, замѣстителемъ его явился І. Сѣмашко, въ качествѣ предсѣдателя уніатской коллегіи: «пробилъ послѣдній часть уніи», по выраженію современника. Въ томъ же году Сѣмашко представилъ докладную записку о своевременности изданія акта присоединенія—о высочайшемъ указѣ согласно желаніямъ, выраженнымъ всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ. Это согласіе было въ дѣйствительности болѣе, чѣмъ сомнительно. Даже по официальнымъ даннымъ на 1200 священниковъ литовской и бѣлорусской епархіи, давшихъ согласіе на присоединеніе, около 600 не дали его. Конечно, давшіе были «наиболѣе образованные» и болѣе авторитетные. Это отчасти вѣрно, такъ какъ высшее духовенство гораздо болѣе склонно было итти на компромиссъ, чѣмъ низшее, связанное болѣе тѣсными узами съ интересами населенія. Мнѣнія же народнаго официальныя устроители соглашенія не считали нужнымъ спрашивать: «народъ не окажетъ сопротивленія., поэтому довольно и согласія начальствующаго духовенства»—таково было мнѣніе мудраго Филарета. Надо ли говорить, что значительная часть подписавшихъ заявленіе объ уничтоженіи уніи дѣлало это не вполне добровольно. 111 бѣлостокскихъ священниковъ въ ноябрѣ 1838 г. подали всеподданнѣйшее прошеніе, ссылаясь на ст. 45 Основн. Зак., гарантировавшую всѣмъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ свободу вѣры. Жалобщики ссылались и на ст. 73, не позволявшую принудительнымъ способомъ обращать въ православіе; просили о назначеніи особаго уніатскаго архіерея. Но вѣдь официально никто не принуждалъ—подписывались добровольно, а тѣ, кто протестовалъ, дѣлали это по фанатизму, по наущенію интригующихъ іезуитовъ и т. д. «Никто не принуждалъ къ измѣненію своей вѣры... Отвѣтъ Богу дадутъ только тѣ, которые принуждали къ перемѣнѣ религіи простыхъ людей или корыстнымъ видомъ или обѣщаніями или подстрекательствомъ»,—писалъ современникъ, проф. Мих. Бобровскій¹⁾. Недаромъ еще въ 1833 г. оберъ-прокуроръ синода Нечаевъ впушалъ Смарагду: «нужно намъ пріобрѣсти сердца, а не стѣны».

Секретный комитетъ по уніи, состоявшій изъ Бенкендорфа, Блудова, Киселева и Протасова, въ засѣданіяхъ 22 и 26 декабря 1838 г., рѣшилъ, что сердца уже пріобрѣтены (о сердцахъ массы, какъ мы знаемъ, никто не заботился) и что можно съ уніей покончить. Несмотря на то, что всегдашній экспертъ по религіознымъ дѣламъ, Филаретъ московскій, и говорилъ, что народныхъ

¹⁾ «Рус. Ст.» 1889, V, 344.

волненій нечего опасаться, въ правительственныхъ кругахъ этого все-таки очень побаивались. И поэтому въ тѣхъ же засѣданіяхъ секретнаго комитета было рѣшено подѣ благовиднымъ предложеньемъ ввести войска въ сомнительныя уѣзды. На слѣдующее засѣданіе были вызваны генераль-губернаторы Дьяковъ и Долгоруковъ, которымъ на мѣстахъ приходилось осуществлять высочайшую волю объ уничтоженіи уніи, и въ ихъ присутствіи была разработана особая инструкція о поведеніи гражданскихъ властей въ возможные тревожные моменты, о вызовѣ войскъ и т. п.; между прочимъ, было постановлено «мятежниковъ» предавать *военному суду*.

Затѣмъ губернаторы разослали предводителямъ дворянства конфиденціальныя письма съ предложеньемъ объявить помѣщикамъ, что вопросъ объ уніи рѣшенъ, и что помѣщики, «какъ прирожденные полицеймейстеры въ своихъ имѣніяхъ, отвѣчаютъ за всякій въ нихъ безпорядокъ»... Предложеніе сопровождалось угрозой: «въ случаѣ малѣйшаго безпокойства» имѣнія будутъ «поручаться опекунскому управленію». Такимъ образомъ, несмотря на недовѣріе къ полякамъ-помѣщикамъ, правительство обращалось все-таки къ своимъ «прирожденнымъ полицеймейстерамъ»...

30 марта 1839 г. унія кончила свое официальное существованіе. «Дѣло, запечатлѣнное кровью блаженнаго Іосафа Кунцевича¹⁾,—по выраженію Василія Лужинскаго,—было погребено въ Петербургѣ съ подобающимъ торжеству церемоніаломъ». Такъ было въ Петербургѣ, гдѣ полагали, что унія отнынѣ «умерла» и дѣло, запечатлѣнное «кровью Кунцевича», «погибло», но какъ же было на мѣстахъ, гдѣ жили тѣ уніаты, религія коихъ была признана бюрократическимъ размышленіемъ упраздненной?

Открытаго бунта, котораго боялись въ секретномъ комитетѣ, не произошло,—Филаретъ оказался вновь провидцемъ. Но этого не произошло вовсе не оттого, что населеніе сочувственно встрѣтило актъ уничтоженія уніи, не оттого, что оно добровольно отреклось отъ схизмы, въ которой его держали принужденія помѣщиковъ, а потому, что торжественнаго объявленія объ упраздненіи уніи на мѣстахъ въ сущности и не было: правительство всѣми мѣрами заботилось, чтобы не происходило публичнаго оглашенія высочайшаго указа, чтобы отъ правительственнаго акта не было «впечатлѣнія въ народѣ»—такъ въ дѣйствительности были подготовлены сердца къ встрѣчѣ радостной вѣсти объ избавленіи отъ вѣкового плѣненія въ тенетахъ уніатства.

¹⁾ Полоцкій уніатскій архіепископъ, убитый православными въ Витебскѣ въ 1623 г.

Переставшая официально существовать унія на практикѣ, конечно, продолжала свое существованіе. И послѣ 1839 г. продолжались тѣ же мѣры приуготовленія, какъ и до 1839 г. Уніатское населеніе не считалось уже болѣе уніатскимъ, продолжая имъ быть. Получилось на многіе годы своеобразное положеніе, тяжело, конечно, отзывавшееся на населеніи: не было уніатовъ, но были уніатствующіе, какъ мѣтко выразился епископъ тверской Савва. Только въ этомъ измѣненіи названія и произошла дѣйствительная перемѣна. Открывается эра долготѣней и упорной борьбы гражданскихъ и духовныхъ властей съ упорствующими или, вѣрнѣе, съ тѣми, которые и не думали отказываться отъ вѣры отцовъ, но официально уже числились въ рядахъ православія.

Эта борьба въ отдѣльныхъ общинахъ, захватившая десятилѣтія, велась, въ свою очередь, со всѣми приемами, обычными для полицейскаго абсолютизма николаевской эпохи. Анналы превращенія уніатовъ въ православныхъ полны описаніями инцидентовъ, гдѣ фигурируютъ воинскія команды, сѣченіе и пр. Будетъ слишкомъ однообразно ихъ описывать.

Православные церковные историки и въ данномъ случаѣ склонны отрицать насилія: все это, конечно, только измышленія католическаго духовенства. Заграничная печать того времени, а равно всѣ изслѣдованія объ уніи, вышедшія изъ-подъ пера католическихъ или уніатскихъ писателей¹⁾, рисуютъ намъ картины самаго грубаго полицейскаго насилія надъ совѣстью такъ называемыхъ упорствующихъ. Безспорно католическіе писатели чувствуютъ такую же ненависть къ православной схизмѣ, какую питаютъ къ нимъ православные церковные писатели. Этой враждой пропитаны католическія сочиненія объ уніи въ Россіи. Едва ли поэтому приходится сомнѣваться, что многіе изъ разсказовъ о насиліяхъ, записанные со словъ очевидцевъ, по слухамъ и т. д., весьма преувеличены и неточны. Вѣроятно, краски часто сгущались, а детали мѣстами, быть можетъ, и измѣнялись. По крайней мѣрѣ какъ-то не хочется вѣрить въ возможность тѣхъ жестокостей, съ описаніями которыхъ мы встрѣчаемся въ иностранныхъ источникахъ. Разсказываютъ, напр., что уніаты въ одномъ мѣстѣ спрятались отъ солдатъ, вводившихъ православіе, на льду озера, который началъ уже таять. Думали, что команда не рѣшится приблизиться. Тогда солдаты рубятъ ледъ вокругъ того мѣста.

¹⁾ См. *Пелешъ*. «Geschichte der Union der ruthenische Kirche mit Rom» (1880 г.); *Ликовскій*. «Historya unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim» (1875); «Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku» (1880 г.).

гдѣ собрались упорствующіе,—и 22 человѣка погибли... Нѣтъ никакихъ возможностей точно провѣрить подобныя сообщенія. Но при всемъ томъ общая картина, рисуемая католическими и уніатскими историками¹⁾,—вѣрна, къ сожалѣнію, въ этомъ не приходится сомнѣваться. И не только потому, что дѣйствія противъ уніатовъ мы можемъ сопоставить съ аналогичными фактами изъ миссіонерской дѣятельности николаевского правительства въ другихъ мѣстахъ, но многіе факты подтверждаются намъ изъ другихъ источниковъ. То, что дѣлалось съ уніатами въ позднѣйшее время, даетъ отчетливую картину того, что было въ 30—40 гг. въ моментъ officialнаго обрусѣнія уніатовъ. Въ свое время особенно на шумѣла исторія съ монахинями минскаго женскаго монастыря, во главѣ съ игуменьей Макриной Мечиславской,—на шумѣла потому, что здѣсь было замѣнено имя І. Сѣмашки, считавшагося главнымъ виновникомъ всѣхъ происшедшихъ пертурбацій. 35 монахинь-базиліанокъ, нежелавшихъ отказаться отъ уніи, были въ 1839 г. взяты подъ стражу. Надъ ними совершили рядъ издѣвательствъ: морили голодомъ, сѣкли, зашивали въ мѣшки и купали въ озерѣ. Мечиславская яко бы бѣжала и за границей рассказала о мученіяхъ. Исторія была опубликована въ парижскихъ газетахъ и произвела въ общественномъ мнѣніи Западной Европы такое сильное впечатлѣніе, что русскому правительству пришлось выступить съ officialнымъ опроверженіемъ—никакой Макрины Мечиславской среди монахинь даже не было. Вся исторія выдумана католиками. Исторіи съ Макриной посвящены многія страницы въ русскихъ изслѣдованіяхъ: свящ. Морошкинъ прямо заявлялъ въ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1872 г. въ «Вѣстникѣ Европы», что исторію съ Макриной выдумалъ «старый кознодѣй и заклятый врагъ Россіи Адамъ Чарторыйскій». Быть можетъ въ перипетіяхъ Макрины Мечиславской и 35 монахинь много придумано, равно какъ и въ свѣдѣніяхъ, что 100 уніатскихъ священниковъ были отправлены въ Сибирь и тамъ погибли по тюрьмамъ. Но что десятки священниковъ ссылались во внутреннія губерніи за упорство, это—несомнѣнно; что десятки лишались сана, мѣсть и т. д.—такъ же несомнѣнно. Фактовъ ссылки не могутъ отрицать и наши церковные писатели. Между прочимъ, наиболѣе упорные ссылались въ Курскъ—во временную обитель, учрежденную по сношенію съ М. Н. Муравьевымъ. Католическіе писатели говорятъ объ ужасномъ содержаніи заключенныхъ (на содержаніе ихъ отпускались деньги изъ общихъ капи-

¹⁾ Наиболѣе рѣзкій протестъ противъ дѣйствій русской власти послѣдовалъ въ 1841 г. со стороны уніатскаго митрополита въ Галиціи М. Левицкаго.

таловъ греко-уніатскаго духовенства). Православные историки утверждаютъ обратное. Курскій губернаторъ своимъ сообщеніемъ въ 1840 г. выводитъ среднюю линію; онъ сообщаетъ, что долженъ былъ изъ собственныхъ денегъ выдать 100 р. на содержаніе узниковъ, чтобы они «не умерли съ голода». Съ другой стороны, когда самъ Сѣмашко намъ скажетъ, что въ Полоцкѣ 27 священниковъ были подвергнуты «строжайшему наказанію»,—едва ли приходится сомнѣваться, что эти «строжайшія» наказанія были дѣйствительно очень строги. Русскіе церковники признаютъ, что не всѣ уніаты сразу отдались православію,—*исключенія* были и касались тѣхъ мѣстностей, гдѣ была сильна пропаганда католическихъ ксендзовъ. О такихъ исключеніяхъ будетъ говорить, пожалуй, наиболѣе объективный прот. Шавельскій, авторъ послѣдней работы объ уніи. Въ сущности можно нарисовать такую, отличающуюся подлинностью, общую картину того, что было на мѣстахъ послѣ 1839 г. Тамъ, гдѣ населеніе *активно* противо-дѣйствовало обращенію въ православіе, тамъ на помощь духовенству являлась полиція, а за ней войска. Притомъ нерѣдки были сцены, когда полицейскія власти выбрасывали церковные уніатскіе предметы изъ храмовъ, а затѣмъ начинали чуть ли не поголовное сѣченіе до тѣхъ поръ, пока не будетъ признанъ переходъ въ православіе. Источники констатируютъ и факты насильственного причащенія: причастіе всовывается въ ротъ (разсказы о могилевскомъ губернаторѣ Энгельгардтѣ). Затѣмъ войска остаются въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ на иждивеніи населенія, разоряемаго этими постоями, войска остаются до тѣхъ поръ, пока не явится «добровольное» согласіе подчиниться требованіямъ православныхъ властей. Затѣмъ идутъ штрафы: штрафы за некрещеніе дѣтей, за нехожденіе въ церковь къ исповѣди и причащенію, за неношеніе бороды священниками и пр. Принужденія не было—говорятъ намъ отечественные историки уніи. «Было только не противное законамъ *содѣйствіе* правительства духовенству къ охраненію присоединенныхъ къ православію отъ дерзкаго противо-дѣйствія неблагонамѣренныхъ людей. Развѣ только *праведное* обузданіе сихъ людей захотятъ назвать насиліемъ». Но недостаточно ли привести только что процитированныя слова І. Сѣмашки, чтобы характеризовать систему воссоединенія?

Мы увидимъ, что всѣ мѣры обращенія въ сущности были довольно безрезультатны, и черезъ 20 лѣтъ уніаты, офиціально числившіеся православными, продолжали на дѣлѣ быть «уніатствующими». Эту безрезультатность приходилось негласно признать самимъ дѣятелямъ по уничтоженію уніи, столь мало считавшимся съ мнѣніемъ народной массы. Протасовъ уже въ 1839 г.

констатируетъ, что событія явно обнаруживаютъ «несвоевременность распоряженій о преобразованіи», ибо почти повсемѣстно наблюдалось, что тамъ, гдѣ прихожане «не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія», населеніе просто игнорировало новыя церковныя преобразованія: въ новыхъ приходахъ «никто» не ходитъ къ исповѣди. Ген.-губернаторъ Бибиковъ свидѣтельствовалъ, что воссоединенные «готовы измѣнить» «при первомъ случаѣ». И воссоединившихся добровольно приходилось долгіе годы, и все безуспѣшно, оберегать, какъ выражался Филаретъ, «отъ ветхаго кваса униі»; несмотря на то, что квась былъ «ветхій», оберегать отъ него приходилось черезъ полицейскія власти и солдатскія команды, черезъ штрафы, сѣченіе, административную высылку...

Приведемъ лишь двѣ довольно типичныхъ исторіи въ двухъ общинахъ: одной Могилевской губ., другой—Витебской. Приходъ въ с. Дудаковичи. Крестьяне не допускаютъ преобразованія бывшей униатской церкви въ храмъ православнаго образца. Въ церкви на этой почвѣ постоянныя столкновенія. Въ вербное воскресенье 1841 г. происходитъ вмѣшательство полиціи. Толпа съ цѣпами и вилами прогоняетъ полицію. Является тогда могилевскій губернаторъ Энгельгардтъ съ батальономъ пѣхоты. Толпа продолжаетъ не пускать въ церковь. Войска окружаютъ толпу и держатъ ее до четверга страстной. Измученная голодомъ и холодомъ, толпа постепенно таетъ. Войска занимаютъ церковь, затѣмъ отъ населенія требуется офиціальное признаніе совершившагося перехода. Хватаютъ старшихъ и начинаютъ сѣчь, спрашивая черезъ каждые 100 розогъ согласіе на православіе. Община покорена. Попытка послать ходатаевъ въ Петербургъ безрезультатна: посланцы наказаны палками и отданы въ солдаты. Но борьба въ общинѣ продолжается и длится 11 лѣтъ безостановочно. Путемъ подкупа мѣстнаго священника и полиціи удается избѣжать послѣдствій, связанныхъ съ офиціальной принадлежностью къ церкви: дѣтей не записываютъ, въ церковь не ходятъ. Впрочемъ, жизнь и въ эти благословенные 11 лѣтъ нарушается наѣздами начальства. Тутъ происходитъ подчасъ насильственное крещеніе незаписанныхъ дѣтей. Все это нерѣдко сопровождается драматическими сценами на почвѣ возбужденнаго преслѣдованіями религіознаго фанатизма, напр., женщина разбиваетъ о камень своего младенца, когда его казаки тащатъ крестить. Такъ тянется до 1854 г., когда вновь появляется губернаторъ съ войсками и подъ угрозой ссылки достигаетъ нужной подписки о неуклоненіи изъ православія. Подписка была дана добровольно... Другая аналогичная картина въ общинѣ Дзерковицы Бѣльскаго у. Витебской губ. 1842 годъ. Населеніе не же-

ласть ходить въ свою бывшую униатскую церковь, превращенную въ православный храмъ, и предпочитаетъ ходить въ сосѣднюю католическую каплицу. Последнюю закрываютъ. Опять полиція, войска силою сгоняють народъ въ церковь. Происходитъ то же, что въ Дудаковичахъ. Подкупленныя мѣстныя власти молчатъ до 1857 г. Населеніе приноситъ жалобы на Высочайшее имя. Это было уже въ новое царствованіе. Присылается ревизоръ, сенаторъ Щербининъ, при которомъ лишь повторяются уже бывшія сцены сѣченія и пр. Черезъ мѣсяцъ кровавая расправа въ Пороцѣ Волковицкаго у. Гродненской губ., гдѣ адъютантъ Назимова, Поповъ, такъ перепоролъ несогласныхъ, что многіе изъ нихъ умерли. Въ 1860 г. аналогичныя событія въ рядѣ уѣздовъ Гродненской и Могилевской губерній.

Мы отмѣчаемъ эти факты не потому, что они представляютъ собой нѣчто изъ рядъ вонъ выходящее. Нѣтъ, это были обычныя и повсемѣстныя явленія. Но эти факты зарегистрированы не только польской прессой, эти факты имѣются не только въ исторіяхъ, написанныхъ католическими писателями, они зарегистрированы корреспондентами Герценовскаго «Колокола». «Сѣкущее православіе» — такъ озаглавилъ Герценъ одно изъ подобныхъ сообщеній¹⁾. «Бѣшенство православія» — подъ этимъ заголовкомъ у Герцена рассказъ о томъ, какъ въ Дзерковичахъ жандармскій полковникъ Посевъ сѣчетъ «закоснѣлыхъ» униатовъ и какъ ему удалось «всѣхъ православіе». Дѣйствительно добровольно, по внутреннему тяготѣнію, принятое въ 1839 г. униатами православіе по истинѣ всѣкается черезъ 20 лѣтъ. А далѣе еще сообщеніе «Колокола» (1860 г., №№ 77—78) по поводу событій въ Ковенской губ.: ген.-губ. Назимовъ доводитъ униатовъ «до героизма, до мученичества, до того, что католики ихъ должны считать святыми»... «Сѣкущее православіе» едва ли могло вызвать какое-либо сочувствіе со стороны массы. Совершенно естественно, что въ результатѣ получалось обратное тому, чего хотѣли достичь: населеніе, лишенное возможности отправлять униатскій обрядъ, готово было склониться къ католичеству. Православіе должно было служить «знаменемъ русскихъ началъ и народной жизни» — писалъ М. Н. Муравьевъ. Православіе должно было содѣйствовать обрусѣнію края, быть защитой униатовъ отъ посползновенія на нихъ со стороны католичества. На дѣлѣ выходило иное. Дѣятели по воссоединенію униатовъ находились, въ сущности, въ крайне благоприятныхъ условіяхъ, ибо униаты чувствовали себя гораздо ближе къ православію, чѣмъ къ католичеству. Униаты считали

¹⁾ «Колоколь» 1858, № 27.

свою вѣру русской. Будущій усмиритель сѣверо-западнаго края Муравьевъ самъ подчеркнул это въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ 12 октября 1834 г.—онъ указывалъ, что населеніе равнодушно относится къ перемѣнѣ, даже сочувственно, полагая, что «прежнее ихъ богослуженіе было русское холопское, а нынѣ вводимое есть русское панское». И сдѣлали такъ, что равнодушно относившееся яко бы къ перемѣнѣ населеніе вездѣ въ концѣ концовъ отвѣчало: «не хотимъ вѣры ломать».

Вдохновитель реформы 1839 г. Сѣмашко, черезъ двадцать лѣтъ, въ запискѣ своей, 26 февраля 1859 г., обмолвился знаменательными словами: «теперь,—писалъ онъ,—стоитъ серьезно подумать: утвердить ли навсегда плоды трудовъ императора Николая или же отдать въ распоряженіе польской партіи созданное имъ новое поколѣніе». Мы знаемъ, что отвѣтъ на эту записку былъ: нѣтъ не отдавать, и потому, вѣроятно, на 1858—61 гг. падаютъ наибольшія репрессивныя мѣры. Характерно не то, что рѣшили не отдавать «польской партіи» новое поколѣніе униатовъ,—характерна самая постановка вопроса черезъ 20 лѣтъ послѣ блестяще выполненнаго присоединенія. Успѣха отъ новаго воздѣйствія на «новое поколѣніе» униатовъ не получилось, какъ и въ прежніе годы, что свидѣтельствуетъ въ запискѣ нач. 60 гг. арх. могилевскій Анатолій: «Не прошло и 20 лѣтъ,—писалъ онъ,—со времени возсоединенія униатовъ, какъ въ томъ же самомъ народѣ уже явились мысли обращенія въ латинство, которое совершалось бы въ обширныхъ размѣрахъ, если бы правительство не предупредило путей совращенія» ¹⁾. Причины неуспѣха православія среди униатовъ Анатолій видѣлъ въ утратѣ духовенствомъ «нравственнаго вліянія на паству». Конечно, въ словахъ Анатолія была доля правды. За 20 лѣтъ дѣлали все, чтобы отнять у пастыря его моральный авторитетъ передъ тѣми, которые стойко продолжали держаться своихъ религіозныхъ традицій. Уніатскій священникъ—священникъ холопскій по преимуществу, являвшійся въ былые годы защитникомъ населенія передъ панскимъ произволомъ, насилувавшимъ нерѣдко вѣру своего крѣпостного,—теперь уже не являлся народнымъ защитникомъ. Скорѣе уже панъ въ области религіозной дѣлался нѣкоторой опорой населенія. Такъ перемѣнились роли,—и общія жалобы 50—61 г., что уніатское населеніе не обращается къ новому духовенству, предпочитая или самостоятельно отправлять нужныя требы, или итти къ сосѣднему ксендзу.

Польское возстаніе въ 1863 г. дало поводъ для новыхъ преслѣдованій бывшихъ униатовъ. Возстаніемъ воспользовались для

¹⁾ «Кіев. Ст.» 1882, № 2, 315.

усиленія обрусительной политики; «не случись возстанія,—замѣчаетъ одинъ изъ сподвижниковъ Муравьева—то черезъ какіе-нибудь 10—20 лѣтъ великое дѣдо Сѣмашки погигло бы безслѣдно»¹⁾. Едва ли однако, когда Муравьевъ, высылая уніатовъ, «кстати, чтобы спокойнѣе было», сожигалъ старые молитвенники, отбираемые у населенія, превращалъ изображенія Іос. Кунцевича, чтимаго уніатами, въ Василія Великаго или Николая Чудотворца²⁾,—онъ содѣйствовалъ тѣмъ самымъ процвѣтанію русскихъ началъ и православія среди уніатствующихъ. Наоборотъ, приходится констатировать отпаденіе въ «небывалыхъ размѣрахъ». Духовное миссіонерство, по своей убогости, объясняло это явленіе халатностью гражданской власти, которая не оказываетъ достаточнаго содѣйствія насажденію православія. Вотъ характерное донесеніе шумскаго благочиннаго литовской духовной консисторіи въ 1868 г.: «такъ какъ въ началѣ присоединенія къ православію гражданская власть и полиція принимала въ томъ самое живое и дѣятельное участіе и по начальному порядку присоединенія оныя были почти *вседѣйствующими*, а нынѣ, уже болѣе года, оныя власти не оказываютъ ни малѣйшаго содѣйствія въ присущихъ безпорядкахъ, а потому состояніе и ходъ православія представляетъ очень *неутѣшительное положеніе*». Мало прозорливый благочинный въ этомъ рапортѣ подписалъ смертный приговоръ всему «сѣкущему православію», но въ дѣйствительности жаловаться на бездѣйствіе гражданскихъ властей отнюдь не приходилось. Припомнимъ, что именно въ это время Катковъ требовалъ, чтобы даже въ католическихъ церквяхъ въ западномъ краѣ слово церковныхъ проповѣдниковъ раздавалось не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, и принимались весьма рѣшительныя мѣры противъ совращенія уніатствующихъ (въ этомъ отношеніи характерна дѣятельность такихъ даже людей, какъ кн. В. А. Черкасскій, состоявшій директоромъ правительственной комиссіи духовныхъ и внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ). Это было время, когда даже прежніе дѣятели по воссоединенію уніатовъ, какъ, напр., еписк. Василій Лужинскій, были признаны неподходящими къ тогдашнему курсу политики обрусѣнія. Лужинскій былъ заподозрѣнъ Муравьевымъ и его приспѣшниками въ сочувствіи къ уніи. Муравьевъ считалъ необходимымъ удалить бывшаго уніатскаго епископа. Обратились, какъ всегда, «за совѣтомъ къ мудрому московскому архіепископу Филарету»: неудобно было удалить изъ епархіи одного изъ главныхъ дѣятелей по воссоединенію. По совѣту Филарета, Лужинскій былъ вызванъ для

¹⁾ *Захарьинъ* (Якунинъ). Тѣни прошлаго, стр. 206.

²⁾ *Савва*. Воспоминанія III. 431.

присутствія въ Синодъ. Въмѣсто него былъ назначенъ епископъ тверской Савва. И первое впечатлѣніе новаго архіерея, мало знакомаго до того времени съ униатскимъ вопросомъ, было крайне неблагопріятно: «православные храмы пусты», а «костелы наполняютъ православные крестьяне». Эти впечатлѣнія новаго чловека относятся къ 1866 г. Аналогичныя впечатлѣнія вынесутъ и другіе наблюдатели эпохи, настроенные въ православномъ духѣ,—мировой посредникъ запад. губ. А. В. Рачинскій и де-Пуле. Послѣдній писалъ И. С. Аксакову 21 октября 1866 г. изъ Вильно: «здѣшнее православіе весьма слабо» оно «объуниатчено» ¹⁾...

Казалось, результаты безплодной сорокалѣтней дѣятельности были налицо и указывали наглядно тотъ путь, по какому должны были итти обрусители и насадители православія, если желали достигнуть реальныхъ результатовъ. Но здѣсь, какъ всегда въ бюрократическомъ мірѣ, важнѣе всего была видимость—вѣдомственная отчетность: униіи официально не было и униатствующіе числились по росписямъ православными.

Однако и съ этой формальной стороны предстояло еще завершить дѣло: въ предѣлахъ областей, причисленныхъ къ Россіи, оставались униаты въ такъ называемой Холмщинѣ. «300.000 униатовъ Царства Польскаго простираютъ руки къ Россіи», писалъ Сѣмашко 3 октября 1837 г. На этихъ-то униатовъ и было обращено вниманіе въ новое царствованіе. Послѣ официального уничтоженія униіи въ 1839 г. въ Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской губерніяхъ продолжали существовать униаты подъ управленіемъ особой холмской униатской епархіальной консисторіи. Съ 1868 г. и здѣсь началось «очищеніе обрядовъ униатской церкви», при чемъ до точности копировались мѣропріятія 30 и 40 гг. Наибольшимъ рвеніемъ въ данномъ случаѣ отличался сѣдлецкій губернаторъ Громека. Въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ Ликовскаго, а также въ спеціальной работѣ Р. І. К. «*Martyrologium czyli Męczeństwo. Unii na Podlasiu*», вышедшей въ 1905 г. въ Краковѣ, собраны подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Громеки. Передъ нами проходитъ рядъ вопіющихъ случаевъ, тѣмъ болѣе возмущающихъ, что они имѣли мѣсто не въ жестокое николаевское время, а въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за «великими реформами», за отмѣной тѣлесныхъ наказаній, введенія судебныхъ учреждений, гласности и пр.; въ эпоху, когда въ центрѣ вырабатывались измѣненія принциповъ старой вѣроисповѣдной политики въ духѣ вѣротерпимости, вырабатывались законодательныя нормы, легшія

¹⁾ Изъ переписки де-Пуле съ Аксаковымъ, переданной редакціи О. Г. Аксаковой.

въ основу закона 3 мая 1883 г., нѣсколько облегчавшія положеніе всякаго рода инакомыслящихъ религіозныхъ группъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ работахъ Ликовскаго и у автора, скрывшаго свое имя подъ инициалами Р. І. К., почерпнуты не всегда изъ достовѣрныхъ источниковъ. Книга Р. І. К. написана въ крайне враждебномъ тонѣ ко всему русскому и въ частности къ православію. Все это заставляетъ, какъ и раньше въ аналогичныхъ случаяхъ, къ приводимымъ даннымъ относиться съ осторожностью: всѣ эти «разказы и записки униатовъ» о происходившемъ, какъ это часто бываетъ съ свидѣтельскими показаніями, вѣроятно, страдают и неточностью, и преувеличеніемъ. Это еще разъ надо подчеркнуть и имѣть въ виду при чтеніи описанія безконечной цѣпи насилій надъ вѣрой, происходившихъ въ 1874—75 гг. въ пятидесяти шести приходахъ, свѣдѣнія о которыхъ собралъ скрывшійся подъ инициалами авторъ. У него въ разсказѣ стойкими оказываются даже трехлѣтнія униатскія дѣти, которыя, вырываясь изъ рукъ солдатъ, кричатъ: «не хотимъ вашего крещенія, я уже былъ крещенъ въ костелѣ»... Отбросить, однако, эти преувеличенія нетрудно. И на общемъ фонѣ ярко вырисовывается знакомая уже намъ картина по дѣятельности николаевскихъ жандармовъ. Православіе водворялось въ Холмской Руси при посредствѣ военныхъ экзекуцій, или такимъ путемъ «только» очищался «славянскій обрядъ униатовъ», по выраженію начальника Бѣльскаго у., полк. Девель. Что это было дѣйствительно такъ, мы видимъ хотя бы изъ разсказа русскаго чиновника, Н. Х. Померанцева, бывшаго прокурора сѣдлецкаго окружнаго суда ¹⁾. Введеніе судебныхъ учреждений въ Царствѣ Польскомъ (1876 г.) какъ разъ совпало съ дѣятельностью Громеки. И судъ вскрылъ подоплеку того, что представляло собой въ дѣйствительности «блестящее воссоединеніе» униатовъ, отпразднованное, какъ и раньше, «съ особой торжественностью, молебствіями, красно-рѣчивыми реляціями въ «Прав. Вѣстн.» и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ благомъ дѣлѣ». Оказалось, что это блестящее воссоединеніе униатовъ въ Холмской Руси было не чѣмъ инымъ, по выраженію А. Θ. Кони, познакомившагося съ униатскими дѣлами по сенатской практикѣ ²⁾, «какъ созданнымъ довольно беззащитными руками административнымъ міражемъ». Громека,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Померанцевъ,—очищая обряды униатской церкви, «обходилъ села съ войсками... непокорныхъ подвергая тѣлеснымъ наказаніямъ и затѣмъ отсылая ихъ въ тюрьмы». Громека со своими рьяными помощниками,

¹⁾ «Русск. Мысль» 1909 г., № 1.

²⁾ «Русск. Ст.» 1909 г., № 2.

уѣздными начальниками, шт.-кап. Клименко, шт.-кап. Головинскимъ, полк. Девелемъ, и др. доходилъ иногда до виртуозности въ изобрѣтеніи способовъ обращенія униатовъ въ православіе. Не было униатскаго прихода, гдѣ не происходило бы вопіющихъ своимъ беззаконіемъ насилій, заканчивающихся разстрѣлами «мятежниковъ», т.-е. упорствующихъ въ своей вѣрѣ. Казацкія нагайки, штрафы (отъ 10—25 р. съ человѣка), насильственное крещеніе дѣтей, аресты, высылки, контрибуціи (до 9000 р. съ общины)—вотъ обычные пріемы, практиковавшіеся вновь въ 1874—75 гг. Бывали случаи, когда пороли все населеніе, безъ исключенія (въ томъ числѣ и женщинъ), отъ 16—80 лѣтъ, съ цѣлью заставить принять новые молитвенники или новыхъ священниковъ. Зарегистрированы случаи, когда до $\frac{1}{2}$ домохозяевъ того или иного села сидѣли въ тюрьмахъ за противодѣйствіе распоряженіямъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, а наиболѣе «вліятельные униаты» ссылались въ глубь Россіи. По свидѣтельству Померанцева, Громекой было, напр., выслано въ Екатеринославскую и Херсонскую губ. болѣе 400 человѣкъ, при чемъ всѣ высылаемые, по осмотру комиссіи, оказались изсѣченными. Мѣстами дѣло доходило до издѣвательства, напоминающаго намъ то, что происходило позднѣе, уже въ 90 гг., съ духоборами. Напр., шт.-кап. Клименко, удаленный Громекой за недостаточную энергію, въ м. Корницы, Констант. у., приказалъ мужикамъ и бабамъ дать по 25 розогъ, а затѣмъ заставилъ ихъ въ теченіи сутокъ на 18° морозѣ безъ шапокъ и платковъ сгребать снѣгъ съ дороги на поля и обратно. Безсмысленность работы особенно рѣзко подчеркиваетъ это издѣвательство надъ беззащитными, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они хотѣли молиться Богу по-своему. Но поведеніе шт.-кап. Клименко было найдено слишкомъ гуманнымъ. Его преемникъ, шт.-кап. Головинскій, попросту «запоролъ» наиболѣе активныхъ униатовъ... Полк. Девель въ Гродзискомъ приходѣ, Сокол. у., запрягалъ униатовъ въ сани и приказывалъ казакамъ погонять ихъ нагайками. Мѣстные администраторы доходили до утонченнаго тупоумія, приказывая, напр., униатамъ вырыть въ ночь колодецъ и подать утромъ священнику воды изъ этого колодца... Всего не перечтешь, да и ненужно...

Описанныя драгонады не могли, конечно, происходить вѣчно. Православіе было введено, и оставалось только слѣдить, чтобы не было отпаденій. Тѣлесное воздѣйствіе замѣнено было штрафами и тюремнымъ заключеніемъ: въ одной сѣдлецкой тюрьмѣ, по словамъ Померанцева, въ половинѣ 1876 г. содержалось болѣе 200 униатовъ и въ числѣ ихъ нѣсколько священниковъ. 23 апрѣля 1876 г. высочайшимъ повелѣніемъ было предоставлено губерна-

торамъ *право* налагать на «бывшихъ» уніатовъ штрафы за неисполненіе церковныхъ обрядовъ при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи. Этимъ возрожденіемъ старинныхъ русскихъ приемовъ борьбы съ религіознымъ разномысліемъ, поведшихъ свое начало отъ меркантильнаго времени Петра I, какъ бы узаконился административный произволъ. Правда, ему былъ поставленъ нѣкоторый предѣлъ—штрафы не должны были превышать 10 руб. Администрація и здѣсь сумѣла съ своеобразнымъ остроуміемъ обойти ограниченія. Штрафъ накладывался каждую недѣлю въ суммѣ отъ 5 до 7 руб., и въ результатѣ нерѣдко всего имущества крестьянъ не хватало на его уплату. Продавалось имущество упорствующихъ, а излишекъ отъ продажи не выдавался владѣльцамъ, а хранился въ гминной конторѣ—«на пополненіе будущихъ штрафовъ». Далѣе, казалось бы, уже некуда было итти...

Достигнуты ли были, по крайней мѣрѣ, здѣсь какіе-либо положительные результаты?

Для лицъ, признающихъ свободу совѣсти неотъемлемой чертой гражданскаго существованія, каковы бы ни были реальные результаты, достигнутые подобной политикой насилія надъ вѣрой и личностью,—они будутъ имѣть только отрицательное значеніе въ государственной жизни. Не большее значеніе должны имѣть эти реальные результаты для тѣхъ, которые признаютъ самодовлѣющую цѣнность за православіемъ, ибо православіе, которое всѣчено въ населеніе, не можетъ обладать силой внутренняго духа. Только «дуракъ, не простирающій даже своихъ понятій надъ счисленіемъ своихъ пальцевъ, утверждаетъ важно, что религія нужна только для политическихъ видовъ»,—заявлялъ въ 50 гг. арх. могилевскій Ант. Мартиновскій. Но и для тѣхъ, которые религію употребляли только, какъ политическое орудіе, насильственное внѣдреніе православія въ уніатскія сердца должны были приводить къ отрицательнымъ результатамъ: тамъ, гдѣ рождается фанатизмъ, неизбѣжный во времена преслѣдованій; тамъ, гдѣ является готовность умереть «за свою вѣру»,—религія плохое орудіе для политики. Результаты должны были получаться противоположные. Муравьевъ жестоко ошибся, утверждая, что, не будь I. Сѣмашки, его дѣятельность въ 1863 г. была бы бесплодна: уничтоженіе уніи содѣйствовало обрусѣнію края. Какъ мы видѣли изъ предшествующаго изложенія, событія, происходившія въ краѣ въ періодъ 30—60 гг., лишь открывали путь въ сердцахъ уніатовъ къ католичеству.¹⁾

¹⁾ Любопытнымъ эпизодомъ въ этомъ отношеніи является агитация, которую вели въ 1860—61 г.г. въ Польшѣ святоюрцы, т. е. монахи обители св. Георгія въ Галиціи. Привожу выдержку изъ имѣющагося

Административный миражъ съ воссоединеніемъ униатовъ разсѣивался очень быстро при столкновеніи съ жизнью. Громекинская политика привела лишь къ тому, что черезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія воссоединенія, $\frac{1}{4}$ бывшихъ униатскихъ приходоу въ Сѣдлецкой губ. «стали въ явно враждебное отношеніе къ православію». И ни штрафы, ни тюрьмы, ни многочисленныя судебныя дѣла, доходившія до сената, не могли остановить этого упорнаго противодѣйствія униатствующихъ. Рождался у «бывшаго» униата ребенокъ,—отца арестуютъ за то, что онъ не представилъ ребенка для крещенія православному священнику, и налагаютъ штрафъ. Населеніе платитъ штрафъ и предпочитаетъ крестить у ксендза въ костелѣ. Но такъ какъ ксензду это, въ свою очередь, грозитъ карой, отецъ предпочитаетъ крестить ребенка въ сосѣдней Галиціи, уплачивая двойной штрафъ—за самовольный переходъ границы. Умираетъ униатъ,—за самовольныя похороны уплачиваетъ штрафъ не только семейство покойнаго, но и всѣ присутствовавшіе на похоронахъ. Униаты вынуждены хоронить своихъ покойниковъ ночью, и затѣмъ кто-нибудь одинъ беретъ на себя вину, идетъ въ тюрьму, платитъ штрафъ. Начальство для борьбы съ тайными похоронами приказываетъ вырывать изъ земли незаконно похороненныхъ, доставлять въ церковь и вновь хоронить уже по православному обряду. Униаты начинаютъ хоронить своихъ покойниковъ не на кладбищахъ, а въ лѣсахъ и на поляхъ... Такъ идетъ долгая и неустанная борьба... Надо вѣнчать—молодые униатки предпочитаютъ жить въ домахъ родителей мужа въ качествѣ прислуги, имѣтъ незаконнорожденныхъ дѣтей, чѣмъ подчиняться насильственному обряду вѣнчанію... Таковы практическіе результаты.

Правительство оказалось безсильнымъ бороться съ народнымъ движеніемъ. Въ 1882 г. пришлось отмѣнить тѣ высочайшія повелѣнія, которыя облекали административныя власти особыми полномочіями въ дѣлѣ наблюденія за исполненіемъ бывшими униатами церковнаго православнаго устава. Въ 1890 г., какъ свидѣтельствуемъ А. Ѳ. Кони, прекратились и дѣла объ упорствующихъ. Что же, упорствующіе были сломлены? На это отвѣчаютъ намъ позднѣйшія официальные данныя, заключающіяся во всеподданныйшихъ отчетахъ оберъ-прокурора св. Синода.

у меня официальнаго донесенія объ этой проповѣди: «Они (т. е. монахи) увѣщевали и собирали подписки отъ униатскихъ священниковъ, уговаривая ихъ не вмѣшиваться въ политическія дѣла, устраниваться отъ латинянъ и стараться единственно о сохраненіи древнихъ положеній своей церкви, нравовъ и языка русинскаго народа, о учрежденіи школъ; они выставляли, какъ необходимость—уничтоженіе въ церквахъ органовъ и звонковъ, раздавали крестьянамъ разныя книжки, писанныя на русскомъ и польскомъ языкахъ въ защиту русской національности».

Отчетъ 1884 г. констатируетъ повсемѣстно наличность массы упорствующихъ, «желающихъ возвратиться въ католичество» ¹⁾: «изъ этихъ лицъ одни,—писалъ Побѣдоносцевъ,—официально считаясь въ православномъ исповѣданіи, въ дѣйствительности, благодаря тайнымъ подстрекательствамъ ксенздовъ и нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, продолжали оставаться въ латинствѣ; другіе же, хотя исполняютъ обряды и наставленія православной церкви, продолжаютъ питать въ настроеніи своемъ тяготѣніе къ латинству и весьма чутки ко всякому соблазну, клонящемуся въ сторону католичества»... Пройдетъ 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ не ослабѣетъ содѣйствіе гражданской власти духовенству въ борьбѣ съ католическимъ фанатизмомъ. Будутъ усиленно продолжаться тѣ административныя «высылки упорствующихъ въ отдаленныя мѣста имперіи», о которыхъ говорилъ всеподданнѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія въ 1884 г. Черезъ 10 лѣтъ результаты будутъ тѣ же. Отчетъ 1894—95 гг. констатируетъ вновь «упорное отчужденіе отъ православной церкви значительной части бывшихъ греко-уніатовъ и стремленіе ея къ переходу въ католицизмъ». «Вся эта масса коснѣющихъ въ уніатскихъ и католическихъ заблужденіяхъ,—говоритъ отчетъ,—или остается внѣ всякаго попеченія церкви, не исполняя никакихъ таинствъ и духовныхъ требъ, или тайно совершаетъ таковыя въ заграничныхъ и мѣстныхъ костелахъ. Всѣ упорствующие живутъ надеждою, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ... Всякое выдающееся событіе въ краѣ, въ родѣ перемѣны высшей администраціи, всякое событіе въ общегосударственной жизни Россіи возбуждаютъ въ нихъ ожиданія послабленій и правительственныхъ уступокъ въ ихъ пользу, въ чемъ ихъ усердно убѣждаютъ разные агенты латино-полонизма». Выводъ, казалось бы, ясный: самимъ Побѣдоносцевымъ осуждена господствующая религіозная политика, но Побѣдоносцевъ, вопреки требованіямъ логики, взывалъ къ еще болѣе строгимъ мѣрамъ борьбы съ упорствующими. А число послѣднихъ съ каждымъ годомъ возрастало даже по официальнымъ даннымъ: въ 1895—73 т. въ холмской-варшавской епархіи; 1896—77 т., 1897—83 т. Не ослабѣвало и «озлобленіе» упорствующихъ: «скорѣе утопимъ, чѣмъ крестимъ въ православной церкви». Упорствующие жили «надеждою, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ»,—надо было сказать: вернуться къ старой уніатской вѣрѣ. Долгіе годы эти надежды были тщетны: еще имп. Александръ II въ 1867 г. сказалъ, что никогда не допуститъ обратнаго

¹⁾ Здѣсь Побѣдоносцевъ нарочно употреблялъ невѣрные термины.

перехода въ унію. Но общегосударственныя условія, на перемѣну которыхъ возлагали надежду уніаты, не были неизмѣнчивыми.

Пришелъ 1905 г., принесшій съ собой то, что Побѣдоносцеву казалось утопіей. Несбыточныя мечтанія реализировались въ актѣ 17 апрѣля и 17 октября, провозгласившемъ начала вѣротерпимости. И послѣ этого фанатики религіозной нетерпимости удивлялись, что масса упорствующихъ потянула къ старой своей вѣрѣ!—Уніи не было только въ официальныхъ бумагахъ...

Прошли новыя 10 лѣтъ. Многое было взято назадъ, многія ожиданія 1905 г. не осуществились, многое вернулось къ старымъ порядкамъ и традиціямъ. И какъ разъ въ это переходное время въ многострадальномъ уніатскомъ дѣлѣ наступилъ новый этапъ. Казалось, начала реализоваться третья мечта «величайшаго церковно-общественнаго дѣятеля въ отечественной исторіи» (такъ именуетъ Кипріановичъ І. Сѣмашку). Говоря въ своей запискѣ 1837 г. о «еле живой» холмско-уніатской вѣтви, Сѣмашко замѣчалъ: «не худо было бы, кажется, въ дѣйствіяхъ на уніатовъ, обитающихъ въ Россіи, обращать вниманіе и на ихъ единовѣрцевъ за предѣлами Имперіи». Сѣмашко имѣлъ въ виду уже не «еле живую», а крѣпкую вѣтвь галиційскую. Судьбѣ угодно было поставить этотъ вопросъ передъ русскимъ обществомъ и русскимъ правительствомъ черезъ 75 лѣтъ.

Каково бы ни было происхожденіе уніи въ Галиціи, за болѣе чѣмъ двухсотлѣтній періодъ ея существованія она стала явленіемъ народнымъ, пустивъ крѣпкіе корни въ житейскомъ обиходѣ¹⁾. Унія нашла признаніе въ Австріи со стороны государственной власти и воплотилась въ опредѣленныя правовыя нормы. Было время, когда польскіе помѣщики сѣкли галиційскихъ крестьянъ за приверженность къ уніи, но уже съ конца XVIII в. унія получаетъ правовыя гарантіи свободы религіознаго исповѣданія. И это правовое обезпеченіе привело къ тому, что унія въ Австріи сохранилась въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ Россіи она была болѣе православной, чѣмъ унія русская. На это указывалъ еще въ 1817—1822 г. путешествовавшій въ Австріи упомянутый выше каноникъ Боровскій. Отмѣчая, что положеніе уніатовъ въ Австріи болѣе обезпечено, чѣмъ въ Россіи, онъ указывалъ, что и «православный обрядъ сохранился въ большей чистотѣ и неприкосновенности, нежели у западно-русскихъ». Не долженъ ли этотъ историческій примѣръ, а равно все предшествующее изложеніе указывать путь, по которому должны были итти грезившіе о завершеніи

¹⁾ О положеніи галиційскихъ уніатовъ см. главу «Церковныя отношенія» въ сборникѣ «Галичина, Буковина, Угорская Русь», составленномъ сотрудниками журнала «Украинская Жизнь». (Изд. «Задруга», 1915).

мечтаній Іосифа Сѣмашки? Между тѣмъ съ самаго начала занятія нашими войсками Галиціи появились грозные симптомы, побудившіе нашего стараго защитника идей свободы совѣсти въ Россіи К. К. Арсеньева¹⁾ выступить въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» со статьей «Опасный совѣтъ» противъ тенденцій, высказанныхъ профессоромъ петербургской духовной академіи Пальмовымъ, вызвавшимъ къ завѣтамъ І. Сѣмашки. Наши церковные дѣятели, «не мысля», по выраженію «Церк. Вѣстн.» (11 дек. 1914 г.), «русскій народъ иначе, какъ православнымъ», начали, можетъ быть, нѣсколько преждевременно укрѣплять «стяги православія» въ «древней Галиціи»—«исконномъ наслѣдіи рускомъ». Для нихъ унія лишь «искусственное созданіе» католичества, не имѣющее никакихъ корней въ прошломъ и настоящемъ. Унія въ Галиціи—писалъ академическій *Церковный Вѣстникъ* (№ 45)—была «дѣломъ интриги и обмана». Надо исправить старую ошибку и во имя исторической справедливости вернуть церкви незаконно похищенное наслѣдіе. Аргументація, какъ видимъ, совершенно совпадающая съ идеологіей временъ Іосифа Сѣмашки и Николая І. Возрожденіе въ наши дни старой николаевской идеологіи, оказавшейся на практикѣ чреватой послѣдствіями, невольно вызвало опасеніе за ненарушимость свободы совѣсти. Когда «Церковный Вѣстникъ» говорилъ, что при соприкосновеніи съ уніатами въ Галиціи православіе не должно занимать наступательнаго положенія и добавлялъ въ качествѣ иллюстраціи, что русскую политику въ сѣверо-западномъ краѣ нельзя было назвать «наступательной»; когда проф. Пальмовъ, утверждая, что въ дѣлѣ возвращенія украинскихъ уніатовъ въ Галиціи «въ лоно православной церкви» нужна «осторожность и планомерная постепенность», рекомендовалъ методъ Сѣмашки, приведшій къ тому, что въ 1839 г. «до трехъ милліоновъ бѣлорусовъ(?)» обратилось въ православіе сознательно и добровольно,—тогда для людей, представлявшихъ себѣ политику обрусителей 1839 г., совершенно ясно становилось, что нужно подразумѣвать подъ рекомендовавшимся методомъ обращенія, какое реальное содержаніе надо было вкладывать въ дѣятельность командированныхъ Синодомъ въ Галицію миссіонеровъ во главѣ съ волинскимъ архіепископомъ Евлогіемъ...

Практика, какъ извѣстно, оправдала ожиданія.

Но не наша задача говорить о томъ, какъ практически реагировала и будетъ еще реагировать наша современность на поставлен-

¹⁾ См. его книгу «Свобода совѣсти и вѣротерпимость», главу «Католичество и лютеранство», стр. 202—236.

ные событіями нашихъ дней вопросы. Одно слѣдуетъ сказать: исторія показываетъ, какъ опасно черпать вдохновеніе для своей дѣятельности изъ образа дѣйствія Іосифа Сѣмашки и его единомышленниковъ. «Мнѣ отдадутъ справедливость только по смерти»,—говорилъ дѣятель 1839 г. Объективный историкъ долженъ будетъ признать, что его дѣятельность дала горькіе плоды. А воскрешеніе старыхъ завѣтовъ, уже отжившихъ, грозитъ еще горшими плодами.

С. Мельгуновъ.

Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ.¹⁾

IV.

Періодъ совмѣстной съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ работы въ «Современникѣ» былъ, какъ уже отмѣчалось выше, однимъ изъ самыхъ счастливыхъ въ жизни Некрасова: успѣхъ журнала, несомнѣнность его вліянія на общество не могли не вызвать въ душѣ Некрасова чувства извѣстнаго нравственнаго удовлетворенія, которое, безусловно, является лучшей наградой для всякаго искренняго журналиста. Вмѣстѣ съ тѣмъ близкое общеніе съ такими выдающимися людьми, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, отличительныя черты духовнаго облика которыхъ, наравнѣ съ непоколебимой твердостью въ убѣжденіяхъ и недопускавшими никакихъ компромиссовъ искренностью и прямою, выражались въ рѣдкой трудоспособности и удивительной нравственной дисциплинѣ, вліяя на личность Некрасова вообще, весьма замѣтнымъ образомъ отражалось также на его редакторской фізіономіи. Если и раньше Некрасовъ проявлялъ себя въ достаточной степени опытнымъ и умѣлымъ редакторомъ, то теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ самаго тѣснаго сотрудничества и соредакторства съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, къ этимъ качествамъ присоединился цѣлый рядъ другихъ не менѣе цѣнныхъ и важныхъ. О томъ, что представлялъ собою Некрасовъ въ 60-ые годы, какъ редакторъ, намъ рассказали его ближайшіе соратники по журналу, начавшіе свою работу еще при Чернышевскомъ и Добролюбовѣ, а впослѣдствіи, послѣ ссылки перваго и смерти втораго, замѣнившіе ихъ у кормила «Современника». Это—М. А. Антоновичъ, А. Н. Пыпинъ и Г. З. Елисеевъ. Болѣе компетентныхъ судей въ данномъ вопросѣ трудно себѣ и представить, потому что названные писатели были не простыми сотрудниками, а полноправными соредакторами Некрасова, принимавшаго все важное и благотѣльное значеніе принципа кол-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 9.

легальности въ такомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ редакціонное. Интересъ ихъ сужденій усугубляется тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ къ числу личныхъ друзей Некрасова. Если еще и возможно говорить съ нѣкоторой натяжкой о дружбѣ между Некрасовымъ и Елисеевымъ ¹⁾, то отношенія Некрасова и Пыпина были лишены всякаго оттѣнка интимности. Антоновичъ же одно время относился къ Некрасову съ большой враждебностью. Такимъ образомъ говорить о какомъ-либо нарочитомъ пристрастіи этихъ писателей къ Некрасову совсѣмъ не приходится. Какими же чертами рисуютъ редакторскую дѣятельность Некрасова ихъ отзывы?

Сначала нѣсколько словъ о тѣхъ сторонахъ личности Некрасова, которыя не могли не имѣть самого рѣшающаго значенія для его редакторской фizioноміи. Даже наиболѣе ожесточенные враги поэта, а таковыхъ у него было не мало, не рѣшались отрицать за нимъ необыкновеннаго ума. Съ указаніями на это его качество приходится встрѣчаться едва ли не во всѣхъ характеристикахъ личности Некрасова, писанныхъ близко знавшими его людьми. «Некрасовъ», говоритъ Н. К. Михайловскій, «былъ, прежде всего, необыкновенно уменъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на любомъ поприщѣ, которое онъ избралъ бы для себя, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ, уже въ силу своего ума. Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ, блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ. Это мое личное мнѣніе, которое, я думаю однако, не удивитъ никого изъ знавшихъ Некрасова». Не менѣе опредѣленно выражается объ умѣ Некрасова Пыпинъ; указавъ, что кружокъ «Современника» 50-хъ годовъ состоялъ изъ Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина, Дружинина, и что, кромѣ того, къ нему примыкали Е. П. Ковалевскій, Гаевскій, бр. Жемчужниковы, а впослѣдствіи и Островскій, Пыпинъ замѣчаетъ: «по уму и общественному пониманію едва ли не превосходилъ всѣхъ Некрасовъ». А эти всѣ, какъ мы видѣли, были людьми незаурядными, далеко превышавшими средній уровень. Ихъ «превосходить по уму»—это что-нибудь да значило! Весьма категорично также сужденіе М. И. Писарева: «я въ жизни своей не встрѣчалъ такихъ умныхъ людей, какъ Некрасовъ».

Если умъ являлся, такимъ образомъ, наиболѣе яркой и бросающейся въ глаза чертой духовнаго облика Некрасова, то, съ

¹⁾ Мы говоримъ «съ нѣкоторой натяжкой», такъ какъ въ литературѣ есть указанія на то, что Елисеевъ особаго расположенія къ Некрасову не чувствовалъ; такъ, напримѣръ, С. Н. Кривенко въ своихъ воспоминаніяхъ о Елисеевѣ прямо говоритъ (см. «Русская Мысль», 1901 г., № 7): «насколько онъ любилъ Салтыкова, настолько же лично ему былъ непріятенъ Некрасовъ».

другой стороны, нельзя отрицать, что редакторъ-издатель «Современника» обладалъ твердой волей, закаленной испытаніями его предшествовавшей жизни. Ставя себѣ извѣстныя цѣли—вплоть до упоминаемой Суворинымъ «не умереть на чердакѣ», Некрасовъ умѣлъ ихъ достигать и обнаруживалъ при этомъ подчасъ незаурядныя энергію и настойчивость. Въ результатѣ характеръ его дѣлался все упорнѣе и выдержаннѣе. Упорство и выдержка Некрасова, быть можетъ, ярче всего проявлялись и въ его отношеніи къ труду, котораго онъ никогда не боялся, справляясь иной разъ съ подавляющей массой работы.

Умъ и твердая воля Некрасова могли бы остаться «мертвымъ грузомъ», если-бъ не соединялись съ горячей убѣжденностью, въ основѣ которой, безъ сомнѣнія, лежали благородныя влеченія его сердца, рано научившагося любить и ненавидѣть. Чернышевскій, этотъ живой символъ, живое воплощеніе русскаго демократизма и радикализма, писалъ Некрасову отъ 24 сентября 1856 г., отвѣчая на его просьбы дать критическій отзывъ объ его стихахъ: «и людямъ самостоятельнымъ критика можетъ быть полезна, когда въ состояніи обнаружить недостатки въ ихъ убѣжденіяхъ, въ понятіяхъ о жизни, и заставить ихъ вѣрнѣе смотрѣть на жизнь. Но въ этомъ отношеніи вамъ опять-таки критика вовсе не нужна. Я не знаю, какія ошибочныя убѣжденія нужно было бы вамъ исправлять въ себѣ». О томъ же читаемъ у Антоновича, который въ 1869 г. печатно обвинялъ Некрасова въ оппортунизмѣ и даже ренегатствѣ, а впоследствии пришелъ къ слѣдующему взгляду на него: «благодаря силѣ своего ума и крѣпости своего здраваго смысла, онъ сумѣлъ выработать себѣ опредѣленное міровоззрѣніе, въ общемъ согласное съ тѣмъ, которое проводилось въ его журналѣ и которое онъ считалъ своимъ. Въ области не отвлеченно-философской, въ сужденіяхъ и вопросахъ современной жизни и окружающей дѣйствительности онъ стоялъ на одинаковой высотѣ со своимъ кружкомъ и въ этихъ предѣлахъ имѣлъ точно установившіеся взгляды, вполне опредѣленные энергическія убѣжденія, которые такъ ярко блещутъ въ его произведеніяхъ».

Г. З. Елисеевъ мало того, что считалъ Некрасова дѣятелемъ въ высшей степени идейнымъ, онъ подъ угломъ этой идейности готовъ разсматривать всю жизнь поэта, при чемъ въ столь характерныхъ для нея компромиссахъ и сдѣлкахъ съ совѣстью видѣлъ своего рода героизмъ. «Для каждаго времени, писалъ Елисеевъ въ одной изъ недавно изданныхъ своихъ замѣтокъ, является свой мужъ потребенъ. Герой—тотъ, кто понималъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, всецѣло, публично запечатлѣвая передъ всѣ-

ми своею смертію свои убѣжденія; хорошъ и другого рода герой, герой—рабъ, который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертію въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ внѣшнихъ мелкихъ гоненій и сомнѣній, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу. По условіямъ нашей жизни, у насъ могъ выработаться въ литературѣ только герой-рабъ. Скажемъ болѣе: только такой герой и могъ вынести дѣло новой идеи при первомъ ея появленіи и утвержденіи въ обществѣ. Типичнымъ примѣромъ такого героя-раба, по мнѣнію Елисеева, являлся Некрасовъ. Замѣчу, кстати, что и малорасположенный къ Некрасову П. М. Ковалевскій, въ свою очередь, считалъ его способнымъ на «самозакланіе», на «искупительную жертву», лишь бы «спасти направленіе».

Весьма опредѣленнаго мнѣнія на счетъ убѣжденности Некрасова держались и Пыпинъ, и Колбасинъ, и Михайловскій, и другіе его соратники по журнальному поприщу.

Наконецъ, говоря о личныхъ свойствахъ Некрасова, отразившихся весьма существеннымъ образомъ на его редакторской дѣятельности, слѣдуетъ отмѣтить его практическую умѣлость. Вопросу о практичности редактора-издателя «Современника» мною посвящена особая статья, въ которой на основаніи архива конторы журнала доказана ошибочность мнѣнія тѣхъ, кто подъ понятіе некрасовской практичности подводитъ вовсе несвойственные ей элементы, такъ, напр., стремленіе нажить на счетъ сотрудниковъ, закабалить ихъ себѣ и т. д. и т. п. По моему глубокому убѣжденію, и отнюдь не голословному, а, повторяю, вынесенному изъ внимательнаго изученія цифровыхъ и документальныхъ данныхъ, практичность Некрасова не имѣла ничего общаго съ какими-либо эксплуататорскими, узко-своекорыстными тенденціями, она заключалась въ извѣстной способности, отчасти прирожденной, отчасти благопріобрѣтенной и, думается мнѣ, въ большей степени благопріобрѣтенной, чѣмъ прирожденной, не теряться въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, находить выходъ даже въ очень затруднительныхъ случаяхъ, быстро оріентироваться въ оцѣнкѣ реальнаго положенія вещей, ладить съ людьми, нелады съ которыми могли быть весьма опасны, приспособливаться, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, къ настроеніямъ и потребностямъ даннаго момента и т. д. Само собой разумѣется, что Некрасовъ не былъ лишенъ практичности и въ буквальномъ смыслѣ этого слова: онъ прекрасно былъ освѣдомленъ въ практическомъ обиходѣ того дѣла, которому себя посвятилъ, а потому обмануть его, тѣмъ

болѣе обсчитать при покупкѣ, напр., бумаги, при сведеніи счетовъ съ типографіей, было не легко. Неудивительно, что эта практическая умѣлость Некрасова, переходившая иной разъ въ оборотливость, изумляла, а иной разъ и весьма непріятно поражала тѣхъ чистой воды идеалистовъ, дѣтски наивныхъ и дѣтски безпомощныхъ въ житейскихъ дѣлахъ, съ которыми нерѣдко сталкивала его судьба. Отсюда и произошли, какъ толки о «миліонѣ—демонѣ Некрасова» (Достоевскій), такъ и скороспѣлыя сужденія, въ родѣ: «Некрасовъ наживаетъ себѣ капиталецъ» (Бѣлинскій). Это убѣжденіе въ такой мѣрѣ вкоренилось, что нѣкоторые, какъ это видно хотя бы изъ воспоминаній Ковалевскаго, не вѣрили, что послѣ смерти Некрасова не осталось сотенъ тысячъ рублей и готовы были повторять нелѣпую сказку о томъ, что состояніе поэта было де «принесено въ жертву направленію»... Неопровержимо установленные факты гласятъ другое: Некрасовъ умеръ человѣкомъ отнюдь не богатымъ ¹⁾; слѣдовательно его пресловутая практичность не сослужила ему особой службы, но она сослужила ее его дѣлу. Глубоко правъ былъ Михайловскій, утверждая, что «благодаря практической ловкости» Некрасова сначала «Современникъ», а затѣмъ «Отечественныя Записки» были поставлены «блестяще».

Итакъ «необыкновенный умъ», твердая воля, глубокая убѣжденность въ справедливости своего общественнаго сгredo, а также «практическая ловкость» являются тѣми именно сторонами личности Некрасова, которыя въ значительной степени опредѣлили собой характеръ и направленіе его редакторской дѣятельности.

Прежде чѣмъ углубиться въ подробный анализъ ея, приведу нѣсколько общихъ отзыовъ объ ней. «Некрасовъ былъ идеальнымъ редакторомъ-издателемъ и довелъ свой журналъ «Современникъ» до почти идеальнаго совершенства»—такова точка зрѣнія Антоновича. Не менѣе высоко ставили редакціонную дѣятельность Некрасова Пыпинъ и Елисеевъ. «Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ,—утверждалъ, въ свою очередь, Ковалевскій, отнюдь не принадлежавшій, какъ уже указывалось, къ числу доброжелателей поэта,—я не зналъ, едва ли даже былъ у насъ другой такой же. Были люди свѣдущіе его, образованнѣе: Дружининъ, напримѣръ; но умнѣе, проникательнѣе и умѣлѣе его въ сношеніяхъ съ писателями и читателями не было никого»...

Залогомъ успѣшнаго веденія журнала, является, само собой разумѣется, удачный подборъ сотрудниковъ. Вотъ, на этомъ-то

¹⁾ Во время болѣзни поэта имъ, по свидѣтельству Михайловскаго, была взята изъ конторы «Отеч. Зап.» 1000 руб. на лѣченіе, впоследствии возвращенная его сестрой.

поприщѣ Некрасовъ, по общему мнѣнію своихъ современниковъ, проявлять прямо-таки удивительные таланты. Онъ, во-первыхъ, обладалъ большимъ литературнымъ вкусомъ и рѣдкою проникательностью, помогавшими ему почти безошибочно угадывать размѣры дарованія того или другого писателя и степень его пригодности, какъ сотрудника, и, во-вторыхъ, обнаруживалъ удивительный тактъ. какъ въ дѣлѣ привлеченія новыхъ силъ къ участию въ своихъ изданіяхъ, такъ и въ созданіи такихъ условій, при которыхъ это участіе было бы для нихъ цѣннымъ и желательнымъ. Такъ какъ эта сторона редакторской дѣятельности Некрасова представляется совершенно безспорной, то для иллюстраціи ея я приведу лишь наиболѣе существенное и необходимое. Антоновичъ съ особою настойчивостью выдвигаетъ указанныя черты редакторской фizioноміи Некрасова. Въ подтвержденіе онъ ссылается на привлеченіе въ «Совр.» чуть ли не на главное амплуа Чернышевскаго, второстепеннаго сотрудника «Отеч. Зап.», и въ особенности Добролюбова, скромнаго студента Педагогическаго Института. Предоставивъ имъ въ редакціи рѣшающій голосъ, сравнивъ ихъ положеніе со своимъ собственнымъ, Некрасовъ, какъ это видно изъ моей вышеупомянутой статьи объ его практичности, озаботился въ достаточной степени ихъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. И замѣнившіе сосланнаго Чернышевскаго и умершаго Добролюбова писатели, по словамъ одного изъ нихъ, того-же Антоновича, трактовались Некрасовымъ, какъ полноправные соредакторы: онъ далъ имъ «полную свободу, ни мало не стѣсня ихъ»... Подобнаго же взгляда на редакторскую дѣятельность Некрасова придерживается Елисеевъ: «Критическое чутье», говоритъ онъ въ своей запискѣ Х-ву, «давало ему возможность замѣчать каждое выдающееся дарованіе, появлявшееся въ другихъ журналахъ, и вербовать его въ сотрудники для своего изданія, что онъ и дѣлалъ». Въ другой своей статьѣ, Елисеевъ, подобно Антоновичу, отмѣняетъ (см. «Русское Богатство» 1893 г. № 9) тенденцію Некрасова предоставлять полную самостоятельность сотрудникамъ. «Въ «Современникѣ», говоритъ онъ, сотрудникамъ предоставлялось писать въ каждый данный моментъ, что имъ Богъ на душу положить. Никто не слѣдилъ ни за мыслями ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читаютъ никакихъ статей въ своемъ журналѣ, а между тѣмъ само собою выходило все ладно. Почему? Да потому что въ журналѣ-то главнымъ образомъ и нужно, чтобы всѣ говорили въ одно. Не только неудачныя фразы, но и неудачныя, т.-е. слабыя, статьи, если только онѣ бьютъ въ одну цѣль, въ общемъ нисколько не вредятъ дѣлу. Сдѣлавшись редакторомъ «Отече-

ственныхъ Записокъ», Некрасовъ остался къ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ и къ «Современнику». Человѣкъ отъ природы несомнѣнно умный, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, онъ ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу итти, какъ оно могло итти, не подражая тѣмъ малоопытнымъ и неискуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно.

Объ «удивительной проницательности» Некрасова, сказывавшейся въ умѣніи «угадывать и оцѣнивать людей, дѣйствительно высоко стоящихъ въ умственномъ или нравственномъ отношеніи», рѣчь идетъ и въ воспоминаніяхъ Колбасина.

О томъ же твердилъ Ковалевскій, отгѣняя попутно «деликатность» Некрасова, который не только «никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться» въ дѣятельность главныхъ сотрудниковъ, «но и составителя фельетона онъ оставлялъ самостоятельнымъ... До лирическихъ же стихотвореній этотъ первый поэтъ своего времени никогда не позволялъ себѣ дотронуться... Редакція Некрасова не была тѣмъ журнальнымъ департаментомъ, гдѣ редакторы, маракующіе съ грѣхомъ пополамъ только съ грамматикой, цѣпенѣютъ передъ всякимъ живымъ словомъ или оборотомъ и исправляютъ писателей, какъ директора своихъ столоначальниковъ».

Михайловскій, въ полномъ соотвѣтствіи съ приведенными отзывами, указываетъ на умѣніе Некрасова «цѣнить даровитыхъ людей и вѣрить имъ», на его въ высшей степени внимательное отношеніе къ молодымъ писателямъ, соединенное, однако, съ неизмѣннымъ стремленіемъ развить въ нихъ самостоятельность: «когда молодой сотрудникъ сколько-нибудь оперялся, онъ предоставлялъ его самому себѣ».

Въ воспоминаніяхъ Боборыкина также въ очень сильныхъ и яркихъ выраженіяхъ отгѣнена эта сторона редакторской дѣятельности Некрасова.

Изъ изложеннаго видно, что въ основѣ отношенія Некрасова къ сотрудникамъ, кромѣ полного довѣрія, естественнымъ образомъ вытекавшего изъ того, что выборъ ихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, былъ сдѣланъ имъ самимъ, лежала свойственная этому писателю широкая терпимость и отсутствіе того ложнаго, конечно, самолюбія, которое заставляетъ иной разъ и очень умныхъ людей считать свое мнѣніе единственно правильнымъ и возможнымъ.

«Въ немъ не было мелкаго редакторскаго самолюбія», говоритъ о Некрасовѣ Антоновичъ, «или лучше сказать, амбиціи,

развитой сильно, до болѣзненности у другихъ редакторовъ и издателей», онъ не считалъ для себя зазорнымъ признать свою некомпетентность въ вопросѣ, въ которомъ, дѣйствительно, не былъ компетентенъ, или подчиниться общему рѣшенію, хотя бы и несогласнымъ съ его собственнымъ взглядомъ на вопросъ. Въ подтвержденіе Антоновичъ приводитъ два интересныхъ эпизода—съ драмой Полонскаго «Раздадь» и статьей Чернышевскаго «Въ изъясненіе признательности. Письмо къ г. З-ну». О терпимости и уступчивости Некрасова въ тѣхъ случаяхъ, разъ его несогласіе съ чужимъ мнѣніемъ ограничивалось лишь частностями, но не существомъ вопроса, говоритъ и Пыпинъ. Къ этому же взгляду на Некрасова примыкають Колбасинъ, Ковалевскій, Михайловскій и др.

Основываясь на приведенныхъ отзывахъ и фактахъ было бы, однако, совершенно неправильно заключить, что Некрасовъ не имѣлъ достаточно сильнаго вліянія на дѣла журнала, стусевываясь передъ черезчуръ настойчивыми и самолюбивыми сотрудниками. Подобной опасности для него не существовало уже потому, что съ его авторитетомъ, авторитетомъ талантливаго писателя и опытнаго журналиста, помимо какого бы то ни было редакторскаго давленія, не могли не считаться его сотрудники. Съ другой стороны, принятая имъ политика уступокъ должна была, въ свою очередь, сбивать этихъ послѣднихъ съ черезчуръ непримиримой позиціи. Весьма характернымъ въ этомъ отношеніи является нижеслѣдующее свидѣтельство Антоновича: «И сотрудники со своей стороны столь же просто, благодушно и внимательно относились къ замѣчаніямъ, возраженіямъ и протестамъ Некрасова, принимали ихъ безъ всякихъ обидъ и самолюбивыхъ неудовольствій, и такъ же охотно подчинялись его рѣшеніямъ и уступали его настояніямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ компетентенъ и правъ. Но и въ такихъ случаяхъ онъ никогда не прибѣгалъ къ своей редакторской власти, а дѣйствовалъ убѣжденіемъ, урезониваніемъ. Если онъ находилъ статью неудовлетворительною, неумѣстною или неловкою, то обыкновенно говорилъ автору: «Если вы настаиваете и непременно хотите напечатать статью, то я противъ этого ничего не имѣю, особенно, если вы подпишете ее полной фамиліей; но вы примите въ соображеніе, что скажутъ наши противники, что подумаетъ публика, какія возможны перетолкованія» и т. д. Слушаешь бывало такіе резоны и возраженія Некрасова, человѣка и редактора многоопытнаго, прекрасно знавшаго и читателя, или, какъ онъ всегда выражался, подписчика, и литературныхъ соперниковъ, и предрежащую власть надъ печатью,—и невольно согла-

сишься съ нимъ, сдашься на его убѣжденія. Вслѣдствіе его резоновъ и возраженій я не одну свою статью, уже набранную, бралъ назадъ и разрывалъ. То же случалось, напр., и съ Салтыковымъ¹⁾).

И не въ одной только сферѣ чисто редакціонныхъ вопросовъ, сводящихся очень часто къ тому, печатать ли статью полностью, или внести въ ея текстъ измѣненія и сокращенія, или же вовсе ея не печатать, Некрасовъ умѣлъ вліять на сотрудниковъ. Въ 60-ые годы, имѣя на своихъ плечахъ уже свыше сорока лѣтъ, онъ являлся для большинства литературной молодежи, группировавшейся вокругъ «Современника», живымъ воплощеніемъ лучшихъ традицій русской литературы, тѣсно связанныхъ съ лучезарнымъ именемъ Бѣлинскаго. Пыпинъ положительно утверждаетъ, что если въ редакціонный періодъ 1848—1855 г.г. «завѣтъ Бѣлинскаго не изсякъ совсѣмъ» въ редакціонномъ кружкѣ «Современника», то въ этомъ, главнымъ образомъ, повиненъ Некрасовъ.

¹⁾ Какъ эта, такъ и нѣкоторыя другія приведенныя выше цитаты взяты много изъ статьи М. А. Антоновича «Изъ воспоминаній о Н. А. Некрасовѣ» («Журналъ для всѣхъ» 1903 г., № 2). Въ нихъ, какъ замѣтилъ читатель, г. Антоновичъ съ полною опредѣленностью утверждаетъ, что Некрасовъ «былъ идеальнымъ редакторомъ-издателемъ», «образцовымъ редакторомъ», что «въ немъ не было мелкаго редакторскаго самолюбія», что «онъ предоставлялъ своимъ соредакторамъ полную свободу, ни мало не стѣснялъ ихъ и не подавалъ рѣшающаго голоса въ тѣхъ журнальныхъ вопросахъ и дѣлахъ, въ которыхъ считалъ себя некомпетентнымъ», что «общему рѣшенію (хотя бы и не согласному съ его собственнымъ мнѣніемъ.—В. Евгеньевъ) онъ подчинялся безпрекословно». Такъ думалъ г. Антоновичъ въ 1903 г., въ 1915 же году онъ радикально измѣнилъ свою точку зрѣнія. Въ своей статьѣ «Редакція «Современника» въ 1866 г.» («Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 2) онъ категорически заявляетъ, что Некрасовъ «имѣлъ въ редакціи первый, не только преобладающій, но и рѣшающій голосъ. Это былъ властный президентъ редакціи. Другіе члены редакціи высказывали только свои мнѣнія и совѣты, а онъ постановлялъ по нимъ свои рѣшенія»... Нѣтъ надобности распространяться, какое разительное противорѣчіе заключается въ сужденіяхъ М. А. Антоновича 1903 и 1915 гг. Здѣсь, безъ сомнѣнія, сказалась присущая этому писателю крайняя субъективность. Въ силу же этой субъективности онъ дѣлаетъ попытки заподозрить правдивость почившаго своего собрата и притомъ такого собрата, какъ Гр. Зах. Елисеевъ, на чьей литературной и личной репутаціи, безъ преувеличенія говоря, нѣтъ ни единого пятнышка. Характеръ такого именно заподозриванія носятъ хотя бы нижеслѣдующія выраженія М. А. Антоновича: «просто непонятно, откуда взялъ это Елисеевъ»; «это не можетъ не вызвать подозрѣнія, что въ повѣствованіи Елисеева что-нибудь да не такъ; и, дѣйствительно, многое не такъ», «фантазія Елисеева» и т. д. и т. п. Мало того, г. Антоновичъ бросаетъ покойному Елисееву упрекъ въ томъ, что, при переходѣ въ руки Некрасова новаго журнала—«Отечественныхъ Записокъ», онъ поступилъ со своими соработниками по «Современнику» «не по-товарищески». Недоброжелательное отношеніе г. Антоновича къ Елисееву проявлялось и раньше; въ частности, обвиненіе имъ Елисеева въ нетоварищескомъ образѣ дѣйствій вызвало въ свое время суровую, на фактическихъ данныхъ основанную, отповѣдь Н. К. Михайловскаго («Послѣднія сочиненія», т. II, гл. XIV), къ которой мы и отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ.

совъ, который «вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ... успѣлъ понять и сохранить преданіе Бѣлинскаго», несмотря на то, что среди этихъ остальныхъ былъ, напримѣръ, Боткинъ, стоявшій въ свое время въ несравненно большей дружеской близости къ Бѣлинскому, чѣмъ онъ. Извѣстно, съ какимъ пѣтетомъ относились къ памяти Бѣлинскаго Чернышевскій и Добролюбовъ и другіе писатели-общественники 60-хъ годовъ. Первый изъ нихъ въ своихъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода» разъ навсегда указалъ на ту огромную и въ высшей степени благотворную роль, которую пришлось сыграть великому критику въ лѣтописяхъ русской литературы и общественности, второй со свойственной ему юношеской экспансивностью всякій разъ закипалъ негодованіемъ (см. напр. его стихотвореніе «На тоску въ память Бѣлинскаго»), когда мысль его останавливалась на разительномъ несоотвѣтствіи между твердостью и рѣшительностью проникнутой самоотверженіемъ дѣятельности Бѣлинскаго и робкою половинчатостью послѣдующаго поколѣнія, относя этотъ упрекъ и къ членамъ редакціи «Современника».

Видя, подобно Пыпину, въ лицѣ Некрасова, чуть ли не «послѣдняго изъ могиканъ», сумѣвшаго уберечь «завѣтъ» Бѣлинскаго, литературная молодежь проникалась къ нему особеннымъ уваженіемъ. Некрасовъ съ своей стороны, не упускалъ случая путемъ «задушевныхъ бесѣдъ» возстановливать, насколько это было въ его силахъ, ослабѣвшую было во вторую половину царствованія Николая I, преемственность литературно-общественной традиции, идущей отъ автора «Письма къ Гоголю». Весьма интересно въ этомъ отношеніи нижеслѣдующее признаніе Антоновича, относящееся къ періоду наиболѣе обостреннаго и враждебнаго его отношенія къ поэту (см. его брошюру «Матеріалы для характеристики совр. русск. литер. Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ». СПб. 1869 г., стр. 15—16): «главнымъ образомъ я благодарю васъ за тѣ душевныя бесѣды, въ которыхъ, между прочимъ, вы съ такимъ жаромъ, одушевленіемъ, любовью, даже восторгомъ говорили о людяхъ, которые были дороги намъ и которымъ принадлежала вся наша любовь. Дѣйствительно, чрезвычайно пріятно было видѣть въ васъ, человѣкѣ извѣстнаго поколѣнія, которое враждебно и въ лучшемъ случаѣ недовѣрчиво относилось къ новому времени, столько юношескаго жара и увлеченія первыми представителями и руководителями этого времени».

Съ другой стороны, силу некрасовскаго вліянія на сотрудниковъ усугубляло то обстоятельство, что въ его лицѣ съ многоопытнымъ редакторомъ-издателемъ, съ человѣкомъ, являвшимся

живымъ воплощеніемъ «завѣта» Бѣлинскаго, соединялся, безспорно, самый выдающійся и популярный поэтъ своего времени. Его поэтическая дѣятельность, отражавшая общественныя стремленія и надежды наиболѣе передовой части русской интеллигенціи, вызывала прямо таки восторженное отношеніе со стороны его ближайшихъ друзей и единомышленниковъ.

Въ письмахъ Чернышевскаго къ Некрасову, опубликованныхъ Е. А. Ляцкимъ («Современный Міръ» 1911 г. № 9), содержатся, на примѣръ, такіе отзывы о размѣрахъ поэтическаго дарованія и поэзіи Некрасова: «У васъ больше таланта, нежели у Тургенева и у Толстого... Почему не говорить безъ церемоніи,— что вы одарены талантомъ первокласснымъ, въ родѣ Пушкина, Лермонтова и Кольцова... Вы теперь лучшая, можно сказать, единственная, прекрасная надежда нашей литературы... Вы сдѣлали много,—гораздо больше, нежели предполагалъ даже я, пока не перечиталъ вашу книгу... Ваши стихотворенія идутъ лучше всего—лучше Гоголя... Васъ ожидаетъ великая слава, какой не имѣлъ еще никто изъ русскихъ поэтовъ, ни самъ Пушкинъ. Это вѣрно... Вы дали намъ книгу, какой не бывало еще въ русской литературѣ... Истинно, у васъ огромный талантъ, я не умѣю и сказать, есть ли что невозможное для васъ, есть ли высота, недоступная для васъ»... Если присоединить сюда очень сочувственное отношеніе, высказывавшееся къ поэзіи Некрасова Добролюбовымъ и даже Писаревымъ (см. объ этомъ мою книгу), то мы въ правѣ будемъ безъ всякой натяжки заключить, что въ глазахъ «властителей думъ» 60-хъ годовъ, каковыми въ полномъ смыслѣ этого слова являлись названные писатели, некрасовская поэзія была явленіемъ незауряднымъ и глубоко положительнымъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы діі тіпоges 60-хъ годовъ изъ числа писателей-общественниковъ, группировавшихся вокругъ «Современника», смотрѣли на нее иначе. Не утруждая вниманіе читателя соответствующими выписками изъ статей Антоновича и Елисеева, отмѣчу, что ореоль, окружавшій Некрасова, какъ поэта, не могъ не увеличивать его авторитета въ редакціи «Современника». Не даромъ осторожный и сдержанный Елисеевъ говоритъ объ «огромномъ вліянніи» Некрасова даже на такого исключительно самобытнаго человѣка и писателя, какъ Салтыковъ. Еще въ большей степени были ему подвержены другіе сотрудники «Современника». Въ подтвержденіе приведемъ два отрывка изъ еще не появившихся въ печати писемъ къ Некрасову Шеллера-Михайлова (отъ 1 декабря 1864 г.) и Рѣшетникова (15 февраля 1866 г.).

1) «Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ!
. Здѣсь хорошо работается, ни души нѣтъ знакомыхъ, никто не надоѣдаетъ. Стихотвореній почти не написалось въ это время, и тѣ, которыя написались, едва ли годны для печати; впрочемъ я плохой судья и потому посылаю ихъ Вамъ: бросьте или напечатайте. Я вполнѣ увѣренъ, что Вы исполните мою просьбу.

Желаю Вамъ всего хорошаго и остаюсь съ искреннимъ
уваженіемъ готовый къ услугамъ А. Шеллеръ.

Ницца 1864 г. 1 дек.».

2) «Милостивый Государь

Николай Алексѣвичъ!

Прилагаемый рассказъ «Никола Знаменскій» есть первая попытка писать въ прозѣ. Онъ былъ названъ «Мой отецъ» назадъ тому четыре года, когда я предполагалъ писать романъ изъ духовнаго быта, а въ 1864 г. я приносилъ его въ редакцію «Современника», но тамъ нашли его неудобнымъ. Теперь я его значительно сократилъ и измѣнилъ, что ужъ очень рѣзко и невѣроятно.

Если вы найдете удобнымъ напечатать его вмѣстѣ съ романомъ, то я подписался Сибиряковымъ, а если неудобно помѣстить съ романомъ, то я предоставляю на волю вашу...

Уважающій васъ

Ө. Рѣшетниковъ».

Не будучи особенно значительными по своему содержанию, имѣя, такъ сказать, вполнѣ обыденный характеръ, эти отрывки все же не лишены извѣстнаго интереса, такъ какъ ярко иллюстрируютъ отношеніе къ Некрасову молодыхъ писателей: разъ эти послѣдніе обнаруживаютъ полную готовность подчиниться его приговору и совершенно полагаются на его «волю» и «мнѣніе», то, очевидно, онъ въ ихъ глазахъ является не только авторитетнымъ редакторомъ, но и заслуживающимъ полнѣйшаго довѣрія человекомъ. Приведенные факты относятся къ редактированію Некрасовымъ «Современника». Подобнымъ же образомъ шло дѣло и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Михайловскій, одинъ изъ наиболѣе близкихъ сотрудниковъ Некрасова по этому журналу, констатируетъ необычайно внимательное отношеніе Некрасова къ начинающимъ писателямъ, съ которыми онъ охотно бесѣдовалъ, «давая имъ разные совѣты»; «нельзя было при этомъ», продолжаетъ Михайловскій, «не любоваться его умомъ. Онъ

отлично знали пробѣлы своего образованія и никогда не старались ихъ скрыть. Но даже по поводу статей о совершенно незнакомыхъ ему предметахъ у него находилось умное слово, заимствованное изъ его огромной житейской и журнальной опытности».

Нѣкоторые изъ мелкихъ сотрудниковъ «От. Зап.» въ своихъ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ съ достаточной подробностью остановились на чисто конкретныхъ проявленіяхъ его заботливости и вниманія не только къ ихъ матеріальнымъ интересамъ, но и къ нравственному, такъ сказать, благосостоянію. Большой интересъ въ указанномъ отношеніи представляетъ статья во «Всемирномъ Вѣстникѣ» (№ 1, 1903) анонимнаго автора, назвавшего себя «бывшимъ сотрудникомъ Отеч. Зап.». Первое знакомство его съ Некрасовымъ произошло еще въ началѣ 60-хъ годовъ, на квартирѣ Чернышевскаго, къ которому онъ, тогда еще скромный военный писарь, принесъ свою рукопись. Некрасовъ счелъ нужнымъ подбодрить начинающаго писателя нѣсколькими ласковыми словами. «Пиши, пиши, братецъ, хорошенько,—сказалъ онъ ему. Ты изъ народа, говори намъ правду о его радостяхъ и печаляхъ, а мы тебя, будь увѣренъ, поддержимъ». Кромѣ того, поэтъ подарилъ ему собраніе своихъ стихотвореній. «Съ тѣхъ поръ, рассказываетъ авторъ статьи, я почувствовалъ къ Н. А. такую горячую привязанность, что какъ только вычитывалъ, бывало, изъ газетъ о предстоящемъ литературномъ вечерѣ и объ участіи въ немъ Н. А.—я обязательно шелъ, чтобы хоть издали увидѣть его и услышать его голосъ»... Съ началомъ «Отеч. Зап.» рассказчикъ, успѣвшій понемпожку войти въ литературу, вторично увидѣлся съ Некрасовымъ. Послѣдній узналъ его, а узнавъ—оживился: «Такъ вы, значитъ, тотъ самый молоденькій писарекъ... Я радъ, очень радъ, что вы сумѣли проторить себѣ дорожку и сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ. Народъ понемногу выдвигаетъ своихъ представителей, а въ томъ числѣ вотъ и вы, ну и стойте за его процвѣтаніе... Соловья, впрочемъ, баснями не кормятъ, а вамъ, маленькому чиновнику, деньжонки, понятно, нужны... Вотъ вамъ, батенька, за рассказъ... По понедѣльникамъ отъ часа дня сюда приходятъ наши близкіе сотрудники потолковать между собою. Вы мнѣ нравитесь тѣмъ, что упорнымъ трудомъ проложили себѣ дорогу, потому приходите запросто и вы: познакомитесь съ ними, они—съ вами, услышите ихъ сужденія, узнаете взгляды на разные предметы, словомъ, многое такое, что вамъ неизвѣстно, пріобрѣтете больше знаній, а они вамъ пригодятся, очень пригодятся при писательскихъ занятіяхъ».

Авторъ воспоминаній не преминулъ разумѣется воспользоваться приглашеніемъ Некрасова и въ ближайшій же понедѣль-

никъ явился къ нему на квартиру, гдѣ и провелъ вечеръ въ обществѣ А. Н. Плещеева, Г. З. Елисеева, Н. А. Демерта, М. Е. Салтыкова, Г. И. Успенскаго, А. М. Скабичевскаго и Н. К. Михайловскаго.

«Некрасовъ сперва бесѣдовалъ врознь, въ своемъ кабинетѣ, съ каждымъ изъ пришедшихъ о томъ, что ихъ лично касалось, а потомъ со всѣми вмѣстѣ добродушно, просто, какъ съ равными; къ нему же относились почтительно всѣ, за исключеніемъ того же Салтыкова, который говорилъ громко, рѣзко, даже употреблялъ неудобныя выраженія... Бесѣда велась на различныя темы, касавшіяся преимущественно литературы, т.-е. о прочитанныхъ журналахъ, книгахъ, статьяхъ, о томъ, кто что тогда писалъ, при этомъ спрашивавшіе мнѣнія Н. А. получали отъ него отвѣты въ деликатной, но наставнической формѣ. Кромѣ того, онъ и самъ давалъ словесныя программы, входилъ въ суть вопросовъ и по сомнительнымъ—указывалъ способы, какъ изложить предметъ сообразно съ цензурными условіями, которыя превосходно зналъ... Снабженные: кто книгами, кто деньгами, кто наставленіями, либо и внушеніями, въ четвертомъ часу всѣ разошлись. Бесѣда мнѣ очень понравилась. Я наслушался много для меня интереснаго, а самъ, чтобы не сконфузиться, предпочелъ только кратко отвѣчать на предлагавшіеся мнѣ вопросы».

Далѣе авторъ рассказываетъ о своихъ дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ «понедѣльниковъ», на которые его «такъ и тянуло», и о томъ, какъ онъ получилъ отъ Некрасова заказъ на статью о судѣ присяжныхъ. Послѣдній эпизодъ, въ свою очередь, представляетъ значительный интересъ, такъ какъ вскрываетъ одну изъ сторонъ редакторской дѣятельности поэта. Узнавъ, что его новый сотрудникъ назначенъ присяжнымъ засѣдателемъ на мѣсячную сессію, онъ сказалъ ему: «Какъ и что въ теченіе 4—5 лѣтъ творили въ судѣ засѣдатели,—до сихъ поръ вѣдь ровно ничего неизвѣстно, а между тѣмъ чрезвычайно интересно знать: какъ ко всему относится эта общественная совѣсть. Вы и вникните хорошенько во все, надѣлайте, на память, отмѣтки, благо умѣете вкратцѣ записывать даже цѣлыя рѣчи, а потомъ и опишите дѣйствія слѣдователей, прокуроровъ, адвокатовъ, обвиняемыхъ и самихъ засѣдателей, а безпристрастная обо всемъ статья произведетъ, я увѣренъ, полезное впечатлѣніе. Изложите только все по порядку, безъ всякихъ темныхъ юридическихъ мудрствованій».

Статья была написана, помѣщена въ журналъ, имѣла успѣхъ, но едва не навлекла на редакцію и автора судебного преслѣдованія за разглашеніе тайны «засѣдательскихъ дѣяній». Дѣло

восходило до Сената, но къ счастью—за возбужденіе преслѣдованія высказалось значительное меньшинство сенаторовъ.

Теперь нѣсколько словъ изъ воспоминаній библіографа Д. П. Сильчовскаго («Новости», 1903 г.). Сильчовскій познакомился съ Некрасовымъ въ 1871 году; только что пріѣхавъ изъ провинціи, будучи 20 лѣтъ отъ роду, онъ возымѣлъ желаніе сотрудничать въ «Отеч. Зап.» по отдѣлу библіографіи и явился съ этимъ къ редактору журнала. Некрасовъ заинтересовался кношей, далъ ему записку для полученія новыхъ книгъ изъ магазина Звонарева, самъ внимательно прочелъ его первую рецензію, по поводу которой высказалъ нѣсколько справедливыхъ совѣтовъ и соображеній. Въ особенности плѣнилъ Сильчовскаго самый «тонъ некрасовскаго разговора»—«ласковый и сердечно-участливый». Въ одну изъ послѣдующихъ встрѣчъ, въ отвѣтъ на разсказъ Сильчовскаго объ его планахъ и предположеніяхъ на будущее, Некрасовъ сказалъ ему: «Вотъ что, отецъ, занимайтесь дѣломъ, а не пустяками и не разбрасывайтесь по сторонамъ ни въ жизни, ни въ сочиненіяхъ. Не библіографія важна: важно только одно—любить народъ, родину, служить имъ сердцемъ и душой. Работайте, и учите другихъ, и Господь съ вами!.. Да не очень-то громко трещите такъ обо всемъ,—понимаете; потише, полегче... Язычокъ то вашъ вы бы какъ-нибудь укоротили себѣ... Не обижайтесь. Любя, жалѣя васъ, говорю это вамъ, отецъ... Вы—умный человѣкъ и сами хорошо понимаете, что думать можно обо всемъ, но говорить вслухъ о многомъ нельзя... Ну, да хранить васъ Богъ!»...

Комментаріи къ тому, что припомнили авторъ статьи «Всемирнаго Вѣстника» и Д. П. Сильчовскій,—излишни. Факты говорятъ сами за себя, и единственный выводъ, который мы въ правѣ изъ нихъ сдѣлать, это тотъ, что Некрасовъ въ отношеніи литературной молодежи, группировавшейся вокругъ его журналовъ, былъ не только внимательнымъ, доброжелательнымъ и, наконецъ, щедрымъ редакторомъ, но и своего рода наставникомъ, пользовавшимся своимъ авторитетомъ, чтобы указать ей правильную дорогу какъ въ дѣлѣ совершенствованія своихъ силъ и способностей, такъ и въ дѣлѣ общественнаго служенія.

Не лишнее будетъ отмѣтить здѣсь, что Некрасовъ, независимо отъ всего прочаго, подавалъ своимъ соратникамъ по журнальному поприщу примѣръ рѣдкаго трудолюбія и поразительной работоспособности. Поистинѣ нѣтъ среди крупныхъ представителей русской художественной литературы такого, который превосходилъ бы его въ этомъ. Едва ли кто съ большимъ правомъ могъ сказать о себѣ:

Праздникъ жизни — молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И позтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни — не былъ никогда.

Стихотвореніе это написано въ 1855 г. и, слѣдовательно, относится къ двумъ періодамъ жизни Некрасова: къ періоду отъ 1838 по 1846 г., когда онъ не имѣлъ еще постоянного литературнаго пристанища, и къ періоду отъ 1847 по 1855 г., когда онъ въ тѣсномъ контактѣ съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ руководилъ «Современникомъ». Въ моей книжкѣ о Некрасовѣ приведены отрывки изъ автобіографическихъ записей, сдѣланныхъ, подъ диктовку поэта, незадолго до его смерти; въ одномъ изъ нихъ говорится о колоссальномъ количествѣ выполненной Некрасовымъ въ началѣ 40-хъ годовъ работы: «уму непостижимо, сколько я работалъ!»—при чемъ противъ этого мѣста слабою и дрожащею рукою умиравшаго поэта вставлены слова: «Господи, сколько я работалъ!» Не слишкомъ уменьшилась обремененность Некрасова работою и тогда, когда онъ сталъ во главѣ собственнаго органа. Бѣлинскій, жестоко упрекавшій его, какъ мы видѣли, за вялость и апатію (см. письмо Бѣлинскаго къ Тургеневу отъ 1-го марта 1847 г.), исходилъ въ даниомъ случаѣ отнюдь не изъ того, что Некрасовъ потерялъ свое трудолюбіе, а исключительно изъ того, что онъ занимался не тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ бы, по его мнѣнію, заниматься: «счета ведетъ, съ типографіей возится, корректуру держать», но ничего не пишетъ, чѣмъ и лишаетъ «Современникъ» «талантливаго сотрудника въ своемъ лицѣ». Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что временами Некрасовъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не могъ принудить себя взяться за перо, никоимъ образомъ не противорѣчитъ представленію о немъ, какъ о человѣкѣ на рѣдкость трудолюбивомъ и работоспособномъ. Характерно, что въ томъ же 1847 г., къ которому относятся ламентации Бѣлинскаго, Некрасовъ писалъ Тургеневу и Анненкову (отъ 28 октября) буквально слѣдующее: «Прощайте, господа, послѣ 1-го числа напишу больше, а теперь страшно некогда, клянусь вамъ, я въ судорожныхъ хлопотахъ, и взялся за перо съ тѣмъ, чтобы только въ двухъ словахъ увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ».

Въ слѣдующее время Некрасову, отъ единоличнаго или почти единоличнаго завѣдыванія журналомъ перешедшему къ коллегіальному редактированію его, уже не приходилось въ такой мѣрѣ страдать отъ переобремененія работою. Здѣсь, конечно, не осталось также безъ вліянія и то обстоятельство, что въ половинѣ 50-хъ годовъ нашлось, наконецъ, лицо, которому Некрасовъ могъ, не опасаясь никакихъ *qui pro quo* въ будущемъ, цѣликомъ пе-

редать всю хозяйственную часть журнальнаго дѣла. Этимъ лицомъ былъ Ипполитъ Александровичъ Панаевъ, двоюродный братъ соредактора Некрасова Ив. Ив. Панаева. Въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ онъ управлялъ конторою «Современника», пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Некрасова, что можетъ быть подтверждено содержаніемъ офиціального документа, находящагося у меня,—довѣренности, выданной редакторомъ-издателемъ «Современника» И. А. Панаеву.

Въ періодъ же изданія «Отеч. Зап.» Некрасовъ тѣмъ болѣе былъ свободенъ отъ хозяйственныхъ заботъ, которыя, по контракту съ Краевскимъ, всецѣло падали на долю этого послѣдняго. Несмотря на это, было бы совершенно ошибочно предполагать, что послѣ 1855 г. Некрасову уже не было необходимости посвящать особенно много времени журналу. Какъ ни разнообразно было его времяпрепровожденіе, какъ ни разносторонни его знакомства, имѣвшія иной разъ очень мало отношенія къ литературѣ, онъ отнюдь не пренебрегалъ своими обязанностями редактора. Вотъ весьма характерное въ этомъ отношеніи сужденіе Антоновича: «Это былъ образцовый редакторъ: умный, дѣльный, энергичный, практическій и усердный. Несмотря на всѣ свои клубныя и спортивные развлеченія и увлеченія, онъ зорко слѣдилъ за своимъ журналомъ и ни въ какомъ случаѣ не полагался беззаботно и безотчетно на своихъ соредакторовъ; всѣ статьи онъ внимательно прочитывалъ въ корректурахъ или же только пробѣгалъ статьи, если онѣ были индифферентными, заурядными». Такимъ образомъ «привычка къ труду благородная», пріобрѣтенная Некрасовымъ еще въ годы полуголодной ранней юности, не измѣняла ему и тогда, когда онъ достигъ и пожилыхъ лѣтъ и извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія. Естественно, что эта «привычка къ труду благородная» импонировала сотрудникамъ, побуждая даже наиболѣе инертныхъ изъ нихъ слѣдовать примѣру своего редактора.

Все вышесказанное съ достаточной полнотой объясняетъ, почему такъ спорилось дѣло въ редакціяхъ издаваемыхъ Некрасовымъ журналовъ. А что оно спорилось—на это существуютъ многочисленныя указанія. «Несмотря на многочисленность редакціи «Современника», говоритъ Антоновичъ, «она дѣйствовала вполнѣ успѣшно; литературныя дѣла журнала шли плавно, безъ запинокъ и неудачъ». Такого же мнѣнія держится и Пыпинъ. «Въ редакціи «Современника», говоритъ онъ, «журнальная работа шла вообще очень дружно, и тогда, когда дѣйствовалъ въ ней прежній кружокъ, и когда послѣ разрыва Тургенева съ Некрасовымъ вступила въ журналъ новая группа лицъ, также

болѣе или менѣе связанныхъ общими взглядами и стремленіями. Въ обоихъ положеніяхъ журнала главнымъ связывающимъ звеномъ былъ Некрасовъ». Однородна и точка зрѣнія Елисеева.

«Редакціонныя дѣла «Отеч. Зап.», какъ констатируетъ Михайловскій, «шли точно сами собою, точно никто ничего и не дѣлалъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, всѣ много работали; какія нибудь пререканія были величайшею рѣдкостью». Ковалевскій, отмѣчая все ту-же гармонию между Некрасовымъ и его сотрудниками, набрасываетъ слѣдующую, нелишенную насмѣшливыхъ нотокъ картину: «Редакція руководилась имъ неуклонно, какъ оркестръ хорошимъ капельмейстеромъ. Такъ, какъ хорошій капельмейстеръ набираетъ хорошихъ музыкантовъ и, убѣдившись въ ихъ умѣньи дѣлать свое дѣло, требуетъ одного вниманія къ движеніямъ своей палочки, такъ и Некрасовъ умѣлъ подобрать сотрудниковъ, которымъ довольно было сказать: «отцы, маленечко потише!»... или «пріударить позволяется, отцы—валяйте», и редакціонный оркестръ исполнялъ литературныя симфоніи и фуги, какихъ въ другихъ редакціяхъ не исполнялось».

Было бы совершенно невозможно отрицать, что вся постановка редакціоннаго дѣла и въ «Современникѣ» и въ «Отеч. Зап.» свидѣтельствуетъ и о блестящемъ умѣ и твердой волѣ Некрасова.

V.

Не менѣе яркій отпечатокъ на оба журнальныхъ предпріятія Некрасова наложила его убѣжденность въ сферѣ социальныхъ и политическихъ вопросовъ. Вслѣдствіе этой убѣжденности оба некрасовскихъ журнала имѣли вполнѣ опредѣленную программу, которую съ удивительными постоянствомъ и настойчивостью проводили изъ номера въ номеръ. Говоря объ обоихъ журналахъ, мы, конечно, имѣли въ виду «Современникъ» второй половины 50-хъ и 60-хъ годовъ, что же касается «Современника» болѣе ранняго періода, то цензурныя условія его существованія были таковы, что о серьезной разработкѣ на его страницахъ вопросовъ общественности въ духѣ того или другого политическаго міровоззрѣнія и думать нельзя было. Тѣмъ не менѣе въ «Современникѣ» и первыхъ 6—7 лѣтъ его существованія подъ редакціей Некрасова все же чувствовалась живая струя, которой былъ лишенъ другой крупный журналъ того времени—«Отеч. Записки» Краевскаго. Пыпинъ, хорошо знакомый съ обоими изданіями, основное различіе между ними усматриваетъ въ слѣдующемъ: «одно (т.-е. «Отеч. Зап.») было тяжеловатое, съ неяснымъ на-

правленіемъ; другое, при всей трудности тогдашняго положенія вещей,—все-таки болѣе живое, болѣе чуткое къ стремленіямъ общественной жизни». Эта чуткость тогдашняго «Современника» къ стремленіямъ общественной жизни объясняется, прежде всего, тѣмъ, что въ этомъ журналѣ, несмотря на реакціонныя вѣянія николаевскаго царствованія, не изсякъ совсѣмъ «завѣтъ Бѣлинскаго», а наиболѣе ревностнымъ его хранителемъ, по словамъ того же изслѣдователя, былъ Некрасовъ. Слѣдовательно, ему то главнымъ образомъ и былъ обязанъ «Современникъ» своей живою струею.

Со вступленіемъ въ редакцію столь яркой въ смыслѣ общественныхъ взглядовъ величины, какъ Чернышевскій, совпавшимъ съ зарею «эпохи великихъ реформъ», «Современникъ» довольно быстро вырабатываетъ себѣ опредѣленную социально-политическую программу, которой и остается вѣренъ во всѣ дни своей послѣдующей жизни.

Соціалистическая тенденція, весьма явственно чувствующаяся въ этомъ сгедо, была, какъ извѣстно, свойственна и «Отеч. Запискамъ» 70-хъ годовъ, на страницахъ которыхъ осуществилось ея органическое сліяніе съ народническими идеалами. Часто цитируются слова Шелгунова объ Елисеевѣ, объясняющія то пристальное вниманіе къ крестьянской жизни, какое составило фیزیономію «Отеч. Зап.». «Конечно», говоритъ Шелгуновъ, «не Елисеевъ выдумалъ мужика, но онъ его сконцентрировалъ въ журналѣ, котораго былъ душой, и можно сказать, что Елисееву «мужикъ» обязанъ болѣе всего тѣмъ, что къ нему повернулось общественное мнѣніе, и что, наконецъ, явилась даже «мужицкая» внутренняя политика. Эта заслуга останется за Елисеевымъ». Отнюдь не умаляя заслуги Елисеева, несомнѣнно, бывшаго однимъ изъ наиболѣе выдающихся возбудителей народническихъ настроеній въ русскомъ обществѣ, нельзя не отмѣтить, что ее раздѣлялъ съ нимъ и Некрасовъ, пѣсни котораго, посвященныя народу («я лиру посвятилъ народу моему»), проникнутыя, если такъ можно выразиться, народомъ, появляясь сначала на страницахъ «Современника», а затѣмъ «Отеч. Записокъ», оказывали могущественное вліяніе на общественную психику въ смыслѣ развитія и упроченія въ ней этихъ же настроеній. Не даромъ Н. А. Морозовъ возникновеніе народничества 70-хъ годовъ, какъ извѣстнаго общественно-политическаго теченія, ставитъ въ прямую связь съ народолюбивой некрасовскою поэзіей. («Во имя братства», «Гол. Минувшаго», № 9, 1913 г.). Если «внутреннія обозрѣнія» и другія журнальныя статьи Елисеева достигали своей цѣли, дѣйствуя на интеллектуальную сторону читателей, то некрасовскіе стихи,

потрясавшіе своими яркими, глубоко эмоциональными образами ихъ чувство, давали, въ концѣ концовъ, тотъ же результатъ. Я ограничиваюсь лишь этими общими замѣчаніями о направленіи редактируемыхъ Некрасовымъ журналовъ, потребовавшимися, главнымъ образомъ, для того, чтобы указать, въ какомъ соотношеніи находилось оно съ личностью редактора и исповѣдуемымъ имъ общественно-политическимъ міровоззрѣніемъ. Съ другой стороны, напомнить сущность направленія «Современника» и «Отеч. Зап.» представлялось умѣстнымъ еще и потому, что именно направленіемъ ихъ было обусловлено чрезвычайно пристальное и болѣе, чѣмъ недоброжелательное отношеніе къ этимъ журналамъ современныхъ имъ органовъ цензуры. Необходимость же постоянно лавировать между цензурными Сциллами и Харибдами весьма замѣтно отразилась на редакторской фizioноміи Некрасова. На цензурныхъ мытарствахъ редактора-издателя «Современника» и «Отеч. Зап.» мнѣ уже приходилось останавливаться (см. въ моей книгѣ о Некрасовѣ послѣднюю статью), а потому, чтобы не повторяться, я ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими дополнительными свѣдѣніями, извлеченными, главнымъ образомъ, изъ новѣйшихъ источниковъ. Чуть ли не съ момента перехода «Современника» въ руки Некрасова и Панаева онъ попалъ подъ цензурный обстрѣлъ, который едва ли могъ явиться особою неожиданностью для его руководителей: дѣло въ томъ, что фактъ неутвержденія Некрасова и Панаева редакторами журнала по причинѣ ихъ неблагонадежности (см. воспоминанія Панаевой-Головачевой) или, вѣрнѣе, недостаточной благонадежности являлся уже довольно зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Въ письмахъ Бѣлинскаго за 1847 годъ сплошь да рядомъ попадаются жалобы на цензурныя придирки къ «Современнику». Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Боткину отъ 28 фѣвраля онъ съ грустью сообщаетъ о томъ, что Никитенко и другіе цензоры вычеркнули цѣлую треть его статьи о «гнусной книгѣ» Гоголя («Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»); въ письмѣ тому же адресату отъ 4 марта съ негодованіемъ упоминаетъ о «палачѣ Куторгѣ», который «вычеркнулъ статью о Ройе-Колларѣ и много нагадилъ»; въ письмѣ отъ 8 марта Куторга названъ «варваромъ» за помарки въ статьѣ Боткина; въ письмѣ отъ 4—8 ноября Бѣлинскій говоритъ о цензурныхъ измѣненіяхъ въ повѣсти Григоровича «Антонъ Горемыка» и о томъ, что его собственную статью цензора «страшно ошельмовали», доведя его тѣмъ «до отчаянія»; въ письмѣ Анненкову отъ 20 ноября 1847 г. содержится упоминаніе о статьѣ противъ Самарина, «страшно изуродованной цензурою»; въ декабрьскомъ письмѣ къ Анненкову Бѣлинскій возмущается «ка-

занскимъ татаринѣмъ Мусинымъ-Пушкинымъ (страшная скотина, которая не годилась бы въ попечители конскаго завода)», запретившимъ въ «Современникѣ» переводъ французскихъ повѣстей Пиччинини, Манонъ Леско и Леони и т. д. Какъ ни тягостны и ни нелѣпы были всѣ эти измѣненія, сокращенія, купюры, исходившія отъ «палачей» и «варваровъ», они являлись не болѣе, какъ цвѣточками. Ягодки принесъ 1848 годъ. Вспышка дикой и безудержной реакціи, которою отвѣчало правительство Николая I на западно-европейскія событія, открыла, между прочимъ, широкій просторъ для доморощенныхъ охранителей-добровольцевъ. Во главѣ этихъ достойныхъ дѣятелей шествовалъ самъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ. Прямо таки безподобенъ его доносъ, поданный Дубельту 6 марта 1848 г. и носящій громкое заглавіе: «о цензурѣ и коммунизмѣ въ Россіи»¹⁾. Въ немъ содержатся какъ подробныя характеристики цензоровъ, совершенно не удовлетворяющихъ, по мнѣнію автора, своему назначенію, такъ и нѣкоторыхъ дѣятелей литературы. Изъ числа первыхъ наибольшее вниманіе удѣлено Никитенкѣ, который, не забудемъ, состоялъ редакторомъ «Современника»; изъ числа вторыхъ—Краевскому. Разсказавъ о протекціи, въ свое время оказанной Никитенкѣ Рылѣвымъ, Булгаринъ продолжаетъ: «Никитенко достойный ученикъ Рылѣва, но благоразуміе своего учителя. Рылѣвъ хотѣлъ ниспровергнуть государственный порядокъ съ боя штурмомъ, а Никитенко подрываетъ его минами, подкапываясь подъ него. Онъ былъ въ одно время и цензоромъ и сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» и не стыдился своего имени выставлять въ программѣ и на обложкѣ журнала. Опаснѣе Никитенки я не знаю челоуѣка въ Россіи. Онъ хуже Краевского. Весь фуріоризмъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ цензурою Никитенки и, наконецъ, партія коммунистовъ избрала его въ редакторы «Современника», родного брата «Отечественныхъ Записокъ». Бѣдная Россія!»

Съ меньшей злобой обрушивается Булгаринъ на Краевского. Изъ своихъ характеристикъ Никитенко и Краевского Булгаринъ дѣлалъ вполнѣ логичный выводъ. Указавъ на необходимость примѣненія цѣлаго ряда мѣръ для обузданія литературы вообще, онъ продолжаетъ: «все это не произведетъ пользы, если оставить Краевского въ его положеніи. Краевскому и Никитенкѣ (ибо «Современникъ» есть эхо «Отечественныхъ Записокъ») запретить вовсе быть редакторами какихъ бы то ни было журналовъ, и журналы ихъ запретить. Это дастъ острастку всѣмъ пи-

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1913. № 3, стр. 222 и слѣд. «Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи».

сакамъ и всей шайкѣ коммунистской. За одну статью запретили «Московский Телеграфъ» Полевому и «Европейца» Кирѣевскому, а «Отечественныя Записки» 10 лѣтъ подкапываются подъ алтарь и престолъ, и никто ихъ тронуть не дерзнетъ. Пока будетъ дѣйствовать Краевскій, Никитенко и Бѣлинскій, въ литературѣ чумы не истребятъ. Выговоромъ дѣла нельзя исправить».

Одновременно съ этимъ злобнымъ выпадамъ противъ Никитенки и Краевского, Булгаринъ обрушился на Некрасова и сотрудника «Отечеств. Записокъ» Буткова. Поводомъ для нападенія послужило данное Булгарину порученіе принять участіе въ розысканіи анонимнаго автора революціоннаго письма, полученнаго въ февралѣ 1848 г. гр. Орловымъ (см. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература», стр. 185—190). Булгаринъ рѣшилъ воспользоваться открывшейся возможностью для сведенія личныхъ счетовъ и, «ничтоже сумняшеся», высказалъ предположеніе, что виновными въ составленіи письма являются именно названныя лица, на томъ де основаніи, что они «болѣе и смѣлѣе другихъ вопіютъ нынѣ въ пользу революцій». О Некрасовѣ въ доносѣ Булгарина было, сверхъ того, сказано, что онъ «самый отчаянный коммунистъ: стоитъ прочесть стихи его и прозу въ С.-Петербургскомъ Альманахѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ»... Для окончательнаго изоблаченія Некрасова и Буткова, Булгаринъ совѣтовалъ «пересмотрѣть и сравнить рукописи» ихъ съ почеркомъ письма, а кромѣ того «найти человѣка, который бы напоилъ ихъ и пораспросилъ». Отстаивая этотъ послѣдній способъ, Булгаринъ писалъ: «Бутковъ и Некрасовъ любятъ оба выпить, а Бутковъ таскается по трактирамъ и недавно едва не былъ схваченъ за вранье, какъ онъ самъ рассказывалъ въ редакціи «Сѣверной Пчелы». Некрасовъ ведетъ себя повыше и упивается шампанскимъ, и упившись—вретъ»...

Третьимъ, кого пытались привлечь къ этому дѣлу III отдѣленіе, былъ Бѣлинскій. Произведенное дознаніе выяснило необоснованность обвиненій, предъявлявшихся къ Бѣлинскому, Некрасову и Буткову, но политическая ихъ репутація въ глазахъ николаевскихъ жандармовъ безвозвратно погибла. По крайней мѣрѣ въ послѣдствіи Дубельтъ официально заявлялъ, что «шефъ жандармовъ имѣетъ неблагопріятныя свѣдѣнія на счетъ образа мыслей Некрасова, и потому слѣдуетъ за нимъ наблюдать» (См. у Лемке 201 стр.).

Въ унисонъ съ Булгаринымъ пѣли и другіе доносчики. Одинъ изъ нихъ, повидимому, Б. М. Ѳедоровъ, подалъ особую записку, въ которой рядомъ ссылокъ и цитатъ пытался доказать, что въ теченіе ближайшаго пятилѣтія (съ 1843 г. по первые мѣсяцы

1848 г.) «Современникъ» и «Отеч. Записки» проповѣдывали на своихъ страницахъ мысли противорелигіозныя и противонравственныя; противъ того, что уважается всѣми и противъ уваженія младшихъ къ старшимъ; противъ уваженія дѣтей къ родителямъ и противъ воспитанія; противъ повиновенія и о стремленіи къ свободѣ; мысли возмутительныя и о политическихъ переворотахъ; объ общественныхъ вопросахъ и стремленіи нашего времени. Несомнѣнно, что эти и подобные имъ доносы разсматривались, а можетъ быть отчасти и принимались въ руководство извѣстнымъ комитетомъ 27 февраля. По крайней мѣрѣ, изъ напечатаннаго въ «Голосѣ Минувшаго» журнала комитета отъ 29 марта 1848 г. видно, что особенное его вниманіе привлекли именно указанные въ доносахъ журналы «Современникъ» и «Отеч. Записки», многія статьи которыхъ квалифицировались, какъ неосторожныя, неумѣстныя, предосудительныя, сомнительнаго направленія и т. д.

На этомъ основаніи комитетъ рѣшилъ «обратить самое строгое вниманіе цензуры» на оба эти журнала и объявить редакторамъ, что правительство будетъ имѣть за ними «особенное наблюденіе» и въ случаѣ, если впредь появится въ нихъ что-либо «предосудительное или двусмысленное», не только запретить журналы, но и подвергнуть ихъ «строгому взысканію лично». Въ самомъ текстѣ подписки, которая была дана Никитенкой и Краевскимъ по выслушаніи этого постановленія, вины «Совр.» и «Отеч. Зап.» опредѣлялись въ несравненно болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, сильно напоминавшихъ, кстати сказать, текстъ второго доноса. «Государь Императоръ», было сказано здѣсь, «изволилъ признать, что журналы сіи допускали въ своихъ статьяхъ мысли въ высшей степени преступныя, могущія поселить и въ нашемъ отечествѣ правила коммунизма, неуваженіе къ вѣковымъ и священнымъ учрежденіямъ, къ заслугамъ людей, всѣми почитаемыхъ, къ семейнымъ обязанностямъ и даже къ религіи, повредить народной нравственности и вообще приготовить у насъ тѣ пагубныя событія, которыми нынѣ потрясены западныя государства».

Я останавливаюсь на этихъ фактахъ, лишь недавно сдѣлавшихся извѣстными читающей публикѣ, главнымъ образомъ потому, что они опредѣлили на цѣлое почти десятилѣтіе отношеніе правительственныхъ органовъ къ «Современнику».

Гоненіе на некрасовскій журналъ, воздвигнутое въ 1848 г., привело очень быстро къ перемѣнѣ редактора. Осторожный Никитенко съ его очень и очень умѣреннымъ либерализмомъ предпочелъ разорвать съ изданіемъ связь, съ которымъ уже

успѣла скомпрометировать его репутацію въ глазахъ властей предержащихъ. Это, конечно, было его право, и какихъ либо упрековъ за то, что онъ его использовалъ, Никитенко не заслуживаетъ. Зато онъ, безъ сомнѣнія, повиненъ въ попыткѣ возстановить въ полномъ блескѣ свое политическое реноме, путемъ весьма недвусмысленныхъ экивоковъ на неблагонадежность своихъ сотоварищей по «Современнику», которые онъ допустилъ въ своемъ письмѣ къ официальному лицу—гр. Орлову. Въ этомъ письмѣ, опубликованномъ впервые въ «Голосѣ Минувшаго», Никитенко сначала распинался въ увѣреніяхъ, что онъ принялъ редакцію «Современника», «имѣя въ виду одну цѣль—образовать современемъ для публики чтеніе, сообразное... съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей, святость и неприкосновенность коего онъ, какъ русскій, умѣетъ глубоко чувствовать», а затѣмъ писалъ слѣдующее: «къ несчастію составъ журнала слишкомъ сложенъ и участвующихъ въ немъ слишкомъ много. Эти участвующіе люди, большею частью мнѣ совершенно незнакомые лично, явились съ готовымъ образомъ мыслей, иные, можетъ быть, съ готовыми наклонностями къ идеямъ, чуждымъ намъ и опаснымъ, которыхъ вреда они сами не сознавали. Оцѣнить каждого по его направленію, отличить людей неблагонамѣренныхъ отъ молодыхъ людей съ дарованіемъ, которое можетъ быть еще направлено къ добру,—всего этого я не могъ сдѣлать въ краткій періодъ моего редакторства до послѣднихъ роковыхъ событій, которыя для многихъ послужили спасительнымъ урокомъ, многихъ заблудшихъ просвѣтили, многихъ глубже и строже заставили всмотрѣться въ чужія и собственныя мысли».

Естественнымъ слѣдствіемъ и общей реакціи 1848 г. и доносовъ, направленныхъ спеціально противъ литературы, явился цѣлый ураганъ всевозможныхъ придирокъ и притѣсненій, разразившійся надъ «Современникомъ» въ концѣ 40-хъ годовъ. Отѣхъ, поистинѣ гомерическихъ размѣрахъ, которые приняли эти придирки и притѣсненія, съ достаточной подробностью повѣствуетъ Панаева-Головачева.

Первая половина 50-хъ годовъ, какъ это можно видѣть изъ воспоминаній Колбасина, въ свою очередь не внесла улучшенія въ положеніе «Современника».

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ русская печать вздохнула нѣсколько свободнѣе, но и въ это время бывали моменты, когда цензура свирѣпствовала съ прежнимъ ожесточеніемъ: такъ, напр., цензоръ Палаузовъ въ своемъ письмѣ къ Некрасову отъ второй половины 1859 г. долженъ былъ признать, что «Современникъ» находится въ «горестномъ положеніи», и охарактеризовалъ отно-

шеніе къ нему цензуры словами: «Чортъ знаетъ что такое!» Въ письмахъ Чернышевскаго къ Некрасову и Добролюбову также содержится не мало указаній на неистовства «цензурной орды съ ея баскаками» (выраженіе Герцена). Такъ въ письмѣ отъ 7 февраля 1857 г. сообщается объ изыятіяхъ, сдѣланныхъ цензурою въ стихахъ Некрасова; въ письмѣ же отъ 28 ноября 1860 г. къ Добролюбову Чернышевскаго, что называется, прорвало. «Цензура, читаемъ мы здѣсь, испакостила вашу статью о Наполеонѣ и не пропустила «Свистка». Хлопоталъ я, хлопоталъ Некрасовъ,—успѣхъ сказался незавидный. Думаемъ перемѣнить цензора: Рахманиновъ воображаетъ себя порядочнымъ человѣкомъ, но онъ—глупая скотина. Напрасно вы съ Некрасовымъ защищали его прежде. Впрочемъ, я съ нимъ теперь пріятель, но это не помогаетъ. Я выпилъ у него, по крайней мѣрѣ 25 стакановъ кофе и чаю, а пользы все-таки не было никогда. Ну ихъ къ чорту всѣхъ, отъ Ковалевскаго до Рахманинова, проходя черезъ Делянова и уже не говоря о Медемѣ: всѣ до одного—скоты! Толкуютъ, что Медема хотятъ смѣнить, потому что ужъ сами видятъ чрезмѣрность его глупости. Посмотримъ, смѣнятъ ли, а кѣмъ бы ни замѣнили, хуже не будетъ». Замѣчу, кстати, что упоминаемый здѣсь Рахманиновъ принадлежалъ къ числу сравнительно гуманныхъ цензоровъ, на что, указывается, на примѣръ, въ воспоминаніяхъ его племянника Терпигорева-Атавы. Если даже онъ вызывалъ такіе эпитеты со стороны сдержаннаго Чернышевскаго, то можно себѣ представить, каковы были его сотоварищи. Однако, было бы ошибочно только индивидуальными свойствами цензоровъ объяснять ихъ подозрительное вниманіе къ «Современнику». Здѣсь, безспорно, сыграли роль какія то общія директивы, вызванныя отчасти опредѣленностью репутаціи журнала, которая, какъ мы видѣли, установилась чуть ли не съ 1847 г., отчасти радикализмомъ его соціально-политической программы. Не даромъ Ковалевскій рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что, обратившись по поводу какой то своей статьи къ предсѣдателю цензурнаго комитета Турунову, онъ услышалъ отъ него такой отвѣтъ: «печатайте во всякомъ какомъ угодно журналѣ, вамъ ее пропущу, но въ «Современникѣ» ни за что».

Не останавливаясь ни на пріостановкѣ «Современника» въ 1862 году, официально мотивированной маловразумительными ссылками на петербургскіе пожары, ни на предостереженіяхъ, полученныхъ имъ уже послѣ реформы печати, приведу рядъ цифръ, которыя опредѣляютъ количество печатныхъ листовъ въ немъ не пропущенныхъ цензурой въ періодъ съ 1854 по 1865 г.

и, слѣдовательно, даютъ яркую картину отношенія цензуры къ журналу. Цифры эти извлечены мною изъ архива конторы «Современника».

Въ 1854 г. (№ 12) цензура вымарала	5 $\frac{1}{8}$ л.;
въ 1855 г. (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 11 и 12)	11 $\frac{5}{8}$ л.;
въ 1856 г. (№№ 1—7)	12 — л.;
въ 1857 г. (№№ 1—12)	21 — л.;
въ 1858 г. (№№ 1—12)	45 $\frac{1}{4}$ л.;
въ 1859 г. (№№ 1—11)	40 $\frac{3}{8}$ л.;
въ 1860 г. (№№ 1—12)	50 $\frac{7}{8}$ л.;
въ 1861 г. (№№ 1—12)	56 — л.;
въ 1862 г. (№№ 1—5)	30 $\frac{5}{8}$ л.;
въ 1863 г. (№№ 1—12)	76 $\frac{1}{8}$ л.;
въ 1864 г. (№№ 1—12)	56 $\frac{5}{8}$ л.;
въ 1865 г. (№№ 1—7)	20 $\frac{3}{8}$ л.;

А всего въ періодъ 1854—1865 г. вымарано 426 — л.

Годы 1854, 1855 и 1856, по которымъ въ моемъ распоряженіи имѣются лишь очень неполныя свѣдѣнія, какъ относящіяся къ эпохѣ дореформенной, итти въ расчетъ не могутъ, а потому, вычитая сумму цензорскихъ вымарокъ по этимъ годамъ ($426 - 28\frac{3}{4}$), получимъ для послѣдующаго девятилѣтія (1857—1865 г.г.), обнимающаго періодъ, если слѣдовать установившейся терминологіи, собственно «шестидесятихъ годовъ», цифру вымарокъ въ $397\frac{1}{4}$ л. О девятилѣтіи въ данномъ случаѣ можно говорить лишь условно, такъ какъ по декабрю 1859 г. у насъ нѣтъ свѣдѣній, въ теченіе большей части 1862 г. «Современникъ» былъ приостановленъ, и, наконецъ, съ сентября 1865 года вступилъ въ силу новый законъ о печати; такимъ образомъ *de facto* девятилѣтіе должно быть сведено *maximum* на восьмилѣтіе (въ дѣйствительности на семь лѣтъ и 11 мѣсяцевъ). Слѣдовательно, за восемь лѣтъ «Современникъ» долженъ былъ лишиться по требованію цензуры, считая круглыми цифрами, 400 печ. листовъ, что составитъ въ среднемъ 50 л. на годъ, или же $4\frac{1}{16}$ л. въ мѣсяцъ. Иными словами «Современникъ» терялъ по 800 страницъ въ годъ, или по 66,6 стр. въ мѣсяцъ. Страшныя цифры! тѣмъ болѣе страшныя, что онѣ лишь отчасти отражаютъ дѣйствительное положеніе вещей, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ никакихъ данныхъ о томъ множествѣ статей, которыя по цензурнымъ же соображеніямъ были отвергаемы самой редакціей.

Приведенная таблица чрезвычайно любопытна еще въ томъ

отношеніи, что позволяет утверждать съ полною категоричностью, что въ періодъ наибольшаго разгара реформаціонной дѣятельности правительства цензурныя репрессіи не только не сокращались, а замѣтно возрастали. Такъ, если въ 1858—1859 годахъ цензурой вымаровалось въ мѣсяцъ нѣсколько менѣе четырехъ листовъ, то въ 1860 г. вымаровалось уже болѣе четырехъ листовъ, въ 1861— $4\frac{2}{3}$ л., въ 1862 г.—свыше шести, въ 1863 г.— $6\frac{1}{3}$ л. Уже одно это обстоятельство давало достаточно основаній относиться недовѣрчиво къ искренности и прочности принятаго правительствомъ новаго курса.

Изъ имѣющихся у меня свѣдѣній, извлеченныхъ опять-таки изъ архива конторы «Современника», явствуетъ, что цензурное veto постигало статьи разнообразнѣйшаго содержанія, начиная отъ стиховъ и беллетристики, продолжая научными статьями и кончая статьями по вопросамъ социальнымъ, политическимъ и экономическимъ. Статьи этой послѣдней группы пользовались, само собой разумѣется, наибольшимъ вниманіемъ со стороны гг. цензоровъ.

Языкъ мертвыхъ цифръ не уступаетъ въ выразительности языку живыхъ людей, хотя бы проникнутому пламеннымъ чувствомъ. Думается, что справедливость этого положенія оправдывается и въ данномъ случаѣ, т.-е. что приведенныя цифровыя данныя, рисующія исторію цензурныхъ гоненій на «Современникъ», даютъ картину не менѣе яркую, чѣмъ воспоминанія прикосновенныхъ къ Некрасовскому журналу лицъ, какъ бы патетичны они ни были.

Характеръ отношеній цензуры къ «Современнику» опредѣлили собою и ту роль, которая выпала на долю редактора. Въ чемъ она состояла, скажу словами Колбасина: «Много энергіи на неравную борьбу тратилъ Некрасовъ въ эти годы. Онъ злился, ссорился съ цензорами, то грозилъ имъ, то ласкалъ, закармливая отличными обѣдами. Случалось, что цензору не понравится заглавіе какой нибудь повѣсти или статьи, и онъ преспокойно приказываетъ выбросить изъ номера журнала набранную уже статью. Николай Алексѣевичъ не поддавался: то придумывалъ онъ новое заглавіе статьи и вступалъ въ переговоры съ цензоромъ, убѣждая послѣдняго также сдѣлать скидку, оставить въ цѣлости все остальное (маневръ этотъ часто удавался), то, въ случаѣ неудачныхъ переговоровъ, Некрасовъ со скрежетомъ зубовымъ передѣлывалъ статью, убѣждая цензора не трогать середины и конца, или оставить въ первоначальномъ видѣ начало и середину, удовлетворившись импровизированнымъ концомъ. Памятный сотрудникъ «Современника», старшій конторщикъ Карлъ Ивановичъ Вульфъ, безпрерывно бѣгалъ отъ Некрасова къ цензору...

Часто выпускъ былъ уже напечатанъ, и бумажныя горы свѣжихъ журналовъ лежали въ какомъ-нибудь углу типографіи или редакціи, какъ вдругъ налетали, подобно грозѣ, какія-нибудь новыя придирки со стороны цензуры. Хорошо еще, если № не былъ сброшюрованъ.

Въ подобныхъ случаяхъ Некрасовъ не могъ сдерживать своей ярости. Случалось, что номеръ былъ готовъ къ выходу въ свѣтъ, какъ вдругъ получалась какая-нибудь замѣтка или статья отъ какой-нибудь «значительной особы». Такія особы время отъ времени удостоивали «Современникъ» такими предложеніями, отвергнуть которыя не было никакой возможности. Все приостанавливалось, и выходъ въ свѣтъ журнала страшно запаздывалъ. Нерѣдко январскій номеръ «Современника» выходилъ въ февралѣ и т. п.»

Здѣсь съ достаточной полнотой отмѣчены главныя черты той «политики», которую волей-неволей долженъ былъ вести Некрасовъ, желавшій совмѣстить двѣ вещи почти что несомѣстимыя: духъ живой общественности, вѣявшій чуть ли не съ каждой страницы его журнала, съ требованіями проникнутой ультра-охранительными тенденціями цензуры. И если Некрасову удавалось въ значительной степени достигатьжелаемаго, то этимъ онъ во многомъ обязанъ своему удивительному такту, рѣдкой обходительности и умѣнію примѣняться къ людямъ, для чего ему было необходимо, конечно, угадывать ихъ слабыя стороны и пользоваться ими. Однако, всѣхъ этихъ свойствъ его натуры, отчасти врожденныхъ, отчасти развившихся подъ вліяніемъ жизненныхъ обстоятельствъ, несомнѣнно, оказалось бы недостаточно, если бы имъ не сопутствовала готовность итти въ иныхъ случаяхъ на компромиссы и даже кривить душой. Элементарною формою такихъ компромиссовъ являлось «прикармливаніе звѣрей», т.-е. угощеніе лукуловскими обѣдами цензоровъ и другихъ нужныхъ людей въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ числа тѣхъ, кого Некрасовъ никоимъ образомъ не могъ уважать, если не за ихъ личныя качества, то за характеръ ихъ служебной дѣятельности. Изъ воспоминаній Михайловскаго мы знаемъ, что обѣды и собранія, бывавшія для нужныхъ людей у Некрасова, производили на людей строго-принципіальныхъ въ высшей степени тягостное впечатлѣніе и заставляли протестовать «почти безсознательное чувство брезгливости». Вслѣдъ за обѣдами и собраніями шли посѣщенія балета, гастрономическихъ обществъ, клубовъ и т. д., опять таки находившіяся въ рѣзкой дисгармоніи и съ общественною ролью и тѣмъ болѣе съ содержаніемъ поэзіи Некрасова. Такимъ образомъ создавалось факти-

ческое основаніе говорить о пребываніи поэта въ станѣ не только «ликующихъ и праздно болтающихъ», но и «обогряющихъ руки въ крови» («это кровь проливается» — говорилъ Некрасовъ о красныхъ цензорскихъ пометкахъ), что было уже несравненно хуже. Пребываніе въ этомъ станѣ вело за собой, съ одной стороны, укорененіе цѣлаго ряда глубоко отрицательныхъ привычекъ личнаго свойства, съ другой — приобрѣтало даже видимость отступничества относительно «погибающихъ за великое дѣло людей». О томъ, что такая видимость на самомъ дѣлѣ существовала, свидѣтельствуютъ и Антоновичъ и Елисеевъ. Такъ Антоновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «Некрасовъ въ нелитературной, но начальственной относительно литературы сферѣ распространялъ и поддерживалъ такое убѣжденіе, что онъ не принимаетъ никакого участія въ редактированіи журнала, что онъ интересуется журналомъ только съ матеріальной стороны, что его сотрудники, что хотятъ, то и дѣлаютъ, безъ его вѣдома и согласія. И такое убѣжденіе дѣйствительно держалось въ этихъ сферахъ. Одна особа сказала однажды Некрасову: «Мы знаемъ, что вы человѣкъ въполнѣ благонадежный, что вы сами ни въ чемъ неповинны, но что все неодобрительное творить вашъ главный штабъ, и вся ваша вина только въ томъ, что вы дали полную волю вашему штабу, вовсе не смотрите за нимъ; поэтому совѣтую вамъ»... и т. д. Такъ мало освѣдомлена была особа объ истинномъ положеніи дѣла: она не знала и не воображала, что въ этомъ главномъ штабѣ почти главную роль игралъ именно самъ же Некрасовъ». Такимъ образомъ, со словъ Антоновича нельзя не заключить, что Некрасовъ сознательно втиралъ очки властямъ предрержающимъ, прикидываясь въполнѣ благонадежнымъ человѣкомъ. Нѣсколько иначе смотреть на вопросъ Елисеевъ: онъ отрицаетъ за Некрасовымъ въ данномъ случаѣ всякую предумышленность; если Некрасовъ де и ссылался на свою «консисторію», то лишь бы «отвязаться отъ вопрошающихъ». Затѣмъ, по мнѣнію Елисеева (см. мою статью въ «Голосѣ Минушаго», 1914 г. № 1, — «Редакція «Современника» въ 1866 году»), если бы Некрасовъ рѣшился заявить о полной своей солидарности съ такими сотрудниками, какъ Чернышевскій, ему не миновать бы ареста и ссылки. Однако, тотъ же Елисеевъ сознается, что истинный характеръ поведенія Некрасова прояснился для него только въ послѣдствіи, въ срединѣ же 60-хъ годовъ онъ склоненъ былъ относиться къ нему довольно подозрительно. Отсюда видно, что изобиліе и разнообразіе компромиссовъ, допускавшихся Некрасовымъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, очень и очень повинны общія условія его дѣятельности, главнымъ образомъ не-

выносимый цензурный гнетъ, создавали извѣстную отчужденность и вызывали нѣсколько подозрительное отношеніе къ нему со стороны компаніи молодыхъ сотрудниковъ, замѣнившихъ столь близкихъ Некрасову людей, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ. Эти отчужденность и подозрительность особенно ярко проявились въ 1866 г. въ дни закрытія «Современника», а затѣмъ при началѣ «Отеч. Записокъ», когда Антоновичемъ и Жуковскимъ была выпущена противъ Некрасова извѣстная полемическая брошюра.

Въ своихъ ссылкахъ на цензурныя бури, выносимыя Некрасовымъ, я почти исключительно пользовался фактами изъ исторіи «Современника». Это отнюдь не значитъ, что во время изданія имъ «Отеч. Записокъ» цензура относилась къ нему милостивѣе. Конечно, измѣнившееся послѣ закона 1865 г. положеніе печати ослабило цензурный гнетъ, но это ослабленіе не переходило извѣстныхъ предѣловъ. Репутація Некрасова еще въ срединѣ 60-хъ годовъ, какъ это видно изъ официальной записки гр. Капниста («Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей за послѣднее десятилѣтіе 1854—1864 гг.»), настолько опредѣлилась, что къ нему и его органу власть относилась болѣе чѣмъ подозрительно. Приходилось опять всѣ свои упованія возлагать на личныя отношенія съ цензорами, изъ которыхъ удавалось заручиться благосклонностью далеко не всѣхъ.

Характерно въ этомъ отношеніи нижеслѣдующее неизданное письмо Некрасова къ Скабичевскому, исправлявшему въ лѣтніе мѣсяцы обязанности редактора:

«Уважаемый Александръ Михайловичъ, ежели статья Зайцева (по поводу книгъ о нравственности) уже отпечатана въ № 8-омъ—и вообще если въ 8-омъ № есть что нибудь сомнительное, въ безопасности чего вы не увѣрены, то не выпускайте книгу до пріѣзда Салтыкова, а съ нимъ спишитесь и просите его пріѣхать къ 20-му августа (я не пишу ему потому, что потерялъ адресъ; самъ надѣюсь быть тоже не позднѣе 25-го августа). Лучше потерять нѣсколько дней, чѣмъ получить предостереженіе, которое теперь безъ Лонгинова—Фуксъ тотчасъ состряпаетъ. Объ остальномъ читайте въ письмѣ къ Плещееву, на этомъ же листѣ. Пред. Вамъ *Н. Некрасовъ*».

Изложенное съ достаточной полнотой вскрываетъ тотъ огромный моральный вредъ, который причинила цензура Некрасову—человѣку. И Некрасовъ отнюдь не закрывалъ на это глаза; онъ превосходно понималъ, что постоянная необходимость приспособляться, итти на компромиссы коверкаетъ его характеръ, вносить ноту вопіющей дисгармоніи между его жизнью и поэтической

проповѣдью, подрываетъ его репутацію въ глазахъ передовыхъ круговъ русскаго общества и т. д. и т. п. Ради чего же онъ въ такомъ случаѣ въ теченіе всей своей жизни неизмѣнно держался избраннаго однажды поприща? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ его стихотворное обращеніе къ Салтыкову. Уже незадолго до смерти, озирая пройденный имъ «онъ путь—журнальный путь», Некрасовъ хотя и сознавался, что на этомъ пути «шагу мы не ступимъ безъ сдѣлокъ съ совѣстью своей», но въ то же время крѣпко вѣрилъ, что на немъ «мы снисхожденіе купимъ трудомъ у мыслящихъ людей»,—

«Трудомъ и безкорыстной цѣлью...
Да, будемъ лучше рисковать,
Чѣмъ безопасному бездѣлю
Остатокъ жизни отдавать».

Итакъ, желаніе трудиться и стремленіе къ безкорыстной цѣли заставили Некрасова предпочесть «безопасному бездѣлю» постоянный «рискъ», сопряженный съ многотрудной стезей отечественнаго журналиста середины XIX вѣка.

А рисковалъ Некрасовъ чрезвычайно многимъ: собственнымъ спокойствіемъ, во-первыхъ, и своимъ добрымъ именемъ не только у современниковъ, но отчасти и у послѣдующихъ поколѣній, во-вторыхъ. Единственная же награда (о безкорыстіи Некрасова я уже достаточно говорилъ), на которую онъ могъ рассчитывать, это, по удачному выраженію Михайловскаго, «провести среди безчисленныхъ подводныхъ и надводныхъ скаль корабль литературы» съ «грузомъ высоко-художественныхъ произведеній, составляющихъ нынѣ общепризнанную гордость литературы, и свѣтлыхъ мыслей, постепенно ставшихъ общимъ достояніемъ и частью вошедшихъ въ самую жизнь». Эта задача была по силамъ лишь человѣку, не только обладающему значительнымъ запасомъ житейской ловкости и изворотливости, но и непоколебимою вѣрою въ правоту тѣхъ идей, ради проповѣди которыхъ принимались на плечи столь «неудобоносимыя бремена». Ни въ чемъ, такимъ образомъ, не сказались такъ ярко искренняя убѣжденность и глубоко идейный характеръ журнальной дѣятельности Некрасова, какъ въ исторіи его борьбы съ цензурой и сопровождавшихъ ее компромиссовъ, сдѣлокъ съ совѣстью и даже паденій.

Однако, отмѣченные стороны журнальнаго служенія Николая Алексѣевича не сдѣлали его узко тенденціознымъ редакторомъ, совершенно игнорирующимъ при оцѣнкѣ представляемыхъ въ редакцію его журнала произведеній эстетическій критерій. Ковалевскій въ своихъ воспоминаніяхъ, чуть ли не наибольшую заслугу Некрасова, какъ редактора, видитъ какъ разъ въ томъ, что онъ, будучи «тонкаго обонянія редакторомъ, эстетикомъ, ка-

кихъ мало», умѣлъ проносить въ журналъ «эстетическую контрабанду», несмотря на «таможенные заставы», воздвигнутыя отрицаніемъ искусства. Однако, свой эстетизмъ Некрасовъ, по словамъ того же автора, «обязанъ былъ скрывать отъ столповъ своей редакціи, Чернышевскаго и Добролюбова», въ глазахъ которыхъ онъ-де являлся «порокомъ». Было бы весьма печально, если бы все въ картинѣ, нарисованной Ковалевскимъ, соотвѣтствовало дѣйствительному положенію дѣлъ. Къ счастью, факты не вполне подтверждаютъ слова Ковалевскаго. Время журнальной дѣятельности Некрасова совпало съ расцвѣтомъ въ русской художественной литературѣ реалистическаго направленія. И писатели 40-хъ годовъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой, Островскій, Григоровичъ и др.) и тѣмъ болѣе беллетристы-народники (Глѣбъ и Ник. Успенскіе, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Златовратскій, Засодимскій и др.), прежде всего, стремились къ жизненной правдѣ, считая однимъ изъ главныхъ достоинствъ своего творчества строгую вѣрность дѣйствительности. Къ помѣщенію произведеній этихъ авторовъ ни Чернышевскій, ни Добролюбовъ, ни ихъ преемники не могли относиться иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, потому что они давали имъ богатый матеріалъ для критическаго анализа тѣхъ или иныхъ сторонъ русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, не будь тургеневской «Аси»,—не увидѣла бы свѣта столь характерная для Чернышевскаго статья, какъ «Русскій человѣкъ на rendez vous»; то же самое приходится сказать и о большинствѣ статей Добролюбова. Такимъ образомъ, относительно тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя составляли душу беллетристическаго отдѣла «Современника», между Некрасовымъ и его соредакторами никакихъ трений выходить не могло. Если эти послѣдніе и имѣли мѣсто, то лишь по поводу произведеній, такъ сказать, второстепенныхъ, каковыми являлись мелкія лирическія стихотворенія и т. п. Подтвержденіе нашего взгляда содержатся, между прочимъ, въ воспоминаніяхъ того же Ковалевскаго, который могъ припомнить лишь одинъ случай явнаго подчиненія Некрасова тенденціи. Некрасовъ, разсказываетъ Ковалевскій, «не рѣшался напечатать въ «Современникѣ» одного стихотворенія (которое ему очень нравилось), за то, что въ немъ говорилось о косьбѣ, какъ забавѣ и весельѣ мужика въ ведро, а не какъ о тягостномъ трудѣ»¹⁾. Въ отвѣтъ

¹⁾ Рѣчь идетъ, несомнѣнно, о стих. самого Ковалевскаго «Косьба», (1864 г.) заканчивающемся такимъ четверостишіемъ:

«И пойдетъ валиться травушка,
Ночью пахнутъ сѣномъ скошеннымъ:
Ты не трудъ, косьба,—забавушка
Лѣтнимъ ведромъ—гостемъ прошеннымъ».

на слова Ковалевскаго, что косьба, на самомъ дѣлѣ, такова Некрасовъ яко бы замѣтилъ: «Такъ-то оно такъ, отецъ! Только мнѣ-то нельзя въ моемъ журналѣ такъ разговаривать. Скажутъ: Некрасовъ мужика жалѣть пересталъ: гдѣ забаву нашелъ, въ косьбѣ!»...

Трудно, конечно, рѣшить, насколько искреннимъ являлся въ данномъ случаѣ Некрасовъ: высказывалъ ли онъ свое чисто-сердечное убѣжденіе, или стихотвореніе Ковалевскаго казалось ему просто незначительнымъ и слабымъ, и онъ пріискивалъ необходимые для самолюбія сотрудника мотивы его помѣщенія, или же онъ уступилъ въ данномъ случаѣ мнѣнію своихъ сотрудниковъ, отвѣтственность за которое бралъ цѣликомъ на себя. Во всякомъ случаѣ, два послѣднія предположенія представляются мнѣ болѣе убѣдительными, чѣмъ первое. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстенъ аналогичный случай, когда Некрасовъ, будучи вынужденъ къ непринятію пьесы Полонскаго «Разладъ» именно мнѣніемъ своихъ соредакторовъ, предпочелъ объ этомъ деликатномъ обстоятельствѣ не сказать автору ни слова. Дѣло, по словамъ Антоновича, заключалось въ слѣдующемъ: «Некрасовъ стоялъ за помѣщеніе въ «Современникѣ» пьесы Полонскаго, такъ какъ находилъ ее эффектной и даже сенсаціонной, въ содержаніи же ея, воспроизводящемъ сцены изъ польскаго возстанія, также не видѣлъ ничего неудобнаго. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ узнать мнѣніе о «Разладѣ» своихъ сотрудниковъ. Антоновичъ и Елисеевъ, прочтя пьесу, нашли ее очень односторонней и для помѣщенія въ «Современникѣ» непригодной. Когда взгляды сотрудниковъ сдѣлался извѣстенъ Некрасову, то онъ совершенно спокойно, безъ всякой обиды и безъ всякаго самолюбиваго неудовольствія, просто сказалъ: «А если вы находите, что ее не слѣдуетъ печатать, такъ и не напечатать, и я ее возвращу Полонскому». И больше ни слова»... Для Некрасова, такимъ образомъ, создавалось довольно затруднительное положеніе: ему лично пьеса нравилась, и онъ ничего не имѣлъ противъ ея помѣщенія, но во избѣжаніе треній съ ближайшими сотрудниками журнала печатать ее было нельзя. Къ тому же рѣчь шла о произведеніи крупнаго поэта, давнишняго пріятеля Некрасова. Въ моемъ распоряженіи имѣется письмо¹⁾ редактора «Современника» къ Полонскому отъ 2-го апрѣля, очевидно, 1864 г., изъ ко-

¹⁾ Это письмо, равно какъ и другія письма Некрасова къ Полонскому и Полонскаго къ Некрасову, получено мною отъ супруги покойнаго поэта Жозефины Антоновны Полонской. Пользуюсь случаемъ выразить ей глубочайшую благодарность за предоставленіе этой переписки въ мое распоряженіе.

торого видно, какъ умно и съ какимъ достоинствомъ онъ вышелъ изъ затрудненія. Вотъ его полный текстъ:

«Я свелъ счеты по «Современнику» и пришелъ къ неутѣшительнымъ результатамъ: подписка уже почти кончилась, а денегъ у насъ очень мало..

«Заплатить Вамъ дешево не могу, да Вы и не возьмете, дать много не изъ чего. Поэтому пристройте вашу вещь въ другой журналъ.—Если же вздумаете напечатать отдѣльно, то предсказываю большой сборъ, а между тѣмъ на изданіе могу Вамъ дать лично изъ своего кармана, что понадобится. Пьесу посылаю.

Весь Вашъ Н. Некрасовъ».

Весьма характерно, что мотивъ къ непомѣщенію «Разлада» въ «Соврем.», указанный Некрасовымъ, хотя и не могъ играть рѣшающей роли, какъ это видно изъ разсказа Антоновича, однако, по существу своему, являлся совершенно правильнымъ: мнѣ уже приходилось указывать въ печати на то, что 1864 годъ сильно поколебалъ матеріальное благосостояніе журнала, давъ около 20 т. р. дефицита. Если, выдвигая этотъ мотивъ на первый планъ, Некрасовъ и прибѣгъ къ нѣкоторой, правда, совершенно простительной хитрости, то заключительная часть письма въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ рисуетъ нравственный обликъ поэта, свидѣтельствующая и объ его благожелательности къ людямъ и объ его безкорыстіи.

Замѣтимъ, что оба отмѣченные эпизоды относятся къ срединѣ 60-хъ годовъ, отнюдь не блестящему періоду въ исторіи «Современника». Какъ извѣстно, новые руководители журнала не могли равняться и въ отношеніи одаренности, и въ отношеніи литературнаго такта съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ; а кромѣ того, и времена подъ вліяніемъ все усиливавшихся реакціонныхъ вѣяній наступили исключительно трудныя. «Современникъ» по этимъ причинамъ сталъ замѣтно падать, забравшись въ дебри самой непозволительной и очень тенденціозной полемики. Едва ли можно сомнѣваться, что это усиленіе тенденціозности, менѣе всего исходившее, кстати сказать, отъ Некрасова, могло играть извѣстную роль и въ описанныхъ случаяхъ. При Чернышевскомъ и Добролюбовѣ дѣло шло, повидимому, равнѣе. Если въ первые годы сотрудничества Чернышевскаго въ «Современникѣ» Некрасовъ и чувствовалъ временами въ немъ присутствіе начала, ему не сроднаго, а потому и не слишкомъ симпатичнаго (см., напр., въ книгѣ Пыпина его отзывъ о Чернышевскомъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 27 іюля 1857 г.: «Чернышевскій малый дѣльный и полезный, но крайне односторонній»... и т. д.), то, съ другой стороны,

временами не могъ не восхищаться имъ (ibid, письмо отъ 7 декабря 1856 г.: «Чернышевскій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будущій русскій журналистъ почище меня, грѣшнаго»). Такимъ образомъ, нѣкоторыя колебанія въ оцѣнкѣ Чернышевскаго и роли его въ «Современникѣ» у Некрасова, безспорно, были, но съ теченіемъ времени они, несомнѣнно, исчезли. Быть можетъ, иной разъ Некрасову и приходилось поступаться кой-чѣмъ, чтобы избѣгнуть конфликта съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, но онъ охотно шелъ на это, такъ какъ былъ убѣжденъ въ ихъ честности, самостоятельности (ibid. письмо отъ 15 янв. 1861 г.) и въ правотѣ избраннаго ими пути. Во всякомъ случаѣ говорить о безраздѣльномъ и единоличномъ главенствѣ Чернышевскаго въ «Современникѣ», какъ это дѣлаетъ Вал. Ал. Панаевъ («Русская Старина», 1901 г. № 9), на основаніи лишь того, что онъ противился помѣщенію его статьи объ общинѣ, едва ли справедливо, тѣмъ болѣе, что эта статья все же была напечатана въ журналѣ по настоянію Некрасова. Если даже принять на вѣру рассказъ В. А. Панаева, то и въ такомъ случаѣ выходитъ, что Некрасовъ, когда хотѣлъ, то могъ поставить на своемъ. Разъ не было полного подчиненія наиболѣе «тенденціознымъ» членамъ редакціонной коллегіи, само собою разумѣется, что и самое подчиненіе тенденціи простиралось лишь до извѣстныхъ предѣловъ, именно тѣхъ, которые Некрасовъ считалъ болѣе или менѣе пріемлемыми. Вообще же говоря, Некрасовъ, издавая журналы съ опредѣленной соціально-политической программой, превосходно понималъ, какъ уже указывалось выше, что сила ихъ вліянія на общество зависитъ въ значительной степени отъ послѣдовательности и согласованности ихъ курса, и что поэтому нѣкоторая тенденціозность ихъ содержанія вещь неизбежная. Къ сожалѣнію, русскіе писатели въ эпоху Некрасова въ такой мѣрѣ еще не привыкли, вслѣдствіе специфическихъ особенностей русской государственности и общественности, къ обычнымъ формамъ и проявленіямъ политической жизни страны, что, какъ мы видѣли на примѣрахъ Ковалевскаго и В. А. Панаева, готовы были, учитывая отмѣченную тенденціозность некрасовскихъ журналовъ, серьезно упрекать за нее Некрасова. Подобнаго же взгляда на вопросъ держался, очевидно, и Полонскій, что повело, въ концѣ-концовъ, къ серьезной размолвкѣ между нимъ и Некрасовымъ. Едва ли эта размолвка далась легко обѣимъ сторонамъ. Дѣло въ томъ, что между Некрасовымъ и Полонскимъ существовали издавна очень теплыя пріятельскія отношенія. Только при условіи интимной близости можно было, на примѣръ, написать такую записку, какъ нижеслѣдующая неизданная за-

писки Некрасова къ Полонскому (годъ и число не помѣчены): «Яковъ Петровичъ, отъ души благодарю, благодарю.—Все собираюсь къ Вамъ и наконецъ попаду.

«Извините человѣка, котораго (одолѣли) недугъ, недовольство собою, доходящее до крайности и заставляющее укрываться отъ людей. Вашъ Некр».

Исторія происшедшаго между двумя поэтами конфликта, въ краткихъ словахъ, такова: 26-го февраля 1874 г. Полонскій былъ у Некрасова и одновременно съ похвалами по адресу своей новой поэмы «Келіотъ» выслушалъ категорическій отказъ ее напечатать. Этотъ отказъ сильнѣйшимъ образомъ поразилъ впечатлительнаго и вспыльчиваго Полонскаго, и на слѣдующій день онъ написалъ Некрасову длинное письмо. Въ началѣ его Полонскій говоритъ, что ему было бы пріятнѣе, если бы Некрасовъ отказалъ въ помѣщеніи его поэмы, признавъ ее «никуда негодной». «Я тогда понялъ бы, продолжаетъ онъ, что если въ другой разъ я напишу что-нибудь такое, что Вамъ понравится, Вы меня отбраните и на зло всякимъ Б... помѣстите трудъ мой на страницахъ Вашего журнала.—Теперь и этой надежды я имѣть не могу, такъ какъ навсегда останусь самимъ собою, всегда буду независимъ отъ всякихъ предвзятыхъ идей, отъ всякихъ журнальныхъ направленій и проч. и проч.—значить труды мои для Васъ навсегда потеряны». Указавъ далѣе на то, что помѣщеніе «Келіота» въ «Вѣстникѣ Европы» и «Дѣлѣ» для него едва ли мыслимо какъ по причинамъ матеріальнымъ, такъ и цензурнымъ; отказаться же отъ печатанія поэмы вовсе онъ не можетъ, до крайности нуждаясь въ заработкѣ, Полонскій заканчивалъ свое письмо такими словами: «Или послать трудъ мой въ «Русскій Вѣстникъ»?—Тамъ, если только понравятся стихи мои, заплатятъ мнѣ щедро—это я знаю—но въ какое ставите Вы меня положеніе?—Я буду печатать, буду сотрудникомъ того журнала, гдѣ бранятъ васъ, и не признаютъ за Вами никакихъ поэтическихъ достоинствъ! Вы толкаете меня въ объятія Вашихъ враговъ и на этотъ разъ уже навсегда (если не явится новыхъ журналовъ). По природѣ своей я прямъ и чистосердеченъ. Много правды высказывается Вашимъ журналомъ, много для меня симпатичныхъ сторонъ вижу я въ немъ, и что же?—Я долженъ отвернуться отъ него, какъ отъ деспота, который не только меня, даже Вашъ собственный вкусъ, ваше мнѣніе ни въ грошъ не ставитъ.

«Не Вашихъ сотрудниковъ, Васъ я избралъ судьбою трудовъ моихъ. Вы похвалили мой трудъ, и чѣмъ искреннѣе Ваша похвала, тѣмъ грустнѣе мнѣ за Васъ и за Вашу свободу».

Такимъ образомъ, Полонскій, подобно Ковалевскому, готовъ

былъ упрекать Некрасова въ томъ, что онъ насилуетъ себя и свой вкусъ изъ угожденія тенденціозно настроеннымъ сотрудникамъ. Некрасовъ немедленно отвѣчалъ на это обвиненіе. Его отвѣтное письмо, къ великому сожалѣнію, не сохранилось въ бумагахъ Полонскаго, однако, суть некрасовскаго отвѣта совершенно ясна: Некрасовъ указалъ Полонскому на то, что не сотрудники, а онъ самъ считаетъ немыслимымъ его участіе въ «Отеч. Зап.», разъ онъ находитъ для себя возможнымъ печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ»¹⁾. Что именно такова была сущность некрасовскаго отвѣта, объ этомъ можно судить по второму письму къ нему Полонскаго (отъ 29-го февраля), въ которомъ послѣдній является скорѣе отвѣтчикомъ, чѣмъ истцомъ. Этотъ любопытный документъ я привожу полностью: «Спасибо Вамъ, Николай Алексѣевичъ, за пріятельскій откровенный отвѣтъ. Я поступилъ весьма опрометчиво—послалъ Вамъ глупое письмо, написанное въ припадкѣ хандры. Хандра всегда глупа и чертъ знаетъ что надуваетъ въ уши. Не оправдывайте себя, но не сравнивайте меня съ Островскимъ—у него свой домъ, а у меня каждый мѣсяцъ не хватаетъ 50-ти рублей на квартиру. Не авторское самолюбіе заставило меня такъ нелѣпо высказаться, а просто страхъ передъ нуждой, которая растетъ и все растетъ, вмѣстѣ съ дороговизною.—Литературный трудъ для меня не слава, а просто заплата — въ буквальномъ смыслѣ слова.

«Не сравнивайте меня и съ Минаевымъ—онъ не напишетъ Вамъ письма, но поступить еще хуже, будетъ лично мстить Вамъ, распуская про Васъ нелѣпыя слухи или ругая Васъ.

«Мое недоразумѣніе вытекло изъ того, что Вы мнѣ не сказали своей мысли—сказали про «Келіота», что это *вещь прекрасная* и затѣмъ, что вы все-таки ее не напечатаете.—Въ этомъ увидѣлъ я необъяснимое противорѣчіе—и, виновать, перетолковалъ его по-своему. Какъ и почему я печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», объясню вамъ при свиданіи.—Скажу Вамъ только, что послѣднее мое стихотвореніе въ 10 строчекъ было послано въ уплату за высылаемыя мнѣ книжки. Мнѣ, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, журналъ этотъ высылался даромъ, безъ всякой съ моей стороны просьбы и безъ всякаго моего въ немъ участія.—Съ тѣхъ поръ, какъ «Рус. Вѣстникъ» изъ періодическаго альманаха превратился въ журналъ политическій и сталъ наполняться критикою, я ни разу въ немъ ничего не напечаталъ. Мало того, когда бывалъ въ Москвѣ (въ послѣдній разъ я былъ на выставкѣ), не заѣзжалъ къ Каткову.

¹⁾ Въ 1874 г. въ этомъ журналѣ было помѣщено одно стихотвореніе Полонскаго.

«Фраза «броситься въ объятія» слишкомъ риторична и значить просто на просто самому обратиться къ нимъ съ моею рукописью. Странная судьба моя.—Для тѣхъ, кому я симпатизирую, за которыхъ нерѣдко спорю,—тѣ меня признаютъ ненужнымъ. Тѣ, которые считаютъ меня *западникомъ* и сами знаютъ, что я съ ними не солидаренъ, цѣнятъ труды мои и охотно ихъ печатаютъ. Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ было наоборотъ... Но, прощайте, до свиданія.

«Еще разъ извините меня. Я не измѣнюсь къ Вамъ никогда, какъ поклонникъ вашего поэтического таланта,—если виновать передъ Вами, то виновать, какъ передъ редакторомъ, а не какъ передъ пріятелемъ.

«Перестаньте быть для меня редакторомъ и оставайтесь моимъ пріятелемъ.

Вашъ Я. Полонскій».

Это письмо, чрезвычайно интересное и въ чисто біографическомъ отношеніи, въ полной мѣрѣ вскрываетъ различіе въ міросозерцаніяхъ Некрасова и Полонскаго. Первый изъ нихъ, не только поэтъ, но и гражданинъ, выработавшій себѣ вполне определенное политическое *sredo*, служившій этому *sredo* не одними стихами, но и своею журнальной дѣятельностью, которая для него, безспорно, являлась одной изъ формъ чисто политической дѣятельности, не могъ не реагировать самымъ рѣшительнымъ образомъ на такой шагъ Полонскаго, какъ участіе хотя бы однимъ стихотвореніемъ въ катковскомъ органѣ, уже въ теченіе цѣлаго десятилѣтія служившемъ оплотомъ самой дикой реакціи и безпросвѣтнѣйшаго обскурантизма. Для него подобный шагъ равносильнъ былъ ренегатству, и при всѣхъ своихъ личныхъ симпатіяхъ къ Полонскому онъ считалъ себя вынужденнымъ закрыть передъ нимъ двери «Отеч. Записокъ». То, что являлось аксіомой, азбучной истиной для Некрасова, далеко не ясно было Полонскому, который по условіямъ своей жизни и дѣятельности, несмотря на безусловно либеральный отбѣнокъ своихъ убѣжденій, стоялъ далеко отъ «политики» и былъ, въ значительной степени, чуждъ тѣмъ традиціямъ, которыя установились въ радикальной журналистикѣ 60—70 гг. Сочувствуя въ общемъ направленію «Отеч. Записокъ», Полонскій тѣмъ охотнѣе снесъ въ редакцію этого журнала своего «Келіота», что въ подцензурномъ изданіи, въ родѣ «Дѣла», едва ли бы поэма его прошла безъ крупныхъ купюръ вслѣдствіе нѣкоторой щекотливости своего содержанія. Объ этомъ Полонскій упоминаетъ уже въ первомъ письмѣ своемъ къ Некрасову (отъ 27 февр.).

«Содержаніе моей поэмы», читаемъ мы здѣсь, «такъ щекотливо, что я, писавъ ее, соблюдалъ осторожность, чтобы поповъ не раздражить; значить, выкиньте изъ нее два-три мѣста, и она окончательно пропадетъ для людей, неспособныхъ читать между строчками—а такихъ теперь и критиковъ нѣтъ,—стало быть простымъ смертнымъ и совсѣмъ не понять стиховъ, пропущенныхъ сквозь двойную цензуру, свою собственную, да еще официальную». «Щекотливость» содержанія, предполагалъ, по всей вѣроятности, Полонскій, это достоинство въ глазахъ такихъ людей, какъ руководители «Отеч. Зап.»; тѣмъ болѣе долженъ былъ поразить его отказъ Некрасова, чѣмъ и объясняются его раздражительныя слова о томъ, что онъ «всегда останется самимъ собой, всегда будетъ независимъ отъ всякихъ предвзятыхъ идей, журнальныхъ направленій и проч. проч.», а также констатированіе въ концѣ письма того, что Некрасовъ-де не свободенъ въ своихъ вкусахъ, сдѣланное, очевидно, въ цѣляхъ не лишеннаго ядовитости противоположенія Некрасова себѣ.

Таково это прискорбное столкновеніе между двумя давнишними пріятелями. Кто изъ нихъ болѣе правъ, для читателя нашего времени, когда русское общество въ значительной степени уже пріобщилося къ политической жизни, когда партійная дифференціація достигла широкихъ размѣровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ органы періодической печати приняли вполне опредѣленную политическую, а въ иныхъ случаяхъ даже партійную окраску,—конечно, не составляетъ вопроса...

В. Евгеньевъ. *

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ужасный памятникъ налогового обложенія.

(Монополія соли во Франціи при старомъ порядкѣ).

I.

Налогъ на соль во Франціи стараго порядка неразрывно связанъ съ исторіей развитія абсолютизма. Вначалѣ незначительный, какъ и сама королевская власть, онъ укрѣпляется и растетъ вмѣстѣ съ нею и достигаетъ наибольшаго развитія въ эпоху утвержденія абсолютизма. Составляя четвертую часть государственныхъ доходовъ, онъ незамѣнимъ для стараго порядка, представляя, по словамъ Людовика XIV, «одну изъ главныхъ статей государственнаго бюджета». И королевская власть проявляетъ крайнюю заботу о расширеніи и упроченіи налога и создаетъ «самый ужасный памятникъ налогового обложенія» ¹⁾ Въ послѣднее столѣтіе дореволюціоннаго порядка соляной налогъ принимаетъ законченную форму и отражаетъ на себѣ какъ могущество центральной власти, такъ и ея растущій внутренній распадъ. Тяжесть обложенія и беспощадная система взиманія этого налога порождаетъ массовое стремленіе къ нарушенію закона и глубокую ненависть къ его представителямъ. «И не противъ ли соляного налога скорѣе, чѣмъ противъ королевской власти, возсталъ народъ въ 1789 году?»—спрашиваетъ Шово ²⁾, и, дѣйствительно, можно утверждать, что этотъ налогъ служилъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ факторовъ распада абсолютизма.

Налогъ на соль былъ золотымъ дномъ стараго порядка. Его увеличивали на протяженіи трехъ столѣтій при каждой нуждѣ въ деньгахъ, и почти никогда не понижали, такъ что общая сумма поступленій все время повышалась. Доходъ государства съ соляного налога равнялся:

въ 1726 году	26.500.000	лировъ
» 1762 »	35.197.000	»
» 1774 »	44.401.000	»
» 1786 »	58.560.000	»

¹⁾ *Fournier de Flaiz*. Les théories fiscales et les impôts en France; стр. 45.

²⁾ *Chauveau*. Traité des impôts; стр. 6.

Такимъ образомъ, наканунѣ революціи у истощеннаго народа налогъ на соль вырывалъ 60 миллионовъ ливровъ, почти четверть всѣхъ государственныхъ доходовъ. И въ эту цифру еще не входятъ баснословные проценты, получаемые откупщиками налога.

II.

Начиная съ 1661 года, можно считать систему соляного налога вполне установившеюся. Въ принципѣ король является единственнымъ торговцемъ солью въ своемъ государствѣ и если кой-гдѣ и терпитъ конкурентовъ, то во всякомъ случаѣ строго регулируетъ ихъ торговлю. Съ точки зрѣнія распредѣленія соляного налога страна раздѣляется на пять большихъ областей: «страну большого налога», «страну малаго налога», «страну соляныхъ промысловъ» и, наконецъ, откупившіяся и свободныя провинціи. «Страна большого налога» занимала почти половину имперіи. Она включала въ себя 12 *généralités* ¹⁾, распространявшихся на провинціи: Ile de France, Орлеанэ, часть Пикардіи, Шампань, Нивернэ, Бурбонэ, Берри, Турень, Мэнъ, Першъ, Нормандію и Бургундію. Парижъ находился въ центрѣ этой части государства, являвшейся основнымъ ядромъ владѣній Капетинговъ. Населеніе ея составляло 8.300.000. Двѣ трети соляного дохода доставлялось этой областью. Королевская власть, раньше и прочнѣ здѣсь установившаяся, успѣла достигъ и болѣе однообразнаго обложенія и большей выгоды отъ процажи соли.

Здѣсь король—единственный продавецъ соли. Та соль, которую онъ продаетъ, есть единственная *настоящая* соль; всякая другая считается контрабандной, и пользованіе ею составляетъ преступленіе. Соль для этой части имперіи добывалась на берегахъ Атлантическаго океана и въ области Нанта. Право добыванія соли вовсе не принадлежало королю. Стѣснялось не право частной собственности, но право свободной торговли. Только одинъ король могъ продавать соль. Равнымъ образомъ, владѣльцы соляныхъ промысловъ не могли экспортировать соль за границу. Король являлся единственнымъ, но зато постояннымъ и надежнымъ покупателемъ. Платя владѣльцамъ промысловъ сумму, благодаря которой они могли выручать небольшой процентъ на затраченный капиталъ, король перепродаетъ затѣмъ эту соль своимъ подданнымъ въ 8—10 разъ дороже. Соль покупалась на мѣстахъ добычи особыми комиссарами и изъ устьевъ Луары, Орна, Сены и Соммы полнималась вверхъ по теченію въ Нантъ,

¹⁾ Вся Франція въ административномъ отношеніи раздѣлялась на 35 *généralités*.

Казнь, Гавръ, Руанъ и пр. Отсюда она переправлялась на мѣста продажи въ такъ называемые «соляные магазины». Въ каждомъ изъ двѣнадцати округовъ, составляющихъ страну большого налога, было учреждено нѣсколько такихъ «магазиновъ». Магазинъ предназначался для опредѣленной территоріи, населеніе которой было обязано покупать соль только въ немъ. Онъ представлялъ въ то же время административный центръ по взысканію налога. Специальные королевскіе чиновники составляли при магазинѣ коллегію, слѣдившую за правильнымъ поступленіемъ налога и судившую всѣ преступленія, такъ или иначе относящіяся къ солянному налогу. Къ концу стараго порядка такихъ магазиновъ было 253.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя себѣ представлять налогъ на соль въ этой области, какъ косвенный налогъ нашего времени. Существеннымъ признакомъ косвеннаго налога является тотъ фактъ, что онъ платится по мѣрѣ потребленія и пропорціонально количеству потребляемаго продукта. Не потребляющій не платитъ. Иное дѣло данный налогъ. Будучи налогомъ на предметъ потребленія, онъ въ то же время представлялъ существенныя черты прямого налога. Свободы потребленія вовсе не существовало. Всякій подданный былъ *обязанъ* потребить ежегодно опредѣленное количество соли, купивъ ее у государства. Эта покупка являлась, такимъ образомъ, обязательной государственной *повинностью*. Мало того, даже выполнивъ эту повинность, т.-е. купивъ данное количество соли ¹⁾, никто не могъ ни перепродать ее, ни распоряжаться ею по своему усмотрѣнію. Эту соль можно было употреблять только въ непосредственномъ домашнемъ обиходѣ. Запрещалось пользоваться ею для соленія мяса, сала, масла и т. п. Для всего этого нужно было покупать соль особо. И при неурожаѣ, голодѣ, падежѣ скота крестьянинъ долженъ былъ купить данное количество соли. Онъ не могъ сдѣлать экономію, ограничивая свое потребленіе.

Таковъ былъ характеръ налога. Но способъ его взиманія не былъ однообразенъ въ «странѣ большого налога». Вся страна раздѣлялась въ этомъ отношеніи на двѣ части: центръ и периферію. Въ центрѣ, очень удаленномъ отъ соляныхъ промысловъ, и необложенныхъ провинцій, провозъ контрабандной соли былъ не страшенъ. Правительство было увѣрено, что каждый, даже выполнившій свою соляную повинность, не перестанетъ покупать соль у него, такъ какъ достать ее въ другомъ мѣстѣ было очень затруднительно. Въ силу этого режимъ здѣсь былъ слегка легче,

¹⁾ По расчету семь фунтовъ на каждого члена семьи. По указу 1702 г. дѣти моложе восьми лѣтъ обложенію не подлежали.

чѣмъ на периферіи. Магазины, учрежденные здѣсь, получили названіе «магазиновъ свободной продажи». Продажа была свободною въ томъ смыслѣ, что каждый могъ брать соль изъ магазина сравнительно небольшими количествами по мѣрѣ ея потребленія. За весь годъ онъ долженъ былъ набрать по крайней мѣрѣ то, что составляло его повинность. Недоимка влекла за собой принудительное взысканіе и штрафъ. Духовенство, дворяне и буржуа были обложены на ряду съ крестьянствомъ. Чтобы никто не могъ ускользнуть отъ уплаты налога, въ магазинѣ велась специальная регистрація, куда были занесены имена всѣхъ подлежащихъ обложенію въ данномъ районѣ, отмѣчалось число членовъ семей и ихъ возрастъ.

Иной способъ взиманія налога былъ на периферіи страны большаго налога. Здѣсь всегда могла происходить контрабанда соли изъ сосѣднихъ, менѣе тяжело обложенныхъ провинцій. И приходилось принимать болѣе строгія мѣры, чтобы обезпечить правильное выполненіе соляной повинности. Съ самаго начала уничтожается послѣдній остатокъ свободы, благодаря которому каждый могъ самъ и постепенно запастись солью изъ магазина. Здѣсь никому не нужно отправляться за солью. Она доставлялась на домъ, и плательщику оставалось только уплатить за доставленный ему продуктъ. Вообще система полученія налога здѣсь болѣе сложная, чѣмъ при «свободной продажѣ». Нужно различать три момента. Во-первыхъ, правительственный контроль ежегодно постанавливаетъ, сколько соли должно быть куплено въ каждомъ изъ девяти округовъ этой области. Часть, приходящаяся на долю каждого магазина, опредѣлялась въ этомъ указѣ. Въ принципѣ эта раскладка должна была быть пропорціо-нальной числу жителей, но чаще всего здѣсь имѣютъ мѣсто постороннія соображенія. Взиманіе налога сдавалось на откупъ. Откупщики всегда старались найти при дворѣ покровителей, благодаря протекціи которыхъ такъ или иначе вліяли на раскладку. Разъ становится извѣстной сумма налога, слѣдуемаго съ даннаго магазина, администрація магазина раскладываетъ налогъ между приходами, входящими въ его районъ. При этомъ распредѣленіи принимается во вниманіе населеніе прихода и въ особенности большая или меньшая близость прихода къ странѣ, откуда возможна контрабанда. Приходы, близкіе къ пограничной линіи, облагаются нещадно, такъ какъ въ виду практиковавшейся контрабанды нѣтъ никакой надежды, чтобы они купили изъ магазина соль сверхъ той, что имъ вмѣняется, какъ повинность. Положеніе этихъ приходовъ было ужасное. Населеніе въ нихъ уменьшается; всякій, кто можетъ, уходитъ, а они все же остаются

непосильно обложенными. Вокруг страны большого налога образовалась такимъ образомъ, опоясывающая ее пустынная полоса, откуда бѣгутъ все отъ тяжести налога. Это одно изъ замѣчательныхъ послѣдствій налога на соль ¹⁾).

Налогъ распределенъ по приходамъ. Остается опредѣлить долю каждого жителя. Ни государство, ни откупщикъ не берутъ на себя этой роли. На сцену выступаетъ сборщикъ. Это обязанность наиболѣе сложная и часто наиболѣе тяжелая изъ тѣхъ, какія старый порядокъ налагалъ на своихъ подчиненныхъ. Каждая пять лѣтъ приходъ составляетъ списокъ кандидатовъ. Они должны отличаться нѣкоторымъ матеріальнымъ достаткомъ и быть «добраго поведенія». Изъ этого списка ежегодно въ октябрѣ мѣсяцѣ жители общины выбираютъ отъ двухъ до шести сборщиковъ, смотря по величинѣ общины. Выборы свободны отъ всякаго давленія со стороны администраціи или дворянства. Государство какъ бы желаетъ предоставить самостоятельность деревнѣ. «Запрещается сеньорамъ, дворянамъ, судьямъ, чиновникамъ и другимъ лицамъ, какого бы званія они ни были, запугивать или принуждать жителей деревни... или вліять на выборы и распределеніе налога»... Въ силу крайней тяжести обязанностей сборщика отъ нея стремится уклониться каждый. Наиболѣе состоятельные добиваются административныхъ и судебныхъ должностей деревни: мера, старшины, синдика и пр. Это освобождало отъ выбора въ сборщики. Въ деревнѣ происходитъ борьба партій, и оказавшаяся болѣе сильною партія налагаетъ на побѣжденную тяжесть налога.

Выбранные сборщики являются и представителями прихода, и агентами правительства въ одно и то же время. Какъ представители деревни, они опредѣляютъ долю участія въ уплатѣ налога каждого жителя. Въ этомъ они также свободны отъ всякаго посторонняго вліянія. Никто, кромѣ писаря, не можетъ присутствовать на ихъ совѣщаніяхъ по раскладкѣ налога. Налогъ, приходящійся на каждую семью, «долженъ быть пропорціоналенъ числу членовъ семейства», но указъ не говоритъ, въ какой мѣрѣ. Расчетъ, примѣняемый въ области «свободной продажи», т.-е. семь фунтовъ на человѣка, служить указаніемъ сборщикамъ, но они всегда свободны назначить столько, сколько найдутъ нужнымъ. Офицеръ магазина, получая листъ раскладки, утверждаетъ его, но не имѣетъ права ничего въ немъ измѣнить. Сборщики являются послѣдней инстанціей. Впрочемъ, указъ 1680 г. позволялъ офицеру магазина увеличивать долю тѣхъ, кто ему покажется недостаточно обложеннымъ.

¹⁾ *Beauclieu*. Les gabelles sous Louis XIV; стр. 41.

Какъ агенты правительства, сборщики должны были нагрузить соль изъ складовъ магазина и развезти ее по домамъ жителей деревни, согласно выработанной ими раскладкѣ. Это производился четыре раза въ годъ. Распредѣливъ соль по домамъ, сборщики собираютъ за нее плату, которую они обязаны были внести въ магазинъ въ два приѣма: въ началѣ и концѣ каждой четверти года. За все это сборщики получали отъ магазина нѣкоторое вознагражденіе, не могущее, впрочемъ, разсматриваться, какъ достаточное. Но не въ этомъ заключалась тяжесть ихъ должности. Дѣло въ томъ, что сборщики не имѣли возможности принудить обитателей деревни внести плату за свою долю соли. Государство не давало имъ никакихъ средствъ для этого. Они могли рассчитывать лишь на свой моральный авторитетъ, или прибѣгнуть къ давленію всей деревни на неплательщиковъ. Зачастую эти способы воздѣйствія оказывались недостаточными, особенно при неурожаѣ или какой-либо бѣдѣ, нарушавшей правильный ходъ крестьянскаго хозяйства. Въ этихъ случаяхъ сборщики были обязаны пополнить недоимку изъ собственныхъ средствъ. Побужденіемъ къ внесенію недоимки служило заключеніе сборщиковъ въ тюрьму. Если по прошествіи мѣсяца они не хотѣли или не могли внести недостающую сумму, описывалось и продавалось ихъ имущество. По закону только движимое имущество подлежало описи, но на практикѣ, особенно въ послѣднее столѣтіе стараго порядка, продавался съ торговъ весь достатокъ. Въ особенности практиковалась продажа скота, въ конецъ разорявшая крестьянина.

Государство не могло имѣть недоимокъ. И когда даже продажа имущества сборщиковъ не могла пополнить недостающей суммы, ее взыскивали съ нѣсколькихъ, наиболѣе состоятельныхъ, жителей общины. Самостоятельность прихода вдругъ оказывалась миеомъ. Соль, доставленная крестьянину сборщиками, могла употребляться только для стола и горячей пищи. Для соленья сала или масла и подкармливанья животныхъ нужно было покупать соль особо.

Организація сборщиковъ не касалась трехъ высшихъ сословій: дворянства, духовенства и буржуазіи. Имъ предоставлялось право самимъ брать соль изъ магазиновъ, но при этомъ они были обязаны набрать извѣстный минимумъ, по расчету семь фунтовъ на человѣка. Не набравшимъ этого количества грозилъ штрафъ и принудительное взысканіе.

На ряду съ указанными двумя способами продажи соли во всей «странѣ большого налога» существовала мелочная продажа. Она была необходима потому, что сборщики не давали соли

наиболѣе бѣднымъ жителямъ деревни изъ опасенія не получить за нее уплаты. Съ другой стороны тамъ, гдѣ была «свободная продажа», магазины все же не имѣли возможности вести слишкомъ детальную продажу. Мелочные торговцы были агентами откупщика. Соль имъ отпускалась изъ магазиновъ, и они ее продавали съ легкимъ барышомъ по установленному офицеромъ магазина тарифу. Въ присутствіи офицера магазина и священника торговецъ давалъ присягу въ томъ, что онъ не будетъ пользоваться контрабандной солью. Галеры ждали нарушившаго клятву. Организация мелочной торговли была незамѣнимой для цѣлей сыска. При наличности контрабанды, мелочная торговля уменьшается, и торговецъ могъ даже констатировать, какіе именно покупатели перестали брать у него соль. Наводя у такого торговца справки, правительственный надзоръ зналъ, къ кому надо итти съ обыскомъ.

Налогъ на соль давалъ мѣсто цѣлому ряду привилегій. Отъ его уплаты освобождались лица, получившія эту привилегію непосредственно отъ короля, и помимо этого всѣ занимавшіе болѣе или менѣе важныя государственныя должности. Имъ соль отпускалась по ея дѣйствительной стоимости. Больницы и монахи двухъ нищенствующихъ орденовъ: францисканцы и капуцины получали соль бесплатно. Наконецъ, войскамъ откупщикъ доставлялъ соль по сильно пониженной цѣнѣ. На ряду съ этимъ нѣкоторые города и мѣстечки пользовались привилегіей получать соль непосредственно изъ соляныхъ промысловъ или брать ее изъ магазиновъ по ея дѣйствительной стоимости.

«Страна большого налога» въ 1700 г. включала 253 соляныхъ магазина, 16.859 приходоу съ общимъ населеніемъ $8\frac{1}{2}$ милліоновъ. Потреблялось ежегодно около 61 милліона фунтовъ соли. Благодаря повсемѣстной нищетѣ крестьянства, даже при самомъ беззастѣнчивомъ выколачиваніи «соляной повинности», недоборъ соли достигалъ значительной величины: 12 милліоновъ фунтовъ.

«Повинность» была не подъ силу крестьянину. Цѣна соли въ странѣ большого налога превышала въ 8—10 разъ ея дѣйствительную стоимость. Такъ, на примѣръ, въ періодъ 1662—1713 гг. минъ соли (около 100 фунт.) стоило, считая издержки по перевозкѣ и храненію, 4 ливра. Король продавалъ его по 42—45 ливр.

«Страна малаго соляного налога» состояла изъ пяти *généralités*, занимающихъ всю юго-восточную часть Франціи ¹⁾. Въ 1700 г. населеніе ея равнялось $3\frac{1}{2}$ милліонамъ. Здѣсь не было соляной повинности, потребленіе соли было свободно. Но жители были обязаны покупать ее въ соляныхъ магазинахъ

¹⁾ Провинціи: Провансъ, Лангедокъ, Льоннэ, часть Оверни, Русильонъ, Маконнэ и Дофинэ.

и только въ томъ магазинѣ, который обслуживаетъ данный районъ. Соляные промыслы, находившіеся въ этой области, принадлежали частнымъ лицамъ, но королевская монополія здѣсь затрогиваетъ самое право частной собственности. Въ странѣ большого налога король являлся монопольнымъ покупателемъ. Оставаясь таковымъ и здѣсь, онъ уже вмѣшивается въ организацію самаго предпріятія. Запрещалось приступать къ добычѣ соли безъ разрѣшенія королевскаго откупщика. Собственникъ предпріятія былъ обязанъ поддерживать его въ хорошемъ состояніи и производить работы въ указанное время. Въ случаѣ невыполненія этихъ обязательствъ королевскій откупщикъ бралъ на себя завѣдываніе работами за счетъ владѣльца. Добытая соль покупалась тутъ же на мѣстѣ откупщикомъ. Чтобы обезпечить правильный сбытъ, государство опредѣляло заранѣе, какимъ предпріятіемъ долженъ обслуживаться тотъ или иной магазинъ. Это было тѣмъ болѣе удобно, что облегчало борьбу съ контрабандой, такъ какъ соль разныхъ промысловъ различалась по цвѣту и качеству. Какъ и въ странѣ большого налога, здѣсь также существовала мелочная продажа соли. Цѣна соли фиксировалась государствомъ для каждой провинціи особо. Но въ общемъ цѣна продукта гораздо ниже, чѣмъ въ странѣ большого налога. Но все же она превышаетъ дѣйствительную стоимость въ 3—5 разъ. Разница въ цѣнѣ сравнительно со страной большого налога отражалась на потребленіи. Въ среднемъ количество потребляемой соли на единицу населенія въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ въ странѣ большого налога.

Страны большого и малаго налога составляли почти всю Францію, какою она сложилась до Людовика XIV. Въ иныхъ условіяхъ находились Франшъ-Конте, аннексированное въ 1678 г., три епископства, Эльзасъ и Лотарингія, занятые въ 1670—1697 гг. Въ этихъ провинціяхъ не былъ установленъ соляной налогъ, согласно договорамъ, заключеннымъ при ихъ присоединеніи. Здѣсь не было обязательной соляной повинности, не было магазиновъ съ ихъ сложной администраціей, но, несмотря на это, государство имѣло огромный доходъ отъ продажи соли. Обложеніе принимало иную форму. Король здѣсь выступаетъ, какъ монопольный собственникъ соляныхъ предпріятій. Эти провинціи питались исключительно солью, добываемой изъ шести соляныхъ источниковъ, собственникомъ которыхъ являлся король, и онъ могъ, такимъ образомъ, устанавливать цѣны, какія ему было угодно. Король сдавалъ добычу соли на откупъ. Соль здѣсь добывалась выпариваніемъ на огнѣ воды, взятой изъ источника. Чтобы обезпечить промыселъ горючимъ матеріаломъ, отводилась

для порубки особая полоса лѣсовъ. Цѣна соли въ этихъ провинціяхъ въ среднемъ ниже цѣны страны малаго налога. Населеніе этой области равнялось 2 милліонамъ человѣкъ. Интересно отмѣтить, что король вывозить соль своихъ промысловъ за границу, что строжайшимъ образомъ запрещалось владѣльцамъ соляныхъ предпріятій всей имперіи. Этою солью снабжались швейцарскіе кантоны по крайне умѣренной цѣнѣ. Король бралъ дорого только со своихъ подданныхъ.

Рядъ провинцій ¹⁾ былъ освобожденъ отъ уплаты соляного налога. Освобожденіе это относится еще къ волненіямъ, возникшимъ при Францискѣ I вслѣдствіе учрежденія въ нихъ соляныхъ магазиновъ. Послѣ кроваваго усмиренія король предпочелъ не повторять опыта и за 1.750.000 ливровъ продалъ свое право введенія соляного налога «навсегда и безповоротно» ²⁾. Но, чтобы помѣшать тайному провозу соли отсюда въ сосѣднія, обложенныя налогомъ, провинціи, пришлось слегка нарушить дарованное обѣщаніе. Полоса земли вдоль пограничной линіи шириною въ пять миль находилась въ вѣдѣніи королевскаго откупщика. Здѣсь устанавливались склады соли, и жители этой полосы должны были запасаться солью только въ нихъ. Потребленіе было ограничено 14 фунтами на каждаго члена семьи. Запрещалось имѣть запасъ соли больше, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ. Практиковалась та же система обысковъ, что и въ странахъ, обложенныхъ солянымъ налогомъ. Въ этой полосе торговля солью была совершенно свободна. Потребленіе было въ среднемъ 18 фунтовъ на единицу населенія, слишкомъ въ два раза большее, чѣмъ въ странѣ большаго налога. Населеніе этихъ провинцій достигало $4\frac{1}{2}$ милліоновъ.

Остается упомянуть лишь о провинціяхъ, никогда не платившихъ налога ни въ какой его формѣ. Географическое ихъ положеніе на границахъ другихъ государствъ не позволяло никакимъ образомъ помѣшать контрабандѣ соли и заставляло разъ навсегда отказаться отъ мечты подвергнуть и ихъ обложенію. По аналогичнымъ соображеніямъ приходилось оставить свободными страны соляныхъ озеръ или солончаковъ ³⁾.

Такимъ образомъ, свободными отъ налога провинціями были: на западѣ—Бретань и острова Ре и Олеронъ, на сѣверѣ француз-

¹⁾ Пуату, большая часть Оверни, Гень, Сентонжъ, Ангума, Лимо-
зенъ, Маршъ, Бигорръ и область Фуа.

²⁾ Эти провинціи получили названіе откупившихся.

³⁾ Впрочемъ, тамъ, гдѣ являлась хотя малѣйшая возможность, государство отбирало свою долю. Такъ напр., въ части Нормандіи жители добывали соль, кипятя въ свинцовыхъ котлахъ соленый почвенный песокъ. Король разрѣшалъ этотъ промыселъ, беря въ свою пользу $\frac{1}{4}$ добытой соли. Впослѣдствіи взималась $\frac{1}{10}$.

скіе Нидерланды (Артуа, Фландрія, Камбрé), Бурбоннэ, Калé и княжества Седанъ и Ранкуръ; на востокъ—часть Альзаса, гдѣ право налога на соль принадлежало сеньорамъ и городамъ, и маленькая страна Жексъ (послѣдняя была освобождена по ходатайству Вольтера, устраивавшаго себѣ въ Фернеѣ пристанище на старость); на югѣ свободными были Беарнъ и Нижняя Наварра. Съ цѣлью защитить обложенныя области отъ провоза соли изъ этихъ мѣстностей въ нихъ устанавливалась пограничная полоса въ двѣ мили шириной съ тѣми же стѣсненіями и надзоромъ, какъ и въ аналогичной полосѣ откупившихся провинцій.

III.

Одною изъ самыхъ существенныхъ чертъ налога на соль была сдача его на откупъ. Король не самъ взималъ налогъ и не его чиновники продавали соль въ магазинахъ. Обыкновенно король уступалъ опредѣленному лицу право взиманія налога на нѣсколько лѣтъ впередъ. Лицо это не имѣло никакого значенія и скрывало за собой группу финансистовъ, объединившихся подъ названіемъ поручителей и заинтересованныхъ. Эти послѣдніе и были настоящіе хозяева. При заключеніи контракта вносилась впередъ опредѣленная сумма, обычно пятая часть всей суммы откупа. Остальныя деньги вносились ежегодно въ равныхъ доляхъ. Такъ какъ налогъ на соль создавалъ массу привилегій, то въ контрактѣ права откупщиковъ были точно и строго оговорены. Откупщикъ не всегда самъ взималъ налогъ, онъ въ свою очередь перепродавалъ свое право такъ называемымъ подоткупщикамъ. Правительство находило удобнымъ эту примитивную систему взиманія налога. Это, во-первыхъ, избавляло отъ необходимости создавать огромную организацію своихъ агентовъ на мѣстахъ, а во-вторыхъ, зачастую давало возможность достать деньги, когда казна была совершенно пуста. Но на страну эта система ложилась невыносимой тяжестью, такъ какъ откупщикъ стремился не только покрыть уплаченную королю сумму, но и получить, какъ можно большую прибыль. «Тамъ, гдѣ налогъ отданъ на откупъ,—говоритъ Адамъ Смитъ,—законы наиболѣе жестоки; никакая жалость недоступна человѣку, наживающему себѣ состояніе на взысканіи налоговъ» ¹⁾. Алчность, жестокость и безпощадность, съ которой взыскивался налогъ, не поддается описанію. «Изъ 76 милліоновъ франковъ, собранныхъ съ народа, только 58½ вручалось королю» ²⁾. Начиная съ верховъ и кончая

¹⁾ *Adam Smith*. Richesses de nations. T. V, стр. 2.

²⁾ *Pasquier*. Impôt des gabelles en France. Стр. 100.

послѣдними приказчиками, дѣйствующими на мѣстахъ, вся администрація откупа была проникнута однимъ желаніемъ набрать какъ можно больше. «Есть мерзкіе люди, пропитанные подлостью и грязью, стремящіеся къ удачѣ и выгодѣ, знающіе только одно удовольствіе пріобрѣтать, ничего не теряя. Такіе люди не могутъ быть ни родственниками, ни друзьями, ни гражданами, ни христианами, ни просто людьми. У нихъ есть только одно—деньги», говоритъ объ откупщикахъ Ла-Брюеръ. «Очерствѣвшій на бѣдности другихъ, онъ (откупщикъ) жаденъ, ненасытенъ, немолимъ. Конфискація земель, опись имущества, тюрьмы, наказанія—все хорошо, лишь бы увеличивалось его богатство» ¹⁾. Это были первые подвиги крупнаго капитала,—его первоначальное накопленіе. Баснословныя обогащенія выдвигаютъ на верхи соціальной лѣстницы цѣлый рядъ людей, образующихъ денежную аристократію. Эти люди становятся необходимымъ элементомъ въ государственной жизни. А внизу ихъ помощники и приказчики выколачиваютъ налогъ. «Вы—подоткупщикъ, и вы плачете?»—удивляется герой одной популярной комедіи эпохи Людовика XIV. Но этотъ подоткупщикъ плакалъ не отъ жалости, а отъ побоевъ супруги. Агенты откупщика представляютъ подонки общества. Плохо оплачиваемые, они позволяли себя всякаго рода злоупотребленія, вымогательства и издѣвательства надъ низшимъ классомъ населенія. Вобанъ говоритъ о «невъразимыхъ злоупотребленіяхъ» приказчиковъ при взиманіи налога, о «повсемѣстномъ грабежѣ во всемъ королевствѣ». «Можетъ быть, изъ сотни служащихъ у откупщика найдется только одинъ, не мечтающій запустить и свою руку и воспользоваться, сколько возможно, своимъ положеніемъ»; и если бы королю было угодно послать вѣрныхъ людей по всей странѣ для тайной ревизіи, то «Его Величество услышалъ бы, что, кромѣ огня и желѣза, которые, слава Богу, еще не примѣнялись для угнетенія народа, нѣтъ ничего, что не было бы пущено въ ходъ; что всѣ провинціи, изъ которыхъ состоитъ государство, совершенно разорены» ²⁾.

IV.

Ни одинъ налогъ стараго порядка не вызывалъ такой усиленной контрабанды, какъ налогъ на соль. И законодательство обнаруживаетъ наибольшую заботу въ дѣлѣ ея подавленія. Въ принципѣ, на всемъ протяженіи имперіи контрабандною называется соль, ввезенная изъ другихъ государствъ безъ надле-

¹⁾ *La Bruyère*. T. I, стр. 257.

²⁾ *Vauban*. *Dîme Royale*; стр. 165.

жащаго письменнаго разрѣшенія, а въ обложенныхъ налогомъ провинціяхъ таковою считалась всякая соль, взятая не изъ солянаго магазина. Но въ дѣйствительности это понятіе распространялось на гораздо большую категорію. Въ странахъ малаго и большого налоговъ даже взятая изъ солянаго магазина соль становится контрабандной, если она куплена у лица, не имѣющаго патента на мелочную продажу. Контрабандной была соль, найденная у сборщиковъ по истеченіи срока, въ который они должны были покончить ея распредѣленіе. Соль, предназначенная для домашняго обихода, становится контрабандною, если ее употребляютъ на соленіе запасовъ; такую же будетъ соль, добытая изъ морской воды или соленой рыбы. Соль, купленная въ одномъ магазинѣ, дѣлается контрабандною, если найдена въ районѣ другого. Лучшій способъ, позволяющій при обыскахъ отличить контрабандную соль отъ «настоящей», состоялъ въ томъ, что къ послѣдней прибавлялось какое-либо очень мелкое постороннее вещество, незамѣтное непривычному взгляду ¹⁾.

Но во много разъ болѣе серьезнымъ было пронесеніе контрабандной соли черезъ границы обложенныхъ странъ, практиковавшееся организованными бандами или отдѣльными лицами. Огромная разниа между цѣной соли въ двухъ смежныхъ провинціяхъ была побуждающимъ стимуломъ къ этому занятію. Въ Бретани минъ ²⁾ соли стоило 2—3 ливра. Рядомъ въ Мэнъ цѣна колебалась между 50 и 60 ливрами. Въ смежныхъ провинціяхъ Артуа и Пикардіи цѣна дѣлаетъ скачекъ съ 7 на 57 ливр. 9 ливр., платившіеся за минъ въ Лимозинѣ и Оверни, выросли въ 61 ливръ въ пограничныхъ Берри и Бурбоннѣ. Черезполосица свободныхъ отъ налога провинцій съ провинціями обложенными и существованіе въ одной и той же мѣстности привилегированныхъ приходовъ рядомъ съ непривилегированными еще болѣе способствовало контрабандѣ. Несмотря на арміи надсмотрщиковъ, государство хронически оказывалось въ невозможности бороться съ контрабандой на всемъ протяженіи слишкомъ 1.200 миль внутреннихъ заставъ ³⁾. Контрабанда становилась своего рода промышленностью, настоящимъ источникомъ дохода

¹⁾ Такимъ образомъ обманывали при продажѣ на качествахъ, не говоря уже объ обманахъ на мѣрахъ и вѣсахъ. Мало того, соль продавалась сильно загрязненной землей, камнями, соломой, травой и пр. Купившій соль не могъ себѣ позволить растворить ее, чтобы путемъ новой кристаллизаціи извѣстивъ ее отъ примѣсей. Очищенная соль не походила болѣе на прежнюю, и при обыскѣ было неминуемо обвиненіе въ контрабандѣ. Люди, свободные по своему положенію отъ обысковъ, еще могли позволять себѣ эту роскошь. Всѣ другіе принуждены были ѣсть и примѣси.

²⁾ Около 100 фунт.

³⁾ Разстояніе вдвое большее теперешней таможенной цѣпи Франціи.

для части населенія страны. Между контрабандистами и арміею надсмотрщиковъ, «нравы которыхъ были, впрочемъ, ничуть не лучше», не проходило дня безъ сраженія. Это была постоянная гражданская война. Особенно сильно была развита контрабанда въ странѣ большого налога, на границахъ Пикардіи, Анжу, Булоннэ, Мэнъ. Здѣсь контрабандистъ былъ благодѣтелемъ. Соль, которую онъ проноситъ, даетъ возможность вздохнуть задущеннымъ тяжестью налога людямъ. Въ случаѣ нужды его защищаютъ и прячутъ. Вооруженныя банды нападали и грабили соляные магазины, сражаясь съ охранявшими ихъ отрядами регулярнаго войска. И поле битвы оставалось покрытымъ мертвыми и ранеными ¹⁾. Часто этими бандами предводительствовали люди, пользовавшіеся большою извѣстностью и славой въ народѣ, какъ, напр., Руденъ, дважды бѣжавшій съ галеръ и не разъ дававшій небольшія сраженія правительственнымъ войскамъ, или Мандренъ, прозванный народомъ «главнымъ полководцемъ всѣхъ контрабандистовъ Франціи». На границѣ Бретани контрабанда достигала не меньшаго развитія. Противъ контрабандистовъ, носившихъ названіе «кадетовъ Бретани», Реннский парламентъ издалъ постановленіе, воспреещающее подъ страхомъ суровыхъ наказаній устраивать склады соли въ пограничной области. На западѣ контрабанда сильно увеличивалась во время большихъ войнъ Людовика XIV. Въ 1705 г. пришлось увеличить на одну треть сторожевыя бригады. Одинъ докладъ передаетъ, что въ Сентъ-Марсо явилась банда въ 200 человекъ и заставила кюрэ отслужить мессу, за что ему и было уплачено по одному ліаду ($\frac{1}{4}$ су) съ человека. На сѣверѣ контрабанда принимала необычайные размѣры во время войны противъ Испаніи и въ періодъ Фронды. Жители городовъ по среднему теченію Луары снарядили болѣе ста судовъ и, набравъ соли въ Нантѣ, доставили ее себѣ подъ вооруженной охраной тысячи человекъ. Въ Пикардіи, Шампани и Суассоннэ оперировали банды въ 500—600 человекъ. Во время войны за испанское наслѣдство въ Оверни произошло настоящее сраженіе контрабандистовъ со сторожевыми бригадами. Послѣднія были разбиты на-голову и обращены въ бѣгство. Побѣдители проникли внутрь страны. Мимо города Десизъ проходили вооруженныя банды въ 60—80 человекъ. А на границѣ Оверни организовались войска изъ стекавшихся отовсюду контрабандистовъ. «Правду сказать,—писалъ королю интендантъ,—это становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе серьезнымъ; можно всего ожидать отъ людей, у которыхъ

¹⁾ Moreau de Beaumont. Mémoires. T. V, стр. 339.

контрабанда наименьшее изъ преступлений» ¹⁾. Въ Бурбоннѣ конныя шайки въ 60—200 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, пистолетами, аллебардами и саблями, смѣло, не скрываясь, проходили подъ звуки музыки. Они заставляли жителей кормить ихъ и ихъ лошадей. Привыкшіе къ вольной жизни дровосѣки присоединялись къ ихъ отрядамъ. Въ Оверни интендантъ могъ справиться съ контрабандистами только при помощи нѣсколькихъ полковъ драгунъ. Въ Шампани офицеру магазина пришлось покупать соль у самыхъ контрабандистовъ подъ угрозой быть сожженнымъ живымъ. Король отправляетъ туда своихъ солдатъ, чтобы покончить съ «этимъ ужаснымъ зломъ, съ которымъ подъ силу бороться только королевскимъ войскамъ». Даже *généralité* Парижа не было свободно отъ контрабандистовъ. Во время голода 1709 г. масса населенія принялась за контрабанду. «Мы придемъ еще болѣе многочисленными, мы ничего не боимся и продаемъ нашу жизнь, чтобы избавиться отъ нищеты. У насъ нѣтъ денегъ, нашъ хлѣбъ и виноградники погибли отъ мороза» ²⁾. Контрабандисты находили цѣнныхъ помощниковъ въ дворовыхъ собакахъ, специально выдрессированныхъ на этотъ случай. Собакъ изъ обложенныхъ провинцій уводили въ Бретань или Артуа, гдѣ онѣ оставались запертыми и безъ пищи нѣсколько дней. Затѣмъ ихъ отпускали ночью на волю, привязавъ на шею или на спину мѣшокъ съ 10—15 фунтами соли. Голодные, часто взбѣсившіяся собаки возвращались къ своимъ хозяевамъ въ Анжу или Пикардю. Надзоръ боролся съ этимъ, пользуясь съ своей стороны собаками. Кромѣ этого, жителямъ пограничныхъ Бретани провинцій запрещалось имѣть дворовыхъ собакъ. Стража отнимала собакъ, выводимыхъ на продажу, и стрѣляла въ cadaго пса, встрѣтившагося въ полѣ или въ лѣсу.

Соляные промыслы также подвергались нашествію контрабандистовъ. Въ Беррѣ пришлось построить фортъ, чтобы защитить его промыслы отъ набѣговъ. Въ 1710 г. около тысячи крестьянъ, сопровождаемыхъ женами, напали на промыслы въ Гійерфѣ. Часто контрабандисты были вооружены не хуже королевскихъ войскъ—ружьями, пистолетами, мечами, пиками, а если не хватало оружія, то шли просто съ вилами. Въ 1649 г. они имѣли нѣсколько пушекъ и продавали соль на церковной площади, сзывая покупателей звуками охотничьяго рожка. Порой они превращались въ пиратовъ, нападая на барки съ солью на рѣкѣ.

Употребленіе солдатъ на борьбу съ контрабандой имѣло свои неудобства. Плохо дисциплинированные и недостаточно опла-

¹⁾ *Biaulieu*. Les gabelles sous Louis XIV; стр. 163 и слѣд.

²⁾ *Ibid*, стр. 166.

чиваемые солдаты принимались также за контрабанду. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что солдаты набирались зачастую изъ бродягъ и что осужденнымъ на галеры нерѣдко предлагали поступить въ солдаты взаменъ отбыванія наказанія. По закону солдатъ-контрабандистъ наказывался смертію, но указы 1660 г. говорятъ лишь о штрафахъ и галерахъ, вѣроятно потому, что военные суды неохотно приговариваютъ къ смерти солдатъ, въ которыхъ такъ нуждается король ¹⁾. Офицеры были принуждены уплачивать штрафы, которые оказывались не въ состояніи внести подчиненные имъ солдаты.

Во время войны наблюденіе за огромными массами войска было крайне затруднительно. А по подписаніи мира отпущенные солдаты присоединялись къ бродягамъ и контрабандистамъ. Во время зимовокъ солдаты занимаются контрабандой соли, а къ началу весны начинается массовое дезертированіе съ цѣлью продать захваченную соль. Изъ многихъ провинцій несутся къ королю жалобы на соляной промыселъ солдатъ. Драгуны, стоявшіе въ Краонѣ, отправлялись на соляную контрабанду группами въ 60—80 человекъ въ боевомъ порядкѣ и такъ запугали стражей, что тѣхъ долго потомъ не удавалось собрать. Цѣлый рядъ городовъ предпочиталъ имѣть у себя стоянки иностранныхъ, а не французскихъ солдатъ, пользовавшихся поддержкой населенія. «Французскій гарнизонъ сдѣлаетъ въ 4 дня большую контрабанду, чѣмъ иностранное войско въ теченіе трехъ мѣсяцевъ». При переходахъ изъ свободныхъ провинцій въ обложенныя солянымъ налогомъ солдаты проносятъ массу соли, несмотря на принимаемыя мѣры. Самое прибытіе войскъ непріятно правительственной власти. «Все спокойно безъ войска,—пишетъ одинъ интендантъ,—и все поднимается, какъ только приходятъ войска». Въ 1709 г. провинція Турень, благодаря контрабандѣ трехъ полковъ кавалеріи, была обезпечена солью на четыре года. Солдаты были настолько смѣлы, что однажды ночью вошли въ Туръ, который была резиденціей интенданта, и продали тамъ нѣсколько возовъ соли. Въ 1710 г. интендантъ доноситъ: «происходитъ ужасная контрабанда въ *généralité* Парижа и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ, благодаря зимующимъ тамъ войскамъ. Пограничныя бригады не въ силахъ съ ними справиться, и контрабандная соль продается публично и подъ вооруженной охраной».

¹⁾ Въ 1693 г. военный совѣтъ въ Сомюрѣ приговариваетъ пять попавшихся въ контрабандѣ соли кавалеристовъ кидать жребій: двое должны были поплатиться вѣчной работой на галерахъ, а трое остальныхъ просто тюремнымъ заключеніемъ.

Офицеры закрывали глаза на подобный промыселъ солдатъ, когда не было денегъ, чтобы уплатить имъ жалованье. Полковникъ Понти въ своихъ мемуарахъ хвалится, что нашелъ такимъ образомъ средство содержать свой полкъ безъ всякой поддержки со стороны короля. А если его солдатъ ловили и вѣшали, онъ умывалъ руки: «Они сами виноваты, если позволили себя захватить». Нерѣдко офицеры дѣлили добычу со своими подчиненными, а въ нуждѣ выручали отъ постигавшаго ихъ наказанія. Въ 1710 г., напр., 20 солдатъ, приговоренныхъ къ галерамъ, продолжали служить въ своихъ полкахъ. Въ 1709 г. два кавалериста были приговорены къ смерти за контрабанду соли. Это было 10 ноября, а 27-го одинъ изъ нихъ имѣлъ неосторожность вновь попасться въ экспедиціи за солью. На этотъ разъ онъ былъ приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тюрьмы.

Помощь королевскихъ войскъ требовалась все время, несмотря на многочисленную пограничную стражу. Шесть пограничныхъ пѣшихъ бригадъ ¹⁾ охраняли на востокъ бретонскую границу. Въ полумилѣ отъ границы, уже въ провинціяхъ Мэнъ и Анжу, стояло 48 бригадъ подъ командой двухъ капитановъ. Это составляло первую линію. Вторая линія состояла изъ 12 подвижныхъ бригадъ подъ командой двухъ капитановъ. Въ 1690 г. пришлось установить еще третью линію: 14 подвижныхъ бригадъ. Мало того, требовалась еще одна бригада, отводившая въ тюрьмы арестованныхъ и занимавшаяся ихъ допросомъ и регистраціей. Противъ контрабанды съ моря устанавливались сторожевые посты на вооруженныхъ судахъ въ устьяхъ рѣкъ. Кромѣ этого, растягивалась цѣпь по берегамъ. Торговья суда останавливались для осмотра. Тщательный осмотръ ихъ ждалъ и при причаливаніи къ берегу. Обращалось особое вниманіе и на мѣстные соленые источники, потребление воды которыхъ могло принести ущербъ королевской казнѣ. Былъ прорытъ, напр., каналъ для того, чтобы смѣшать съ прѣсной водой другихъ ручьевъ воду одного соляного источника въ Дофинѣ.

Цѣлый арсеналъ чудовищныхъ наказаній: кнутъ, галеры, смертная казнь не могъ остановить контрабанду соли. Члены вооруженныхъ шаекъ карались смертною казнью, «должны быть повѣшены и задушены», какъ говорить королевскій указъ. Шайкой называлась вооруженная группа людей, больше чѣмъ изъ четырехъ человѣкъ. Часто въ особенно рискованныхъ экспедиціяхъ контрабандисты шли группами менѣе чѣмъ въ пять человѣкъ, чтобы избѣжать неминуемаго повѣщенія въ случаѣ поимки.

¹⁾ Бригада состояла изъ 7—10 человѣкъ.

Пойманному съ оружіемъ въ рукахъ грозили трехлѣтнія галеры, а въ случаѣ рецидива—висѣлица. Невооруженный на первый разъ отдѣлывался 200 ливрами штрафа, при рецидивѣ шестью годами галеръ. Присужденіе къ галерамъ влекло за собою клейменіе преступника. Передъ тѣмъ, какъ заковать въ цѣпи, у него на тѣлѣ выжигали раскаленнымъ желѣзомъ буквы GAL¹⁾. Тѣ же наказанія грозили лицу, купившему контрабандную соль, если онъ не могъ доказать, что соль куплена для его домашняго обихода. Въ послѣднемъ случаѣ онъ платилъ только большой штрафъ. Законодательство было менѣе сурово къ женщинамъ-контрабандисткамъ. Попавшіяся впервые приговаривались къ штрафу въ 100 ливровъ; рецидивистокъ били кнутомъ «обнаженныхъ на площади» и клеймили раскаленнымъ желѣзомъ. Но даже эта варварская эпоха не признавала смертной казни для женщины; и при новыхъ поимкахъ женщина-контрабандистка просто изгонялась навсегда изъ королевства. Свѣтлымъ пятномъ на грубыхъ нравахъ того времени является уваженіе къ материнству. Не законы или указы, а просто внутреннее чувство не позволяло подвергать наказаніямъ беременную женщину. Ихъ даже не отводили въ тюрьмы, а только отбирали контрабандную соль. И другія несчастныя, толкаемыя нищетою, симулируютъ беременность, чтобы избѣжать наказанія. Съ другой стороны, зная, что она менѣе рискуетъ, беременная женщина надрываетъ силы и здоровье, переноситъ контрабандную соль. Въ XVIII вѣкѣ одинъ изъ администраторовъ соляного налога указываетъ на то, «что число преждевременныхъ родовъ увеличивается, благодаря непосильнымъ переходамъ и тяжелымъ ношамъ; тысячи младенцевъ остаются безъ своихъ матерей, и куда ни взглянешь, вездѣ картина истощенія и смерти»²⁾. Дѣти-контрабандисты старше 14 лѣтъ выносили тѣ же беспощадныя наказанія, что и взрослые. За дѣтей меньшаго возраста платили штрафъ ихъ родители. Законодательство обладало цѣлой системой замѣны одного наказанія другимъ. Неуплатившихъ штрафъ ждало сѣченіе кнутомъ, и начальники тюремъ находятъ, что это не давало ожидаемыхъ результатовъ: «Изъ-подъ кнута они вновь бѣгутъ на контрабанду». Несчастныхъ, присужденныхъ къ галерамъ, слишкомъ старыхъ или, наоборотъ, очень юныхъ для тяжелыхъ работъ каторги, сѣкли кнутомъ, клеймили и изгоняли изъ королевства. Сообщниковъ и укрывателей ждали аналогичныя кары. Такъ, напр., хозяинъ корчмы, давшій пріютъ осужденному на висѣ-

¹⁾ *Gabelles*—название налога на соль.

²⁾ *Gallery*. La fraude des gabelles sous l'ancien regime. Цит. по *Pasquier*. Impôt sur le sel en France. Стр. 77.

лицу, платилъ штрафъ и отправлялся на три года на галеры. Сверхъ того, его ждала нравственная пытка: онъ долженъ былъ присутствовать при казни укрытаго имъ человѣка.

Дворяне и духовные, «настолько подлые, чтобы заниматься контрабандой соли», лишались своихъ правъ и преимуществъ, а имущество ихъ конфисковалось. Но обычно знать щадилась и платила лишь штрафы.

Гнѣвъ правительства обрушивается не только на людей, но и на все, что такъ или иначе служило соляной контрабандѣ. Эдиктомъ Франциска I повелѣвалось убивать и «рубить въ куски» вьючный скотъ, на которомъ перевозилась контрабанда.

Всѣ эти драконовскія наказанія и штрафы примѣнялись во всей своей безпощадности по отношенію къ людямъ, «виновнымъ скорѣе въ политическомъ преступленіи и ничѣмъ не нарушившихъ естественнаго права» ¹⁾. Тюрьмы были набиты контрабандистами соли. и ужасный тюремный режимъ развѣтывался во всей своей неприглядности. Переполненные людьми всѣхъ возрастовъ каменные клѣтки становились могилами своихъ плѣнниковъ. Въ Вервенѣ, по докладу одного интенданта, «заключенные за контрабанду соли отбываютъ наказаніе на днѣ сухого колодца, куда ихъ опускаютъ по лѣстницѣ. Къ нимъ никогда не проникаетъ свѣтъ». Сохранилось свидѣтельство двухъ священниковъ, описывающее одну изъ тюремъ того времени. «Въ теченіе двухъ лѣтъ отъ дизентеріи и чумы тамъ умерло болѣе двухсотъ человѣкъ, и, что всего печальнѣе, я и мой викарій часто должны были давать предсмертное причащеніе и послѣднее отпущеніе грѣховъ сразу 14 или 15 умирающимъ въ этомъ мѣстѣ, полномъ заразы и нечистоты. Мы разсматриваемъ, какъ чудо, что за такой долгій промежутокъ времени мы не заразились и не заболѣли... Заключенные не имѣютъ хлѣба и чистой воды, страшно стѣснены въ душномъ помѣщеніи. Скованные по два желѣзною цѣпью, охватывающей шеи, они не могутъ двигаться, не причинивъ боли другъ другу. И здоровые заражаются соседствомъ и дыханіемъ больныхъ» ²⁾. Въ 1706 г. въ виду переполненія тюремъ контрабандистами соли было рѣшено отправлять ихъ на острова Америки. Въ 1710 г. эту отправку беретъ на себя откупщикъ.

Весь «этотъ аппаратъ ужаса» былъ не въ силахъ помѣшать контрабандѣ соли. Чѣмъ болѣе налогъ былъ тяжелъ, тѣмъ сильнѣе стремилось уклониться отъ него населеніе. 36 тысячъ человѣкъ въ общей сложности были заняты борьбой съ контрабандой въ странахъ большого и малаго налоговъ.

¹⁾ *Forbonnais*. Recherches sur les finances. T. I, стр. 508.

²⁾ *Beaulieu*, стр. 188.

V.

Налогъ былъ тяжелъ. Наканунъ революціи со страны большого и малаго налоговъ онъ доходилъ до 58 милл. фр. Остальныя провинціи давали около трехъ милліоновъ. Въ цѣломъ государство ежегодно получало 61 милл. На страну большого налога приходилось около 40 милл., т.-е. пять франковъ на душу населенія. По Фовиллю годовой доходъ крестьянской семьи въ 1788 г. не превышалъ 200 фр. Семья въ пять человѣкъ должна была уплачивать 25 фр., т.-е. восьмая часть годового дохода уходила на уплату одного соляного налога.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, что этотъ налогъ стоилъ народу, нужно принять во вниманіе потерю для страны производительнаго труда, благодаря отвлеченію части населенія на службу по взиманію налога, на контрабанду и, наконецъ, на отсиживаніе въ тюрьмахъ. Сюда еще надо прибавить огромную сумму денегъ, отнимаемую у крестьянъ въ силу злоупотребленій и поборовъ налоговой администраціи, и, наконецъ, издержки на судопроизводство многочисленныхъ дѣлъ, возникавшихъ на почвѣ взысканія налога. Къ болѣе чѣмъ 4.000 судебныхъ процессовъ нужно присоединить тысячи мелкихъ столкновеній, не дошедшихъ до суда и улаженныхъ на мѣстѣ. Въ общемъ деньгами народъ уплачивалъ ежегодно около 80 милл. франковъ ¹⁾. И это, не считая потери богатствъ, происходящей благодаря стѣсненію промышленности и торговли. Только рыбозаводчики пользовались правомъ покупать соль по ея дѣйствительной стоимости. Но ордоннансъ 1680 г. требовалъ столько формальностей, и правила, имъ установленныя, были настолько стѣснительны, что торговля соленою рыбою была крайне незначительна, особенно, если принять во вниманіе величину прибрежной полосы, занимаемой Франціею. Кольберъ удивлялся, что есть еще рыбозаводчики во Франціи и еще потребляется соленая рыба. Запрещалось провозить во Францію «боченки съ рыбой, гдѣ было больше соли, чѣмъ ее нужно для консервированія». Такіе боченки вскрывались, осматривались и уничтожались вмѣстѣ съ содержимымъ. Запрещалось ввозить въ обложенныя налогомъ провинціи соленое масло или сало. Всѣ эти стѣсненія, причинявшія большой ущербъ торговлѣ, являлись необходимыми въ видахъ борьбы съ контрабандой соли. Соль стоила дороже трески или масла, и торговцамъ было выгодно провозить боченки съ солью, только сверху прикрывъ ее рыбой или масломъ.

Уничтожалась также соль, получавшаяся, какъ остатокъ,

¹⁾ Rapport de Dupont de Nemours (Assamblée Nationale 1790).

на днѣ котловъ и печей при производствѣ стекла и селитры. Промышленникъ былъ обязанъ доставлять эту соль откупщику для уничтоженія. Чтобы избѣжать злоупотребленій, было определено разъ навсегда, сколько фунтовъ соли получается при выработкѣ каждаго ста фунтовъ селитры. Кожевенная промышленность, гдѣ соль является необходимой, получала соль немного дешевле, но тогда соль отравлялась мѣднымъ купоросомъ или мышьякомъ, «чтобы смертная казнь постигла всякаго, кто осмѣлится употребить въ пищу хоть щепотку этой соли» ¹⁾.

Внутри государства потребление соли сводилось къ возможному минимуму. Высокая цѣна заставляла соблюдать самую строгую экономію. Отдавая восьмую часть своихъ доходовъ на уплату соляного налога, крестьянинъ все же не имѣлъ соли для нуждъ земледѣлія и скотоводства. Земля становилась безплодной; животныя, лишеныя необходимаго для питанія организма продукта, истощались и слабѣли. По мнѣнію Бюффона, соляной налогъ приносилъ болѣе вредъ земледѣлію, чѣмъ градъ и морозъ.

Нельзя себѣ представить ничего болѣе ненавистнаго народу, какъ надзоръ за контрабандой и право производства обысковъ агентами откупщика во всѣхъ частныхъ домахъ и во всякое время. «Они не только обыскивали всѣхъ на базарахъ, не щадя ни пола, ни возраста, ни положенія», но «должны были посѣщать, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю дома, погреба, хлѣва и пр., чтобы удостовѣриться въ отсутствіи тамъ контрабандной соли». «Они искали въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ и приносили иногда съ собой контрабандную соль, чтобы подвести подъ наказаніе тѣхъ, кому они хотѣли сдѣлать зло» ²⁾. Если крестьянинъ запаздывалъ купить полагающееся на его долю количество соли, онъ подвергался нашествію агента магазина съ бандой стражниковъ, «которые входятъ съ такимъ безстыдствомъ и грубостью, обыскиваютъ домъ, роются въ шкафахъ, чуланахъ, кладовыхъ, пробуютъ пищу, переворачиваютъ кровати и, если гдѣ найдутъ кусокъ масла или сала, присваиваютъ его себѣ. Крестьянинъ можетъ отъ нихъ отдѣлаться, только предложивъ выпить и давъ имъ денегъ» ³⁾. Отъ этихъ обысковъ никто не былъ защищенъ: ни дворяне, ни буржуа, ни духовенство. При обыскахъ въ домахъ трехъ высшихъ сословій долженъ былъ присутствовать офицеръ магазина, что же касается крестьянства, то оно было вполне отдано на произволъ низшихъ агентовъ и стражи.

¹⁾ Tiers Etat de Nemours. Цит. по *Cochois*. Impôt sur le sel en France.

²⁾ *Vauban*. Dîme Royale; стр. 87.

³⁾ *Champion*. La France d'après les cahiers de 1789; стр. 109.

Наиболѣе ненавистнымъ было обязательное потребление опредѣленнаго количества соли. Прежде всего, этого количества было недостаточно, но высокая цѣна часто не позволяла и мечтать о большемъ. Отдаленность соляного магазина заставляла терять по нѣскольку дней несчастныхъ жителей, приходящихъ запастись солью. А покупка у мелочныхъ торговцевъ была крайне невыгодна, потому что цѣна продукта у нихъ была выше, а въ особенности въ силу того, что купленная такимъ образомъ соль не засчитывалась въ соляную повинность. Тотъ, у кого выпла соль, долженъ былъ дожидаться очередныхъ дней, въ какіе былъ открытъ магазинъ, а въ ожиданіи ѣсть пищу несоленую. «Двѣ сестры, жившія въ милѣ разстоянія отъ города, гдѣ магазинъ открывался только по субботамъ, кипятили, чтобы достать соли на три, четыре дня до субботы, остатки разсола. Они добыли оттуда нѣсколько унцій соли. Обыскъ и протоколъ. И только благодаря друзьямъ и протекціи имъ это обошлось въ 48 ливровъ» ¹⁾. Запрещеніе употреблять на соленіе мяса, сала и сыра и пр. соль, представляющую «соляную повинность», служило неизсякаемымъ источникомъ всякаго рода взысканій и штрафовъ. Какъ можно было не посолить сало солью, которую хозяйкѣ удалось сэкономить въ домашнемъ обиходѣ? Но если приходитъ приказчикъ и откроетъ соленое сало, слѣдуетъ протоколъ и въ результатѣ большой штрафъ. Бѣдняки не могли просолить свинину на зиму, потому что «даже свою горячую пищу солятъ только наполовину, а часто не солятъ совсѣмъ». Входитъ въ употребленіе рядъ суррогатовъ, иногда сильно вредныхъ организму. Обитатели морского побережья тайкомъ пробираются къ морю набрать морской воды. «Смѣшивая ее съ прѣсною, они кипятятъ нѣсколько овощей, часто составляющихъ все ихъ пропитаніе». Тюрьмѣ и кнуту за упорное нежеланіе выполнить свою соляную повинность подвергаются тѣ, у кого часто не на что купить хлѣба. И часто несчастные эмигрируютъ или просто бѣгутъ, покидая весь свой скарбъ, въ ожиданіи визита приказчика. Въ Нормандіи можно еще и теперь, какъ рѣдкость, встрѣтить деревянныя крестьянскія кресла съ выдолбленнымъ внутри сидѣніемъ, куда крестьянинъ пряталъ контрабандную соль.

Народное возмущеніе выливалось въ форму бунтовъ и открытыхъ возстаній. Въ 1548 г. вспыхнуло возстаніе въ округахъ Бордо, Ангулема и Сентонжа. Сорокъ тысячъ крестьянъ обратили въ бѣгство правительственныя войска. При приближеніи возставшихъ населеніе Бордо возстало также, сжигая дома чиновни-

¹⁾ *Le Trosne. Administration provinciale*; стр. 138.

ковъ по налогу и грабя соляные магазины. Народная ярость нашла себѣ удовлетвореніе въ смерти королевскаго лейтенанта провинціи. Его трупъ былъ разрубленъ на куски и посыпанъ солью, чтобы доказать, что именно налогъ на соль является причиной мятежа. Цѣлый мѣсяцъ страна находилась во власти возставшихъ. Потребовалось шесть тысячъ королевскихъ солдатъ для возстановленія порядка. При Людовикѣ XIII—возстаніе въ округѣ Ангулема. Семь или восемь тысячъ людей, большей частью хорошо вооруженныхъ, представляли войско возставшихъ. «Ярость населенія дошла до того, что они разорвали въ куски одного бѣднаго хирурга, принявъ его за чиновника по продажѣ соли», писалъ объ этомъ Ришелье. Пользуясь беспорядками Фронды, поднимаются противъ налога на соль жители провинціи Шатлеро. Въ 1664 г. вслѣдствіе введенія соляного налога у басковъ смѣлый предводитель контрабандистовъ Одижосъ поднялъ знамя возстанія и въ продолженіе двухъ лѣтъ держался противъ правительственнаго войска. Испанія служила ему убѣжищемъ при неудачахъ. Это была настоящая партизанская война. Забаррикадировавшіеся деревни сопротивлялись драгунамъ короля. Партизаны скрывались въ лѣсахъ, нападая неожиданно и внезапно, и такъ же быстро исчезая. Ихъ называли «невидимыми». Въ 1675 г. новое возстаніе въ Бордо и въ части провинціи Гіень. «Да здравствуетъ король безъ соляного налога»,—кричали мятежники, мужественно сражаясь съ войсками правительства. Въ томъ же году подъ вліяніемъ введенія гербовой бумаги и упорныхъ слуховъ объ установленіи и здѣсь соляного налога вспыхнуло возстаніе въ Бретани. Четырнадцать приходовъ образовали крестьянскую лигу борьбы и опубликовали подъ именемъ «крестьянскаго кодекса» правила для членовъ лиги. «Запрещается,—гласилъ кодексъ,—подъ угрозой быть пронзеннымъ вилами давать пріютъ Габели или ея дѣтямъ ¹⁾, давать имъ ѣсть или хоть чѣмъ-нибудь услужить. Наоборотъ, предписывается стрѣлять въ нихъ, какъ въ бѣшеныхъ собакъ». И это предписаніе было буквально исполняемо, пока королевскія войска не возстановили порядка.

¹⁾ Подъ именемъ «дѣтей Габели» разумѣются чиновники по соляному налогу. Gabelle было названіе налога на соль. Но такова была зловѣщая извѣстность налога, что въ необложенныхъ налогомъ областяхъ это слово вызывало мистическій ужасъ у крестьянъ. Они представляли gabelle, какъ чудовище во плоти и крови. Madame de Sevigne рассказываетъ объ ужасѣ и волненіи крестьянъ, увидавшихъ въ домѣ священника чудовище на стѣнѣ, поющее и звонящее и все время шевелящее длиннымъ хвостомъ. «У васъ въ домѣ сидитъ Габель»,—кричали они вышедшему на шумъ священнику. Это были только что привезенные изъ города стѣнные часы.

Подавление возстаній сопровождалось кровавыми репрессіями. Вожди движенія 1548 г. погибли въ ужасныхъ мукахъ. При новомъ возстаніи въ Бордо городъ былъ совершенно разоренъ грабежомъ солдатъ и преслѣдованіями правительства. Жители цѣлаго квартала разъ навсегда были выгнаны изъ города. «Мы представляемъ магистратъ опустошеннаго города», доносилъ городской муниципалитетъ. Въ Бретани участники крестьянской лиги вѣшались въ массѣ на деревьяхъ вдоль дорогъ. «Мятежъ кончился,—писала Madame де Севинье,—потому что, повѣсивъ чрезмѣрно многихъ, перестали вѣшать».

Къ концу царствованія Людовика XIV бунты уже не представляютъ государственной опасности. Централизація сдѣлала свое дѣло. Но повсюду идетъ та массовая контрабанда, о которой говорилось въ предыдущей главѣ. Въ послѣднее столѣтіе стараго порядка контрабанда принимаетъ угрожающіе размѣры. Двѣ арміи охранителей и нарушителей закона борются во всей странѣ. Суды работаютъ, но даже варварскія наказанія не въ силахъ, какъ мы видѣли, остановить контрабанду, безъ которой не могъ обойтись крестьянинъ. Человѣческія жизни приносятся въ жертву налогу. Больше считаетъ ¹⁾, что около ста человѣкъ погибали ежегодно въ стычкахъ со стражей. Въ среднемъ ежегодно 300 человѣкъ ссылались на галеры, до 1000 бросалось въ каменные мѣшки, называвшіеся тюрьмами. Въ 1701 г. 1175 человѣкъ были приговорены къ галерамъ за контрабанду соли; слѣдующій годъ даетъ еще большую цифру. «Третья часть каторжниковъ состоитъ изъ контрабандистовъ», констатируетъ Неккеръ. А сколько деревень были на половину пусты. Въ другихъ мало-по-малу растетъ населеніе угнетенныхъ и разбитыхъ налогомъ людей, расположенныхъ къ бродяжничеству, грабежу и контрабандѣ. Офиціальныя доклады свидѣтельствуютъ, что на границахъ Бретани страна становилась пустынной, потому что занятіе контрабандою заставляло бросать земледѣліе. Налогъ на соль становился препятствіемъ къ развитію національнаго богатства, вносилъ деморализацію во всю національную жизнь. И въ то же время онъ былъ самымъ тяжелымъ, самымъ варварскимъ налогомъ стараго порядка.

VI.

Наканунѣ революціи, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ обложения, налогъ на соль сталъ особенно безпощаднымъ и неравномѣрнымъ. Со всѣхъ сторонъ слышались заявленія о необходимости его

¹⁾ *Beaulieu*. Les gabelles sous Louis XIV.

уничтоженія. Въ *Cahiers* трехъ сословій включены единодушныя требованія либо его немедленнаго уничтоженія, либо радикальной реформы, т.-е. однообразія въ обложеніи всѣхъ провинцій и взиманія налога на самыхъ промыслахъ и въ уменьшенномъ размѣрѣ. Дворянство и церковь были недовольны вѣчными обысками въ домахъ, ограниченіемъ потребленія, вредомъ, который налогъ приносилъ земледѣлію. Еще болѣе настойчивы были жалобы третьяго сословія: «Противъ налога поднимаются голоса всѣхъ: этотъ несущій разореніе порядокъ осужденъ... Остается его отмѣнить навсегда. Нужно спѣшить съ этой отмѣной: никакой законъ, никакой надзоръ не могутъ остановить разбоя, творимаго слугами налога и контрабандистами. Религія, мораль— все погрязло цѣлой арміей изъ подонковъ общества. И слѣдствіемъ налога, какъ при набѣгѣ шайки дикарей, является опустѣніе деревни, нарушеніе правъ домашняго очага, воровство, тюрьмы, убійства. Люди и животныя становятся жертвами этого ужаснаго изобрѣтенія» ¹⁾. Экономисты, философы, писатели и даже министры высказываются за отмѣну налога. Неккеръ отзывался о немъ въ энергичныхъ выраженіяхъ. «Изъ всѣхъ налоговъ,— говоритъ онъ въ официальномъ докладѣ королю,—налогъ на соль вызываетъ наибольшее негодованіе. Противъ него раздаются всеобщіе протесты...» Въ своемъ трактатѣ о финансовой администраціи онъ прибавляетъ: «Довольно жить съ законами истинѣ безсмысленными и варварскими; пора перестать наполнять тюрьмы и галеры несчастными, которыхъ вина часто только и доказывается назначеніемъ наказанія; довольно вызывать войну одной части общества противъ другой» ²⁾.

Но налогъ приносилъ ежегодно 60 милл. франковъ. И министръ, боясь дефицита, не предлагалъ полнаго его уничтоженія. Онъ хотѣлъ лишь его уменьшенія и равномернаго распредѣленія по всей территоріи Франціи. Но въ послѣднемъ его останавливали привилегіи свободныхъ и откупившихся провинцій. Онъ останавливался передъ необходимостью нарушить обязательства и обѣщанія, данныя предшествующими монархами.

Собраніе нотаблей отвергло реформу налога, внесенную Капонномъ, какъ недостаточно радикальную. Будущій Людовикъ XVIII и графъ д'Артуа въ этомъ собраніи требовали полнаго уничтоженія налога. Во всякомъ случаѣ, та или иная реформа была на очереди. Но тутъ вспыхнула революція и смела съ арены политической жизни всѣхъ этихъ лицъ.

¹⁾ *Cahier Maine*. Цит. по *Cochois*. *Impôt sur le sel en France*.

²⁾ *Necker*. *Administration des finances*. Т. II, стр. 97.

Національное Собраніе вотировало значительное уменьшеніе цѣны соли, отмѣну соляной повинности и уничтоженіе обысковъ на дому. Боясь крупной ломки въ бюджетъ, оно не рисковало совершенно отмѣнить налогъ и заявило, «что соляной налогъ будетъ уничтоженъ, какъ только будетъ вотированъ провинціальными собраніями другой налогъ, могущій его замѣнить». Но общественное мнѣніе не было удовлетворено. Страна не хотѣла дожидаться рѣшенія провинціальныхъ собраній. «Во всемъ королевствѣ заставы городовъ и провинцій были опрокинуты. Приказчики, продававшіе соль, были прогнаны изъ своихъ бюро. Соляные магазины разграблены. Контрабанда проникла повсюду», доноситъ Монтескье. Возвратъ къ прошлому былъ невозможенъ. И Національному Собранію пришлось признать свершившійся фактъ. Декретомъ 21—30 марта 1790 г. налогъ на соль былъ отмѣненъ. Налогъ на соль, такой, какимъ онъ былъ въ дореформенную эпоху, палъ навсегда.

Національное Собраніе пыталось уравновѣсить бюджетъ введеніемъ прямого налога, падавшего на тѣ же провинціи, съ которыхъ раньше поступалъ налогъ на соль. Это должно было дать $\frac{1}{2}$ прежней суммы. Но страна не хотѣла признавать налога ни въ какой его формѣ. Регистры не составлялись, поступленій не было. Въмѣсто ожидаемыхъ 50 поступило всего лишь два милліона франковъ. Пришлось отмѣнить и эту мѣру. Франція была свободна отъ ненавистнаго налога.

П. Войковъ.

Цесаревичъ Константинъ и 11 марта 1801 г.

Событіе 11 марта 1801 г. не могло совершиться безъ участія въ заговорѣ членовъ императорской фамиліи. Относительно Александра Павловича это установлено несомнѣнно, но участіе его младшаго брата все еще остается подъ вопросомъ. Великій князь Николай Михайловичъ въ своей недавней монографіи объ Александрѣ I говоритъ объ интересующемъ насъ вопросѣ слѣдующее: Константинъ Павловичъ «ничего не вѣдалъ ни о заговорѣ, ни о переговорахъ брата съ Паленомъ»¹⁾. Это утвержденіе, основанное, повидимому (никакихъ новыхъ источниковъ авторъ не указываетъ), на аналогичныхъ сообщеніяхъ фонъ-Веделя²⁾, Ланжерона³⁾, М. А. Фонвизина⁴⁾, и на собственныхъ словахъ цесаревича, сообщившаго Ланжерону: «я ничего не подозрѣвалъ»⁵⁾, и скрѣпившаго эти слова 12 марта клятвою въ своей безвинности предъ матерью⁶⁾, нуждается, однако, въ сильномъ ограниченіи. Надо замѣтить, что всѣ указанія на неучастіе Константина въ заговорѣ, приведшемъ къ цареубійству 11 марта, исходятъ или отъ самого цесаревича, или же изъ позднѣйшихъ источниковъ. Ни фонъ-Ведель, ни Ланжеронъ, ни Фонвизинъ не были участниками или непосредственными свидѣтелями событія 11 марта. Ихъ свѣдѣнія получены, такимъ образомъ, изъ третьихъ рукъ. Мало значенія имѣетъ также и многочисленность этихъ свидѣтельствъ: еще большимъ числомъ мемуаристовъ, въ томъ числѣ первоисточ-

¹⁾ Вел. Кн. Николай Михайловичъ. «Александръ I», т. I, стр. 12.

²⁾ «Цареубійство 11 марта 1801 г.», изд. 2-ое, Спб. 1908, стр. 164. «Константинъ ничего не зналъ о заговорѣ».

³⁾ Александръ не открылъ брату о заговорѣ, страхась или «его нескромности и, быть можетъ, его честности и прямоты», или боясь, что Константинъ, узнавъ о заговорѣ, «можетъ открыть все отцу въ надеждѣ погубить своего старшаго брата и самому занять его мѣсто» (ib. стр. 189, пр. 2-ое). Можетъ быть эти слова навѣяны Паленовскимъ проектомъ противопоставить Александру Константина и господствовать надъ первымъ угрозою революціи второго (см. «Архивъ Воронцовыхъ», т. XII, стр. 392).

⁴⁾ «Вел. Кн. Конст. Павл. не зналъ о заговорѣ» («Цареуб. 11 марта», стр. 212).

⁵⁾ Ib. стр. 190.

⁶⁾ Записки Гейкинга. Ib. 398—399.

никомъ (Паленомъ у Ланжерона), передается слухъ о подписаніи Павломъ указа, ссылавшаго его семью; тѣмъ не менѣе онъ признается весьма сомнительнымъ ¹⁾. Съ другой стороны сообщенія ближайшихъ свидѣтелей переворота даютъ богатый матеріалъ для иного сужденія по вопросу о виновности цесаревича, чѣмъ мнѣніе автора сочиненія объ «Александрѣ I».

Пытались доказать далѣе, что Константинъ, ненавидя и презирая бабушку, въ противоположность Александру, былъ любимцемъ родителей. Но и это не такъ. «Александръ и даже его братъ Константинъ», какъ свидѣлствуетъ кн. А. Чарторижскій, «совсѣмъ не питали къ памяти своей бабки почтенія и привязанности, которыя въ нихъ предполагались ²⁾». Прекрасныя же отношенія между Константиномъ и отцомъ мимичны.

Великій Князь Константинъ Павловичъ родился 27 апрѣля 1779 г. и, подобно старшему брату и отцу ³⁾, съ самаго рожденія былъ оторванъ отъ родителей. Воспитаніе его перешло въ руки бабушки, и для свиданія родителей съ нимъ требовалось разрѣшеніе воспитателя ребенка—графа Н. И. Салтыкова. Разрѣшенія давались скупо, дѣти не видѣли отца мѣсяцами, былъ случай, когда Павелъ цѣлый годъ не видѣлъ сыновей ⁴⁾. Лишь къ концу екатерининскаго царствованія великіе князья начали заниматься шагистикой и парадами въ Гатчинѣ и здѣсь нѣсколько сблизились съ отцомъ. Увлеченіе это, однако, не содержало крѣпкой связи и взаимной любви между отцомъ и сыновьями, сближеніе отразилось лишь на укрѣпленіи нелюбви великихъ князей къ государынѣ. Но и эти нѣсколько наладившіяся отношенія быстро разрушились со вступленіемъ на престолъ Павла.

Уже 7 ноября 1796 г. Константинъ былъ назначенъ шефомъ Измайловскаго полка ⁵⁾ и для него началось царство страха. Малѣйшія провинности вызывали ярость отца; ежедневно получалъ великій князь, во время парадовъ и ученій, выговоры за малѣйшія ошибки. Константинъ трепеталъ предъ отцомъ. «Великіе князья смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ ⁶⁾». Какъ великъ былъ трепеть, видно хотя бы

¹⁾ Thschietmann. «Geschichte Russlands unter Nicolaus I». I, 50.

²⁾ Чарторижскій, Мемуары. М. 1912 г., стр. 206.

³⁾ Екатерина въ своихъ отношеніяхъ къ сыну и внуку явно пародировала Елизавету. Обѣ отнимали наслѣдниковъ у родителей, обѣ противопоставляли дѣтей отцамъ, обѣ пытались передать престолъ помимо прямыхъ наслѣдниковъ.

⁴⁾ Е. П. Карновичъ. «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ». Спб. 1899, стр. 50.

⁵⁾ Н. К. Шильдеръ. «Павелъ I», стр. 289.

⁶⁾ Саблуковъ. «Царевъ. II марта», стр. 67.

изъ слѣдующаго инцидента: лѣтомъ 1798 г. во время пребыванія императора и императрицы въ Петергофѣ, Константинъ былъ его губернаторомъ и, однажды, послѣ одного бала, полагая, по ошибкѣ, что его уже отпустили, не подалъ обычнаго дневного рапорта отцу. Князь Ливень, чрезъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго, сохранившаго этотъ случай въ своихъ запискахъ, передалъ великому князю: «Государь гнѣвается», и эти немногія слова столь испугали Константина, что онъ, по собственному признанію, не спалъ всю ночь отъ волненія и ужаса. Ради спасенія онъ прибѣгнулъ даже къ помощи Кутайсова, который и спасъ его отъ кары ¹⁾.

Но если сынъ трепеталъ предъ отцомъ, то и отецъ боялся сына. Подозрительность Павла равнялась страху Константина. Павелъ, какъ передаетъ достоверно графъ Е. Ѳ. Комаровскій, назначилъ въ 1797 г. нѣкоего Сафорова, капитана Измайловскаго полка, адъютантомъ Константина, сказавъ при этомъ Сафонову: «мнѣ нужно имѣть при Вел. Кн. Константинѣ Павловичѣ чело-вѣка пожилыхъ лѣтъ, въ родѣ дядьки, который бы мнѣ доносилъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Его Высочества и ничего бы отъ меня не скрывалъ» ²⁾. На этотъ разъ надзоръ не удался (Константинъ обвелъ, обольстилъ и сдѣлалъ преданнымъ слугою своего простоватаго дядьку), но онъ осуществился нѣсколько позже. Въ 1799 году Константинъ принималъ участіе въ италійскомъ походѣ, и Высочайшимъ Указомъ отъ 28 октября 1799 г. былъ награжденъ титуломъ цесаревича («Полное Собраніе Законовъ», т. XXV № 19170), но едва вернулся онъ, какъ его постигла кара. Представивъ, въ началѣ 1800 г., по повелѣнію отца, проектъ солдатской формы, которая была нѣсколько похожа на екатерининскую, цесаревичъ услышалъ: «Я вижу, ты хочешь ввести потемкинскую одежду въ мою армію» ³⁾. Въ то же время, послѣ неудачнаго крещенскаго парада, конно-гвардейскій полкъ былъ переведенъ изъ своихъ, только что занятыхъ, казармъ въ Таврическомъ дворцѣ въ Царское Село ⁴⁾. Туда же былъ сосланъ командиромъ полка, назначенный, впрочемъ, офиціально его шефомъ лишь 28 мая, и Константинъ. Дворецъ, гдѣ немедля, не взирая на стужу, долженъ былъ поселиться Константинъ, былъ давно необитаемъ и не топлень. Холодъ въ немъ былъ такъ великъ, что цесаревичъ и его свита сидѣли нѣсколько дней въ шинеляхъ, а великая

¹⁾ «Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго». «Историческій Вѣстникъ» 1897 г., августъ, стр. 352—354.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1897, августъ, стр. 349—350.

³⁾ Тамъ же, стр. 368.

⁴⁾ Дворецъ былъ подаренъ полку Высоч. Указомъ отъ 11 апр. 1799 г., солдаты были въ немъ размѣщены въ декабрѣ, а уже въ январѣ полкъ вновь переведенъ. (Анненковъ. Исторія лейбъ-гвардіи Коннаго полка, ч. I. Спб. 1849 г., стр. 170—172).

княгиня Анна Ѳедоровна заболѣла ¹⁾. Константинъ долженъ былъ пребывать въ Царскомъ Селѣ неотлучно, только по воскресеньямъ дозволено было ему прїѣзжать въ Петербургъ. Неудавшійся три года назадъ надзоръ былъ возобновленъ при посредствѣ ген.-адъютанта Кожина, назначеннаго состоять при цесаревичѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Константина постигла новая кара. 2 мая 1800 г. онъ получилъ указъ государя объ отчисленіи въ армію и увольненіи отъ адъютанскихъ обязанностей Комаровскаго, Сафонова и Шувалова. Прочтя его, великій князь въ первую минуту не могъ ничего сказать и примѣтно перемѣнился въ лицѣ, а потомъ сказалъ: «быть не можетъ, чтобы государю угодно было такъ много меня огорчать». Вопреки, однако, и этой увѣренности и всѣмъ просьбамъ указъ былъ исполненъ ²⁾. Лишь въ ноябрѣ полкъ, и вмѣстѣ съ нимъ цесаревичъ, вернулись въ Петербургъ ³⁾.

Ссылка въ Царское Село, отчисленія и наказанія не способствовали, конечно, улучшенію отношеній между отцомъ и сыномъ. 2 ноября 1798 г. гр. Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: «...Je ne puis être indigné de voir qu'après avoir répandu des millions de bienfaits l'Empereur n'a pas de serviteurs fidèles. On le déteste, jusqu'à ses propres enfants; car le grand-duc Alexandre déteste son père, le grand-duc Constantin le craint» ⁴⁾. Два года спустя раздоръ между отцомъ и дѣтьми сдѣлалъ успѣхи: къ страху и презрѣнію присоединились отвращеніе и ненависть, младшій братъ пошелъ по стопамъ старшаго, и въ концѣ 1800 г. мы имѣемъ слѣдующее сужденіе Константина о Павлѣ: «Mon père avait déclaré la guerre au bon sens, avec la ferme intention de ne jamais conclure la paix ⁵⁾». Бозотчетный ужасъ предъ отцомъ равно не покидалъ дѣтей, но привелъ къ неожиданнымъ для Павла послѣдствіямъ: великіе князья, сидѣвшіе во время семейныхъ собраний, для удобства надзора, vis-à-vis своего отца, при-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1897 г., августъ, стр. 369.

²⁾ Ibid. 370—371.

³⁾ Въ сентябрѣ произошелъ любопытный инцидентъ, на который мы нашли указаніе, однако глухое и краткое, лишь въ цитированной исторіи Конной гвардіи (ч. I, стр. 183). 9 сентября 1800 г. Павелъ повелѣлъ цесаревичу состоять по арміи, съ ношеніемъ общаго кавалерійскаго мундира, а шефомъ полка былъ назначенъ принцъ Александръ Виртембергскій. Однако, уже 10 сентября званіе шефа было возвращено Константину.

⁴⁾ Я не могу не возмущаться, видя, что у государя нѣтъ вѣрныхъ слугъ послѣ миллионовъ содѣянныхъ имъ благодѣяній. Его ненавидятъ, ненавидятъ даже собственныя дѣти; ибо вел. кн. Александръ ненавидитъ, отца, а вел. кн. Константинъ боится его. «Архивъ князей Воронцовыхъ», кн. XXIV, стр. 274.

⁵⁾ Н. К. Шильдеръ. «Импер. Павелъ I», стр. 463, вновь «сообщено» П. Паренсовымъ въ «Русск. Стар.», 1908 дек., 720.

выкли скрывать свои мысли, чувства и побужденія, привыкли столь хорошо, что ни одно движеніе, ни одно слово не выдавало Павлу за ужиномъ 11 марта страшной тайны ¹⁾.

Наступилъ 1801 годъ. Отношенія между отцомъ и сыновьями становились съ каждымъ днемъ тяжелѣе и подозрительнѣе. Заговоръ, плодъ союза хитроумнаго итальянца съ Панинымъ, росъ. Начали устраиваться прежде запрещенныя интимныя собранія, гдѣ говорили втихомолку, гдѣ осуждали, осмѣивали и порицали государя. Эти разговоры вызывали подозрѣніе наблюдательныхъ людей, и одинъ изъ нихъ, прямодушный Саблуковъ, замѣчаетъ, что особенно подозрѣнія его усилились послѣ одного обѣда у Талызина, раута у Зубовыхъ, *petite soirée* у отставного полковника Хитрово, одного изъ инициаторовъ такихъ собраний, «прекраснаго и умнаго человѣка, но настоящаго гоуэ, близкаго къ Константину» ²⁾. Это первое звено въ длинной цѣпи уликъ, обвиняющихъ Константина въ соучастіи въ преступленіи 11 марта. Среди первостепенныхъ заговорщиковъ мы видимъ эксъ-адъютанта цесаревича, близкаго къ нему человѣка. День 11 марта приближался. По многочисленнымъ свидѣтельствамъ, впрочемъ, какъ утверждаетъ Т. Шиманъ ³⁾, сомнительнымъ, какъ то Палена ⁴⁾, фонъ-Веделя ⁵⁾, Вельяминова-Зернова ⁶⁾, М. Леонтьева ⁷⁾, Павелъ, по требованію Палена, не ручавшагося иначе за безопасность государя, подписалъ указъ, ссылавшій Марію Ѳедоровну въ Холмогоры, Александра—въ Шлиссельбургъ, а Константина заточавшій въ Петропавловскую крѣпость.

Вечеромъ 10 марта состоялся концертъ въ Михайловскомъ замкѣ. Павелъ плохо слушалъ пѣніе Шевалье и, дождавшись выхода къ вечернему столу, подошелъ, по очереди, къ супругѣ и сыновьямъ и, останавливаясь молча передъ ними, насмѣшливо улыбался, тяжело дыша,—признаки крайняго неудовольствія ⁸⁾. Это было прологомъ къ 11 марту. Въ этотъ день эскадронъ конной гвардіи № 1, в. к. Николая Павловича, которымъ командовалъ Саблуковъ, выставялъ караулъ въ Михайловскомъ замкѣ. Однако, на разводѣ, въ 10 часовъ утра, полковой адъютантъ Ушаковъ передалъ Саблукову, что «по именному приказанію в. к. Константина Павловича, я (т.-е. Саблуковъ) сегодня

¹⁾ «Mémoires de pr. A. Czartoryski», I, 245.

²⁾ «Цареуб. 11 марта», стр. 69—70.

³⁾ Th. Schiemann. «Geschichte Russlands unter Nicolaus I», I, 50.

⁴⁾ Палень у Гейкинга. «Цареуб. 11 марта», стр. 296—297.

⁵⁾ Ibid, стр. 164.

⁶⁾ Ibid, стр. 123.

⁷⁾ «Русск. Архивъ», 1913 сент.; 913.

⁸⁾ Шильдеръ. «Имп. Александръ I», т. I. Спб. 1904, стр. 216.

назначенъ дежурнымъ полковникомъ по полку. Это было совершенно противно служебнымъ правиламъ, такъ какъ на полковника, эскадронъ котораго стоитъ на караулѣ, никогда не возлагается никакихъ иныхъ обязанностей». Мы видѣли уже, какъ трепеталъ Константинъ при всякой ошибкѣ, какъ боялся всякаго проступка, замѣтимъ далѣе, что онъ былъ арестованъ отцомъ ¹⁾, и рѣшимъ могъ ли онъ, не участвуя въ заговорѣ, рѣшиться на столь серьезное нарушеніе военного устава. Лишь зная о грядущемъ низверженіи или смерти Павла, могъ онъ отдать такое приказаніе.

Не имѣя права не исполнить распоряженіе, Саблуковъ сдалъ эскадронъ и вернулся въ полкъ. Въ 8 часовъ вечера, принявъ рапорты, онъ отправился въ Замокъ къ Константину, шефу полка, чтобы сдать свой. Дежурившій у подъѣзда камеръ-лакей Павла спросилъ, куда онъ идетъ и, узнавъ, что къ Константину, отвѣчалъ: «пожалуйста не ходите, ибо я тотчасъ долженъ донести объ этомъ государю». Изумленный Саблуковъ объяснилъ, что ему необходимо сдать рапортъ и поднялся наверхъ. Въ передней цесаревича довѣренный камердинеръ его Рутковскій удивленно спросилъ: «Зачѣмъ вы пришли сюда?» Саблуковъ, еще болѣе изумленный и раздраженный, крикнулъ: «вы, кажется, всѣ здѣсь съ ума сошли». Трудно было найти иное объясненіе поступкамъ лакея и Рутковского. Войдя къ Константину, Саблуковъ засталъ его очень взволнованнымъ. Пока шелъ докладъ, Александръ вышелъ изъ другой комнаты, «прокрадываясь, какъ испуганный заяцъ». Въ эту минуту открылась задняя дверь, и вошелъ императоръ (вѣроятно, послѣ доклада камеръ-лакея), въ сапогахъ со шпорами, съ шляпой въ одной рукѣ и тростью въ другой, и направился къ нашей группѣ церемоніальнымъ шагомъ. Александръ поспѣшно убѣжалъ въ собственныйappartementъ; Константинъ стоялъ пораженный, съ руками, бьющимися по карманамъ, словно безоружный человѣкъ, очутившійся предъ медвѣдемъ. Я же,—разсказываетъ Саблуковъ,—повернувшись, по уставу, на каблукахъ, отрапортовалъ Императору о состояніи полка. Императоръ сказалъ: «А, ты дежурный!», очень учтиво кивнулъ мнѣ головой, повернулся и вышелъ... Когда онъ вышелъ, Александръ немного пріоткрылъ свою дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ неподвижно. Когда вторая дверь въ ближайшей комнатѣ громко стукнула, доказывая, что Императоръ, дѣйствительно, ушелъ, Александръ, крадучись, снова подошелъ къ намъ. Константинъ сказалъ: «Ну, братецъ, что вы скажете о моихъ? Я говорилъ вамъ,

¹⁾ Константинъ на утреннемъ разводѣ 11 марта не присутствовалъ (*Шильдеръ*. «Имп. Павелъ. I», стр. 484), онъ, по всей вѣроятности, уже былъ арестованъ отцомъ (въ разводѣ не принималъ участія и Александръ), иначе нельзя объяснить ихъ отсутствіе.

что онъ не испугается». Александръ спросилъ: «Какъ, вы не боитесь императора?». Саблуковъ отвѣтилъ отрицательно. «Такъ вы ничего не знаете!»,—возразилъ Александръ.—«Ничего, Ваше Высочество, кромѣ того, что я дежурный внѣ очередь».—«Я такъ приказалъ»,—сказалъ Константинъ. «Къ тому же, сказалъ Александръ, мы оба подъ арестомъ». Я засмѣялся. Вел. князь сказалъ: «Отчего вы смѣетесь?»—«Оттого, что вы давно желали этой чести».—«Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Насъ обоихъ водилъ въ церковь Оболяниновъ присягать въ вѣрности».—«Меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ; я вѣренъ».—«Хорошо, сказалъ Константинъ, теперь отправляйтесь домой и, смотрите, будьте осторожны». Я поклонился и вышелъ. Выходя, Саблуковъ увидѣлъ Рутковского, подававшаго Константину стаканъ воды. Въ стаканъ попало перышко, выбрасывая его, камердинеръ сказалъ: «сегодня оно плаваетъ, но завтра потонетъ»¹⁾.

Обратимъ вниманіе на этотъ неоднократно цитированный рассказъ Саблукова. Мы въ атмосферѣ заговора, наполовину открытаго. Камеръ-лакей государя обязанъ доносить о приходящихъ къ великимъ князьямъ, которые подъ арестомъ. Приходъ отца къ сыновьямъ повергаетъ ихъ въ ужасъ, одинъ въ страхѣ убѣгаетъ, другой трепещетъ, не успѣвъ убѣжать. И когда Государь уходитъ, Саблуковъ слышитъ наивный вопросъ: «какъ, вы не боитесь государя?» Неужели возможно предполагать, что въ этой атмосферѣ, насыщенной страхомъ и интригами, Константинъ остался незнающимъ о заговорѣ. Если онъ и не вѣдалъ ранѣе, то узналъ нынѣ. Посвященность цесаревича доказывается, между прочимъ, двумя новыми мелкими, но примѣчательными фактами: мы говоримъ о многозначительной фразѣ Рутковского по поводу перышка и о томъ знаменательномъ молчаніи великихъ князей, которое послѣдовало вслѣдъ за чрезвычайно дерзкой и вызывающей фразой Саблукова: «меня нѣтъ надобности приводить къ присягѣ, я вѣренъ».

Съ тяжелымъ предчувствіемъ вернулся Саблуковъ въ казармы. Въ это время, послѣ ряда сборищъ у отдѣльныхъ заговорщиковъ, въ томъ числѣ у Хитрово, они собрались въ 11 часовъ у Талызина въ Зимнемъ Дворцѣ, куда въ 11½ часа ночи пріѣхали Паленъ и Беннигсенъ²⁾. Въ полночь двинулись къ замку... Въ первомъ часу ночи Павла не стало³⁾. Что дѣлалъ въ это время

¹⁾ «Цареубійство 11 марта», стр. 75—78.

²⁾ С. А. Панчулидзе. «Исторія кавалергардовъ». Спб., 1901, стр. 276.

³⁾ А. Г. Брикнеръ. «Смерть Павла I». Спб., 1907, стр. 108. Павелъ умеръ по словамъ кн. Ливень, въ 40 м. перваго («Цареуб. 11 марта» стр., 232), но большинство свидѣтельствъ менѣе опредѣленны (сравн. новѣйшее М. Леонтьева. «Русск. Арх». 1913, сент., 316 и 323), и въ томъ числѣ камеръ-фурьерскій журналъ, говоритъ о смерти Павла въ первомъ часу ночи.

Константинъ? Онъ, вмѣстѣ съ братомъ, присутствовалъ за вечернимъ столомъ у Павла¹⁾, отошедшаго въ 11 часовъ ко сну. О дальнѣйшемъ вотъ что рассказываетъ самъ цесаревичъ: «Я ничего не подозрѣвалъ и спалъ, какъ спятъ въ 20 лѣтъ. Платонъ Зубовъ, пьяный, вошелъ ко мнѣ въ комнату, поднялъ шумъ (это было уже черезъ часъ послѣ кончины отца)». Зубовъ грубо разбудилъ цесаревича, дерзко повелъ его къ брату. Константинъ нашель его рыдающимъ и лишь тогда узналъ печальную истину²⁾. Разсказъ Константина, записанный въ 1826 году, вызываетъ недоумѣнія. Такъ, по словамъ цесаревича, онъ былъ разбуженъ черезъ часъ послѣ смерти отца, т.-е., въ концѣ второго часа ночи (самое раннее время смерти Павла 12^{1/2} ч. ночи), а камеръ-фурьерскій журналъ сообщаетъ, что Александръ и Константинъ въ 2 ч. ночи отбыли уже въ Зимній Дворецъ³⁾.

Еще больше смущенія вызываетъ сравненіе словъ Константина съ несомнѣнно достовѣрными свидѣтельствами Саблукова. Послѣдній рассказываетъ, что нѣсколько минутъ послѣ часу пополудни къ нему явился собственный ѣздовой цесаревича съ собственноручной запиской его высочества, написанной весьма спѣшно и взволнованнымъ почеркомъ. Записка гласила: «собрать тотчасъ же полкъ верхомъ, какъ можно скорѣе, съ полною аммунициею, но безъ поклажи, и ждать моихъ приказаній. Константинъ Цесаревичъ». На словахъ ѣздовой прибавилъ: «его Высочество приказалъ мнѣ передать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками, и чтобы вы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами». Приказанія были исполнены, а въ третьемъ часу ночи полковой адъютантъ Ушаковъ передалъ Саблукову извѣстіе о смерти Павла⁴⁾.

Къ 11 марту конно-гвардейскій полкъ помѣщался (съ 15 ноября 1800 г.) въ домѣ Гарновскаго у Измайловскаго моста⁵⁾, на огромномъ разстояніи отъ Михайловскаго замка. И несомнѣнно, что гонецъ цесаревича выѣхалъ еще предъ смертью Павла, «во время полнаго развитія драмы», какъ замѣчаетъ К. Валишевскій⁶⁾.

¹⁾ Камеръ-Фурьерскій журналъ у Шильдера «Александръ I», I. 426.

²⁾ «Цареуб. 11 марта», стр. 190.

³⁾ Шильдеръ. Цит. мѣсто. К. Валишевскій передаетъ, на основаніи словъ камеристки Александра, что онъ, ожидая ночного визита Палена, разбудилъ брата (К. Waliszewsky. Le fils de la grande Catherine Paul. I. P. 1912, p. 631).

⁴⁾ «Цареуб. 11 марта», стр. 82.

⁵⁾ Анненковъ. «Ист. Коннаго полка». I, 172.

⁶⁾ «Le message (Саблуковъ) n'a pu de toute évidence, être envoyé qu'en plein développement du drame, avant la mort du Paul et l'avènement d'Alexandre» (К. Waliszewsky, op. cit., p. 632); сравн. Брикнеръ. Смерть Павла I, стр. 108. Замѣтимъ также, что не будь посвященъ въ заговоръ цесаревичъ его гонца не пропустили бы заговорщики.

И цесаревичъ, однако, не требуетъ немедленной помощи, а приказываетъ, держа полкъ подъ ружьемъ (должно быть изъ опасенія безпорядковъ), ждать его приказаній, чѣмъ отнималась возможность самостоятельнаго выступленія у Саблукова. Итакъ, мы видимъ, что въ рѣшительную ночь Константинъ принялъ участіе, и притомъ, въ противоположность брату, активное, въ царевубійствѣ 11 марта. Эта основная улика подкрѣпляется рядомъ иныхъ. Среди нихъ главная—назначеніе Саблукова дежурнымъ полковникомъ. Мы видѣли, какъ трепеталъ предъ отцомъ наканунѣ убійства Константинъ; лишь послѣдняя игра, гдѣ на карту было поставлено все, могла заставить его, ради успѣха заговора, рѣшиться на важное нарушеніе военной дисциплины.

Да и само по себѣ мнѣніе сторонниковъ невинности Константина мало вѣроятно. Утверждаютъ, что онъ не зналъ о заговорѣ, но не знать о немъ, ничего не подозрѣвать, было невозможно. Въ заговоръ были посвящены всѣ, всѣ были прямыми или косвенными его соучастниками, преступниками или укрывателями ихъ. Когда о скоромъ убійствѣ говорили извозчики¹⁾, когда о немъ знали всѣ офицеры Семеновскаго полка²⁾, когда о немъ предупреждала юнаго Евгенія Виртембергскаго любовница Павла³⁾, когда въ заговорѣ были собственный братъ Константина, командиры подчиненныхъ ему полковъ⁴⁾ и близкіе ему люди, когда, однимъ словомъ, заговоръ его окружалъ, Константинъ не могъ не знать о немъ. А зная дѣлался тѣмъ самымъ косвеннымъ пособникомъ; отношенія съ отцомъ дѣлаютъ его участіе въ заговорѣ возможнымъ, изложенныя соображенія вѣроятнымъ, а поведение 10—11 марта несомнѣннымъ. Можно лишь предположить, и тѣмъ объясняется свидѣтельство о неучастіи Константина, что онъ былъ посвященъ въ заговоръ лишь незадолго до 11 марта. Но посвященный въ него онъ сразу началъ дѣйствовать.

Что заставило Константина вступить въ среду убійцъ отца? Страхъ. Ужасъ и трепетъ, внушаемый Павломъ, дошелъ до такой степени, что приходилось рѣшаться на все, лишь бы избавиться отъ страха. Страхъ породилъ отчаяніе, отчаяніе толкнуло въ заговоръ.

Старались многократно представить, что горестъ, испытанная цесаревичемъ послѣ смерти отца, не позволяетъ зачислить его въ ряды заговорщиковъ. Мы знаемъ дѣйствительно, что, узнавъ

¹⁾ *Де-Сангленъ* у Шильдера «Павелъ I», стр. 495, сн. 1.

²⁾ *Bernhardi*. *Gesch. Russlands*, II Th., 3 B., S. 427.

³⁾ «*Historische Zeitschrift*», herausgegeben von St. v. Siebel. B. III, S. 155.

⁴⁾ *Уваровъ и Яковичъ* («Цареуб.» Стр. 202).

объ убійствѣ, цесаревичъ заливался слезами¹⁾, со слезами на глазахъ клялся онъ матери въ невинности²⁾. Де-Сангленъ передаетъ, что, увидя вольно расположившихся заговорщиковъ послѣ убійства, гнѣвный Константинъ сказалъ: «я бы всѣхъ ихъ повѣсилъ³⁾». Но не говоря о томъ, что такую же горестъ проявлялъ и Александръ, что ту же клятву давалъ и онъ, замѣтимъ, что главную роль играла здѣсь не печаль, а растерянность, потому что Константинъ, какъ говоритъ Th. Bernhadi (считающій его невиннымъ) былъ «in solchem Grade erschreckt, dass er darüber alle Fassung und Haltung verloren hatte⁴⁾». Страхъ и страхъ, это была стихія, въ которой жилъ цесаревичъ въ павловскіе годы, и первое чувство, испытанное имъ послѣ 11 марта, было именно избавленіе отъ страха: на ежедневныхъ парадахъ онъ, «не испытывая болѣе страха (какъ) предъ отцомъ, горячился и шумѣлъ болѣе, чѣмъ прежде». И эта же радость избавленія звучитъ и въ опубликованномъ недавно проф. Аскеназы письмѣ Константина къ его возлюбленной, кн. Е. Любомирской. 14 марта цесаревичъ пишетъ: «у насъ большая перемѣна. Моего отца нѣтъ въ живыхъ. Мой обожаемый братъ—императоръ. Его всѣ обожаютъ. Весь Петербургъ какъ бы снова родился, а Россія, мое дорогое отечество, свободно дышитъ грудью⁵⁾». Чувства братскія, чувства патріотическія, главное, чувство освобожденія, и ни звука сыновнихъ чувствъ. «Моего отца нѣтъ въ живыхъ». Ни сожалѣнія, ни осужденія, одно безразличіе. Этотъ важный автобіографическій документъ разбиваетъ всѣ легенды о великой печали Константина послѣ смерти Павла.

Отмѣтимъ еще одну черту. Умирающій Павелъ, когда его душили, замѣтивъ среди убійцъ одного конно-гвардейца въ красномъ мундирѣ и принявъ его за сына—Константина, крикнулъ: «Grâce, monseigneur, grâce. Par pitié de l'air, de l'air...⁶⁾». Но милосердія не было.

Илья Бикерманъ.

¹⁾ Зап. кн. Ливень. «Цареуб. 11 марта», стр. 2350.

²⁾ Е. С. Шумигорскій. «Имп. Павелъ I». Спб. 1907, стр. 211.

³⁾ Шильдеръ. «Павелъ I». Стр. 495. Т. Шиманъ передаетъ также мюнхенское извѣстіе, что въ послѣднюю минуту Константинъ хотѣлъ спасти отца (ор. с. I, 52).

⁴⁾ «Настолько испуганъ, что утратилъ всякое самообладаніе» Th. Bernhadi, op. cit. S. 435.

⁵⁾ «Bibl. Warszanwska». 1913, № 6, цит. у В. Пичеты: «В. К. Конст. Павл. и кн. Ел. Любомирская». «Гол. Минувш.» 1913, 7, 237.

⁶⁾ Mémoires de pr. A. Czartor. I. 249; сравн. у Ланжерона. «Цареуб». стр. 189. пр. 1.

П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.¹⁾

IV. Изъ разсказовъ М. П. Сажина.

Наибольшей полнотой и интересомъ отличаются воспоминанія, принадлежащія М. П. Сажину. Они особенно цѣнны для характеристики той эволюціи, которую переживалъ Лавровъ, начиная съ ссылки и первыхъ лѣтъ эмиграціи. Кромѣ того, они даютъ еще кое-какія указанія для пониманія личности Лаврова, какъ опредѣленнаго психологическаго типа. Помимо этого, воспоминанія Сажина выясняютъ крайне интересныя подробности нѣкоторыхъ фактовъ, имѣвшихъ большое значеніе въ движеніи 70 годовъ. Правда, М. П. Сажинъ касается не только одного Лаврова, но и цѣлаго ряда другихъ лицъ, какъ Шелгунова, Берви, Нечаева, Утина и Ткачева. Очень часто его разсказъ даже отвлекается въ сторону. Но всѣ эти мѣста воспоминаній Сажина, хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ Лаврову, тѣмъ не менѣе представляютъ очень большой интересъ для характеристики какъ самого движенія, такъ и лицъ, въ немъ участвовавшихъ.

«О Лавровѣ,—разсказываетъ М. П. Сажинъ,—я впервые услышалъ еще въ 60-хъ г. Я былъ тогда студентомъ петербургскаго Технологическаго института. Въ то время было очень сильно вліяніе Чернышевскаго. Въ Петербургѣ въ срединѣ 60-хъ г. среди офицеровъ, по преимуществу артиллеристовъ, образовался кружокъ «чернышевцевъ», куда входилъ и я. Изъ членовъ этого кружка я сейчасъ припоминаю офицеровъ-артиллеристовъ: Бог-

¹⁾ См. «Гол. Мин» № 9.

П. Л. Лавровъ.

Фотографія 1864—5 г. во время заграничнаго отпуска въ бытность Лаврова
проф. Артил. Академіи.

данова, братьевъ Черновыхъ, Альтфатера, Юдина, полковника Колесова и офицера генеральнаго штаба Гейнса. Впослѣдствіи одинъ изъ Черновыхъ погибъ геройской смертью во время турецкой войны на суднѣ «Веста». Юдинъ, другой братъ Чернова и Альтфатеръ живы и по сію пору и дослужились уже до генеральскихъ чиновъ, а послѣдній изъ нихъ состоитъ даже членомъ Гос. Совѣта. Что касается Гейнса, то онъ впослѣдствіи уѣхалъ въ Америку, гдѣ подъ именемъ Вильяма Фрея занялся религиозными исканіями и созданіемъ, такъ называемой «позитивной религіи человѣчества».

Среди названныхъ офицеровъ довольно часто упоминалось имя Лаврова. Всѣ отзывались о немъ съ большимъ уваженіемъ и считали его очень знающимъ и ученымъ профессоромъ артиллерійской академіи. Слылъ Лавровъ въ то время за лѣваго «либерала» и былъ въ академіи, по отзывамъ членовъ кружка, однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и прогрессивныхъ профессоровъ. Онъ былъ въ довольно дружескихъ отношеніяхъ съ начальникомъ академіи проф. Гадалинымъ,¹⁾ который также считалъ себя прогрессистомъ. Изъ другихъ профессоровъ Лавровъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ состоялъ съ Энгельгардтомъ, завѣдывающимъ пушечнымъ отдѣленіемъ.

Офицера, съ которыми я встрѣчался, выражали сожалѣніе, что такой способный человѣкъ, какъ Лавровъ, не примыкаетъ къ Чернышевскому, а числится въ рядахъ «либераловъ», имѣя дѣло съ Краевскимъ и Дудышкинымъ. Арестъ Лаврова въ 1866 г. вызвалъ среди офицеровъ полное удивленіе, а затѣмъ и возмущеніе... Всѣ недоумѣвали, за что могли арестовать Лаврова, извѣстнаго только своими либеральными взглядами. О стихотвореніяхъ Лаврова и о знакомствѣ его съ Чернышевскимъ въ широкихъ кругахъ ничего не знали. Почти всѣ офицера рѣзко осуждали дѣйствія правительства, арестовавшаго Лаврова. Что касается студенчества, то среди него арестъ Лаврова не произвелъ никакого впечатлѣнія. Онъ былъ тогда очень мало извѣстенъ въ рядахъ молодежи. Знали только, что это ученый «философъ», а такъ какъ въ то время къ философіи относились съ усмѣшкой, какъ къ праздному занятію, то и арестъ Лаврова прошелъ почти незамѣченнымъ. Объ арестѣ Лаврова говорили только, какъ о фактѣ, иллюстрировавшемъ безцеремонную политику тогдашняго правительства, которое «начало преслѣдовать даже либераловъ».

Въ январѣ 1868 г. я былъ арестованъ въ Петербургѣ, а въ

¹⁾ О Гадалинѣ см. *фонъ-Боолъ В. Г.* Воспоминанія педагога «Рус. Стар.» 1904 г. № 9.

февралѣ отправленъ въ ссылку безъ срока въ Вологодскую г. Еще до своей ссылки я, въ концѣ 1864 г. или началѣ 1865 г., судился за нелегальное изданіе Бюхнера «Сила и матерія». Судилъ меня еще старый судъ, и я отдѣлался легкимъ наказаніемъ. Въ 1866 г. меня разыскивали въ связи съ дѣломъ Каракозова, такъ какъ я былъ знакомъ съ Худяковымъ, однимъ изъ участниковъ этого дѣла. Въ 1867 г. въ Технологическомъ институтѣ начались крупные безпорядки, вслѣдствіе исключенія одного изъ студентовъ. Я организовывалъ сходки, выступалъ на нихъ, писалъ рукописныя прокламаціи и расклеивалъ ихъ въ институтѣ, принималъ участіе въ разныхъ организаціяхъ и т. п. Результатомъ всего этого и явилась моя ссылка въ Вологодскую губ.

Всю свою ссылку я провелъ въ Вологдѣ. Въ то время, т.-е. въ 1868 г., въ названномъ городѣ было всего трое ссыльныхъ: Николай Васильевичъ Шелгуновъ, Василій Васильевичъ Берви (Флеровскій) и, наконецъ, третьимъ ссыльнымъ былъ я. Шелгуновъ до Вологды въ 1864 г. былъ сначала въ Великомъ Устюгѣ. Здѣсь вмѣстѣ съ нимъ находился еще Автократовъ, близкій товарищъ Помяловскаго и переводчикъ Гоббса. Пребываніе Шелгунова въ Устюгѣ закончилось скандаломъ, такъ какъ онъ далъ исправнику пощечину. За это его сослали въ захолустный городокъ Никольскъ и лишь въ 1867 г. разрѣшили переѣхать въ Вологду.

Администрація въ то время въ Вологодской губ. была довольно сносная. Губернаторомъ былъ С. Ѳ. Хоминскій.²⁾ До этого онъ занималъ какой-то видный постъ въ Польшѣ, но затѣмъ попалъ на подозрѣніе и былъ, въ видѣ наказанія, назначенъ губернаторомъ въ Вологду, при чемъ на цѣлыхъ 5 лѣтъ его лишили права являться ко Двору. Къ ссыльнымъ онъ относился въ общемъ довольно хорошо. Онъ самъ внимательно перечитывалъ большую часть статей, которыя отправлялъ въ журналъ «Дѣло» Шелгуновъ, а также статьи, пересылаемыя Лавровымъ. Однажды даже, встрѣтившись съ Шелгуновымъ въ частномъ домѣ, онъ затѣялъ съ нимъ подробный разговоръ объ его статьяхъ.

Правителемъ канцеляріи губернатора состоялъ тогда Тишинъ. Это былъ тоже либеральный человѣкъ, который относился къ ссыльнымъ вполне прилично. Но самый интересной фигурой изъ вологодской администраціи былъ Николай Васильевичъ Керовскій, занимавшій постъ помощника правителя канцеляріи и завѣдующій столомъ ссыльно-политическихъ. Это былъ самый

²⁾ О Хоминскомъ см. Л. Пантелѣевъ «Изъ воспоминаній прошлаго», Спб. 1905 г., и П. Засодимскій. «Страничка изъ литературныхъ воспоминаній», «Ист. Вѣст.» 1904 г. № 5.

ярый послѣдователь Н. Г. Чернышевскаго. Надо замѣтить, что вліяніе Чернышевскаго вообще было въ тѣ времена очень сильно. Отразилось оно, конечно, и на Вологдѣ. Кедровскій незадолго до своей службы былъ воспитанникомъ вологодской духовной семинаріи. Здѣсь онъ совмѣстно съ семинаристами Одицовымъ, Соловьевымъ и Доброписцевымъ основалъ кружокъ «чернышевцевъ», который пользовался большимъ вліяніемъ среди вологодской молодежи. Даже нѣкоторые лица изъ вологодскаго духовенства увлекались тогда Чернышевскимъ. Одинъ іеромонахъ, принадлежащій къ администраціи вологодской семинаріи, на ряду съ Чернышевскимъ страшно увлекался Людвигомъ Фейербахомъ. Родственники этого монаха, состоявшіе также учениками семинаріи, предоставили своимъ товарищамъ полную возможность пользоваться какъ его библіотекой, такъ въ частности и Фейербахомъ. Послѣдній пришелся семинаристамъ особенно по вкусу, и они, «ничтоже сумняшеся», похитили его у монаха для своихъ нуждъ. Въ результатѣ, съ этимъ Фейербахомъ въ Вологдѣ приключилась довольно комичная исторія.

Надо сказать, что вологодскіе семинаристы, по окончаніи занятій, въ тѣ времена отправлялись домой довольно оригинальнымъ образомъ. Они пріобрѣтали большой карбасъ, плыли внизъ по рѣкѣ Вологдѣ и постепенно высаживались и отправлялись въ родныя палестины. О Фейербахѣ узнали вологодскіе жандармы и донесли губернатору. Вологодскій губернаторъ отдалъ приказъ обыскать уѣхавшихъ семинаристовъ и отобрать у нихъ злосчастнаго Фейербаха. Гдѣ-то около Тотмы семинаристы были задержаны становымъ приставомъ и подвергнуты строгому опросу, при чемъ названный приставъ донесъ по начальству, что среди опрошенныхъ имъ семинаристовъ никакого «Фейербаха не оказалось». Становой приставъ слишкомъ ужъ прямо понялъ свое назначеніе и искалъ не сочиненія Фейербаха, а живое лицо.

Не только семинаристы, но и вологодскіе гимназисты были также подвержены вліянію Чернышевскаго. Въ бытность мою въ Вологдѣ среди гимназистовъ былъ кружокъ «чернышевцевъ». Изъ нихъ особенно выдѣлялись гимназисты: Лермонтовъ, Кудрявцевъ и Левашевъ. Наиболѣе развитымъ былъ Лермонтовъ. Впослѣдствіи я его вызвалъ за границу, и онъ былъ сторонникомъ Бакунина. Онъ участвовалъ въ кружкѣ «чайковцевъ», былъ судимъ по знаменитому процессу 193-хъ и послѣ суда вскорѣ умеръ. Левашевъ, насколько помню, былъ изъ среды вологодскихъ помѣщиковъ. Онъ также впослѣдствіи поддерживалъ связи съ «чайковцами» и во время побѣга П. Крапоткина

былъ кучеромъ той лошади, которая увозила бѣглеца. Всѣ они во время моей ссылки довольно часто встрѣчались со мной, видя во мнѣ старшаго товарища, могущаго помочь имъ въ дѣлѣ развитія.

Названный Кедровскій былъ самымъ преданнымъ другомъ ссылныхъ. Онъ оказывалъ имъ цѣлый рядъ услугъ, сообщалъ о всѣхъ бумагахъ и распоряженіяхъ, какія получались въ канцеляріи губернатора относительно ссылныхъ. Какъ только я прибылъ въ ссылку, Кедровскій явился ко мнѣ, познакомился со мной и очень много содѣйствовалъ моему оставленію въ Вологдѣ. Онъ же познакомилъ меня съ Шелгуновымъ и Берви. Необходимо замѣтить, что Кедровскій былъ желаннымъ и частымъ гостемъ ссылныхъ, и я за все время своей ссылки чуть ли не каждый вечеръ проводилъ у него.

Шелгуновъ сначала велъ въ Вологдѣ довольно широкую жизнь. Съ нимъ жила и его жена, Людмила Петровна. Это была свѣтская женщина, и въ скоромъ времени Шелгуновы приобрѣли большія знакомства въ Вологдѣ. У нихъ бывало очень много чиновниковъ, помѣщиковъ и вообще мѣстныхъ жителей. Первое время Шелгуновъ жилъ въ районѣ бульвара недалеко отъ Большой Дворянской улицы. Послѣ отъѣзда жены, Шелгуновъ снялъ небольшую квартиру на Архангельской улицѣ. Здѣсь, на этой же улицѣ, недалеко отъ него, жилъ и Берви.

Въ ссылкѣ мое матеріальное положеніе было крайне плохо. Въ силу этого мнѣ пришлось изъ студента сначала сдѣлаться обойщикомъ, а затѣмъ и переплетчикомъ. Шелгуновъ, видя мое положеніе, предложилъ мнѣ быть у него секретаремъ. Я дѣлалъ вырѣзки изъ газетъ для его статей, подбиралъ ему матеріалъ, переписывалъ его статьи и т. д.

Осенью 1868 г. Берви получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Тверь и покинулъ Вологду, гдѣ остались только я и Шелгуновъ. Вскорѣ послѣ этого къ намъ явился Кедровскій и сообщилъ, что въ Вологду изъ Тотьмы ѣдетъ Лавровъ. Кромѣ того онъ передалъ Шелгунову письмо отъ Лаврова, въ которомъ послѣдній просилъ его подыскать ему квартиру. Шелгуновъ горячо взялся за это дѣло, и мы вмѣстѣ съ нимъ сняли для Лаврова квартиру въ 5 комнатъ на Архангельской улицѣ, наискось отъ Шелгунова.

До пріѣзда въ Вологду Лавровъ съ 1867 г. находился въ г. Тотьмѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ раздѣляли изгнаніе въ числѣ другихъ Линева, Гернетъ и Чаплицкая. Послѣдняя была выслана за польское возстаніе. Ей грозило серьезное наказаніе, но, благодаря своимъ связямъ, она отдѣлалась только ссылкой. Лавровъ очень близко сошелся съ Чаплицкой, горячо полжбилъ ее и

жилъ съ ней гражданскимъ бракомъ за все время своей ссылки въ Тотмѣ. Въ Тотмѣ Лавровъ былъ центромъ тамошней ссылки. На его квартирѣ очень часто собиралась вся ссылка, приходили кромѣ того учителя и нѣкоторые измѣстныхъ жителей. Когда Лавровъ получилъ разрѣшеніе жить въ Вологдѣ, его провожала за городъ довольно шумная и большая компанія изъ ссыльныхъ и мѣстныхъ знакомыхъ. На радостяхъ вся компанія подвыпила, и отъѣзжающаго Лаврова проводили различными привѣтствіями со всяческими хорошими пожеланіями. Какъ увидимъ ниже, эти проводы обошлись Лаврову довольно дорого.

Лавровъ пріѣхалъ въ Вологду со своей матерью и поселился на найденной ему квартирѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ заявилъ Шелгунову и мнѣ, что намѣренъ пріобрѣсти знакомства съ мѣстнымъ населеніемъ, хочетъ вести здѣсь широкую жизнь и устраивать у себя литературные вечера, приглашая на нихъ мѣстную интеллигенцію. Поэтому онъ считаетъ необходимымъ сдѣлать визиты кое кому изъ членовъ вологодской администраціи, а также нѣкоторымъ помѣщикамъ. Шелгуновъ и я сдѣлали попытки отговорить Лаврова отъ этихъ визитовъ, но онъ съ нами не согласился и даже нѣсколько нахмурился на наши совѣты. Впрочемъ, надо сказать, что эта исторія съ визитами ничуть не удивила меня и Кедровскаго. Мы считали Лаврова попросту «либераломъ» и потому не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго. Да и вообще надо сказать, что наша компанія, состоявшая изъ меня, Кедровскаго, Одинцова ¹⁾ и Соловьева (оба послѣднихъ служили въ Вологдѣ въ мѣстномъ земствѣ), рѣзко противопоставляла себя Шелгунову и Берви. Мы ихъ считали представителями устарѣвшаго поколѣнія. На этой почвѣ иной разъ на квартирѣ Берви происходили страстные споры. Берви выступалъ съ яростной критикой Чернышевскаго, котораго, между прочимъ, зналъ очень плохо. Такъ на одномъ изъ вечеровъ обнаружилось, что онъ не читалъ совсѣмъ статей Чернышевскаго объ общинѣ. Одинъ разъ онъ заявилъ, что «Чернышевскій въ подметки не годится... Кельсіеву, который-де головою выше всѣхъ въ Россіи».

Во время нашихъ споровъ Берви особенно безпощадной критикѣ подвергалъ романъ «Что дѣлать». Одну изъ главныхъ героинь этого романа, Вѣру Павловну, Берви называлъ столь нелестными именами, что ихъ нельзя даже повторить... Я, конечно, со свойственной юности запальчивостью, принималъ его вызовъ и, считая себя нигилистомъ и въ то же время «чернышевцемъ», закатывалъ

¹⁾ Объ Одинцовѣ см. *Кругловъ* А. «Наканунѣ (изъ воспоминаній)», «Ист. Вѣс.» 1894 г. № 3.

такія рѣчи съ такими рѣзкостями, что всѣ дамы, бывавшія у Берви въ гостяхъ, и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей только «охали и ахали» отъ удивленія. Скоро слава о моихъ спорахъ распространилась въ Вологдѣ, и мною заинтересовался правитель канцеляріи губернатора Тишинъ. Онъ неоднократно заѣзжалъ къ Лаврову и пытался вызвать меня тамъ на разговоры, но я упорно отмалчивался. Однажды, какъ-то послѣ вечера у Лаврова, Тишинъ настойчиво посадилъ меня къ себѣ въ сани и началъ упорно меня спрашивать. Дѣлалъ онъ это, конечно, ради простого любопытства, такъ какъ вообще интересовался ссыльными, но я, чтобы избавить себя отъ этой «пытки», выскочилъ на полномъ ходу изъ саней и сбѣжалъ отъ удивленнаго Тишина. Впослѣдствіи Тишинъ жаловался на меня Кедровскому, считая меня «невоспитаннымъ человѣкомъ», какимъ-то «дикаремъ».

Что касается отношеній къ Лаврову, то мы его считали «бариномъ либераломъ». Въ этомъ отношеніи Шелгуновъ былъ для насъ болѣе демократичнымъ и близкимъ человѣкомъ, хотя и его мы не считали «своимъ»... Впрочемъ, все это не мѣшало Кедровскому глубоко уважать Лаврова, какъ умнаго и ученаго человѣка и по-своему цѣнить его...

Исторія съ визитами окончилась для Лаврова очень неудачно и комично. Никто изъ мѣстныхъ жителей не отдалъ ему визита. Это страшно смутило Лаврова, и онъ постарался въ одинъ изъ вечеровъ объяснить мнѣ и Кедровскому мотивы своего поступка. Какъ оказывается, Лавровъ считалъ себя невинно пострадавшимъ, жертвою Муравьева. Ему хотѣлось связаться съ мѣстнымъ обществомъ и показать фактически своей жизнью въ Вологдѣ администраціи, что онъ вовсе не опасный человѣкъ, котораго надо было держать въ ссылкѣ. Лавровъ былъ тогда еще увѣренъ, что русское правительство пойметъ свою ошибку и «вернетъ его въ Петербургъ», такъ какъ онъ собственно ученый и человѣкъ обыкновенныхъ либеральныхъ взглядовъ, котораго довольно странно карать ссылкой. Характерно, что на предложеніе мое и Кедровскаго напомнить о себѣ прошеніемъ, хотя бы о переводѣ въ другое мѣсто или о прекращеніи ссылки, Лавровъ отвѣтилъ самымъ рѣзкимъ отказомъ. Между тѣмъ подача такихъ прошеній отнюдь не считалась тогда предосудительной и практиковалась очень многими ссыльными, и мы съ Кедровскимъ были удивлены отказомъ Лаврова. По его мнѣнію, во всемъ виновато само правительство. Разъ такъ, то оно и должно само о немъ вспомнить и загладить предъ нимъ свою ошибку. Самъ же онъ никакихъ прошеній писать не желаетъ.

Разъ въ недѣлю, чуть ли не по четвергамъ, Лавровъ устраивалъ

у себя вечера, на которыхъ почти никто изъ мѣстныхъ жителей не бывалъ. Иногда только пріѣзжалъ Тишинъ. Зато я, Кедровскій и Шелгуновъ никогда не пропускали этихъ вечеровъ. Обыкновенно собирались въ столовой Лаврова. Мать его усаживалась за самоваромъ и играла роль радушной хозяйки. Въ эти вечера Лавровъ былъ очень разговорчивъ. Какъ-то онъ подсѣлъ ко мнѣ и началъ разспрашивать о томъ, чѣмъ я интересуюсь и что читаю. Я, между прочимъ, указалъ ему на «Историческія письма», первыя главы которыхъ, напечатанныя въ журналѣ «Недѣля», мнѣ очень понравились. «Ну,—возразилъ съ гримасой Лавровъ,—нашли на что указывать. Вѣдь это не серьезная работа, а фельетоны, которые я пишу во время отдыха. По-моему они не имѣютъ никакого значенія, чтобы на нихъ останавливаться или обращать вниманіе». Характерно еще здѣсь замѣтить, что даже при первой моей встрѣчѣ съ Лавровымъ въ Парижѣ въ 1870 г., на выраженную мною радость по поводу отдѣльнаго изданія имъ «Историческихъ писемъ» при посредствѣ Черкесова, Лавровъ съ недовольнымъ выраженіемъ въ лицѣ отвѣтилъ: «Знаете, это не совсѣмъ хорошо. „Историческія письма“ могутъ подорвать мою репутацію какъ ученаго»..

Однажды Лавровъ, желая дать мнѣ заработокъ, предложилъ переписать его статью по поводу книги о логическихъ изслѣдованіяхъ А. Тренделенбурга, которая появилась, кажется, въ «Отечественныхъ Запискахъ». Боже мой! Какой ужасъ и какая мука была для меня эта работа! Почеркъ у Лаврова былъ вообще мало разборчивый. Помимо этого, къ каждому листу была приклеена масса вставокъ, а къ этимъ вставкамъ еще вставки и безконечныя передѣлки. Процессъ работы у Лаврова былъ особый. Онъ, по его словамъ, напишетъ что-либо и отложить въ сторону и займется другой работой. Затѣмъ, когда пройдетъ нѣсколько недѣль и написанное забудется, онъ снова перечитываетъ статью и дѣлаетъ добавленія, а затѣмъ опять откладываетъ въ сторону. Эта процедура повторялась имъ нѣсколько разъ, и только послѣ всего этого онъ отдавалъ, наконецъ, статью въ переписку. По признанію Лаврова, онъ всегда такъ поступалъ съ серьезными статьями и крайне рѣдко писалъ что-либо сразу набѣло, не дѣлая впослѣдствіи добавленій и измѣненій.

Въ октябрѣ 1868 г. ко мнѣ однажды прибѣжалъ взволнованный Кедровскій и рассказалъ, что въ канцеляріи губернатора имѣется распоряженіе о высылкѣ Лаврова изъ Вологды въ Кадниковъ. Оказалось, что изъ проводовъ Лаврова изъ Тотмы начальникъ вологодскаго жандармскаго управленія полковникъ Мерклинъ создалъ цѣлое дѣло. Онъ написалъ въ Петербургъ доносъ о выраженіи сочувствія государственному преступнику

Лаврову со стороны мѣстнаго населенія и ссыльныхъ. О преступныхъ рѣчахъ, которыя, якобы, при этомъ произносились, чего въ дѣйствительности, не было. Въ общемъ, изъ доноса Мерклиня дѣлалъ выводъ, что Лавровъ опасный человѣкъ для Вологды, такъ какъ можетъ воздѣйствовать вредно на мѣстное населеніе. Здѣсь надо вообще сказать, что Мерклинь страшно придирался къ ссыльнымъ и все время заботился, чтобы очистить отъ нихъ Вологду или довести число ихъ тамъ до минимума. Въ отвѣтъ на донесеніе Мерклина изъ Петербурга отъ III-го отдѣленія пришло на имя вологодскаго губернатора распоряженіе: «согласно представленію начальника вологодскаго жандармскаго управленія выслать Лаврова въ г. Кадниковъ». Все это сообщилъ мнѣ Кедровскій, къ которому поступила эта бумага. Этимъ доносомъ Мерклина, по всей вѣроятности, и было вызвано то обстоятельство, что вмѣстѣ съ Лавровымъ въ Кадниковъ было отправлено для наблюденія специально за нимъ два жандарма. А, быть можетъ, это былъ личный «напризъ» самого Мерклина. Въ Кадниковѣ Лавровъ былъ единственнымъ ссыльнымъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Вологдѣ Лавровъ отправился въ октябрѣ съ матерью въ Кадниковъ. Мы съ Кедровскимъ и Шелгуновымъ пособили ему ликвидировать его дѣла, упаковать вещи и распрощались съ нимъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Лаврова въ Вологду пріѣхала изъ Тотьмы Чаплицкая. Ей удалось добиться перевода изъ Вологодской губ. въ одинъ изъ городовъ Царства Польскаго. Въ Вологдѣ она начала хлопоты предъ вологодскимъ губернаторомъ С. О. Хоминскимъ о выдачѣ ей проходного свидѣтельства для свободнаго проѣзда въ назначенный ей городъ. Ей было необходимо избавиться отъ всякаго конвоя, ибо она рѣшила бѣжать за границу въ Парижъ, что было, между прочимъ, прекрасно извѣстно Кедровскому. Получить свидѣтельство было крайне трудно, и хлопоты Чаплицкой затянулись. Въ силу этого ей пришлось прожить въ Вологдѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ концовъ ей-все-таки удалось какими-то путями убѣдить Хоминскаго, и онъ ей выдалъ просимое свидѣтельство. По всей вѣроятности, здѣсь сказались польскія симпатіи самого Хоминскаго.

Однажды вечеромъ я, по обыкновенію, отправился въ гости къ Кедровскому, который жилъ на Архангельской улицѣ въ послѣднемъ домѣ на окраинѣ города. Домъ этотъ принадлежалъ священнику, который самъ жилъ въ нижнемъ этажѣ. Войдя во дворъ, я увидѣлъ сани и лошадей, отъ которыхъ валилъ сильный паръ. «Вѣроятно, пріѣхали къ попу за требами», рѣшилъ я и

направился въ квартиру Кедровскаго. Но едва я вошелъ въ сѣни, какъ натолкнулся на какую-то громадную фигуру, закутанную въ шубу, которая безпомощно ощупывала двери, ища звонокъ. Я открылъ незнакомцу дверь и заявилъ Кедровскому, что къ нему пріѣхалъ какой-то господинъ. «Да, да—отвѣтилъ Кедровскій, я знаю. Это, дѣйствительно, ко мнѣ». Каково же было мое удивленіе, когда подъ шубой оказался Петръ Лавровичъ. Въ довершеніе всего у Кедровскаго оказалась Чаплицкая, поджидавшая Лаврова. Оказывается, что Лавровъ пріѣхалъ къ ней тайкомъ изъ Кадникова на свиданіе. Кедровскій же въ данномъ случаѣ предоставлялъ имъ свою квартиру и, повидимому, черезъ него и организовывались эти встрѣчи.

Въ Кадниковѣ въ то время былъ знаменитый ямщикъ, котораго, кажется, звали Кузьмою. Онъ неоднократно привозилъ тайкомъ изъ Кадникова въ Вологду чиновниковъ, желавшихъ здѣсь покутить. Пріѣзжать въ тѣ времена безъ разрѣшенія чиновники не могли, и ихъ-то и выручалъ Кузьма. Онъ выѣзжалъ обыкновенно изъ Кадникова вечеромъ, когда стемнѣетъ. Пока чиновники кутили, его лошади отдыхали. Затѣмъ онъ обратно изъ Вологды выѣзжалъ съ такимъ расчетомъ, чтобы попасть въ Кадниковъ съ разсвѣтомъ, когда весь городъ спитъ. Услугами Кузьмы и воспользовался Лавровъ, чтобы самовольно пріѣхать въ Вологду. И необходимо добавить, что за время пребыванія Чаплицкой въ Вологдѣ Лавровъ раза четыре пріѣзжалъ изъ Кадникова къ Кедровскому въ гости.

Впослѣдствіи Чаплицкая, дѣйствительно, бѣжала за границу, въ Парижъ. При моемъ свиданіи съ Лавровымъ въ 1870 г. я встрѣтилъ у него Чаплицкую, хотя надо добавить, что они жили на разныхъ квартирахъ. Чаплицкая въ Парижѣ выдѣлывала замѣчательные искусственные цвѣты, которые даже отправлялись для продажи въ Англію. На этомъ дѣлѣ она имѣла довольно солидный заработокъ. Въ 71 или 72 г. Чаплицкая сильно заболѣла и умерла въ Брюсселѣ. Лавровъ еще во время ея болѣзни былъ вызванъ туда телеграммой. Уѣзжая изъ Парижа, онъ для чего-то захватилъ съ собой рукопись перваго тома «Опыта исторіи мысли», надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе своей трехлѣтней ссылки и затѣмъ за границей. Томъ этотъ былъ почти готовъ къ печати. Смерть близкаго и любимаго человѣка, каковой была для Лаврова Чаплицкая, страшно его потрясла. Ему, какъ онъ тогда рассказывалъ, была противна и вся жизнь, и вся его научная работа и дѣятельность. Въ результатѣ Лавровъ во время поѣздки въ Брюссель потерялъ гдѣ-то свой трудъ. Это въ свою очередь причинило ему страшное горе.

Онъ дѣлалъ публикаціи о потерѣ, обѣщалъ нашедшему премію, но рукопись такъ и не нашлась. Возстановить же ее, по словамъ Лаврова, было почти невозможно, такъ какъ это былъ результатъ многолѣтней работы. Только къ 1874 г. Лаврову удалось кое-какъ написать лишь первый выпускъ утеряннаго тома. Кто знаетъ, если бы Лавровъ не утерялъ этой рукописи, ему, быть можетъ, и удалось бы окончить свой грандіозный трудъ, извѣстный подъ заглавіемъ «Опытъ исторіи мысли новаго времени».

Въ 1869 г. въ Вологдѣ изъ ссыльныхъ остался я одинъ. Шелгуновъ переехалъ весной этого года въ Калугу. Я рѣшилъ бѣжать за границу. Обстоятельства мнѣ благопріятствовали. Дѣло въ томъ, что Мерклинъ вообще страдалъ маніей доносовъ. Выдворивъ изъ Вологды Лаврова, онъ занялся мѣстными чиновниками. Въ Петербургъ посыпались отъ него безконечныя донесенія о томъ, что одни чиновники непочтительно относятся къ начальству, другіе курятъ въ присутствіи и т. п. Въ результатъ, многіе изъ чиновниковъ были уволены со службы и вообще пострадали. Покончивъ съ чиновниками, неугомонный Мерклинъ со всѣми своими помощниками помчался въ Тотму, гдѣ въ это время среди лѣсничихъ было обнаружено хищничество въ дѣлѣ продажи казеннаго лѣса. Мерклинъ спѣшилъ и на этомъ дѣлѣ выдвинуться путемъ доносовъ. Между тѣмъ я вполне резонно рѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ въ Вологдѣ какъ самого Мерклина, такъ и жандармовъ вообще, такъ какъ почти всѣ они уѣхали въ Тотму. Побѣгъ мой удался легко, и я отправился въ Америку. Бѣжалъ я въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 г.

Между прочимъ, при посѣщеніи мною Лаврова въ 1870 г. въ Парижѣ, Петръ Лавровичъ съ Чаплицкой начали, шутя, упрекать меня, что я своимъ побѣгомъ подложилъ имъ «свинью». «Какъ такъ?»—вырвалось у меня.—«Очень просто,—разъяснилъ Лавровъ,—я также собирался въ это время бѣжать, и у меня было все къ этому приготовлено. Вы же своимъ побѣгомъ вытянули Мерклина изъ Тотмы. Вернувшись въ Вологду, онъ прежде всего окружилъ меня своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Во-первыхъ Кадниковъ ближе всего къ Вологдѣ, а во-вторыхъ Мерклинъ вообще, какъ вамъ извѣстно, имѣлъ со мной счеты, донося обо мнѣ въ Петербургъ всякія небылицы. Въ силу этого мнѣ пришлось отказаться отъ побѣга, который и затянулся на цѣлый годъ»—«Какъ же вамъ все-таки удалось бѣжать?»—спросилъ я Лаврова.—«Да все тотъ же Кузьма и вывезъ», отвѣтилъ Петръ Лавровичъ.

Въ заключеніе я долженъ добавить, что за границей неодно-

кратно называли въ качествѣ участника бѣгства Лаврова артиллерійскаго офицера Лобова. Это былъ ученикъ Лаврова по артиллерійской академіи, до мозга костей преданный своему учителю. Въ чемъ выразилось его участіе и какую роль онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ совершенно неизвѣстно.

Въ Америкѣ я пробылъ недолго, и въ маѣ 1870 г. меня вызвалъ въ Женеву С. Нечаевъ. Сойтись съ нимъ надолго для совместной работы я не могъ. Меня оттолкнули отъ него и способности, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ своей дѣятельности, и характеръ его работы, въ которой было больше бутафоріи, нежели дѣйствительности. Съ самаго начала Нечаевъ предложилъ мнѣ завѣдываніе всѣми его заграничными дѣлами. Съ этой цѣлью онъ далъ въ мое распоряженіе Владиміра Серебренникова, который долженъ былъ меня со всѣмъ ознакомить, а затѣмъ поступить подъ мое начало. Здѣсь я натолкнулся на крайне комичныя вещи. Серебренниковъ былъ секретаремъ и правой рукой Утина, который при встрѣчахъ со мной хвастливо указывалъ мнѣ на цѣлый рядъ организацій, имѣющихся у него въ разныхъ городахъ за границей, и предлагалъ работать у него. На дѣлѣ же Серебренниковъ былъ попросту тайнымъ агентомъ Нечаева, который и свелъ его съ Утинымъ. Такимъ образомъ, всѣ связи попадали въ руки Нечаева. Мало того, Серебренниковъ часто совершалъ за счетъ Утина поѣздки «по дѣламъ организацій». На дѣлѣ же онъ обдѣлывалъ на средства Утина во время поѣздокъ всѣ дѣла Нечаева въ разныхъ городахъ. Такимъ образомъ Нечаевъ держалъ Утина въ своихъ рукахъ и пользовался его связями и деньгами для своихъ цѣлей. Отсюда и создавалось крайне странное и комическое положеніе. То, чѣмъ хвасталъ Утинъ, въ дѣйствительности принадлежало Нечаеву и, наоборотъ, то, что Нечаевъ считалъ своимъ дѣломъ, въ дѣйствительности создавалось Утинымъ. Мое положеніе, какъ начальника надъ Серебренниковымъ, было поистинѣ смѣхотворно. Во всякомъ случаѣ, присмотрѣвшись къ нему, я убѣдился, что за границей никакихъ организацій въ разныхъ городахъ не имѣется, а есть, попросту, отдѣльныя лица и только. Серебренниковъ же обманывалъ въ свою очередь и Утина, и Нечаева, дѣлая имъ доклады о несуществующихъ организаціяхъ. Вся эта атмосфера сплошнаго самообмана и игры стала мнѣ невтерпежь, и я какъ-то открылъ на все глаза Утину. Надо было видѣть его изумленіе. Онъ былъ прямо ошеломленъ. Я же умиралъ со смѣху, глядя на него. Послѣ этого, я постарался покончить счеты съ Нечаевымъ въ смыслѣ совместной работы.

Гораздо большій слѣдъ на всю мою жизнь наложило знаком-

ство съ Бакунинымъ, съ которымъ я встрѣтился по прїѣздѣ въ Женеву. Здѣсь я увидѣлъ не бутафорію, а дѣйствительныя организаціи, которыя были у Бакунина среди различныхъ націй. Встрѣча съ нимъ была для меня рѣшающей въ смыслѣ окончательнаго опредѣленія моихъ взглядовъ, такъ какъ я сталъ самымъ ревностнымъ послѣдователемъ его міровоззрѣнія. Между прочимъ, при встрѣчахъ съ Бакунинымъ у меня родилась идея издавать за границей нелегальный журналъ, которому предполагалось придать серьезный характеръ. Предполагалось при посредствѣ этого журнала связаться съ русскимъ обществомъ и интеллигенціей. Такъ какъ у Лаврова могли быть связи съ русскими литераторами и вообще прогрессивными дѣятелями, то было рѣшено и его пригласить для сотрудничества.

Бакунинъ горячо отозвался на мою идею и рѣшилъ, что Лаврову надо отдать отдѣлъ философіи. «Пускай онъ воюетъ съ самимъ Господомъ Богомъ,—смѣясь говорилъ Бакунинъ,—съ этой задачей онъ прекрасно справится, а въ другіе отдѣлы мы его не пустимъ». Бакунинъ написалъ Лаврову письмо съ предложеніемъ принять участіе въ журналѣ. Это письмо я и повезъ къ Лаврову въ Парижъ, куда и прїѣхалъ въ самый канунъ франко-прусской войны.

Лавровъ въ это время познакомился съ членомъ Интернаціонала Варленомъ. Насколько помню, онъ тогда предлагалъ французскимъ социалистамъ написать для рабочихъ цѣлый рядъ научно-популярныхъ брошюръ по естествознанію. Въ принципѣ его предложеніе было принято, но, почему оно не осуществилось практически, мнѣ неизвѣстно.

Ознакомившись съ письмомъ Бакунина, Лавровъ категорически отказался принять участіе въ предполагавшемся журналѣ. «Принять участіе я ни въ какомъ случаѣ не могу,—говорилъ Петръ Лавровичъ.—Во-первыхъ, я не смею окончательно всѣхъ своихъ кораблей, и у меня еще есть надежда вернуться въ Россію. Русское правительство рано или поздно убѣдится въ моей невиновности и вернетъ меня на родину. Во-вторыхъ, мои взгляды совершенно расходятся съ Бакунинымъ. За нимъ уже установилась вполне опредѣленная репутація, и сотрудничество вмѣстѣ съ нимъ можетъ вызвать подозрѣніе, что и я раздѣляю его взгляды. Впрочемъ,—заклучилъ Лавровъ,—я обо всемъ подробно напишу самъ Михаилу Александровичу». Надо замѣтить, что идея журнала не осуществилась практически. Начавшаяся вскорѣ франко-прусская война отвлекла Бакунина, и онъ забылъ объ этомъ предположеніи.

Изъ Парижа я уѣхалъ въ Англію, въ Ливерпуль, гдѣ на-

дѣялся, какъ техникъ, найти заработокъ на фабрикахъ. Здѣсь я пробылъ недолго и въ концѣ лѣта 70 г. переѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ мнѣ пришлось явиться первымъ организаторомъ, если не основателемъ, русской колоніи. Русскихъ въ то время было въ Цюрихѣ очень мало—нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Всѣ поголовно были погружены въ науку, главнымъ образомъ въ медицину. Никакихъ организацій не было. «Нечаевщина» тогда такъ запугала молодежь, что всѣ какъ-то отошли отъ кружковъ и организацій. Я сдѣлалъ попытки созвать нѣсколько общихъ собраній, на которыхъ внесъ предложеніе объ организаціи библіотеки. Предложеніе мое было принято. Мы, сколько насъ тогда было, соединили воедино имѣющіяся книги и дѣятельно принялись за ея организацію. Благодаря имѣющимся у меня связямъ съ Интернационаломъ, удалось организовать полученіе бельгійскихъ и французскихъ соціалистическихъ газетъ, прокламацій и брошюръ. Словомъ, каждый изъ насъ старался использовать имѣющіяся у него связи. Къ концу 1870 г. прибыло много новыхъ русскихъ, и колонія наша расширилась.

Между тѣмъ франко-прусская война окончилась, и началась коммуна. Событія захватили меня, и я рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, чтобы принять участіе во всемъ происходившемъ. Въ Женевѣ ко мнѣ еще присоединились съ тою же цѣлью Лонкевичъ и французскій революціонеръ Паратонъ. Послѣдняго недалеко отъ Парижа арестовали и разстрѣляли въ г. Тоннерѣ, какъ участника ліонской коммуны.

Въ Парижѣ, куда я прибылъ въ мартѣ или апрѣлѣ 71 г., я прежде всего посѣтилъ Лаврова. Онъ собирался уѣзжать. Какъ Петръ Лавровичъ, такъ и Чаплицкая заявили, что они уже достаточно натерпѣлись всякихъ лишеній во время осады Парижа и послѣдующихъ событій и больше здѣсь оставаться не желаютъ. «Помощи оказать коммунарамъ я вообще не могу,—говорилъ Лавровъ,—такъ какъ я человѣкъ науки. Гораздо больше я могу сдѣлать перомъ для нихъ въ Лондонѣ». На мой вопросъ, какъ онъ относится къ коммунѣ, Лавровъ отвѣтилъ: «Что жъ, это крайне интересно. Впервые пролетаріату предоставляется возможность самостоятельно проявить организаціонное творчество въ самыхъ широкихъ рамкахъ общественности. Это очень важный опытъ, и посмотримъ, сможетъ ли онъ справиться съ выпавшей на его долю задачей». Вообще надо замѣтить, что Лавровъ особой восторженности предъ происходящими событіями отнюдь не проявлялъ. Быть можетъ, здѣсь сказались переживанія и испытанія, связанныя съ осадой.

Когда я явился къ Лаврову, онъ былъ крайне уди-

вленъ моему приѣзду въ Парижъ. Моего энтузіазма и желанія пережить происходящее онъ не понялъ. «Зачѣмъ вы приѣхали?—спрашивалъ онъ меня.—Вы можете здѣсь очень сильно пострадать. Васъ даже могутъ убить. Вѣдь здѣсь и стрѣльба, и бомбы, и все, что хотите... Я самъ твердо рѣшилъ выѣхать въ Лондонъ, ибо все здѣсь происходящее не является моимъ дѣломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова». Но у меня были переживанія нѣсколько иныя, чѣмъ у Петра Лавровича, и я заявилъ ему, что все-таки останусь въ Парижѣ. Тогда Лавровъ предложилъ мнѣ поселиться въ его квартирѣ, которая состояла изъ двухъ комнатъ и кухни. Я съ радостью принялъ это предложеніе. Лавровъ же совершенно свободно покинулъ Парижъ, такъ какъ въ то время въѣздъ и выѣздъ оттуда былъ совершенно свободенъ. По крайней мѣрѣ я самъ приѣхалъ туда безъ всякихъ затрудненій. Мнѣ даже и сейчасъ вспоминаются мои проводы Лаврова и Чапличкой на вокзалъ сѣверной желѣзной дороги.

Уѣзжая, Лавровъ обратилъ мое вниманіе на консьержа, который являлся своимъ человѣкомъ. Кромѣ того, Лавровъ предложилъ мнѣ, въ случаѣ необходимости укрыться, идти къ Г. Н. Вырубову и далъ его адресъ. Этими указаніями мнѣ потомъ пришлось воспользоваться. Дѣло въ томъ, что, послѣ подавленія коммуны, въ Парижѣ начали производить повальные обыски цѣлыхъ кварталовъ. Въ связи съ этимъ производились массовые аресты. Консьержъ во-время предупредилъ меня объ обыскѣ, и я укрылся у Вырубова, который тогда завѣдывалъ какимъ-то лазаретомъ. Впослѣдствіи бѣднаго консьержа самого разстрѣляли. 1 іюня я вдругъ получилъ изъ Лондона отъ Лаврова телеграмму съ вопросомъ, «живъ ли я?» Я послалъ Петру Лавровичу успокоительное извѣстіе.

Изъ Парижа, не дожидаясь возвращенія Лаврова, я опять уѣхалъ въ Цюрихъ и здѣсь съ головой ушелъ въ дѣла русской колоніи, являясь организаторомъ сторонниковъ Бакунина. Съ С. Нечаевымъ. несмотря на наши встрѣчи, отношенія мои не налаживались. Между прочимъ, въ 1872 г. Нечаевъ былъ арестованъ для выдачи русскому правительству. Передъ самой выдачей Нечаевъ умудрился передать изъ своего заключенія черезъ студентку Южакнову небольшую записочку на мое имя. Въ ней онъ поручалъ мнѣ весь свой архивъ, который находился въ Парижѣ у нѣкоей госпожи Клеманъ, адресъ которой онъ не указывалъ. Явиться нужно было отъ серба Стефана. Это была его заграничная кличка.

Объ архивѣ Нечаева я много слышалъ. Да кромѣ того и самъ Нечаевъ показывалъ мнѣ описаніе этого архива. Надо сказать,

что Нечаевъ вообще не довѣрялъ людямъ. Въ убѣжденіи чело-
вѣка онъ также не вѣрилъ. Онъ считалъ необходимымъ имѣть
у себя какіе-либо документы, чтобы съ ихъ помощью держать
нужнаго челоѣка въ своихъ рукахъ. Преслѣдуя эту цѣль,
Нечаевъ оправдывалъ всѣ цѣли. Невѣдомыми путями, чуть ли
не путемъ кражи, ему удалось добыть массу писемъ компроме-
тирующаго свойства отъ всѣхъ выдающихся русскихъ людей.
Тутъ были письма Герцена, Огарева, Вырубова, Тургенева,
Бакунина и многихъ другихъ лицъ. Мало того, отъ своихъ сто-
ронниковъ Нечаевъ иногда отбиралъ особыя письменныя обяза-
тельства, въ которыхъ говорилось, что «я, именуемый такимъ-то,
преданъ душой и тѣломъ комитету народной расправы». Ко-
нечно, Нечаевъ выдавалъ себя за агента этого несуществующаго
комитета. На дѣлѣ же весь-то комитетъ и состоялъ изъ одного
Нечаева. Упомянутыя обязательства писались собственноручно
и скрѣплялись своею подписью. Такимъ образомъ Нечаевъ
могъ заставить любого своего сторонника быть вѣрнымъ его
дѣлу, ибо этотъ послѣдній все время ощущалъ свою зависимость
отъ него. Помимо этого въ архивѣ Нечаева находилось масса
адресовъ, различные списки лицъ и т. п.

Являлась необходимость немедленно ѣхать въ Парижъ и
разыскать этотъ архивъ во избѣжаніи опасности, что онъ по-
падетъ въ руки заграничныхъ агентовъ русскаго правительства.
Несмотря на то, что мнѣ являться въ Парижъ было по нѣкото-
рымъ обстоятельствамъ не совсѣмъ безопасно, я все-таки рѣшилъ
ѣхать. Здѣсь я явился къ П. Л. Лаврову и рассказалъ о цѣли моего
пріѣзда. Петръ Лавровичъ горячо откликнулся на это дѣло и
принялъ самое энергичное участіе въ розыскахъ архива.

Мы взяли съ нимъ адресную книгу и стали искать госпожу
Клеманъ. Но тутъ насъ обуялъ настоящій ужасъ. Клеманъ ока-
залось въ Парижѣ безконечное количество, все равно, что у
насъ Ивановыхъ. Положеніе было отчаянное. Тогда мы рѣшили
съ Лавровымъ разбить весь Парижъ на районы и постепенно
обойти всѣхъ Клеманъ. Для этой цѣли пригласили кое-кого
изъ русскихъ студентовъ. И вотъ съ ранняго утра до поздней
ночи мы стали путешествовать по Парижу. Надо сказать, что
Лавровъ самымъ добросовѣстнымъ и аккуратнымъ образомъ об-
ходилъ свой районы, нанося безконечныя визиты различнымъ
Клеманъ. Не знаю, чѣмъ окончились наши поиски, если бы
не счастливая случайность.

Бродя по улицамъ Парижа, я случайно натолкнулся на книж-
ную торговлю госпожи Бриссакъ. Это была жена батальоннаго
командира Бриссака, который былъ участникомъ коммуны и

затѣмъ попалъ на каторгу. Я тотчасъ вспомнилъ, что Нечаевъ былъ очень хорошо знакомъ съ четой Бриссакъ и числился ихъ другомъ. Не было сомнѣнія, что г-жа Бриссакъ знаетъ адресъ Клеманъ, у которой Нечаевъ всегда останавливался и жилъ во время своихъ прїѣздовъ въ Парижъ. Расчеты мои оправдались полностью, и я, зайдя къ Бриссакъ, получилъ отъ нея самыя точныя указанія о мѣстожителѣ Клеманъ. Архивъ Нечаева былъ найденъ.

Явившись къ Клеманъ отъ серба Стефана, я заявилъ, что онъ сейчасъ находится въ Сербіи и опасно заболѣлъ, а посему просить меня забрать и увезти его вещи. Клеманъ отнеслась очень сердобольно къ «болѣзни» Стефана и предоставила полную возможность хозяйничать въ комнатѣ Нечаева. Здѣсь необходимо только добавить, что мнѣ пришлось уплатить госпожѣ Клеманъ всѣ долги Нечаева, что-то около 300 франковъ.

Всѣ письма и цѣнные документы я упаковалъ въ чемоданъ, а остальные вещи Нечаева—разныя книги, газеты и т. п.—сложилъ въ мѣшки. Являлся вопросъ, какъ все это перевезти въ Цюрихъ: ѣхать со столь цѣннымъ чемоданомъ мнѣ было неудобно, такъ какъ я былъ довольно сильно скомпрометированъ за границей. Лавровъ, собиравшійся переѣзжать въ Цюрихъ, предлагалъ свои услуги. Въ результатѣ, было рѣшено отправить чемоданъ багажемъ, а въ Цюрихъ сообщить о немъ письмомъ и приложить квитанцію. Я поѣхалъ отдѣльно отъ чемодана, и, въ случаѣ моего ареста товарищи, сумѣли бы получить чемоданъ и безъ меня. Мѣшки съ остальными вещами я оставилъ у Лаврова, который долженъ былъ ихъ привезти съ собой въ Цюрихъ.

По прїѣздѣ въ Цюрихъ я съ товарищами занялся разборомъ архива Нечаева. Здѣсь оказалось нѣсколько сотенъ писемъ отъ цѣлаго ряда писателей, революціонныхъ дѣятелей и другихъ лицъ. Всѣ письма были мною сожжены, изъ боязни, что они могутъ попасть въ III отдѣленіе. Нѣкоторыя письма оставляли гнетущее впечатлѣніе. Особенно на меня сильно подѣйствовали письма Герцена къ Огареву. Письма эти были написаны съ Фирвальдштедскаго озера. «Я ставлю крестъ на своемъ прошломъ... Печально и мрачно оно»,—писалъ въ одномъ изъ писемъ Герценъ.

Помимо писемъ въ архивѣ С. Нечаева оказалось около 200 или 150 карточекъ. На одной сторонѣ карточки стоялъ шифръ—это были имя и фамилія лица, на другой же приводилась довольно полная характеристика этого лица, при чемъ указывались всѣ отличительныя черты его характера; и въ результатѣ дѣлался

выводъ—на какую дѣятельность способно это лицо. Такъ какъ въ то время революціонеры были всѣ на перечетъ, то мнѣ было нетрудно по нѣкоторымъ характеристикамъ открыть нѣкоторыя фамиліи. Это дало въ мои руки ключъ къ шифру; я расшифровалъ всѣ карточки, а затѣмъ также сжегъ ихъ...

Интересно здѣсь отмѣтить, что, покидая Парижъ послѣ розысковъ архива Нечаева, я обратился къ Лаврову съ вопросомъ о предполагавшемся изданіи журнала «Впередъ», о которомъ ходили тогда смутные слухи въ Цюрихѣ среди русской колоніи, при чемъ упоминалось имя Лаврова. Извѣстно было, что организаторами этого дѣла являлись Смирновъ и Подолинскій, при чемъ послѣдній давалъ на это дѣло необходимыя средства. «Дѣло съ журналомъ,—отвѣтилъ мнѣ Лавровъ,—находится еще въ стадіи переговоровъ. Впрочемъ, васъ это едва ли можетъ интересовать, ибо мы съ вами расходимся во взглядахъ. Я прекрасно знаю вашу программу. Вы хотите устроить въ Россіи новую «пугачевщину». Вы, кромѣ того, отрицаете государство. Мы будемъ съ вами воевать. Я ѣду специально въ Цюрихъ для изданія журнала. Я считаю необходимымъ спасти русскую молодежь отъ вашего губительнаго вліянія. Вы проповѣдуете ей революцію въ то время, когда она должна еще работать научно и учиться. Съ вами будетъ война не на животь, а на смерть». Говоря все это, Лавровъ взволнованно ходилъ по комнатѣ.

Признаться я былъ крайне удивленъ Лавровымъ. Два года назадъ онъ отклонилъ мое предложеніе о журналѣ, считая, что еще «не сжегъ всѣ корабли» и мечталъ вернуться въ Россію, а тутъ вдругъ самъ становится во главѣ подобнаго предпріятія. Было ясно, что Лавровъ эволюціонировалъ въ своихъ взглядахъ и сообразно съ этимъ сталъ иначе смотрѣть и на свое личное положеніе. Раньше я привыкъ видѣть у Петра Лавровича чисто пассивное, если не безразличное, отношеніе къ революціонному движенію. Теперь же онъ рѣшался даже играть активную роль среди русской молодежи. Возражать Лаврову я не сталъ, а только отвѣтилъ ему: «война, такъ война», и уѣхалъ въ Цюрихъ.

Къ 1872 г. русская колонія въ Цюрихѣ очень расширилась чуть ли не до 150 человекъ. Центромъ «русскаго Цюриха» былъ знаменитый домъ, извѣстный подъ названіемъ «Бремершлюссель». Это было трехэтажное зданіе. Средній этажъ занималъ самъ хозяинъ, а верхній и нижній этажи были заселены исключительно русскими. Тутъ же въ нижнемъ этажѣ и находилась бібліотека колоніи. Весь домъ почти цѣликомъ былъ заселенъ «россовцами». Дѣло въ томъ, что я носилъ кличку Росса и являлся правой рукой М. Бакунина среди русской молодежи того вре-

мени. Мои приверженцы, шутки ради, и назывались «россовцами». Такъ какъ я былъ основателемъ цюрихской колоніи, то, вполне естественно, стоялъ тогда во главѣ русской молодежи, являясь однимъ изъ центровъ всей организаціи русской колоніи.

Однажды, въ концѣ 1872 г., ко мнѣ вдругъ приходитъ посыльный отъ Лаврова и приноситъ отъ него мѣшки съ нечаевскими вещами. «Значить Петръ Лавровичъ пріѣхалъ», рѣшилъ я. Черезъ нѣсколько дней совершенно неожиданно ко мнѣ въ «Бремешлюссель» явился съ визитомъ Лавровъ въ цилиндрѣ, сюртукѣ и перчаткахъ. Просидѣлъ онъ у меня всего нѣсколько минутъ и затѣмъ оставилъ мнѣ программу журнала «Впередъ», для ознакомленія. Къ программѣ Лаврова я и мои товарищи отнеслись иронически и просмотрѣли ее крайне поверхностно. Слишкомъ она уже расходилась съ нашими тогдашними настроеніями и убѣжденіями. Она была крайне суха, теоретична и совершенно оторвана отъ жизни. Что же касается основныхъ взглядовъ Лаврова, то тутъ между имъ и нами была цѣлая пропасть. Въ общемъ, и у меня, и у товарищей осталось такое впечатлѣніе отъ программы, что журналъ Лаврова есть совершенно чужое намъ по духу предпріятіе. Особенно много ироническихъ замѣчаній и насмѣшекъ вызвалъ одинъ пунктъ этой программы, гдѣ говорилось о соединенныхъ штатахъ Европы. Между прочимъ, мнѣ припоминается одинъ изъ отзывовъ объ этой программѣ, исходящей изъ среды «чайковцевъ», который характеризуетъ отношеніе къ журналу Лаврова въ Россіи. «Зачѣмъ намъ имѣть «Вѣстникъ Европы» за границей, когда онъ уже есть въ Петербургѣ»,— говорили дѣятели на мѣстахъ...

Черезъ два или три дня послѣ своего перваго посѣщенія Лавровъ опять явился ко мнѣ и спросилъ мое мнѣніе о журналѣ. «Знаете, Петръ Лавровичъ,—отвѣтилъ я ему,—намъ вообще говорить не о чемъ. Мы другъ друга не поймемъ и у насъ нѣтъ общихъ точекъ для разговора».—«Почему?»—заволновался Лавровъ. Вѣдь мы можемъ даже сойтись для совмѣстной работы. Я не настаиваю обязательно на всѣхъ пунктахъ своей программы и многое могу измѣнить согласно вашимъ желаніямъ. Мы можемъ найти пункты для соглашенія». Я былъ пораженъ этимъ заявленіемъ Лаврова и въ удивленіи пожалъ плечами. Еще недавно въ Парижѣ, передъ отъѣздомъ въ Цюрихъ, Петръ Лавровичъ заявлялъ, что ѣдетъ воевать съ нами, а тутъ вдругъ предлагаетъ совмѣстную работу. «Но позвольте, Петръ Лавровичъ,—замѣтилъ я ему,—вѣдь вы приглашаете не меня же лично. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ М. А. Бакунинымъ и съ той группой лицъ, которая считаетъ себя его послѣдо-

вателями. Вступая въ сотрудничество со мной, вы самымъ тѣснымъ образомъ связываетесь съ Бакунинымъ, отъ котораго я всецѣло завишу. А вѣдь вы сами раньше не считали для себя возможнымъ работать съ нимъ совмѣстно, боясь, что на васъ падеть подозрѣніе, что вы раздѣляете его взгляды».—«Я прекрасно знаю и учитываю вашу зависимость отъ Бакунина,—отвѣтилъ мнѣ Лавровъ.—Именно поэтому я и предлагаю вамъ сотрудничество, зная, что вы тѣсно связаны съ Бакунинымъ. Ведя съ вами переговоры, я, конечно, разумѣю не васъ лично, а связь съ тѣмъ направленіемъ, которое вы представляете. Что же касается Бакунина, то я ничего не имѣю противъ совмѣстной работы съ нимъ. Раньше на этотъ вопросъ я смотрѣлъ иначе, но теперь обстоятельства заставили меня измѣнить свои взгляды, и я надѣюсь на нашу совмѣстную работу въ одномъ журналѣ». Къ предложенію Лаврова я отнесся все-таки холодно и, несмотря на его просьбы дать подробный отзывъ о программѣ, ограничился лишь нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями. Что же касается совмѣстнаго сотрудничества, то я заявилъ, что это ни въ коемъ случаѣ невозможно, а посему и не стоитъ даже подробно разбирать его программу, дабы найти точки соглашенія.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, Лавровъ опять пришелъ ко мнѣ и вручилъ мнѣ новую программу, которую, по его словамъ, онъ измѣнилъ, согласно моимъ замѣчаніямъ, съ цѣлью достигнуть соглашенія. Новая программа опять не удовлетворила ни меня, ни моихъ товарищей, и Лаврову пришлось снова выслушать цѣлый рядъ замѣчаній. Такимъ образомъ, насколько припоминаю, Лавровъ измѣнялъ свою программу раза три, всякій разъ встрѣчая съ нашей стороны критику. Видя, что на почвѣ одной программы трудно добиться какихъ-нибудь реальныхъ результатовъ въ смыслѣ соглашенія, Лавровъ пошелъ на другія уступки. Во время одного изъ своихъ посѣщеній онъ заявилъ, что предлагаетъ мнѣ взять на себя всю технику журнала, его пересылку, завѣдываніе всѣми адресами, связями, и т. п. Надо замѣтить, что въ Цюрихѣ я слылъ за человѣка практическаго, умѣющаго налаживать всякое организаціонное дѣло. Лавровъ это, конечно, учитывалъ и поэтому старался привлечь меня къ журналу. Мало того, Петръ Лавровичъ даже предложилъ мнѣ совмѣстное редактированіе журнала. «Мы будемъ вдвоемъ,—говорилъ онъ,—просматривать спорныя статьи и стараться по взаимному соглашенію найти точки соглашенія». На этотъ разъ предложеніе Лаврова заставило меня серьезно задуматься.

Дѣло въ томъ, что у меня и у всѣхъ моихъ товарищей, по-

клонниковъ Бакунина, почти не было никакихъ связей съ Россіей. Мы жили своею жизнью и интересами, будучи оторванными отъ родины съ ея переживаніями и думами. Между тѣмъ у Лаврова, какъ онъ и самъ говорилъ, были кое-какія связи съ Россіей и нѣкоторыми литераторами легальныхъ изданій. Помимо того, въ мои руки перешли бы всѣ адреса и связи съ Россіей при распространеніи самаго журнала. Въ силу этихъ соображеній я и рѣшилъ принять предложеніе Лаврова. Къ этому еще присоединялось совмѣстное редактированіе, что опять-таки давало возможность не слѣдовать строго программѣ, выработанной Лавровымъ. Я заявилъ Лаврову, что согласенъ на его предложеніе самъ лично, но мнѣ все-таки для этого шага необходимо согласіе М. А. Бакунина, такъ какъ я являюсь однимъ изъ членовъ кружка его послѣдователей. Лавровъ и не думалъ протестовать противъ этого, а наоборотъ заявилъ даже, что, по его мнѣнію, оно «такъ и должно быть». Большинство же моихъ товарищей, узнавъ о моемъ согласіи, отнеслось къ нему крайне отрицательно. «Какой Лавровъ революціонеръ?!—говорили они.—Вѣдь это «философъ» и ничего больше».

Съ цѣлью выяснить дѣло съ журналомъ, я отправился къ Бакунину, который въ это время жилъ въ Локарно. Мой пріѣздъ какъ разъ, совпалъ съ тайнымъ съѣздомъ сторонниковъ Бакунина. Какъ извѣстно, Бакунинъ устроилъ въ Интернаціоналѣ свой собственный тайный интернаціоналъ, такъ называемый алльянсъ. Сюда входили его приверженцы изъ анархистовъ самыхъ различныхъ странъ. Я засталъ у Бакунина совѣщаніе его съ французами, швейцарцами и итальянцами. Къ моему предложенію о нашемъ участіи въ журналѣ Лаврова Бакунинъ отнесся крайне отрицательно. «Да знаешь ли ты, какое письмо я получилъ отъ Лаврова?—говорилъ мнѣ Бакунинъ.—Помнишь мое предложеніе ему объ участіи въ журналѣ, которое ты ему отвозилъ въ Парижъ? Вѣдь Петръ Лавровичъ мнѣ отвѣтилъ. Отказываясь отъ участія въ журналѣ, онъ, между прочимъ, высказываетъ поразительныя вещи. По его мнѣнію, государственность вообще начало прогрессивное, и все зависитъ отъ того, въ какія она руки попадетъ. Даже III-е отдѣленіе если и худо, то только потому, что находится въ плохихъ рукахъ». Я отказывался этому вѣрить, но Бакунинъ показалъ мнѣ письмо Лаврова, и фактъ оказался неоспоримымъ.

Несмотря на это, я все таки не хотѣлъ отказаться отъ своего предложенія въ сотрудничествѣ съ Лавровымъ издавать журналъ. «Мало ли что могъ думать и писать Лавровъ два года на-

задъ. Важно, что онъ теперь не высказываетъ подобныхъ мыслей», думалъ я. Въ результатѣ, вопросъ о нашемъ участіи въ журналѣ былъ отданъ на рѣшеніе всего совѣщанія членовъ алльянса, при чемъ нѣкоторые изъ иностранцевъ поддержали мое предложеніе. Защищая свою точку зрѣнія, я главнымъ образомъ подчеркивалъ возможность получить связи съ Россіей, а во-вторыхъ, указывалъ, что, въ случаѣ неуступчивости со стороны Лаврова или крайней непримиримости его взглядовъ съ нашими, никто не помѣшаетъ намъ покинуть журналъ. Сдѣлать же попытку вообще не мѣшаетъ. Въ конечномъ счетѣ, Бакунинъ, хотя съ неудовольствіемъ, все-таки согласился со мною. На совѣщаніи и была вынесена по этому поводу резолюція, въ которой мое участіе въ журналѣ Лаврова обусловливалось двумя условіями—во-первыхъ, редактированіемъ его совмѣстно съ Петромъ Лавровичемъ, а во-вторыхъ, завѣдываніемъ всею перепискою и разсылкой журнала. Съ этой резолюціей я и вернулся въ Цюрихъ.

Явившись къ Лаврову, я предложилъ ему выяснить окончательно вопросъ о нашемъ участіи въ журналѣ. Въ отвѣтъ на это Петръ Лавровичъ заявилъ мнѣ, что необходимо устроить собраніе, на которое онъ долженъ пригласить главныхъ организаторовъ журнала, самъ же этотъ вопросъ онъ не можетъ рѣшить. Въ свою очередь я предложилъ Лаврову пригласить на предстоящее собраніе своихъ близкихъ товарищей, съ чѣмъ онъ охотно согласился. Собраніе это состоялось на квартирѣ Лаврова. На немъ со стороны Лаврова присутствовали: Смирновъ и Подолинскій, а съ моей—Эльсницъ и Ралли. Здѣсь меня ожидалъ сюрпризъ. Лавровъ категорически отказался раздѣлить съ кѣмъ-либо редактированіе журнала. Онъ отнюдь не отрицалъ своего собственнаго предложенія, но заявилъ, что теперь смотреть на это дѣло иначе. «Я не могу и не имѣю права дѣлать съ кѣмъ-либо редактированіе журнала,—говорилъ Лавровъ.—Изъ Россіи предложеніе быть редакторомъ было сдѣлано исключительно мнѣ. Слѣдовательно, только я и долженъ быть руководителемъ этого дѣла, неся отвѣтственность передъ тѣми, кто поручилъ мнѣ этотъ журналъ». Послѣ этого мы заявили, что наше присутствіе на собраніи излишне, и мы удаляемся, при чемъ я ознакомилъ всѣхъ съ имѣющеюся у меня резолюціей, гдѣ вопросъ о совмѣстномъ редактированіи стоялъ на первомъ мѣстѣ. Петръ Лавровичъ страшно заволновался. «Во всякомъ случаѣ,—убѣждалъ онъ насъ,—я надѣюсь, вы не откажетесь сотрудничать въ журналѣ. Вопросъ о редактированіи не такой ужъ важный, чтобы изъ этого расхо-

даться и дѣлаться врагами. Я думаю, что мы разстанемся друзьями». На это мы отвѣтили категорическимъ отказомъ, а я не утерпѣлъ и напомнилъ Лаврову нашъ парижскій разговоръ, гдѣ онъ обѣщалъ повести съ нами «войну не на животь, а на смерть». Петръ Лавровичъ нѣсколько смутился и заявилъ, что сказанное имъ тогда не имѣетъ значенія, ибо онъ въ то время не былъ знакомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Въ общемъ, собраніе это закончилось нашимъ уходомъ, и съ этого момента и началась борьба между «лавристами» и «бакунистами».

Первое проявленіе этой борьбы сказалось вокругъ цюрихской библіотеки. Начало этой библіотеки, какъ я уже упоминалъ, было положено мною въ 1870 г. Всѣ члены нашего кружка отдали сюда всѣ свои книги. Не мало книгъ отдалъ и я самъ. Сюда же были присоединены и всѣ книги, оставшіяся послѣ Нечаева. Впослѣдствіи, когда цюрихская колонія русскихъ разрослась, былъ выработанъ особый уставъ, сущность котораго сводилась къ слѣдующему. Каждый вновь вступающій подписчикъ или читатель вносилъ сначала единовременный взносъ, что-то около 10—15 франковъ. Затѣмъ ежемѣсячно взносъ опредѣлялся, кажется, 3 франками въ мѣсяцъ. Что же касается до дѣйствительныхъ членовъ библіотеки, то таковые выбирались по баллотировкѣ основателями библіотеки, которыхъ къ 1872 г. было членовъ 40—35. Такимъ образомъ, не всякій подписчикъ былъ членомъ библіотеки. Надо сказать откровенно, что библіотека, попросту, была ширма, подъ которой здѣсь группировались исключительно сторонники Бакунина. Поэтому иногда случалось, что нѣкоторыхъ забаллотировывали, не принимая въ члены библіотеки. Конечно, подобная исторія случалась только съ лицами, которыя по убѣжденіямъ были противники Бакунина, являясь въ нашихъ глазахъ «государственниками».

Библіотека, разумѣется, была главнымъ центромъ всей колоніи. Вокругъ нея, главнымъ образомъ, и происходило объединеніе всѣхъ русскихъ въ нѣчто цѣлое. Было ясно, что хозяева библіотеки, въ сущности, и являются хозяевами всей колоніи. Лавровъ, конечно, прекрасно понималъ это обстоятельство. Стараясь привлечь молодежь въ Цюрихъ на свою сторону и завязать съ нею прочныя связи, Лавровъ долженъ былъ притти къ выводу, что для этого прежде всего надо найти доступъ къ библіотекѣ, которая помѣщалась въ «Бремершлюсселъ», въ этой главной цитадели «бакунистовъ»... Здѣсь молодежь пропадала по вечерамъ за чтеніемъ, собиралась для всякихъ бесѣдъ и т. д. Словомъ, библіотека была главнымъ нервомъ русской молодежи, и вокругъ нея вращалась вся ея жизнь. И не

было ничего удивительнаго, что вокругъ нея и возгорѣлась ожесточенная борьба. Лавровъ началъ вести среди молодежи агитацію, въ которой развивалъ мысли о томъ, что библіотека—явленіе прежде всего общественное, которымъ должна вѣдать вся колонія въ цѣломъ, а не небольшая кучка «россовцевъ» въ 35 человѣкъ. Указывалъ онъ также на то, что вся библіотека развивается и существуетъ на средства всѣхъ подписчиковъ, а не однихъ только «россовцевъ», что помимо ихъ сюда поступаетъ не мало пожертвованій книгами. Разъ такъ, то необходимо измѣнить уставъ библіотеки и сдѣлать хозяиномъ ея всю колонію въ цѣломъ. Агитація Лаврова приобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ, и вскорѣ между ними и нами возгорѣлись безконечныя дебаты, пререканія и недоразумѣнія о правахъ на библіотеку.

Въ отвѣтъ на нападенія сторонниковъ Лаврова, упрекавшихъ насъ въ «узурпаціи», мы указывали, что фактически библіотека организована нашими усиліями и средствами, что самыя цѣнныя книги приобрѣтены нами, а что остальные пожертвованія выражаются, главнымъ образомъ, въ учебникахъ, которыхъ имѣются десятки и сотни. «Вамъ не нравятся наши порядки, вы указываете на тенденціозный подборъ книгъ, котораго мы не отрицаемъ, вы недовольны членами библіотеки,—такъ заводите свою собственную библіотеку. А мы отъ своихъ правъ отказываться не желаемъ»,—отвѣчали мы лавристамъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что мы рѣшили не увеличивать свой кружокъ, считая 35 человѣкъ цифрой вполне достаточной. Поэтому пріемъ новыхъ членовъ библіотеки прекратился совсѣмъ. Вся эта напряженная атмосфера и разрядилась въ скоромъ времени.

Въ началѣ 1873 г. въ Бремершлюсселѣ состоялось годовое собраніе членовъ библіотеки, гдѣ читался отчетъ и обсуждались всѣ текущія дѣла этого учрежденія. На этомъ собраніи правомъ голоса пользовались только члены библіотеки, но высказываться, вносить предложенія могли всѣ члены колоніи. На этотъ разъ собраніе было очень многолюдно. Лавровъ и его сторонники также явились на него. Обѣ партіи усѣлись вокругъ длиннаго стола по разнымъ его сторонамъ—на одной лавристы, на другой бакунисты. Предсѣдательствовалъ Эльсницъ. Докладчикомъ отъ библіотеки выступалъ Смирновъ, который былъ секретаремъ ея. Надо сказать, что Смирновъ сначала былъ «бакунистомъ», а потомъ съ пріѣздомъ Лаврова перешелъ на его сторону. Библіотекаремъ и кассиршей была жена Смирнова, г-жа Идельсонъ. Дебаты на собраніи возгорѣлись самыя страстныя. Со стороны лавристовъ говорили, главнымъ образомъ, Смирновъ и Подолинъ.

скій. Что же касается бакунистовъ, то отъ ихъ имени главнымъ ораторомъ, какъ и всегда, былъ я. Лавровъ совершенно не вмѣшивался въ эти бурные споры и пререканія и за все собраніе не проронилъ ни единого слова. Лавристы внесли предложеніе: отмѣнить пунктъ устава библіотеки, по которому новые члены ея принимаются голосованіемъ только членовъ-основателей, а не всѣхъ подписчиковъ. При голосованіи этого предложенія нашъ кружокъ, разумѣется, отклонилъ его. Тогда Лавровъ со всѣми своими приверженцами всталъ и покинулъ собраніе. Съ этого момента произошелъ полный разрывъ между нами. Насъ осталось на собраніи не больше одной трети, т.-е. одни бакунисты.

Вскорѣ послѣ этого случая я сталъ замѣчать, что нѣкоторые подписчики набираютъ съ собой очень много книгъ. Я сдѣлалъ объ этомъ заявленіе въ комитетъ, завѣдующій библіотекой, и было рѣшено закрыть ее для ревизіи, о чемъ было вывѣшено объявленіе. Начиная ревизію, мы пригласили секретаря библіотеки Смирнова и кассира Идельсонъ. Но они не явились, и даже деньги, что-то около 300 франковъ, находившіяся у Идельсонъ намъ не были возвращены. Ревизія обнаружила исчезновеніе очень многихъ, и притомъ довольно цѣнныхъ, книгъ. Оказалось, что лавристы рѣшили забрать у насъ книги захватнымъ правомъ. Для этой цѣли, по заранѣ составленному списку, они являлись каждый вечеръ въ библіотеку и набирали наибольшее количество книгъ. Этимъ путемъ имъ удалось экспроприровать около 100 сочиненій. Послѣ этого случая мы рѣшили окончательно отрѣзать себя отъ лавристовъ и порвать съ ними всякое сношеніе. Мы перестали встрѣчаться, раскланиваться между собой, библіотеку же закрыли для лавристовъ и окончательно обособились въ замкнутую группу, занявшись исключительно своими чисто партійными задачами. Въ это время нашъ кружокъ былъ поглощенъ исключительно изданіемъ двухъ книжекъ—«Историческое развитіе интернаціонала», представляющей собою сборникъ различныхъ статей, и книги Бакунина—«Государственность и анархія»...

Что же касается лавристовъ, то они тоже окончательно отмежевались отъ насъ. Они купили домъ, устроили столовую и библіотеку, при чемъ Лавровъ отдалъ туда всѣ свои книги, но съ правомъ, въ случаѣ надобности, взять ихъ обратно. Словомъ, между нами и лавристами образовалась непроходимая пропасть. Кромѣ инцидента съ библіотекой поводомъ для окончательнаго разрыва послужилъ еще одинъ очень прискорбный случай. Въ числѣ эмигрантовъ въ Цюрихѣ находился бывшій полковникъ генераль-

наго штаба Соколовъ, сотрудникъ «Русскаго Слова» и авторъ знаменитой въ то время книги «Отщепенцы», за которую онъ судился и былъ сосланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, откуда и бѣжалъ за границу. По своимъ взглядамъ онъ былъ сторонникъ Бакунина и жилъ въ нашемъ кружкѣ. Въ 1871 г., по подпискѣ на средства желающихъ членовъ русской колоніи, была издана книга Соколова «Отщепенцы», которая почти вся была отправлена въ Россію. Лишь только небольшое количество ея осталось у Смирнова. Дѣло въ томъ, что Смирновъ внесъ на ея изданіе извѣстную сумму денегъ, за что и получилъ опредѣленное количество экземпляровъ. Вскорѣ послѣ исторіи съ библіотекой изъ Россіи пріѣхалъ одинъ изъ членовъ кружка «чайковцевъ», прося дать ему нелегальныхъ книжекъ для ихъ работы. Такъ какъ у насъ таковыхъ не оказалось, то мы указали ему на Смирнова. Являлся вопросъ, какъ достать эти книжки? Итти кому-либо изъ членовъ нашего кружка было неудобно, такъ какъ изъ этого ничего бы не вышло. Между тѣмъ, Соколовъ заявилъ, что онъ желаетъ итти къ Смирнову во что бы то ни стало. Никакіе наши уговоры на него не дѣйствовали. Для насъ не было никакого сомнѣнія, что разыграется скандалъ, тѣмъ болѣе, что Соколовъ любилъ выпивать, а Смирновъ былъ человѣкъ язвительный и очень злой на языкъ. Чтобы какъ-нибудь предупредить возможное столкновеніе, было рѣшено отправить вмѣстѣ съ Соколовымъ доктора Святловскаго, его закадычнаго пріятеля. Этотъ послѣдній не принадлежалъ ни къ бакунистамъ, ни къ лавристамъ, а жилъ въ Цюрихѣ только потому, что здѣсь училась его жена.

Опасенія наши оправдались. Разговоръ между Смирновымъ и Соколовымъ принялъ сразу крайне острый характеръ. Въ результатѣ Смирновъ плюнулъ въ лицо Соколова, а этотъ послѣдній, схвативъ его за горло, повалилъ на полъ и началъ тузить. Надо замѣтить, что Смирновъ былъ человѣкъ вообще слабый, а Соколовъ обладалъ большой силой; Святловскій, увидавъ происшедшее, страшно растерялся. Сначала побѣждалъ съ криками на улицу, но, видя, что помощи ждать неоткуда, схватилъ въ охапку Соколова и вытащилъ его изъ комнаты. Сдѣлать ему это было легко, такъ какъ онъ слылъ за силача... Все происшедшее вызвало небывалое возмущеніе среди лавристовъ. Смирновъ, сильно помятый, слегъ въ постель. Лавровъ созвалъ собраніе и произнесъ громовую рѣчь противъ нашего кружка. Въ этой рѣчи особенно сильно досталось мнѣ, хотя я совершенно былъ не виноватъ во всемъ происшедшемъ. По мнѣнію Лаврова, отвѣтственность за все лежитъ исключительно на Россѣ, который является главнымъ вдохновителемъ и руководителемъ всѣхъ дѣйствій «баку-

нистовъ». Поэтому, на него нужно обратить особое вниманіе и предать чуть ли не «анаемѣ», ибо онъ занимается все время разными интригами и отравляетъ жизнь всей русской колоніи въ Цюрихѣ. Избіеніе Смирнова было устроено несомнѣнно по наущенію Росса, который для этой цѣли и послалъ двухъ силачей Соколова и Святловскаго... Помимо этого собранія, группа лавристовъ послала къ министру полиціи Пфенингеру (тотъ самый, который выдалъ Нечаева) депутацію во главѣ съ Мауреромъ, которая просила его принять мѣры противъ Росса и Соколова и избавить отъ нихъ русскую колонію въ Цюрихѣ, другими словами, выслать ихъ изъ кантона. Эта депутація не имѣла для насъ никакихъ реальныхъ послѣдствій, такъ какъ Пфенингеръ заявилъ ей, что удалить кого-либо изъ Цюриха онъ не имѣетъ права, а если Россъ и Соколовъ чѣмъ-нибудь виновны, то для этого существуютъ швейцарскіе законы, къ защитѣ которыхъ и слѣдуетъ имъ прибѣгнуть.

Вся эта исторія создала крайне напряженную, нервную атмосферу въ Цюрихѣ. Молодежь бросила свои научныя занятія, и бѣла только и занята безконечными пересудами и обсужденіями отношеній лавристовъ и бакунистовъ. Мое же положеніе стало прямо невозможнымъ. Меня преслѣдовали со всѣхъ сторонъ, и нѣсколько разъ дѣло доходило чуть ли не до попытокъ открытаго избіенія. Помню, разъ меня поймали на окраинѣ города на квартирѣ одного столяра, гдѣ я дѣлалъ кассы для нашей типографіи. Сюда явилась громадная компанія лавристовъ и заняла выходъ изъ квартиры, поджидая моего появленія. Здѣсь были: Подолинскій, Чернышевъ, Рихтеръ, Линева, Кулябко-Корецкій, Филипповъ (мужъ Вѣры Николаевны Фигнеръ) и цѣлый рядъ другихъ лицъ. Избіеніе мое было неминуемо. Къ счастью, я успѣлъ послать черезъ дѣвочку записку въ Бремершлюссель къ товарищамъ, съ просьбой выручить меня изъ бѣды. Оттуда прибѣжали чуть ли не всѣ бакунисты и сняли осаду съ квартиры столяра. Лавристы поспѣшили ретироваться. Подобныхъ попытокъ было нѣсколько, но всѣ онѣ окончились неудачей. Помню, была сдѣлана попытка примирить враждующія стороны на почвѣ моего добровольнаго отъѣзда изъ Цюриха. Она исходила отъ небольшой группы лицъ, которая не принадлежала ни къ лавристамъ, ни къ бакунистамъ. Эта группа отправила ко мнѣ депутацію, состоявшую изъ студента-медика Васильева и А. А. Кропоткина (братъ извѣстнаго анархиста). Эти лица усиленно просили меня уѣхать добровольно изъ Цюриха и этимъ прекратить всякіе инциденты и успокоить молодежь, но я категорически отказался.

Попытка какъ-нибудь наладить отношенія между враждую-

щими партіями и влить ихъ въ нормальное русло была сдѣлана и со стороны М. А. Бакунина. Только на этотъ разъ воздѣйствію подвергся П. Л. Лавровъ. Бакунинъ пріѣхалъ въ Цюрихъ и остановился у меня въ Бремершлюсселѣ. По его мнѣнію, всю исторію между двумя группами страшно раздули изъ-за всякихъ пустяковъ, при чемъ его особенно интересовало, какую роль здѣсь игралъ Лавровъ? Если молодежь и могла увлечься и въ этомъ порывѣ доходить до крайности, то отнюдь не пристало совершать ихъ такому человѣку, какъ Лавровъ. Онъ отказывался вѣрить, чтобы Лавровъ былъ способенъ заниматься подобными пустяками, которые совершенно напрасно волнуютъ молодежь, отвлекая ее отъ серьезной работы. Здѣсь надо еще отмѣтить, что Бакунинъ былъ очень доволенъ, что не состоялось наше сотрудничество съ Лавровымъ въ его журналѣ. На другой день послѣ своего пріѣзда Бакунинъ отправился къ Лаврову, съ цѣлью убѣдить его ликвидировать весь разладъ, выяснить взаимныя отношенія и постараться не волновать молодежь проявленіями вражды съ обѣихъ сторонъ. Передать въ точности ихъ бесѣду не представляется возможности. Извѣстно только, что на замѣчанія Бакунина о томъ, что борьба враждующихъ сторонъ приняла невозможныя формы и что это недопустимо, Лавровъ указывалъ, что не онъ этому причина. «Я не хотѣлъ вражды и борьбы,—говорилъ Лавровъ Бакунину.—Я даже предлагалъ вашимъ сторонникамъ соглашеніе и общее сотрудничество въ журналѣ. Если этого не случилось, то причиной всего является Арманъ Россъ. Благодаря ему и не осуществилась идея сотрудничества двухъ группъ». «Но помилуйте Петръ Лавровичъ,—возражалъ Бакунинъ,—развѣ возможно работать въ одномъ журналѣ при тѣхъ расхожденіяхъ во взглядахъ, какія имѣются у васъ и моихъ послѣдователей?» «Почему же?—горячился Лавровъ.—Вѣдь я предлагалъ Россу сдѣлать извѣстныя уступки и вовсе не проявлялъ непримиримости». «О да,—отвѣчалъ Михаилъ Александровичъ,—мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна эластичность вашей мысли. Именно это обстоятельство въ вашемъ прошломъ и не давало увѣренности моимъ представителямъ въ вашей дальнѣйшей устойчивости». Этотъ намекъ на неопредѣленность взглядовъ Лаврова, на его либерализмъ въ прошломъ, на непрерывную эволюцію въ настоящемъ страшно раздражилъ Лаврова. Надо сказать, что при этой встрѣчѣ Бакунинъ вообще не скупился на цѣлый рядъ ѣдкихъ и ядовитыхъ замѣчаній, подчеркивающихъ безформенность общественныхъ воззрѣній Петра Лавровича. Свиданіе это никакихъ реальныхъ результатовъ не дало. Раздраженный и задѣтый, что называется, за живое, Лавровъ отказался взять на себя инициативу

ликвидированія происходящей вражды между враждующими партіями, заявивъ, что его послѣдователямъ не въ чемъ дѣлать уступокъ въ происходящей борьбѣ, и что виновной стороной въ данномъ случаѣ являются исключительно сторонники Бакунина. Посѣщеніемъ Бакунина Лавровъ остался, повидимому, очень недоволенъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не отвѣтилъ на визитъ Бакунина, который нѣкоторое время жилъ въ Цюрихѣ, и не сдѣлалъ ни одной попытки еще разъ повидаться съ Михаиломъ Александровичемъ.

Вскорѣ послѣ этого свиданія, Лавровъ на одномъ изъ собраній цюрихской молодежи произнесъ рѣчь, въ которой коснулся своей бесѣды съ Бакунинымъ. Отдавая дань уваженія уму, таланту и громаднымъ заслугамъ Михаила Александровича предъ революціоннымъ движеніемъ, Лавровъ заявилъ, что, къ сожалѣнію, Бакунинъ слишкомъ довѣряетъ окружающимъ его лицамъ и смотритъ на многія событія ихъ глазами, не зная дѣйствительнаго положенія вещей. Съ другой стороны, вслѣдствіе своего преклоннаго возраста, Бакунинъ очень часто въ практическихъ вопросахъ подпадаетъ вліянію своихъ близкихъ помощниковъ. Все это и случилось съ Бакунинымъ при его посѣщеніи Цюриха. Стараясь узнать сущность и причины враждебныхъ отношеній двухъ борющихся группъ въ средѣ русской молодежи, онъ на все дѣло взглянулъ исключительно глазами Росса, а потому и не смогъ въ данномъ случаѣ составить о происшедшемъ правильнаго мнѣнія. Въ частной же бесѣдѣ Петръ Лавровичъ заявилъ, что Бакунинъ былъ неправъ, бросая ему упрёки въ томъ, что онъ безпрестанно мѣняетъ свои убѣжденія... Свиданіе Бакунина и Лаврова было послѣдней попыткой примирить враждующія стороны. Послѣ этого обѣ стороны рѣзко обособились и замкнулись въ свои отдѣльныя колоніи, не имѣя между собой никакой связи или сношеній.

Впослѣдствіи, когда властное время вытравило партійное пристрастіе, Петръ Лавровичъ въ значительной степени измѣнилъ свой взглядъ на меня, и здѣсь уже не было прежней непримиримости, а была болѣе объективная оцѣнка всего происшедшаго въ Цюрихѣ. Уже въ Сибири А. А. Зубковскій, одинъ изъ участниковъ «Процесса 16 террористовъ», передавалъ мнѣ по этому поводу свою бесѣду съ Лавровымъ. Оцѣнивая историческое значеніе «бакунистовъ» и признавая за ними громадную роль, которую они сыграли въ революціонномъ движеніи, Петръ Лавровичъ коснулся въ частности и меня. Онъ заявилъ, что вполне допускаетъ, что не во всемъ былъ виноватъ Россъ и что лавристы сами во многомъ были несправедливы. Въ частности свою непримиримость ко мнѣ

Лавровъ объяснялъ исключительно тогдашней исторической атмосферой и средой, окружавшей его, которая сама была не чужда крайностей, и этимъ до извѣстной степени накладывала отпечатокъ на его поведеніе. Въ заключеніе своей бесѣды съ Зубковскимъ Петръ Лавровичъ проявилъ самое теплое участіе къ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Крайне интересно здѣсь вспомнить о первыхъ попыткахъ Лаврова пріобрѣсти вліяніе на молодежь и связать себя съ нею. Это еще было до нашего окончательнаго раскола и разрыва. Въ то время въ Бремершлюсселѣ разъ въ недѣлю происходили регулярныя собранія всѣхъ русскихъ, находящихся въ Цюрихѣ. Здѣсь происходили бесѣды и обмѣнъ мнѣній по волнующимъ насъ вопросамъ. Въ то время собранія происходили иначе, чѣмъ сейчасъ. Тогда не было никакихъ докладчиковъ или референтовъ съ рядомъ различныхъ оппонентовъ. Бесѣдовали по-просту «по-семейному», сидя за столомъ или отдѣльными группами, или какой-нибудь одной большой группой. Петръ Лавровичъ не пропускалъ ни одного такого собранія. Но здѣсь была одна особенность: онъ всегда являлся съ заранѣ продуманной темой, которая всегда была крайне отвлеченна. Лавровъ совершенно не хотѣлъ понять и не учитывалъ тѣхъ вопросовъ, которые волновали тогда молодежь. Его рѣчь сводилась къ различнымъ историко-философскимъ вопросамъ, при чемъ, если молодежь была занята другимъ, Лавровъ неизмѣнно сводилъ бесѣду на намѣченную имъ тему. Несмотря на это, Лавровъ всегда былъ окруженъ на этихъ собраніяхъ молодежью, которая прислушивалась къ его словамъ. Говорилъ онъ довольно плавно, и если не былъ ораторомъ, въ современномъ смыслѣ слова, то, во всякомъ случаѣ, умѣлъ изложить слушателямъ свои мысли. Случалось иногда, что Лавровъ приходилъ тогда, когда все собраніе горячо дебатировало уже готовую тему. Въ большинствѣ случаевъ это былъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ тогдашняго интернаціонала или какая-нибудь революціонная проблема. Лавровъ въ данномъ случаѣ упорно молчалъ и никогда не высказывался по этимъ вопросамъ. Я и мои товарищи прекрасно знали, что въ то время Лавровъ отнюдь не былъ революціонеромъ. Но объ этомъ онъ самъ предпочиталъ не дѣлать никакихъ признаній на собраніяхъ и отдѣлялся молчаніемъ. Большинство же русской молодежи не знало правды о Лавровѣ. Поэтому я самъ, да и нѣкоторые изъ членовъ моего кружка дѣлали всевозможныя попытки, чтобы заставить Лаврова высказаться на революціонныя темы и въ частности по вопросу объ интернаціоналѣ. Неоднократно мы задавали ему цѣлый рядъ вопросовъ и, что называется, «припирали его къ стѣнкѣ», но онъ

всякій разъ отвѣчалъ: «объ этомъ вопросѣ полно и обстоятельно я постараюсь поговорить когда-нибудь въ другой разъ, а теперь я хотѣлъ бы обратить вниманіе на другую интересную тему». Здѣсь онъ начиналъ бесѣду, которую заранѣе составилъ, идя на собраніе. Разумѣется, что не только мы, но даже многіе изъ среды русской молодежи, не принадлежащіе къ бакунистамъ, часто разочаровывались въ Лавровъ. Для насъ же было ясно, что Петръ Лавровичъ сознательно избѣгаетъ щекотливыхъ для него вопросовъ.

Помню еще довольно комичный случай, происшедшій съ Лавровымъ на почвѣ его отвлеченности отъ жизни. Однажды, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Цюрихъ, Лавровъ заявилъ мнѣ, что будетъ читать въ Бремершлюсселѣ рядъ лекцій по... математикѣ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ.—«Что вы, Петръ Лавровичъ!»—воскликнулъ я. «Да вѣдь никто же васъ слушать не будетъ! Развѣ молодежи сейчасъ нужна математика?! Ей нужно читать лекціи совсѣмъ о другомъ».—«О чемъ же?»—раздраженно отвѣтилъ Лавровъ.—«Вамъ нужна все революція!»—«Да хотя бы и революція»—возражалъ я. «Отчего бы вамъ, напримѣръ, не прочесть рядъ лекцій о великой французской революціи?. Это было бы дѣйствительно интересно молодежи».—«Ну нѣтъ,—отвѣчалъ Лавровъ,—такихъ лекцій я читать не буду. Молодежи нужны только положительные знанія».—«Воля ваша, Петръ Лавровичъ, но со своей математикой вы, несомнѣнно, провалитесь», заключилъ я нашу бесѣду. Мое предсказаніе исполнилось. На первой лекціи Лаврова по математикѣ было человѣкъ пятнадцать, а на слѣдующую уже никто не явился, и ему пришлось отказаться отъ своей идеи.

Вообще Лавровъ былъ человѣкъ чисто отвлеченной мысли, совершенно безпомощный въ вопросахъ практическихъ или жизненныхъ. Припоминается мнѣ, напримѣръ, написанная Лавровымъ «инструкція для революціонеровъ», ходившая за границей по рукамъ въ рукописи, кажется, въ 1875 г. Болѣе комичной вещи трудно было себѣ представить. Здѣсь рекомендовалось будущему революціонеру ходить на охоту съ ружьемъ-дробовикомъ, начинать стрѣлять съ птицъ и т. п. Въ свое время съ этой инструкціей было не мало смѣха за границей. Эта безпомощность Лаврова въ практической жизни иногда принимала крайне курьезный характеръ. Вѣчно занятый логическимъ развитіемъ своихъ чисто отвлеченныхъ мыслей, Лавровъ иногда совершалъ въ жизни такіе поступки, которымъ потомъ самъ удивлялся. На моихъ глазахъ, напримѣръ, произошелъ слѣдующій фактъ. Какъ-то Лавровъ отправился купить себѣ карандашей. Придя затѣмъ домой, онъ вспомнилъ о карандашахъ и полѣзъ за ними въ кар-

манъ своего пальто. Каково же было его удивленіе, когда вмѣсто карандашей онъ вытащилъ оттуда какую-то бездѣлушку. Его изумленію не было конца... Лавровъ прежде всего былъ мыслитель и чисто «книжный человѣкъ». Абстракція о какихъ-либо предметахъ его интересовала больше, нежели самъ предметъ въ его живой дѣйствительности. Вотъ, на примѣръ, характерный примѣръ. Однажды, я предложилъ Петру Лавровичу съѣздить на цюрихское озеро и осмотрѣть остатки свайныхъ построекъ. «Вы прочли массу книгъ по исторіи цивилизаціи,—говорилъ я Лаврову,—изучали этотъ предметъ специально, и вамъ, навѣрное, интересно увидѣть самому эти постройки». «Знаете,—отвѣтилъ онъ,—мнѣ не интересно ихъ видѣть въ дѣйствительности. Гораздо важнѣе вопросъ объ образованіи этого явленія, объ условіяхъ, породившихъ его, о значеніи открытія свайныхъ построекъ для науки, объ исторіи первичной культуры человѣчества и т. п. Все это я узнаю изъ книгъ. Съ этимъ вопросомъ я прекрасно знакомъ теоретически по разнымъ трудамъ, и это меня вполне удовлетворяетъ. Осматривать же самыя постройки я совершенно не ощущаю ни охоты, ни желанія, ни потребности». Не менѣе интересенъ для характеристики Лаврова еще и слѣдующій разговоръ, происшедшій у меня съ нимъ въ Парижѣ, наканунѣ его отъѣзда въ Лондонъ. «Вотъ Петръ Лавровичъ,—говорилъ я ему,—вы заявляете, что не можете принести никакой пользы коммунарамъ, но вы артиллеристъ, а вѣдь этимъ вы могли бы имъ оказать громадныя услуги». Въ отвѣтъ на это Лавровъ громко расхохотался. «Да вѣдь я въ жизнь свою не стрѣлялъ изъ пушки,—объяснялъ онъ мнѣ.—Я знаю, конечно, прекрасно теоретическія основы артиллерійскаго дѣла. Но это голая теорія, взятая изъ книгъ, основанная на чистой математикѣ. Что же касается прикладной части артиллерійскаго дѣла, или его практики, то этотъ вопросъ меня никогда не интересовалъ, и я имъ не занимался. Чѣмъ же я могу быть полезенъ? Вѣдь коммунарамъ нужны не математическія теоріи, а только практика. Я же всего одинъ только разъ въ жизни былъ близокъ къ пушкамъ. Это было въ Нарвѣ, да и то я больше наблюдалъ, нежели самъ дѣйствовалъ»...

Вспоминая всѣ свои встрѣчи съ Лавровымъ и наши бесѣды съ нимъ, начиная съ Вологодской губ. и кончая Цюрихомъ, я долженъ подчеркнуть одно обстоятельство—неустойчивость и неопредѣленность его общественныхъ взглядовъ въ тотъ періодъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ все время эволюционировалъ. Этимъ и опредѣлялись и его личные взгляды, и его поступки. Въ 60-хъ гг. Петръ Лавровичъ былъ типичный либераль. Арестъ и ссылка, хотя и толкнули его въ сторону социализма, но

все-таки въ немъ еще долго жила либеральная закваска. Это сильно чувствовалось и въ вологодской ссылкѣ, и въ первые годы его пребыванія за границей. Этимъ и объясняются его тогдашнія надежды, что русское правительство сознаетъ свою вину или ошибку и вернетъ его изъ ссылки или даже изъ-за границы. Вотъ почему онъ и заявилъ мнѣ въ Парижѣ, что «не сжегъ окончательно своихъ кораблей». Бѣдный Петръ Лавровичъ и не подозревалъ въ то время, что онъ надѣлалъ своими «Историческими письмами» и какими глазами смотреть въ Россіи на него и русская молодежь, и русское правительство... Этимъ же надо объяснять и довольно сдержанное отношеніе Лаврова къ парижской коммунѣ. Повидимому, въ первые годы пребыванія Лаврова за границей онъ не сразу отдался социализму, а пріобщался къ нему постепенно. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Въ 1872 г. въ Гаагѣ долженъ былъ состояться интернаціональный конгрессъ социалистовъ. На немъ Марксъ готовился дать Бакунину и его сторонникамъ генеральный бой. Въ то время предстоящій конгрессъ страшно волновалъ всѣхъ социалистовъ. Я написалъ Лаврову въ Парижъ письмо, прося его поддержать въ печати сторонниковъ Бакунина и вообще принять какое-нибудь участіе въ этомъ дѣлѣ, указывая на предстоящій расколъ Интернаціонала. Вскорѣ послѣ отправки письма, въ Цюрихъ проѣздомъ пріѣхалъ Бакунинъ. Я сообщилъ ему о моемъ письмѣ къ Лаврову. «Неужели ты думаешь,—заявилъ мнѣ Бакунинъ,—что Лавровъ приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ? Онъ или ничего тебѣ не отвѣтитъ, или уклонится отъ активныхъ дѣйствій, заявивъ, что это не его дѣло». Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что Бакунинъ замѣчательно вѣрно оцѣнивалъ тогдашнее положеніе Лаврова. Его слова о Петрѣ Лавровичѣ вполне подтвердились. Въ отвѣтъ на мое письмо, Лавровъ писалъ мнѣ, что никакого прямого отношенія къ предстоящему конгрессу онъ не имѣетъ, что это дѣло его мало касается, что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ Интернаціонала. Въ письмѣ онъ выражалъ, между прочимъ, сожалѣніе по поводу неурядицъ и междоусобія въ Интернаціоналѣ, но категорически отказывался принять какое-либо участіе въ связи съ предстоящимъ конгрессомъ, подчеркивая, что это дѣло не является для него близкимъ. Въ общемъ, все письмо Лаврова прямо указывало, что вопросы социализма и въ частности Интернаціонала отнюдь не волновали тогда Петра Лавровича. Чувствовалась какая-то сдержанность и отнюдь не было увлеченія.

Въ Цюрихѣ въ Лавровѣ уже ясно ощущалось сильное вліяніе социализма, который почти цѣликомъ вытѣснилъ изъ него либерала, но онъ все-таки еще не исчезъ безслѣдно. Очень характерно,

напримѣръ, для психологіи Лаврова то обстоятельство, что, получивъ предложеніе организовать и редактировать за границей журналъ «Впередъ!» и, не зная, откуда оно исходитъ, онъ вообразилъ сначала, что оно шло отъ «радикальныхъ литературныхъ круговъ». Переживанія либерала здѣсь несомнѣнно сказались. Но хотя въ цюрихскій періодъ у Лаврова уже преобладалъ социализмъ, но онъ отнюдь не былъ тогда революціонеромъ. Повидимому, исчезнувшій подъ давленіемъ социализма либерализмъ, еще оставилъ кое-какіе слѣды. Зачатки революціоннаго міровоззрѣнія у него появились уже значительно позже. Отказываясь въ началѣ 1872 г. говорить на революціонныя темы и въ частности о французской революціи, онъ уже въ 1879 г. произноситъ рѣчь о коммунѣ, которую издаетъ затѣмъ отдѣльной брошюрой. Почему же онъ не хотѣлъ говорить о коммунѣ въ Цюрихѣ? Вѣдь впечатлѣнія видѣннаго и пережитаго имъ, несомнѣнно, были тогда болѣе свѣжи и непосредственны. Но Лавровъ предпочелъ хранить молчаніе. Эта эволюція Лаврова въ сторону революціонныхъ воззрѣній завершилась окончательно лишь въ періодъ «Народной Воли».

Есть еще одна черта въ личности Лаврова, которую мнѣ также хочется подчеркнуть и выдѣлить. Петръ Лавровичъ былъ прежде всего теоретикъ-философъ, привыкшій жить въ заоблачной выси теорій. Когда ему приходилось спускаться на землю, онъ проявлялъ полную безпомощность. Отсюда проистекало другое обстоятельство: онъ не имѣлъ самостоятельности въ практическихъ вопросахъ жизни. И это всегда сказывалось, какъ въ поступкахъ его частной и личной жизни, такъ и при рѣшеніи практическихъ задачъ тогдашней общественности. Въ силу этого онъ легко поддавался вліянію другихъ лицъ и былъ способенъ быстро соглашаться съ ними. Этимъ и объясняется цѣлый рядъ противорѣчій въ его поступкахъ. Онъ легко измѣнялъ принятыя уже рѣшенія. Примѣровъ для подтвержденія этого положенія можно привести сколько угодно. Надѣясь, что русское правительство вернетъ его изъ ссылки, онъ то собирается своей жизнью показать свою лояльность, то вдругъ бѣжитъ за границу. Не теряя даже и здѣсь надежды вернуться въ Россію, онъ вступаетъ въ то же время въ Интернаціоналъ, издаетъ «Историческія письма» и этимъ отрѣзываетъ себѣ пути къ возвращенію. По отношенію бакунистовъ онъ собирается объявить войну «не на животъ, а на смерть», а затѣмъ вдругъ самъ же предлагаетъ соглашеніе, идя на уступки. Даетъ согласіе на совмѣстное редактированіе журнала, впослѣдствіи же измѣняетъ свое рѣшеніе. Думаю, что въ послѣднемъ случаѣ сказалось уже вліяніе Смирнова и Подолинскаго. Повидимому,

Лавровъ сознавалъ свою слабость въ области практической общественности. Вотъ почему онъ охотно прислушивался къ окружающимъ его людямъ. Этой несамостоятельностью Лаврова и его способностью поддаваться вліянію окружающей среды и объясняется и та легкость, съ которою онъ воспринялъ ученіе Маркса, объявивъ себя его ученикомъ, и его вступленіе въ «Народную Волю». Какъ извѣстно, вступая въ эту партію, Лавровъ не былъ согласенъ съ ея тактикой и въ частности съ терроромъ, а кончилъ тѣмъ, что самъ же далъ наиболѣе обстоятельное моральное оправданіе террора... Отмѣчая въ Лавровѣ всѣ указанныя черты, я долженъ оговориться. Все сказанное мной, относится исключительно къ общественнымъ взглядамъ Лаврова и къ поступкамъ въ личной жизни. Что же касается его, какъ мыслителя и философа, то съ этой стороны дѣятельности Петра Лавровича я знакомъ крайне мало и охотно готовъ допустить, что здѣсь онъ проявилъ и самостоятельность, и оригинальность, и не страдалъ противорѣчіями.

Послѣ Цюриха судьба меня не сталкивала больше съ Лавровымъ. Впрочемъ, была еще одна мимолетная встрѣча при довольно курьезныхъ обстоятельствахъ. Это было уже въ Лондонѣ, куда я перевезъ свою типографію и гдѣ я печаталъ «Анархію» Прудона. Въ 74 г. сюда же перекочевалъ и Лавровъ со своимъ журналомъ «Впередъ». Въ томъ же году въ Лондонъ прибылъ П. Н. Ткачевъ, который поселился у Лаврова и числился сотрудникомъ «Впередъ». На дѣлѣ же онъ только больше общалъ писать, нежели сотрудничалъ въ дѣйствительности. Но такъ какъ въ то время число сотрудниковъ было крайне ограничено, то Лавровъ все-таки старался не упускать изъ рукъ Ткачева. Этотъ же послѣдній велъ въ Лондонѣ двойную игру. Считаюсь другомъ Лаврова и живя въ компаніи съ его сотрудниками, Ткачевъ съ то же время писалъ свою знаменитую брошюру «Задачи революціонной пропаганды въ Россіи», гдѣ рѣзко критиковалъ Лаврова. Мало того, Ткачевъ очень часто втихомолку посѣщалъ меня и, наконецъ, сталъ просить разрѣшенія отпечатать свою брошюру въ моей типографіи. Такъ какъ послѣдняя въ это время была свободна, ибо «Анархія» Прудона была закончена, то я далъ свое согласіе. Закончивъ изданіе, Ткачевъ рѣшилъ уѣхать въ Парижъ. Я пришелъ на вокзалъ проводить его. Тутъ же на перронѣ я увидалъ Лаврова въ сопровожденіи Смирнова, Подолинскаго, Г. Лопатина и др., которые также явились провожать Ткачева. Мы, конечно, сдѣлали видъ, что не узнаемъ другъ друга. Одинъ только Ткачевъ чувствовалъ себя непринужденно и оживленно бесѣдовалъ со всѣми провожающими. Между тѣмъ, мнѣ было прекрасно

извѣстно, что Ткачевъ, втихомолку, уже отослалъ Лаврову и его сотрудникамъ свою брошюру. Это обстоятельство придавало проводамъ Ткачева нѣсколько комичный характеръ. Въ послѣднюю минуту мы расцѣловались съ Ткачевымъ, и онъ уѣхалъ. Каково же было удивленіе и изумленіе Лаврова, когда онъ, возвратившись съ вокзала, нашелъ у себя на столѣ брошюру Ткачева! Его негодованію и возмущенію не было конца. Эта встрѣча съ Лавровымъ была для меня послѣдней, и послѣ этого наши пути больше не встрѣчались. Я вскорѣ отправился въ Россію, былъ судимъ и попалъ на каторгу, послѣ которой послѣдовала долготѣнная ссылка въ Сибирь. И когда я вернулся оттуда, то и личность Лаврова, и моя борьба съ нимъ сдѣлались чѣмъ-то слишкомъ далекимъ. Всѣ страсти, которыя кипѣли во мнѣ, все мое бывшее пристрастіе и непримиримая вражда къ Лаврову потухли и исчезли безъ слѣда. Наступило время исторіи, время спокойной оцѣнки и безпристрастныхъ воспоминаній, которыми я и радъ подѣлиться».

Воспоминаніями М. П. Сажина и заканчивается тотъ біографическій матеріалъ, который мнѣ пока удалось собрать о Лавровѣ. Отдавая его въ печать, я преслѣдовалъ двѣ цѣли. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось притти на помощь тѣмъ, кто занятъ изученіемъ дѣятельности и жизни П. Л. Лаврова, а съ другой, я надѣялся побудить этимъ другихъ его современниковъ подѣлиться имѣющимися у нихъ воспоминаніями и этимъ оказать цѣнную услугу тѣмъ, кому близко и дорого имя П. Л. Лаврова.

Петръ Витязевъ.

Изъ давнопрошедшаго.

Дѣло было во время крѣпостного права, за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ члены моей семьи получили отъ дяди Андрея Григорьевича самое родственное письмо, въ которомъ онъ чрезвычайно усердно просилъ всѣхъ насъ пріѣхать къ нему погостить и провести вмѣстѣ съ нимъ день его именинъ. За лѣтъ двадцать до этого онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ женился на молодой, очень богатой женщинѣ, но прожилъ съ нею лишь нѣсколько лѣтъ. Послѣ ея смерти, на его рукахъ осталась маленькая дочка Надя, которую дядя безумно любилъ.

Мои сестры уже и раньше нѣсколько разъ гащивали у дяди и очень нравились какъ ему, такъ и своей кузинѣ. Онъ прекрасно понималъ, что его родныя племянницы могутъ быть лишь наиболѣе желательными подругами для его дочери.

Матушка вполне вѣрила въ искренность желанія дяди видѣть всѣхъ насъ у себя. Ей извѣстно было, что Андрей Григорьевичъ очень любилъ, чтобы въ торжественные праздники къ нему пріѣзжали его родственники, которыхъ, кстати сказать, было очень немного: съ его стороны только наша семья, а со стороны его покойной жены—престарѣлая тетка, послѣ смерти которой Надѣ должно было перейти по завѣщанію ея громадное состояніе.

Андрей Григорьевичъ весьма цѣнилъ, когда кто-нибудь, какъ въ день его именинъ, такъ и въ дни тезоименитствъ его дочери и въ большіе праздники преподносилъ Надѣ въ подарокъ какой-нибудь пустячокъ. Сосѣди-помѣщики, желая расположить его къ себѣ или войти съ нимъ въ какія-нибудь дѣловые отношенія, выписывали для Нади изъ Петербурга и Москвы конфеты въ дорогихъ бонбоньеркахъ, туалетныя принадлежности, пудами доставляли ей вяземскіе пряники, такъ какъ она была большая лакомка. Но она была слишкомъ избалована, чтобы цѣнить что бы то ни было, тѣмъ болѣе, что всѣ подобные подарки были въ одномъ и томъ же родѣ, и она совершенно равнодушно принимала ихъ. Дядя же былъ всегда въ восторгѣ отъ этихъ преподно-

шеній, объясняя ихъ любовью къ его дочери, чѣмъ онъ дорожилъ болѣе всего на свѣтѣ. Сосѣдки-помѣщицы все же проявляли изрѣдка изобрѣтательность въ этомъ отношеніи. Однажды, когда Надя была еще небольшою дѣвочкой, одна помѣщица заказала къ пасхѣ столяру громадное, деревянное яйцо, приказала просверлить его мелкими дырочками, вложила въ него крошечнаго бѣленькаго ягненка, искусно убранныя голубыми ленточками и шелковинками и въ первый день праздника положила этотъ подарокъ въ постель къ ногамъ ребенка. Проснувшись, дѣвочка внимательно смотрѣла на яйцо, которое покачивалось изъ стороны въ сторону, но когда оно покатилося по постели, она схватила и раскрыла его. Ягненокъ выпалъ на ея колѣни. Ея восторгу не было конца. Она, конечно, въ любое время могла взять изъ имѣнія отца сколько угодно подобныхъ животныхъ, но красиво убранный ягненокъ, подаренный ей, по ея мнѣнію, былъ особенно привлекателенъ. Она носилась съ нимъ нѣсколько дней, а затѣмъ его постигла участь всѣхъ подарковъ: Надя или забрасывала ихъ куда-нибудь, или сама не знала, куда они исчезли. Что же касается сосѣдки, которая была мелкопомѣстной помѣщицею, то она въ благодарность за свой оригинальный подарокъ получила полосу земли: она нѣсколько лѣтъ добивалась купить ее у дяди, но раньше этого инцидента онъ наотрѣзъ отказывалъ ей въ этомъ.

Послѣ этого случая явилось много подражательницъ: одна барыня преподнесла яйцо со щенкомъ, другая съ котенкомъ, третья съ голубемъ, но это не только не доставляло дѣвочкѣ удовольствія, но даже раздражало ее. Ея отецъ приказалъ дворовымъ людямъ говорить всѣмъ, чтобы его дочери никто не смѣлъ болѣе дѣлать подобныхъ подарковъ.

Какъ только было получено моею семьею приглашеніе отъ дяди, матушка немедленно отвѣчала ему, что мы можемъ выѣхать недѣли черезъ полторы. Она находила необходимымъ посѣтить старика потому, что онъ былъ искренно расположенъ къ намъ. Къ тому же эта поѣздка развлечетъ моихъ сестеръ, а мнѣ передъ отъѣздомъ въ институтъ доставитъ лишнее пріятное воспоминаніе о деревнѣ, и я увижу много невиданныхъ мною вещей, такъ какъ дядя устраиваетъ у себя въ такіе дни великое торжество: къ нему съѣзжаются всѣ помѣщики Калужской губерніи съ своими женами и домочадцами; устроено будетъ и множество разнообразныхъ увеселеній.

Мои сестры начали волноваться при мысли, что бы имъ подарить кузинѣ: денегъ у матери, по обыкновенію, не было, кромѣ очень скромной суммы, которую она по грошамъ собрала, чтобы всей семьей отправиться въ Петербургъ для опредѣленія меня

въ Смольный институтъ. А если бы онѣ и были, то въ нашемъ захоlustѣ ничего нельзя было купить. Рѣшено было пересмотрѣть всѣ имѣющіяся у насъ въ запасѣ вышивки гладью, сработанныя руками крѣпостныхъ дѣвушекъ. Но матушка при этомъ справедливо замѣтила, что хотя наши вышивки можетъ быть и очень красивы, но что у Нади, вѣроятно, существуютъ такія вышитыя платья, о прелести которыхъ никто изъ насъ не можетъ даже составить себѣ ни малѣйшаго представленія. Тогда моя сестра Саша вдругъ что-то вспомнила, выскочила изъ комнаты и скоро внесла картонку, наполненную чудными мелкими искусственными цвѣтами, полученными ею въ подарокъ отъ пансіонской француженки, которая была необыкновенно талантливою въ этомъ искусствѣ и обучалась ему въ Парижѣ. Сестры рѣшили убрать все платье кухни, которое онѣ преподнесутъ ей, этими цвѣтами, и матушка утверждала, что теперь нашъ подарокъ, пожалуй, окажется наилучшимъ.

Дядя прислалъ за нами превосходный дормезъ, запряженный четырьмя лошадьми: внутренность его была обита кожей, а дно устлано высокими, мягкими перинами и подушками, покрытыми тонкими простынями, обшитыми великолѣпными кружевами. Для нашего услажденія во время путешествія мы получили отъ него же большой ящикъ со всевозможными вкусными вещами, приготовленными дядинымъ превосходнымъ поваромъ.

Стояла прекрасная лѣтняя погода, и мы ѣхали не торопясь: въ самую жаркую пору дня мы по нѣсколько часовъ останавливались на станціяхъ для кормежки лошадей и для отдыха, но въ комнаты не входили даже по ночамъ, а спали на открытомъ воздухѣ въ чрезвычайно удобномъ экипажѣ. Пріѣхали мы на пятый день путешествія въ имѣніе дяди, находившееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Жиздры, Калужской губ. Хотя вся семья А. Г. въ это время состояла изъ него и его шестнадцатилѣтней дочери Нади, но громадный и роскошный домъ его съ флигелями и множествомъ пристроекъ кишѣлъ обитателями: у кухни былъ большой штатъ учителей, учительницъ и компаньоновъ разныхъ національностей; для каждаго и каждой изъ нихъ было отведено особое помѣщеніе въ одну или двѣ комнаты.

Мы пріѣхали за два дня до торжества. Я находила большое удовольствіе бѣгать по анфиладѣ комнатъ, убранныхъ съ роскошью, до тѣхъ поръ мнѣ совершенно незнакомою, и смотрѣть на приготовленія. Отовсюду раздавались шумъ, стукъ молотковъ, сновали рабочіе, мастерившіе на полу что-то въ родѣ помоста для театральныхъ представленій, въ которыхъ Надя должна была играть главную роль; устанавливали фортепьяно, на которомъ

она же должна была исполнить какую-то увертюру въ четыре руки съ однимъ изъ своихъ учителей-иностранцевъ, арфу, на которой она должна была играть подъ аккомпанементъ своего пѣнія. Къ стѣнамъ этой громадной залы прибивали бѣлоснѣжныя простыни съ прикрѣпленными на нихъ зелеными вѣтками и листьями деревьевъ, а живые цвѣты между ними приказано было приколотъ рано утромъ въ день торжества, чтобы они блестяли своею свѣжестью. Но меня еще болѣе интересовала другая комната, въ которую то и дѣло вносили какія-то корзинны. Я осторожно стала пробираться въ нее, оглядываясь во всѣ стороны. Но тутъ меня увидала Надя, схватила за руку и, войдя со мною въ «сортировочную», сказала экономкѣ, чтобы мнѣ подали стулъ, столикъ и подносъ, и чтобы при распаковкѣ разныхъ угощеній мнѣ наложили бы побольше всего, что мнѣ понравится. Затѣмъ она убѣжала сію же минуту. Скоро на моемъ подносѣ образовалась цѣлая гора. Но тутъ въ комнату вбѣжала сестра Саша, взяла тарелку, положила на нее нѣсколько конфетъ и фруктовъ и, взявъ подносъ, на которомъ уже лежали горы всевозможныхъ вкусныхъ вещей, поставила ее передъ экономкою; меня же за руку она потащила изъ комнаты. Когда дверь за нами затворилась, она сказала мнѣ: «Ты больше этого ничего не съѣшь. Не хватаетъ еще, чтобы ты здѣсь расхворалась отъ обжорства. Къ тому же совсѣмъ непристойно выносить изъ «сортировочной» цѣлые подносы. Вѣдь надъ тобою будетъ издѣваться вся прислуга». Хотя я оправдывалась тѣмъ, что сама Надя такъ распорядилась, но сестра, не обращая на это вниманія, ввела меня въ одну изъ комнатъ, предназначенныхъ для насъ, и ушла. Очень мнѣ не понравилось ея вмѣшательство въ распоряженіе кухни, но дѣлать было нечего. Когда все было съѣдено, я отправилась отыскивать сестеръ и кухню и нашла ихъ въ ея роскошномъ будуарѣ. Сестры, съ помощью нѣсколькихъ портнихъ и горничныхъ, примѣряли Надѣ тѣ платья, которыя она должна одѣть въ разныхъ актахъ той или другой пьесы, въ которой она принимала участіе. Примѣряли и платье—подарокъ нашей семьи, украшенное цвѣтами: оно чрезвычайно понравилось ей, и она рѣшила одѣть его во время самаго бала, которымъ должны будутъ закончиться всѣ представленія и характерныя танцы.

Разсмотрѣвъ и потрогавъ всевозможные флакончики, на туалетѣ кухни, я то и дѣло вскрикивала: «какая прелесть!» Надя, даже тогда, когда въ самый трудный моментъ таинства примѣрки не могла повернуть ко мнѣ голову, каждый разъ кричала мнѣ: «Бери, бери все, что тебѣ понравится! Ставь все на окно, я потомъ велю отнести въ твою комнату». Я уже съ во-

сторгомъ начала все это приводить въ исполненіе, когда Саша рѣзко схватила меня за руку, притянула къ окну, выхватила у меня изъ рукъ флаконъ, который я облюбовала, и, нагибаясь ко мнѣ, настойчиво произнесла: «Не смѣй трогать здѣсь ни одной вещи... Не смѣй выражать своихъ восторговъ!»

Кузина, занятая примѣркою своихъ туалетовъ у другой стѣны своей большой комнаты, не совсѣмъ разслышала нашъ разговоръ и спросила: «Что, дѣвчкѣ скучно?»

— Да, — отвѣчала за меня сестра, — я ее отведу въ залу къ рабочимъ. Намъ она мѣшаетъ! А тамъ ей будетъ на что посмотреть.

— Нѣтъ, нѣтъ, Шурочка... Отведи ее въ мою прежнюю дѣтскую: тамъ до сихъ поръ осталось много моихъ прежнихъ игрушекъ. Пусть возьметъ все, что ей понравится. Я велю все это запаковать въ корзину, и вы возьмете съ собой, когда будете возвращаться домой.

Шурка опять потащила меня по коридору, но когда мы вошли въ дѣтскую, она строго сказала: «Ты можешь здѣсь все разсматривать, даже играть съ тѣмъ, что тебѣ понравится, но ничего ты съ собой не возьмешь, — мы не нищіе, чтобы вывозить корзинами вещи изъ богатаго дома».

Я разсѣяннo слушала наставленія сестры, но, прежде чѣмъ она успѣла выйти, мое вниманіе привлекъ очень длинный ящикъ на одной изъ полокъ, прикрѣпленныхъ на трехъ стѣнахъ комнаты, на которыхъ были разставлены прежнія игрушки Нади. Среди нихъ было много большихъ и малыхъ ящиковъ, но еще больше стояло различныхъ домиковъ, замковъ, звѣрей. Меня почему-то болѣе всего заинтересовалъ самый длинный ящикъ. Подставить стулъ и вытянуть его было для меня минутнымъ дѣломъ. Когда я открыла картонку, меня поразила красота громадной величины куклы, роскошно разодѣтой.

Мнѣ всегда казалось, что я такъ люблю мою сестру Сашу, что ради нея всегда сдѣлаю все, что она только пожелаетъ. Но такой соблазнъ былъ выше моихъ силъ. И я рыдая начала выкрикивать, что эту куклу, какъ и всѣ игрушки, подарила мнѣ сама кузина. Я же возьму домой только одну эту куклу.

Матушка, проходя по коридору, услышала мои вопли и вошла къ намъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она сказала:

— Ужъ этой твоей гордости, Шурочка, я совсѣмъ не понимаю. Отчего бы дѣвчкѣ не взять съ собою всѣ игрушки, которыя ей подарены?

— Неужели, мамашенька, вы не будете конфузиться, когда

за бѣдными родственниками, при ихъ отѣздѣ, десятокъ лакеевъ будутъ тащить корзинами добро ихъ господъ?

— А хотя бы и такъ! Такъ-таки и не буду конфузиться... Очень мнѣ нужно утруждать свою голову такимъ вздоромъ! И безъ того всѣ знаютъ, что мы не богачи, я не стыжусь этого... Впрочемъ, дѣлай, какъ хочешь!—И матушка махнула рукой, хлопнула дверью и вышла изъ комнаты.

Саша начала внушать мнѣ, что игрушки не понадобятся мнѣ болѣе, такъ какъ черезъ два мѣсяца я отправляюсь въ институтъ, что у меня съ нею такъ много занятій передъ институтскими экзаменами, что мнѣ будетъ не до куколъ. Къ тому же до нашего отѣзда отсюда, слѣдовательно болѣе недѣли, я могу ежедневно приходить въ эту комнату и играть всѣми игрушками. Но меня это нисколько не утѣшило. Когда сестра ушла, я начала разсматривать другія игрушки, но не знала, какъ съ ними обращаться, такъ какъ большинство было съ заводнымъ механизмомъ. Да меня уже ничто не прельщало послѣ куклы. И чѣмъ болѣе я на нее смотрѣла, тѣмъ сильнѣе охватывало меня отчаяніе при мысли, что она могла бы мнѣ принадлежать, если бы не Саша, что съ каждою минутою вызывало у меня все большую злобу противъ сестры. Я стала серьезно обдумывать, какъ бы устроить такъ, чтобы все-таки взять куклу съ собою.

Насталъ день торжества. Дядюшка принималъ поздравленія только съ двухъ часовъ дня. До этого времени къ нему никто не долженъ былъ входить, даже его дочь. Но гости съѣзжались гораздо ранѣе. Лакей вводилъ ихъ въ гостиную, гдѣ занимала ихъ Надя и гдѣ ихъ угощали шоколадомъ, домашними тортами, пирожками, пирожными и печеньями, которыя нѣсколько лакеевъ разносили на огромныхъ подносахъ.

Но вотъ раздается звонокъ. Это означаетъ, что дядюшку внесли въ пріемную залу и что теперь къ нему могутъ явиться съ поздравленіями не только гости, но и служащіе. Лакей, съ шумомъ раскрылъ настежъ двустворчатую дверь, и всѣ торжественно и молча двинулись въ нее. При входѣ въ эту комнату, у противоположной стѣны, въ великолѣпномъ креслѣ, сидѣлъ дядя за небольшимъ столикомъ. Ноги его были покрыты пледомъ. Нужно замѣтить, что онъ въ это время былъ уже древнимъ старикомъ, съ высохшимъ, какъ у муміи, желтымъ лицомъ, испещреннымъ глубокими морщинами, съ длинными, бѣлыми, какъ лунь, рѣдкими волосами, нѣсколько подвитыми внизу, съ сурово сдвинутыми, густыми, сѣдыми бровями. Лицо его было безъ усовъ и бороды, съ чисто выбритыми пергаментными щеками. Дядя страдалъ какою-то неизлечимою болѣзнью желудка. Уже много лѣтъ онъ

проводилъ свою жизнь въ кровати или сидя въ роскошномъ креслѣ, которое въ губерніи называли не иначе, какъ треномъ: оно обрамлено было слоновою костью и инкрустаціями и представляло собою не что иное, какъ замаскированное судно, безъ котораго дядюшка ни минуты не могъ обходиться при своей желудочной болѣзни. Въ каретѣ, когда онъ изрѣдка катался, тоже было устроено судно. Впереди всѣхъ стояла Надя вся въ бѣломъ, съ свѣтлыми буклями до пояса, и съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ, то сверкая брилліантами въ длинныхъ подвѣскахъ серегъ, то поблескивая своими красивыми синими глазками. Сзади нея стояли родственники, за ними— гости, гувернеры, гувернантки и учителя, а въ дверяхъ толпились домашніе служащіе. Зала была биткомъ набита народомъ. Кто случайно входилъ позже другихъ и попадалъ не на подобающее мѣсто, т.-е. слишкомъ близко къ столику, за которымъ возсѣдалъ виновникъ торжества, тому кто-нибудь глазами указывалъ, гдѣ онъ долженъ стоять; все происходило въ гробовомъ молчаніи. Такъ какъ я въ первый разъ попала на такую торжественную церемонію, то я съ ужасомъ дернула матушку за юбку, а когда она ко мнѣ наклонилась, я сказала ей на ухо, что мнѣ страшно, и просила ее увести меня. Матушка чувствительно ткнула меня въ спину и, тоже наклоняясь къ моему уху, сказала: «Стой смирно!», а затѣмъ, прикрывая ротъ платкомъ отъ душившаго ее смѣха, взяла меня за руку и придвинула къ себѣ. Про эту церемонію, какъ и про другія въ такомъ же родѣ, она всегда говорила, что ее до слезъ смѣшатъ подобныя затѣи помѣщиковъ.

Когда все пришло въ порядокъ, Надя еще ближе придвинулась къ столику: она начала произносить на французскомъ языкѣ какое-то поздравительное стихотвореніе, то потрясая рукою, въ которой держала букетъ, то прижимая его къ своему сердцу. Когда она окончила, то положила на столъ букетъ и обняла отца. Онъ въ свою очередь благодарилъ ее тоже на французскомъ языкѣ, но обращался не только къ ней, но и къ публикѣ: слезы ручьями катились по его исхудалымъ щекамъ, а голосъ дрожалъ отъ волненія. Я опять дернула матушку за руку, а когда она наклонилась ко мнѣ, я спросила ее: «чего же онъ плачетъ?» Опять послѣдовалъ еще болѣе безцеремонный толчокъ въ спину, но уже безъ всякаго словеснаго вразумленія.

Послѣ рѣчи отца Надя продекламировала одно за другимъ что-то по-нѣмецки, по-англійски и по-итальянски. Только по-русски не было произнесено ни слова. Вѣроятно, потому, что дядя заботился только о преподаваніи дочери иностранныхъ языковъ.

она однажды поразила меня, когда, лѣтъ черезъ восемь послѣ этого, написала мнѣ по-русски невообразимо безграмотное письмо.

Послѣ Нади, одинъ за другимъ, подходили родственники и гости, поздравляли дядю и его дочь, и большинство протягивало ей какой-нибудь подарокъ. Учителя и учительницы поздравляли на своемъ родномъ языкѣ. Но вотъ передъ столикомъ останавливается средняго роста французенка-компаньонка, которая только мѣсяца полтора тому назадъ замѣнила прежнюю. На ея губахъ любезная улыбка, но она говоритъ что-то такое, что поражаетъ дядю такъ, что у него трясутся руки и голова.

— Что вы сказали?—строгимъ голосомъ спрашиваетъ онъ ее по-французски, особенно сурово сдвинувъ брови.

— Раздуй тебя горой, со всей твоей семьей!—повторяетъ она снова по-русски, но такъ выговариваетъ слова, что многіе не поняли, на какомъ языкѣ она говоритъ. Публика начала тихонько перешоптываться между собою; у всѣхъ, какъ говорили потомъ мои сестры, вспоминая этотъ эпизодъ, лица выражали ужасъ, хотя въ глазахъ свѣтились радость и смѣхъ.

Дядя тутъ же потребоваль, чтобы она сказала, кто ее выучилъ произнесеннымъ ею словамъ, но она молчала и съ удивленіемъ поглядывала по сторонамъ. Тогда онъ попросилъ матушку разспросить ее объ этомъ, а самъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой онъ просилъ всѣхъ извинить его, что они сдѣлались свидѣтелями такого возмутительнаго скандала. Послѣ этого дядюшку немедленно понесли въ креслѣ въ спальню отдохнуть передъ обѣдомъ, а гости отправились закусывать въ столовую, обсуждая случившееся. Несмотря на возмущеніе, какое выражалось ими при этомъ, всѣ собравшіеся, видимо, были очень довольны происшедшимъ.

Въ крѣпостническія времена, даже тѣ немногіе дворяне, которые жили, казалось, въ ладу между собою, не питали другъ къ другу особенно дружелюбныхъ чувствъ. Ихъ однообразная семейная жизнь очень часто нарушалась несравненно болѣе зазорными домашними дрязгами и непристойностями, чѣмъ только что случившееся, они и рады были, что не только у нихъ однихъ происходятъ скандалы, но даже и въ такомъ солидномъ домѣ, какъ у Андрея Григорьевича. Къ тому же это происшествіе надолго давало помѣщикамъ богатый матерьялъ для разговора при посѣщеніи другъ друга, а онъ нерѣдко оскудѣвалъ до того, что буквально не о чемъ было слова молвить, если бы не выручали состояніе погоды и бѣдствія въ родѣ недорода хлѣба или мора на скотъ, а главное картишки.

Матушка прежде всего объяснила французенкѣ, какой смыслъ

имѣть ея привѣтствіе. Та пришла въ неописуемый ужасъ и отчаяніе и показала лоскутокъ бумаги, на которомъ она французскими буквами записала русское привѣтствіе, только что ею произнесенное, чтобы какъ можно тверже вызубрить его. Тотъ, кто научилъ ее этому, увѣрилъ ее, что это чрезвычайно понравится хозяину дома, который весьма цѣнитъ, когда иностранцы, для которыхъ такъ труденъ русскій языкъ, произносятъ на немъ свои привѣтствія. Но назвать своего учителя она не желала: она поняла, что ему угрожаетъ большая бѣда, и совѣсть запрещала ей указать на него. Но тутъ же въ комнату матушки начали вбѣгать слуги и заявили, что обучилъ ее этому парикмахеръ-французъ, который давно уже живетъ въ Россіи и хорошо говоритъ по-русски. Изъ всего ими сказаннаго легко было узнать слѣдующее: этотъ парикмахеръ-цырюльникъ въ послѣднее время нѣсколько разъ при бритьѣ барина нечаянно оцарапалъ его бритвой. При этомъ дядюшка, не желая или не имѣя возможности по своей слабости подниматься съ кресла, приказывалъ ему наклониться къ себѣ и награждалъ его оплеухой по той и другой щекѣ. А такъ какъ это случилось и съ недѣлю тому назадъ, то баринъ объявилъ ему, что онъ, когда побрѣетъ его въ именины и сдѣлаетъ прическу барышнѣ, послѣ окончанія празднествъ будетъ выдранъ на конюшнѣ. Это такъ озлило парикмахера, что, какъ только онъ сегодня окончилъ свое дѣло съ барышнею и бариномъ, такъ и пропалъ изъ дому, и вещи его тоже куда-то исчезли.

Матушка просила Надю отстоять у отца ни въ чемъ неповинную французенку-компаньонку, но кузина моментально забыла свое обѣщаніе исполнить эту просьбу, и французенкѣ было отказано на другой же день.

Этотъ инцидентъ не нарушилъ, однако, порядка увеселеній: три дня сряду продолжались торжественные завтраки, обѣды, а за ними шли спектакли, концерты и танцы подъ музыку оркестра, приглашеннаго изъ губернскаго города. Но на четвертый день гости, пріѣхавшіе изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, стали возвращаться во-свояси.

Мое дѣло съ куклою окончилось для меня большою непріятностью. Однажды Надя застала меня въ своей дѣтской, и я, воспользовавшись этимъ случаемъ, начала упрашивать ее, чтобы она уступила мнѣ свою куклу только на время: когда я буду уѣзжать въ институтъ, я возвращу ее ей. Мнѣ казалось, что такого рода просьба сразу все уладить и не можетъ возбудить неудовольствіе Саша. Кузина очень удивилась и отвѣчала мнѣ, что она подарила мнѣ не только куклу, но и всѣ свои игрушки. Тогда я рассказала ей, какъ и почему не желаетъ этого Саша. Надя позвала свою

горничную и приказала ей, чтобы она въ день нашего отъѣзда уложила куклу въ деревянный ящикъ и раньше, чѣмъ мы сядемъ въ экипажъ, поставила бы ее подъ сидѣнье.

Однако, по возвращеніи домой, моя хитрость была обнаружена и мнѣ пришлось рассказать сестрѣ о своемъ разговорѣ съ кузиной. Сестра чрезвычайно разсердилась на меня, но еще болѣе огорчилась она на матушку, которой мой поступокъ казался только забавнымъ, тогда какъ она считала его дурнымъ и неблагоприятнымъ.

Е. Водовозова.

Къ характеристикъ Драгомирова и Радецкаго.

(Отрывки изъ воспоминаній ¹⁾).

I.

Въ военной средѣ Михаила Ивановича Драгомирова всѣ считали за челоѣка [справедливаго, неподкупно-честнаго, съ желѣзной волей и твердымъ, какъ гранитъ, характеромъ, упорнымъ и настойчивымъ. Онъ, кажется, никого не боялся и, не стѣснясь, всѣмъ высказывалъ, что чувствовалъ, говорилъ правду цѣликомъ, иногда даже въ рѣзкой формѣ.

Какъ-то разъ въ «большомъ» обществѣ по какому-то поводу состоялся званый обѣдъ съ строго избранными приглашенными. Въ числѣ прочихъ титулованныхъ особъ сочли необходимымъ попросить и Драгомирова. По желанію собравшихся, за столомъ онъ началъ рассказывать объ одномъ интересномъ эпизодѣ изъ своей богатой приключеніями военно-походной жизни, передавая факты и событія, какъ истый художникъ-романистъ, мастерски-картинно и увлекательно. Вдругъ, въ моментъ самой захватывающей части разсказа, съ противоположнаго конца стола раздается тоненькій голосокъ юнаго офицера съ очень громкой фамиліей.

— А скажите, генераль, отчего у васъ носъ красный?

Гости невольно вздрогнули отъ столь неожиданной безтактной выходки и съ нескрываемой тревогой смотрѣли то на офицера, то на Драгомирова, ожидая бури. Но послѣдній какъ-то неопредѣленно взмахнулъ только около праваго уха рукой, точно старался отогнать назойливую муху, и спокойно продолжалъ доканчивать повѣствованіе, ни на минуту не прерывая его. Лишь послѣ того, обѣдая присутствующихъ своими пронизываю-

¹⁾ Авторъ помѣщаемыхъ отрывковъ служилъ въ 80 гг. въ харьковскомъ военномъ округѣ, когда ген. Радецкій состоялъ начальникомъ округа, а ген. Драгомировъ былъ командующимъ войсками кievскаго военнаго округа.

щими глазами, онъ крикнулъ, потеръ руки и, смотря въ упоръ на говорившаго, промолвилъ рѣшительно:

«Оттого, что всякъ щенокъ

По нему даетъ щелчокъ!»...

Всѣ обернулись на молодого героя, который сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, то блѣднѣя, то краснѣя...

Особенно не ладилъ Драгомировъ съ военнымъ министромъ П. С. Ванновскимъ. Между ними царилъ постоянный антагонизмъ. Отчего произошло это—трудно сказать опредѣленно. Повидимому, пользуясь своей близостью къ государю, послѣдній хотѣлъ главенствовать надъ нимъ, считая его, какъ командующаго войсками, подчиненнымъ себѣ, министру.

Распоряженія Ванновскаго довольно часто М. И. игнорировалъ. Но еще больше съ нескрываемымъ пренебреженіемъ относился онъ къ тѣмъ генераламъ и офицерамъ, которыхъ присылалъ къ нему министръ для разныхъ порученій или прикомандировывалъ къ кievскому округу, дабы поскорѣ имъ выдвинутся и составить карьеру. Такихъ титулованныхъ «фазановъ» Драгомировъ зѣло не долюбивалъ, клеймя ихъ ни къ чему негодными гостинными шаркунами, и никакихъ отвѣтственныхъ должностей имъ не давалъ. Даже даровитыхъ и прославившихся своими способностями генераловъ встрѣчалъ онъ весьма недружелюбно, если ихъ рекомендовалъ Ванновскій.

Помню, когда въ 1891 г. саратовскій губернаторъ А. И. Косычъ былъ назначенъ командиромъ 4-го армейскаго корпуса, съ перемѣщеніемъ вскорѣ на должность помощника командующаго войсками въ Кіевѣ, М. И. встрѣтилъ его почти враждебно.

— Я васъ не просилъ къ себѣ, генералъ!—сказалъ онъ грубо, когда тотъ явился къ нему представиться, по случаю состоявшагося назначенія.

Но Косычъ, какъ говорится, и самъ былъ не промахъ, не умѣлъ гнуть спины и не привыкъ также сносить чужіе щелчки. На суровый пріемъ начальника края онъ отвѣтилъ въ томъ же тонѣ:

— И я не напращивался къ вашему высокопревосходительству!

Это произвело на Драгомирова болѣе благопріятное впечатлѣніе. Посмотрѣвъ на него пытливо, уже менѣе рѣзкимъ тономъ, онъ задалъ ему вопросъ:

— А кто же васъ прислалъ ко мнѣ? Ванновскій?—подчеркнулъ онъ послѣднее слово.

— Я служу только государю и отечеству!—послѣдовалъ рѣшительный отвѣтъ.

М. И. такъ и просіялъ...

— Ну, тогда останемся друзьями!—любезно протянулъ онъ Косычу руку.

Другой случай былъ таковъ. Однажды въ Кіевъ командировали изъ военнаго министерства гвардейскаго генерала съ цѣлью обревизовать подвѣдомственные Драгомирову учрежденія.

По заведенному порядку, тотчасъ же по пріѣздѣ, онъ явился къ послѣднему и сообщилъ о возложенномъ на него порученіи. М. И., конечно, смекнулъ сразу, откуда вѣтеръ вѣетъ.

— Пожалуйста! Очень радъ,—сказалъ онъ ему.

— А результаты моихъ изслѣдованій я буду имѣть честь докладывать вашему в-пр-ву,—съ паѳосомъ, картавя, заявилъ прибывшій.

— Это какъ вамъ угодно!

И дѣйствительно, каждый день зачастилъ во дворецъ командующаго, гдѣ, рисуясь, разглагольствовалъ о замѣченныхъ имъ неисправностяхъ, рѣзко отзываясь о недостаткахъ подчиненныхъ Драгомирову войскъ и начальниковъ. Тому это надоѣло.

— Не принимать больше генерала!—отдалъ онъ приказаніе стоявшему у него ординарцемъ жандарму.

Пріѣзжаетъ гвардеецъ разъ, пріѣзжаетъ два, три, четыре,—ему всегда одинъ отвѣтъ:

— Командующаго войсками дома нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?!—пріѣхавъ чуть не въ десятый разъ, набросился онъ на жандарма.—Я сейчасъ видѣлъ его у окна.

— Не могу знать!.. Только ихъ никакъ нѣтъ...

— Дай перо, я напишу его в-пр-ву нѣсколько словъ!

Однако, у ординарца не оказалось послѣдняго. Въ передней на столѣ около грязной чернильницы, правда, валялась обломанная ручка, но въ ней пера не было «воткнуто».

— Ну, давай карандашъ!

— Никакъ нѣтъ...

Взбѣшенный до послѣдней крайности, генералъ хотѣлъ было на ординарца сорвать весь скопившійся въ немъ гнѣвъ, какъ вдругъ въ это время пріотворяется изъ внутренней комнаты дверь и оттуда высовывается растрепанный, въ шлафрокѣ и ермолкѣ, съ туфлями на босую ногу, самъ Драгомировъ, протягивая въ щель руку.

— Жандармъ! На, воткни ему перышко!

Гвардеецъ моментально сократился изъ прихожей, въ тотъ же день покинувъ негостепріимный Кіевъ.

II.

Въ харьковскомъ округѣ нижніе чины называли Ѳедора Ѳедоровича Радецкого между собой не иначе, какъ «нашъ батъка». Такъ онъ былъ простъ и обходителенъ со всѣми и со старшими и съ младшими.

На фонѣ дѣятельности Ѳедора Ѳедоровича два начальника стояли темнымъ пятномъ, внося своей непомерной строгостью полный разладъ въ дружную военную среду харьковского округа. Шауфусъ¹⁾, наприимѣръ, отправлялъ подъ арестъ даже за плохо пришитую пуговицу. Періодъ ихъ управленія корпусомъ смахивалъ нѣсколько на времена аракчеевскія. Была та же безалаберность, та же придиричивость, издѣвательство, муштровки. Предъявляемые ими къ гарнизонамъ требованія часто страдали отсутствіемъ всякой здоровой логики.

Кажется, въ октябрѣ 1883 года была изданъ ими такой приказъ: «предписывается офицерамъ корпуса выходить на улицу одѣтыми по формѣ, при оружіи и въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, посѣщать только первоклассные рестораны и ѣздить на парныхъ извозчикахъ». Все это, конечно, было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно!

При скудномъ содержаніи, которое получали тогда старшіе офицеры—отъ 75 до 80 р., младшіе—50—55 р., съ ежемѣсячными вычетами въ заемный капиталъ, эмеритуру, библіотеку, военное собраніе и проч., и дороговизнѣ харьковской жизни,—какіе могли быть перчатки, рестораны, извозчики, когда люди едва-едва только прокармливали себя!

Понятно объ этомъ узналъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, но, по своей мягкой натурѣ, не рѣшился тотчасъ же сдѣлать Свѣчину (пользовавшемуся, кстати сказать, какой-то протекціей въ Петербургѣ) официальное по этому поводу замѣчаніе, выжидая удобнаго случая, чтобы высказать его мягче, деликатнѣе.

Какъ-то разъ у послѣдняго состоялся парадный вечеръ. Въ числѣ прочей знати, разумѣется, былъ приглашенъ и Ѳ. Ѳ-чъ съ женой. Обычно ѣздилъ онъ по гостямъ въ своемъ экипажѣ. Но на этотъ разъ прибыла раньше супруга съ сестрой, а онъ гдѣ-то запоздалъ. Наконецъ, приблизительно черезъ полчаса, явился и самъ командующій войсками.

Маленькими торопливыми шажками вбѣжалъ онъ въ залъ,

¹⁾ Это было только окончаніе длинной фамиліи начальника штаба 10 арм. корпуса. Впереди стояло еще четыре клички съ неизмѣнными «баронъ», «фонъ», «дѣръ» и т. д., которыя мы никакъ запомнить не могли. И онъ былъ извѣстенъ намъ только подъ указаннымъ прозвищемъ.

гдѣ, заслышавъ его прїѣздъ, столпилось все начальство съ хозяиномъ во главѣ.

— Нѣтъ ли у васъ, Александръ Александровичъ, пятиалтынаго?—заговорилъ Ѳ. Ѳ., протягивая Свѣчину руку.—Забылъ взять мелкихъ денегъ, а жена кошелекъ увезла.

— Зачѣмъ же вашему в-пр-ву понадобилась столь маленькая сумма?

— Да извозчику заплатить!..

— Ваше в-пр-во, извозчикъ въ конецъ стоитъ 20 коп.,—виѣхался въ разговоръ Шауфусъ.

— Ахъ, батенька, при моихъ ли средствахъ разъѣзжать на парныхъ фэтонахъ, я всегда ѣзжу на «ванькахъ»...

Присутствующіе переглянулись. И на другой день злополучный приказъ былъ отмѣненъ.

Особенно муштровалъ Шауфусъ казаковъ. Помню, въ концѣ августа 1884 г. вернулись мы изъ Чугуева на зимнія квартиры. Послѣ трехъ мѣсяцевъ тяжелой лагерной службы съ наслажденіемъ предвкушали всѣ мирный отдыхъ, надѣясь болѣе свободно провести свои досуги. Но увы, едва истекъ мѣсяцъ нашей спокойной стоянки, какъ снова потянулись дни мытарствъ, на этотъ разъ, однако, въ нѣсколько иномъ «штилѣ».

По какимъ-то невѣдомымъ примѣтамъ, начальникъ губерніи Петровъ дозналъ, что студенты Харьковскаго университета готовятся произвести безпорядки, подобные тѣмъ, какіе происходили въ 1881—82 гг., когда былъ убитъ губернаторъ Гильдебрандтъ. Объ этомъ дали знать войсковому начальству, и командиръ корпуса распорядился нарядить отъ казачьяго полка въ дозоръ ежедневно сначала по двѣ сотни, а черезъ двѣ недѣли—по одной. Намъ было строго наказано: скрывать свое присутствіе въ городѣ и не выказывать его ни малѣйшимъ движеніемъ, особенно студентамъ. Хотя послѣднее было сдѣлать довольно мудро, ибо не по воздуху же мы летали, но разъ рѣшили власти: Петровъ и Шауфусъ,—значить свято.

По этой причинѣ выступали мы на дежурство рано, когда городъ только что начиналъ свою будничную работу, и возвращались съ наступленіемъ ночи. Дабы не удаляться слишкомъ отъ зданія университета и быть менѣ замѣтными, насъ помѣстили подъ низомъ университетской горки и пассажа Пашенко-Тряпкина, недалеко отъ Благовѣщенскаго базара, въ грязномъ постояломъ дворѣ, носившемъ, однако, громкое названіе «Кіевское подворье», въ которомъ нельзя было ни сѣсть, ни лечь.

Хотя никакихъ безпорядковъ и даже тѣни волненій или сходокъ студенческихъ не замѣчалось нигдѣ, тѣмъ не менѣ насъ

аккуратно гоняли туда въ продолженіе болѣе полуторыхъ мѣсяцевъ и, навѣрно, продолжали бы гонять всю зиму, если бы о томъ не провѣдалъ Радецкій, благодаря такому курьезному случаю, виновникомъ котораго былъ вашъ «покорный слуга».

Надоѣло намъ «гоняніе» это страшно. Оно изнуряло и людей, и лошадей, ибо приходилось дежурить въ «прекрасномъ» подворьѣ черезъ два дня въ третій, такъ какъ при штабѣ полка въ Харьковѣ находились лишь три сотни, а прочія располагались въ деревняхъ: двѣ въ с. Дергачахъ (въ 10 верст. отъ города) и одна—въ Нетечи, за 4 верс. отъ полка. Притомъ же изъ нихъ одну ежедневно назначали на «пожаръ», другая—содержала полковые караулы и полицейскіе разъѣзды по городу, а третья—на безпорядки. Такимъ образомъ мы не имѣли даже положеннаго по закону одного дня отдыха въ недѣлю.

Дежурство это изнуряло еще тѣмъ казаковъ, что нельзя было захватить съ собою ни ѣды, ни питья. Правда, для лошадей брали мы фуражъ, но людямъ не представлялось никакой возможности доставлять горячую пищу за 6 верстъ отъ расположенія полка, съ конной площади, находившейся на противоположномъ концѣ города. И казаки весь день, съ 7 час. утра до 5 час. вечера, должны были кормиться чернымъ хлѣбомъ съ водопроводной водицей, даже кипятку для чая нельзя было достать.

Чтобы облегчить нѣсколько себѣ эту тягость, офицеры установили между собой «негласную» очередь; раздѣливъ день на двѣ смѣны: утромъ—одинъ, съ полдня—другой.

Какъ-то разъ, помню, послѣ какого-то праздника, пришлось дежурить мнѣ съ 12 час. Наканунѣ съ однимъ пѣхотнымъ офицеромъ были мы въ гостяхъ, гдѣ познакомились съ одной интересной особой, которой рѣшили немедленно нанести визитъ. На другой день, около часа, Римскій-Корсаковъ заѣхалъ за мной, и мы отправились къ ней. Путь нашъ лежалъ мимо зданія военно-окружного суда.

— Ты подожди тутъ минуточку,—сказалъ мнѣ пріятель,—я забѣгу сюда.

Пролетка подкатила къ подъѣзду. Соскочивъ съ нея, онъ ушелъ; я остался дожидаться. Вдругъ, о, ужасъ! Изъ-за угла сосѣдняго дома вывертывается фигура командующаго войсками. Что тутъ дѣлать? На мнѣ дежурная форма. «Ну, думаю,—замѣтитъ; спроситъ: «зачѣмъ отлучился съ поста?»—Какъ пить дать, отправить на «бухту» (такъ мы звали гауптвахту)».

Съ помертвѣвшимъ лицомъ соскочилъ я съ пролетки и вытянулся. «Авось, минетъ меня сія гроза!»—Но, какъ нарочно,

поровнявшись со мной, Радецкій остановился. Тутъ ужъ у меня совсѣмъ душа въ пятки ушла.

— Вы—дежурнымъ на безпорядкахъ?—спросилъ онъ ласково.

Ну, какъ не сознаться?! Вѣдь не врать же ему: все равно узнаетъ! И я отвѣтилъ утвердительно.

— И все еще васъ мучаютъ?

— Такъ точно, ваше в-пр-во!—уже веселѣе подтвердилъ я.

— Съ тѣхъ самыхъ поръ?

Я сказалъ съ какого времени.

— Удивляюсь!—пожалъ онъ плечами.—Пожалуйста, когда вернетесь съ дежурства, попросите командира полка, чтобы больше казаковъ онъ не посылалъ; а я распоряжусь...—И, кивнувъ мнѣ головой, медленно старческой походкой направился вдоль тротуара.

— Слава Богу!—у меня гора съ плечъ свалилась.

Вотъ каковъ былъ Оедоръ Оедоровичъ! На его мѣстѣ Шауфусъ, или хоть Свѣчинъ, если бы и отмѣнили казачью посылку, то меня ни въ какомъ случаѣ не оставили бы безъ наказанія за отлучку. А этотъ даже замѣчанія мнѣ не сдѣлалъ.

Пробывъ въ гостяхъ не болѣе полчаса, помчался я поскорѣе въ подворье и на-ходу еще, не доѣзжая до него, возбужденный, радостный, довольный, крикнулъ казакамъ:

— Садись!.. Стройся!..

— Что такое, ваше бл—діе?—всполошился вахмистръ,—безпорядки?

— Смѣна, ребята!—и рассказалъ имъ свою встрѣчу съ Радецкимъ.

П. Л. Юдинъ.

За кулисами университета-юбиляра.

(Изъ воспоминаній и бесѣдъ).

На всемъ одесскомъ, какъ и на московскомъ, лежитъ особый отпечатокъ. Особенности уклада одесской жизни налагали свой отпечатокъ и на новороссійскій университетъ, 50-ти лѣтіе со дня открытія котораго исполнилось въ маѣ этого года. Полвѣка существованія у насъ университета—событіе немаловажное, и на немъ нелишне будетъ остановиться. Я отнюдь не собираюсь говорить здѣсь о казовой сторонѣ дѣятельности университета-юбиляра, о культурной миссіи, выполненной этимъ разсадникомъ наукъ за истекшее пятидесятилѣтіе, перечислить заслуги подвижавшихся въ немъ профессоровъ передъ наукою и въ частности—передъ Одессою и краемъ. Много свѣтлаго было въ прошломъ новороссійскаго университета, но гдѣ свѣтъ—тамъ и тѣни. Университетъ переживалъ и эпохи расцвѣта, и эпоху упадка, когда въ немъ бурлили страсти, когда онъ сталъ ареною борьбы, совершенно неумѣстной въ стѣнахъ храма наукъ, когда между профессорами дѣло доходило чуть ли не до драки, до взаимобвиненій на судѣ (дѣло профессоровъ Грибовскаго и Каткова), а студенты подстрѣливали въ аудиторіи своихъ товарищей (убійство скромнаго юноши-математика Иглицкаго, отецъ котораго, бывшій студентъ того же университета, покончилъ съ собою на могилѣ сына).

Въ теченіе ряда лѣтъ пишущій эти строки сталкивался со многими профессорами новороссійскаго университета, принимавшими, вмѣстѣ со мною, болѣе или менѣе близкое участіе въ одесской печати. До меня доходили факты и эпизоды, рисующіе и свѣтлыя, и тѣневыя стороны университета. Самъ университетъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ дѣтищемъ одесской печати. На столбцахъ несуществующей нынѣ старѣйшей одесской газеты—«Одесскій Вѣстникъ», который выходилъ подъ редакціею и при ближайшемъ сотрудничествѣ бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа Н. И. Пирогова и профессоровъ Ршелевскаго

лица А. И. Богдановскаго и А. И. Георгіевскаго, шла усиленная агитація за преобразование лица въ университетъ. Когда одно время казалось, что пропагандируемая реформа встрѣчаетъ затрудненія, «Одесскій Вѣстникъ» въ статьяхъ профессоровъ высказывался съ такою рѣзкостью, что цензура сочла нужнымъ препроводить министру народнаго просвѣщенія Головнину злокозненные статьи. По счастью, Головнинъ не усмотрѣлъ въ статьяхъ никакого потрясенія основъ, а лишь полемику съ принадлежавшими министерству «С.-Петербургскими Вѣдомостями».

Между городомъ и его университетомъ наблюдалось постоянное взаимодѣйствіе—большее, чѣмъ въ другихъ университетскихъ городахъ. Одесскіе профессора принимали дѣятельное участіе въ мѣстныхъ муниципальных, промышленныхъ, банковскихъ, общественныхъ и т. п. учрежденіяхъ. Люди, которые могли бы прославить свои имена въ наукѣ, пріобщались къ отнюдь не научнымъ учрежденіямъ, промѣняли аудиторіи на банки и каѣдры—на банковскіе пульта и конторки.

Одесса—городъ портовый, важный экспортный центръ. Тамъ процвѣтала всегда торговля во всѣхъ ея видахъ и формахъ, и шибко работала мѣстная биржа. Въ биржевомъ комитетѣ и въ комитетѣ торговли и мануфактуръ числились на службѣ профессора.

Историкъ А. И. Маркевичъ удосуживался писать отчеты, докладныя записки и проекты по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію комитетовъ, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ. Другой профессоръ, философъ Р. Р. Орбинскій, состоявшій секретаремъ тѣхъ же одесскихъ комитетовъ торговли и мануфактуръ и биржевого, былъ однажды командированъ въ Америку для изученія хлѣбной торговли, служилъ въ управленіи желѣзной дороги, былъ директоромъ Бессарабско-Таврическаго Банка и т. д. Среди ученыхъ трудовъ философа Орбинскаго мы встрѣчаемъ «Отчеты одесскаго комитета торговли и мануфактуръ» за нѣсколько лѣтъ, «Записки» о положеніи одесской торговли, экономическомъ положеніи Одессы и т. д.

Математикъ С. П. Ярошенко, въ которомъ, на зарѣ его профессорской дѣятельности, видѣли восходящее свѣтило на небосклонѣ чистой науки, состоитъ много лѣтъ директоромъ мѣстнаго банка (общества взаимнаго кредита), хотя могъ бы служить украшеніемъ для каѣдры математики въ любомъ университетѣ.

Ярошенко смѣнилъ въ одесскомъ обществѣ взаимнаго кредита историка Г. Е. Аѳанасьева, человѣка весьма даровитаго. Извѣстный историкъ Брикнеръ видѣлъ въ Аѳанасьевѣ своего

преемника. И действительно, у молодого историка были все необходимые данные, чтобы стать выдающимся ученым, создать свое направление в исторической науке. Аванасьев работал в иностранных архивах, между прочим, в Париже, написал прекрасные труды по экономической истории Франции. Он — к тому же блестящий лектор и пользовался всегда большою популярностью¹⁾. Занимая уже посты — сначала председателя правления одесского общества взаимного кредита, а потом управляющего киевскою конторою Государственного Банка — и будучи причастен к другим промышленным учреждениям, Аванасьев, время от времени, появлялся на публичной кафедре, и его лекции сопровождалась всегда шумным успехом. Я помню одну из лекций Аванасьева в Киеве о франко-прусской войне 1870 г. Лектор так ярко, образно и с таким знанием дела изложил предмет своей лекции, что во время перерыва командующий войсками киевского военного округа и рядный знаток военного искусства генерал М. И. Драгомиров сказал ему:

— Вы, Георгий Емельянович, «сихъ дѣлъ мастеръ», и из вас вышел бы талантливый стратег...

Чтобы управлять банком, не требовались ли обширные знания и та научная подготовка, какая имела Аванасьев. Директором правления другого общества взаимного кредита в Одессе состоял, напр., нигде ничему не учившийся малограмотный писец, отлично справлявшийся со своими банковскими обязанностями и сделавший хорошую банковскую карьеру.

Многие из одесских профессоров обзаводились своими домами, имея ценз, состояли гласными гор. думы: Богдановский, Ярошенко, Клименко, Корш (читал судебную медицину и был одновременно врачебным инспектором), Левашев и др. Первый из перечисленных профессоров — Богдановский был членом гор. управы. Профессор чистой механики В. Н. Лигин дал чистую отставку своей научной карьере и приобщился к одесскому муниципалитету сначала в качестве товарища гор. головы, потом — головы. Умер Лигин попечителем варшавского учебного округа.

Большую роль в одесских городских делах играл приват-доцент философии, барон Стюарт, претендовавший и на кафедру зоологии. Стюарт состоял и при канцелярии градоначальника.

¹⁾ Научная карьера Г. Е. Аванасьева была прервана запрещением ему гр. Деляновым читать лекции, снятым лишь через 4 года.
Ред.

Профессора, которые не бросали университета, сочетали кафедръ съ дѣятельностью въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Химикъ А. А. Веригъ стоялъ во главѣ особой городской станціи для изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ и велъ упорную борьбу съ фальсификаторами и отравителями одесскихъ желудковъ, при чемъ получалъ соотвѣтствующую субсидію отъ городского общественнаго управленія.

Профессоръ В. А. Яковлевъ числился на городской службѣ; онъ завѣдывалъ городской библіотекой.

Профессоръ греческой филологіи Л. Ф. Воеводскій состоялъ предсѣдателемъ учрежденнаго имъ общества велосипедистовъ, и часы, свободные отъ лекцій, отдавалъ любимому спорту, побивая рекорды, которыхъ не могъ побить въ греческой филологіи.

Знаменитому нашему ученому и бактериологу И. И. Мечникову обязана своимъ возникновеніемъ одесская бактериологическая станція, приносившая и приносящая не мало пользы населенію своими прививками. Однажды бактериологическая станція сдѣлала предохранительную прививку сибирской язвы десяткамъ тысячъ овецъ помѣщика Панкѣева, и всѣ овцы погибли. Мечникову эта неудача доставила много огорченій и угрожала процессомъ.

Другой одесскій фізіологъ П. А. Спиро, питомецъ Сѣченова и Мечникова, занимался музыкою съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ фізіологіею, увеселялъ на досугѣ коллегъ пѣніемъ и игрою и принималъ участіе въ мѣстныхъ музыкальныхъ учрежденіяхъ. Онъ написалъ нѣсколько недурныхъ романсовъ и, кажется, цѣлую оперу.

— Спиро—лучшій музыкантъ изъ фізіологовъ—острили его коллеги—и лучшій фізіологъ среди музыкантовъ...

Это было остроумно, но не совсѣмъ справедливо...

* * *

«Одесскій» воздухъ не особенно благопріятствовалъ научнымъ занятіямъ тѣхъ профессоровъ, у которыхъ было призваніе двигать науку.

Мечниковъ, «краса и гордость» Россіи, въ видѣ протеста противъ условій работы для профессоровъ новороссійскаго университета, оставилъ кафедру и поселился въ деревнѣ своего тестя, крупнаго помѣщика Кіевской губерніи. Протестъ вызванъ былъ суровымъ режимомъ, созданнымъ ректоромъ С. П. Ярошенко. Отъ этого режима,—жаловался Мечниковъ,—страдали нау-

ка и преподаваніе. Недовольнъ былъ нашъ знаменитый ученый и «націонализмомъ», господствовавшимъ въ университетѣ. Талантливыхъ ученыхъ, какъ Веригу, выдающагося ботаника Ценковского, экономиста Герценштейна и др., травили только потому, что въ ихъ жилахъ текла польская или еврейская кровь.

Повидимому, и самъ Мечниковъ испыталъ на себѣ эту націоналистическую травлю, ибо въ Одессѣ хорошо знали, что дѣдъ нашего ученаго по отцу, Левъ Николаевичъ, онъ же Іеруда-Лейбъ Ноаховичъ-Неваховичъ, былъ авторомъ сочиненія на древнееврейскомъ и русскомъ языкахъ, озаглавленнаго «Вопль дщери іудейской» и посвященнаго гр. Кочубею, министру внутреннихъ дѣлъ...

Сами профессора университета подкапывались подъ университетскую автономію. Если въ другихъ университетахъ проникавшая въ университетскую жизнь реакція заставляла вполне окрѣпшіе устои, съ которыми нелегко было бороться, то въ новороссійскомъ университетѣ весь строй складывался подъ непосредственнымъ воздействием реакціи. Лучшие профессора чувствовали себя тамъ гостями и стремились въ другіе университеты. Даже профессора, пользовавшіеся репутаціею несомнѣнныхъ либераловъ, въ качествѣ ректоровъ и декановъ одесскаго университета проявляли властолюбивыя поползновенія, не считаясь съ мнѣніями товарищей. На засѣданіяхъ совѣта или факультетовъ происходили нерѣдко пререканія и столкновенія. И такого заядлаго либерала, какъ В. И. Модестовъ, обвиняли въ подавленіи своимъ авторитетомъ коллегъ, когда онъ исполнялъ обязанности декана. Кандидатура профессора Веригу, имѣвшего уже не мало солидныхъ работъ, вызвала протесты въ совѣтѣ изъ-за несоблюденія незначительной формальности: телеграмма изъ кіевскаго университета о присужденіи претенденту докторской степени не была засвидѣтельствована. Факультетъ двукратно избиралъ Веригу, а совѣтъ его не утверждалъ. Пререканія по этому поводу носили такой острый характеръ, что нѣкоторые профессора оставили университетъ. Впослѣдствіи Веригу двукратно избирали ректоромъ забраковавшего его университета.

Славному русскому естествоиспытателю и академику А. О. Ковалевскому долго не назначали оклада, а извѣстный фізіологъ И. М. Сѣченовъ, выставя свою кандидатуру, долженъ былъ заявить письменно, что совсѣмъ не интересуется окладомъ, а желаетъ лишь «служить дѣлу развитія русской молодежи».

Одесскій воздухъ не только въ фигуральномъ смыслѣ, но и въ буквальномъ—не особенно хорошо дѣйствовалъ на пришлыхъ

профессоровъ, приглашенныхъ изъ другихъ университетовъ. В. И. Модестовъ, переведенный въ Одессу, не разъ жаловался мнѣ на «убійственный» одесскій климатъ, къ которому онъ былъ, на мой взглядъ, не совсѣмъ справедливъ. Онъ увѣрялъ, что не одинъ изъ приглашенныхъ въ Одессу съ сѣвера профессоровъ палъ жертвой климата—дующихъ съ моря восточныхъ вѣтровъ. Нѣкоторые сошли съ ума. Такъ, заболѣлъ психически профессоръ ботаникъ Яновичъ, отвезенный въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ умеръ. Политико-экономъ Вольскій скончался въ домѣ для умалишенныхъ въ Петербургѣ же. Химики Соколовъ и Абашевъ также страдали сильнымъ нервнымъ разстройствомъ и скоро умерли. Къ этому списку Модестовъ могъ бы прибавить имя ботаника Вальца, который страдалъ бѣлой горячкой, попалъ въ босаки, пытался зарѣзаться бритвой и умеръ въ домѣ умалишенныхъ.

Одесскій климатъ, дурно вліявшій на психику профессоровъ, и былъ, повидимому, причиною постоянныхъ ссоръ и пререканій между ними. Вполнѣ уравновѣшенный и незлобивый математикъ Преображенскій—и тотъ нервничалъ на совѣтскихъ засѣданіяхъ.

— А я напротивъ!—стереотипно заявлялъ Преображенскій, о чемъ бы ни шла рѣчь на засѣданіи совѣта.

Часто Преображенскій прерывалъ говорившаго на полусловѣ окриками:

— Это совершенно неосновательно!..

— Позвольте, какъ же вы говорите: неосновательно, когда я еще не успѣлъ изложить свою мысль?—заявлялъ ораторъ.

— Я сразу догадался, что вы хотите сказать!—оправдывался Преображенскій.

Коллеги, зная мирный нравъ математика, диву давались, слушая его реплики. Въ обыкновенное время Преображенскій былъ далекъ отъ всего, кромѣ своей любимой науки. Поглощенный ею, онъ часто ходилъ нечесанный и немытый, а въ его длинной бородѣ вы могли видѣть остатки вчерашняго обѣда. Студенты искренно любили Преображенскаго, и эта любовь не покупалась цѣною исканій у нихъ популярности или поблажками, которыя дѣлалъ, напримѣръ, студентамъ славистъ Григоровичъ, подносявшій своимъ питомцамъ яблоки и груши и дарившій имъ деньги и цѣнныя книги, скупавшіяся имъ потомъ обратно у букинистовъ.

Григоровичъ владѣлъ многими языками, что онъ показалъ на славянскомъ съѣздѣ, гдѣ привѣтствовалъ прибывшія изъ разныхъ мѣстъ многочисленныя славянскія депутаціи на ихъ на-рѣчіяхъ.

На диспутахъ Григоровичъ обыкновенно отъ неумѣренныхъ похвалъ переходилъ къ беспощадному разному, при этомъ голосъ его все болѣе и болѣе повышался, достигая самыхъ высокихъ нотъ. Разъ онъ закончилъ свою филиппику такимъ окрикомъ:

— Вашу диссертацию, м. г., надо сжечь рукою палача!..

И бросилъ книгу на полъ. А черезъ нѣсколько минутъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, заявилъ, что диссертантъ обнаружилъ знакомство съ трактуемымъ предметомъ. Едва ли въ этихъ странностяхъ Григоровича можно винить одесскій климатъ.

— Коренные одесситы—сказалъ мнѣ однажды В. И. Модестовъ—не страдаютъ, разумѣется, отъ одесскаго климата, къ которому они привыкли, но и у нихъ большія странности.

Рѣчь шла о профессорѣ исторіи русской литературы В. А. Яковлевѣ, который родился въ Одессѣ, учился тамъ, профессорствовалъ, писалъ объ Одессѣ и издавалъ тамъ одно время журналъ «Югъ». Его перу принадлежали очерки о старой Одессѣ, объ одесской печати, о пребываніи Пушкина въ Одессѣ. Такъ какъ Яковлевъ зналъ всю подноготную города, то и любилъ рассказывать преимущественно объ его изнанкѣ и закулисной жизни одесситовъ, не щадя при этомъ и профессоровъ. Коллеги по университету говорили, что у него длинный языкъ, которымъ онъ многимъ причинялъ большія непріятности и огорченія.

Когда Яковлевъ заболѣлъ, и у него образовался на языкѣ ракъ, страдавшіе отъ его злословія шутили:

— Богъ наказалъ тотъ органъ у бѣднаго Яковлева, которымъ онъ больше всего грѣшилъ.

Какой-то «старый начетникъ» посвятилъ даже цѣлую обличительную брошюру Яковлеву, гдѣ рассказываетъ о немъ много правды и анекдотическаго.

Другой одесскій словесникъ и славяновѣдъ Кочубинскій тоже не былъ пришлымъ въ Одессѣ, ибо родился въ Кишиневѣ, жилъ подъ Одессой, въ Аккерманѣ, и учился въ одесской гимназій, но и онъ отличался большими чудачествами. Кочубинскій любилъ всякіе театральные эффекты и старался во многомъ подражать популярному Григоровичу, даже ходилъ, какъ онъ, прихрамывая. Григоровичъ произносилъ публичныя рѣчи въ высокопарномъ духѣ, съ большимъ паѳосомъ и на юбилей Археологическаго Института въ Петербургѣ такъ переборщилъ въ своемъ паѳосѣ, что присутствовавшее на торжествѣ высокопоставленное лицо покинуло собраніе, къ вящему конфузу оратора. И Кочубинскій говорилъ, бія себя въ грудь, жестикилируя руками

и возвышая голосъ. Когда Одесса въ 80-хъ годахъ открывала у себя памятникъ Пушкину—въ видѣ фонтана-раковины съ вытѣпленнымъ женою поэта Полонскаго бюстомъ,—Кочубинскій, раздобывъ какое-то славянское знамя и поднявъ его высоко надъ головою, совершилъ по всему городу шествіе къ памятнику.

Инородческій югъ наложилъ свой отпечатокъ на фізіономію славяновѣда. Когда Кочубинскій отдыхалъ однажды на скамьѣ въ мѣстномъ саду, гулявшій тамъ градоначальникъ—самодуръ Зеленой обрушился на него:

— Ты чего, жидъ, мнѣ не кланяешься?..

— Я не жидъ, а такой же православный и генераль, какъ и вы. Я—профессоръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Кочубинскій.

— Вотъ проклятый городъ, гдѣ не отличишь профессора отъ жида!—сострилъ градоначальникъ, обращаясь къ подобострастно ухмылявшимся чинамъ полиціи, сопровождавшимъ обыкновенно его превосходительство.

Впрочемъ, и профессоровъ одесскій градоправитель не очень жаловалъ. Если бы Зеленой былъ хоть немножко знакомъ съ исторіею новороссійскаго университета, то зналъ бы, какъ много сдѣлали старые одесскіе администраторы, кн. Воронцовъ и гр. Строгановъ, для университета, какъ благожелательно они относились къ піонерамъ университетской науки на югѣ.

При учрежденіи новороссійскаго университета имѣлось въ виду привлекать въ него славянскую молодежь изъ близъ лежащихъ славянскихъ государствъ и сдѣлать его центромъ славяновѣдѣнія, которое еще такъ недавно, въ концѣ царствованія императора Николая I, было въ загонѣ: профессорамъ славяновѣдѣнія запрещалось, напр., касаться исторіи западныхъ славянъ и упоминать о племенномъ родствѣ съ ними русскаго народа.

Подъемъ интереса къ славянству и нахожденіе въ составѣ профессоровъ цѣлой плеяды выдающихся славистовъ (Григоровича, Кочубинскаго, Успенскаго, Ягича, Богишича, Палаузова и др.) не мѣшали проникновенію въ стѣны университета нѣмецкаго элемента, такъ называемому нынѣ—«нѣмецкому засилію». Въ списокѣ профессоровъ новороссійскаго университета вы найдете цѣлый букетъ нѣмецкихъ именъ: Фотъ, Де-Метцъ, Бессель, Фонъ-Штернъ, Шерцль, Брунъ, Армфельдтъ, Рейгардтъ, Пфафъ и многіе другіе, выступившіе претендентами на каѳедры. На ряду съ выдающимися профессорами, какъ Брунъ и Брикнеръ, были и сомнительно ученые изъ нѣмцевъ.

Претенденту на каѳедру по римскому праву Пфаффу особенно

покровительствовалъ мѣстный генераль-губернаторъ гр. Коцебу, но благодаря энергичному протесту Модестова, уличившаго Пфаффа на диспутѣ въ полномъ невѣжествѣ, обнаруженномъ въ забракованной тремя университетами жиденъкой диссертациі, протекція Коцебу не имѣла успѣха. Любопытно, что въ составѣ профессоровъ юридическаго факультета новороссійскаго университета не было никого, кто могъ бы по достоинству оцѣнить невѣжественную диссертацию, одобренную факультетомъ. Если бы случайно на диспутѣ не было Модестова, Пфаффъ украсилъ бы своимъ именемъ списокъ профессоровъ новороссійскаго университета.

* * *

Въ медовые годы новороссійскаго университета послѣдній являлся магнитомъ для молодыхъ талантливыхъ ученыхъ. Среди первыхъ профессоровъ мы встрѣчаемъ популярныя имена ученыхъ, которыми гордилась и гордится отечественная наука. Достаточно упомянуть академика А. О. Ковалевскаго, Сѣченова, Мечникова, ботаника Ценковскаго, Веригу, Умова, Ягича, Григоровича, Брикнера, Н. Я. Грота и многихъ др. Къ попечителю одесскаго учебнаго округа, извѣстному дѣятелю эпохи великихъ реформъ, Арцимовичу, которому, послѣ Пирогова и Могилянскаго, новороссійскій университетъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возникновеніемъ, обращались въ бытность его въ Петербургѣ съ ходатайствами о предоставленіи имъ кафедръ Кавелинъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Стасюлевичъ и Борисъ Утинъ, незадолго до того оставившіе с.-петербургскій университетъ послѣ извѣстной исторіи, подробно описанной Спасовичемъ въ его книгѣ «За много лѣтъ». Домогались кафедры въ новороссійскомъ университетѣ извѣстный цивилистъ Пахманъ, историкъ права и государствовѣдъ Сергѣевичъ, статистикъ и политико-экономъ Янсонъ, политико-экономъ Вернадскій, знатокъ римскаго права Карлъ Бернштейнъ, профессоръ берлинскаго университета. Арцимовичъ велъ переговоры съ В. И. Ламанскимъ, историками Костомаровымъ и Иловайскимъ, рекомендовавшимъ вмѣсто себя Бестужева-Рюмина.

Профессора «первыхъ призывовъ» не довольствовались чтеніемъ лекцій для студентовъ. Они организовывали курсы въ стѣнахъ университета для внѣуниверситетской молодежи и публичныя лекціи для широкой публики. Я помню, какъ гимназисты и гимназистки ломились въ двери университета на курсы, открытые Мечниковымъ, Сѣченовымъ, Ярошенко, Вальцемъ, Н. Бернштейномъ и др. по естественнымъ и другимъ наукамъ. Въ ту эпоху

молодежь, воспитанная на идеалахъ Писарева, съ жадностью набрасывалась на естествознаніе. Такимъ же большимъ успѣхомъ пользовались въ послѣдствіи публичныя лекціи Кирпичникова, Афанасьева, Н. Я. Грота и др. по литературѣ, исторіи и философіи.

Кирпичниковъ былъ кумиромъ одесской молодежи, которую самъ искренно любилъ, стараясь быть ей полезнымъ, чѣмъ только могъ, будилъ въ ней интересъ къ литературѣ, призывалъ къ служенію народу.

Въ Одессѣ Кирпичниковъ работалъ въ славянскомъ комитетѣ и отзывался въ мѣстной печати на современные вопросы. Писалъ онъ всегда живо и увлекательно.

Выдѣлялся на фонѣ одесской профессуры своимъ либерализмомъ и подвижностью историкъ А. С. Трачевскій, положившій основаніе «новой школѣ» для обоихъ половъ, когда у насъ такое совмѣстное обученіе считалось еще большою сресью и новшествомъ. Школа эта—до названія включительно—была скопирована съ итальянской школы.

Трачевскій, заподозрѣнный министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ въ либеральныхъ поползновеніяхъ, рѣшительно запротестовалъ:

— Какой я либераль! Я вовсе не либераль, а историкъ!..

— Но, вѣдь, всѣ говорятъ, что Трачевскій большой либераль, а вотъ никто не скажетъ, напримѣръ, что я, Деляновъ, либераль...

— Нѣтъ, графъ, и про васъ говорили, что вы либераль, когда вы были уже попечителемъ петербургскаго округа...

— Делянову напominаніе объ его быломъ либерализмѣ было, повидимому, не совсѣмъ пріятно,—разсказывалъ потомъ Трачевскій.

Понинъ здравствующаго академика, извѣстнаго византиниста Ѳ. И. Успенскаго его питомцы зѣло побаивались, какъ суроваго и требовательнаго экзаминатара, но отдавали ему всегда должное за умѣніе возбуждать интересъ къ его любимой наукѣ. Успенскій открылъ въ Одессѣ византійскій отдѣлъ при университетѣ и мечталъ сдѣлать городъ—центромъ изученія византійской исторіи и славяновѣдѣнія. По его мысли и благодаря его хлопотамъ и содѣйствію генераль-губернатора Х. Х. Роопа, возникъ въ Константинополѣ русскій археологическій институтъ, директоромъ котораго Успенскій былъ назначенъ и состоялъ вплоть до нынѣшней войны, заставившей его оставить его любимое учрежденіе и прервать свою работу и раскопки, давшія такъ много наукъ.

Коллега Успенскаго по новороссійскому университету В. И. Модестовъ горячо отстаивалъ преимущества открытія археологическаго института въ Римѣ. Конкуренція и споръ на этой почвѣ,

который Модестовъ велъ съ отличавшей его всегда страстностью, не мѣшали антагонистамъ уживаться въ стѣнахъ одного университета, и на модестовскихъ «субботникахъ» я часто встрѣчалъ Успенскаго.

Немногіе знали и любили такъ римскія древности, какъ Модестовъ; онъ и умеръ въ Римѣ и похороненъ недалеко отъ описанныхъ имъ древностей...

Въ бытность мою въ Римѣ въ 1911 г. я тщетно искалъ могилу нашего соотечественника, оказавшуюся безъ памятника, для котораго самъ покойный Модестовъ оставилъ эпитафію на латинскомъ языкѣ. Мѣстный православный священникъ о. Флеровъ не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ жизни Модестова, а пріемной дочери его, выданной имъ замужъ за какого-то итальянскаго ученаго, налицо не оказалось. Послѣ покойнаго должны были остаться интересный архивъ и рѣдкая библіотека. Жена Модестова, итальянка и переводчица съ итальянскаго, скончалась незадолго до смерти мужа и также похоронена въ Римѣ.

Метеоромъ пронесся на одесскомъ горизонтѣ профессоръ философіи Н. Я. Гротъ, сумѣвшій поднять въ пшеничной Одессѣ значительный интересъ къ философіи и, вообще, къ умозрительнымъ наукамъ. Это былъ человѣкъ необычайно подвижной и дѣятельный, вѣчно о чемъ-то хлопотавшій. Онъ читалъ публичныя лекціи, организовывалъ студенческіе кружки для занятія философіей, вызывалъ постоянно полемику въ газетахъ. Съ нимъ полемизировалъ одесскій архіерей Никаноръ, профессора, студенты, журналисты.

Свое первое выступленіе въ Одессѣ передъ своею аудиторіей Гротъ началъ обращеніемъ къ молодежи:

— Вы, господа студенты, слышали мое имя, вы знаете мое направленіе...

Но «направленіе» Грота отнюдь не отличалось устойчивостью. Онъ продѣлалъ всѣ фазисы философскаго мышленія, начиная съ позитивизма, увлекался психологіей, теоріей сновъ, «реформировалъ» логику, ударился въ метафизику, а послѣднее время отдавался всецѣло этикѣ. Но какъ то бы ни было, Гротъ сѣялъ въ Одессѣ обильныя сѣмена любви къ философіи, которую до него преподавалъ въ новороссійскомъ университетѣ Р. Р. Орбинскій—совершеннѣйшій дилетантъ въ философской наукѣ.

Орбинскій—личность во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательная. Это былъ не ученый, а просто талантливый человѣкъ съ самыми разнообразными свѣдѣніями и знаніями и замѣчательный лингвистъ. Онъ могъ, не запинаясь, читать лекціи

о чемъ угодно и на самыхъ различныхъ языкахъ. И дѣйствительно, читаль Орбинскій философію, психологію, географію, исторію, русскую словесность, педагогику, политическую экономію и зналъ отлично химію и ботанику. Преподавалъ онъ въ университетѣ и въ образцово поставленномъ имъ коммерческомъ училищѣ, гдѣ состоялъ директоромъ и замѣщалъ часто всѣ свободныя учительскія вакансіи. Орбинскій первый открылъ въ печати полемику противъ классическаго образованія, выступивъ въ 1857 г. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» со статьею по этому вопросу. Любопытно, что редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» былъ въ то время офиціальныи насадитель классицизма у насъ А. И. Георгіевскій.

Въ эпоху крымской войны Орбинскій, какъ знатокъ языковъ, служилъ по дипломатической части: черезъ него велись переговоры съ непріятелемъ. При одесскомъ генераль-губернаторѣ Тотлебенѣ Орбинскій долженъ былъ покинуть мѣсто директора въ коммерческомъ училищѣ за свое, яко бы, свободомысліе, получивъ командировку въ Америку и поступилъ на службу въ Ландварово-Роменское желѣзнодорожное управленіе.

На ряду съ профессорами, которыми гордится наука, на скрижали новороссійскаго университета занесли свои имена профессора съ нѣскольکو скандальною и подмоченною репутаціею. Знаменитый редакторъ «Берега» профессоръ Цитовичъ переплылъ съ одного берега на другой. Онъ пожертвовалъ каедрокъ для публицистики, выступивъ съ нашумѣвшими полемическими брошюрами, гдѣ раздѣлывалъ «шестидесятниковъ» и «семидесятниковъ», воспитывавшихся на романѣ «Что дѣлать?» Чернышевскаго, на сочиненіяхъ Писарева, Добролюбова и Михайловскаго. Еще числясь въ университетѣ, Цитовичъ читаль, захлебываясь, своимъ коллегамъ выдержки изъ задуманныхъ имъ брошюръ «Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать» и «Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ» Н. К. Михайловскаго. Ни для кого изъ одесскихъ профессоровъ не было тайною, что злыя вылазки Цитовича противъ «нигилистовъ» продиктованы были побужденіями личнаго свойства, семейными невзгодами.

Свой злой нравъ Цитовичъ обнаруживалъ и въ своей учебной, ученой и государственной дѣятельности. Онъ съ пѣной у рта обрушился на диссертацию профессора Посникова объ общинѣ, проявивъ крайнюю нетерпимость къ чужому мнѣнію. Въ многочисленныхъ составлявшихся имъ законодательныхъ проектахъ Цитовичъ рѣзко и безпощадно, съ необузданностью легкомысленнаго фельетониста, критиковалъ существующее, исповѣдуя чисто полицейскіе взгляды и идеалы. Столбцы редактировавшагося имъ и издававшагося на казенный счетъ «Берега»—сплош-

ные обвинительные акты против русской интеллигенции. Впоследствии и сам редактор-обличитель стал предметом обличения со стороны его соратника по «Берегу» — Дьякова-Незлобина.

Наклон дней своих Цитовичъ присмирѣлъ, былъ членомъ совѣта министра финансовъ и занималъ кафедру торговаго права въ петербургскомъ университетѣ.

Мечталъ о тихой пристани у «берега» и другой профессоръ новороссійскаго университета Н. Е. Чижевъ, авторъ неудачной диссертации, забракованной совѣтомъ, но получившей одобрение подъ давленіемъ свѣще. Не даромъ Чижевъ хвасталъ не разъ передо мною своими связями въ какихъ-то «сферахъ». Жестокій разборъ чижевской диссертации учинилъ въ юридическомъ журналѣ питомецъ диссертанта, студентъ Гусаковъ, уличившій своего профессора въ плагиатъ и невѣжествѣ.

Задумавъ издавать либеральную газету, Чижевъ обратился ко мнѣ съ просьбою составить программу и прошеніе въ Главное Управление по дѣламъ печати и сформировать ему редакцію. Когда все было уже налажено, Чижевъ неожиданно объявилъ мнѣ, что денегъ на изданіе у него нѣтъ.

— Какъ же вы будете издавать газету? — спросилъ я.

— Деньги будутъ... Мы съ вами отправимся къ миллионеру гор. головѣ Маразли, и онъ намъ будетъ выдавать субсидію. Вотъ увидите!

— Я не поѣду, рѣшительно заявилъ я, притомъ Маразли можетъ и не дать денегъ...

— Тогда я раздобуду въ столицѣ, отвѣтилъ Чижевъ, намекая на свои связи въ сферахъ.

Разговоръ происходилъ въ ресторанѣ, гдѣ обыкновенно принималъ и короталъ свое время Чижевъ, истреблявшій при этомъ невѣроятное количество кружекъ пива. Даже проектъ программы будущей газеты и договоръ со мною писались на оборотѣ рестораннаго меню.

Я отъ участія въ Чижевской газетѣ отказался, и профессоръ скоро передалъ газету «Южное обозрѣніе» — такъ она была названа — въ другія руки. Она и теперь существуетъ, но подъ другимъ названіемъ.

Какъ ни неблагоприятны были условія научной работы въ новороссійскомъ университетѣ, изъ стѣнъ его вышли многіе солидные ученые, сдѣлавшіе цѣнные вклады въ науку. Среди питомцевъ университета встрѣчаемъ имена математиковъ Слещинскаго и Ярошенко, астронома Кононовича, минералога Андрусова, химиковъ Зелинскаго, Петріева и Меликова, ботаника Ришави, юри-

стовъ братьевъ Пергаментъ, Гусакова, Орженцкаго, Васьковского, историковъ и историковъ литературы Аванасьева и Овсяннико-Куликовского, Маркевича, профессоровъ механики Лигина, Занчевскаго и Гохмана. Послѣдній извѣстенъ, между прочимъ, составленнымъ имъ «вѣчнымъ календаремъ».

Гохманъ—самородокъ, собственнымъ умомъ дошедшій до науки, за что его прозвали одесскимъ «Архимедомъ». Уже въ дѣтствѣ Гохманъ обнаружилъ изобрѣтательныя наклонности, изобрѣлъ какую-то повозку-самокатъ, буравилъ глубоко земли, чтобы узнать, что тамъ внутри, и докопался до . . . каѳедры въ университетѣ, несмотря на свою принадлежность къ еврейству.

Выпустилъ новороссійскій университетъ и скончавшагося недавно гр. С. Ю. Витте.

А. Е. Кауфманъ.

Мои встрѣчи съ Викторомъ Консидераномъ.

Въ Парижѣ, около сорока лѣтъ тому назадъ, люди, ежедневно обѣдавшіе въ «bouillon Duval» на бульварѣ Сень-Мишель или проводившіе часть вечера въ café Soufflet, очень хорошо знали въ лицо и по имени одного постоянного посѣтителя обоихъ заведеній, аккуратно въ опредѣленные часы обѣдавшаго у Дюваля и потомъ пившаго кофе у Суфле, то прочитывая вечернюю газету, то предаваясь созерцательному *far niente*. Не замѣтить этого человѣка, даже встрѣтившись съ нимъ только одинъ разъ, было нельзя: настолько его лицо, вся его фигура бросались въ глаза своею необычностью. Это былъ бодрый семидесятилѣтній старикъ, очень высокаго роста, статнаго сложенія, державшійся всегда прямо и нѣсколько, я не сказалъ бы—важно, а какъ-то особенно степенно. Голова этого старика была бы прекрасною моделью для живописца или для скульптора: красивы были и довольно длинныя, прямые волосы, сѣдые, зачесанные назадъ, и строгое въ своемъ спокойствіи лицо, съ очень правильными чертами, и добрый, но нѣсколько усталый взглядъ, помнится, карихъ глазъ. Бороду онъ брилъ, но носилъ усы, большіе, длинныя, опущенныя внизъ, какіе часто бываютъ у поляковъ и малороссовъ. Костюмъ его тоже отличался отъ того, который носили всѣ. Во-первыхъ, у его черной фетровой шляпы съ довольно высокой тульей были широчайшія поля, какія рѣдко встрѣчаются въ дѣйствительности, а чаще только на старыхъ портретахъ. Одѣтъ онъ былъ неизмѣнно въ черный бархатный пиджакъ, что-то въ родѣ широкой кофты, какіе бываютъ у художниковъ. Онъ носилъ шейный платокъ, завязывавшійся очень широкимъ бантомъ. Панталоны были тоже довольно широкіе, клѣтчатыя, изъ мелкихъ черныхъ и бѣлыхъ квадратиковъ. Въ общемъ это была очень импозантная фигура.

Старикъ приходилъ обѣдать съ женою, старушкой небольшого роста, толстенькой, одѣтой какъ-то старомодно. За обѣдомъ они едва перекидывались нѣсколькими словами, а послѣ обѣда большею частью она шла домой, а онъ — въ кафе, бывшее тутъ же

неподалеку, совсѣмъ напротивъ, по другую сторону бульвара. И здѣсь онъ обыкновенно проводилъ время въ молчаніи, очень рѣдко обмѣниваясь съ кѣмъ-либо немногими словами, хотя и здоровался съ очень многими изъ завсегдатаевъ кафе.

Въ 1877—8 г. я жилъ въ Парижѣ и тоже былъ ежедневнымъ гостемъ и у Дюваля, и у Суфле. Съ первыхъ же встрѣчъ меня заинтересовала оригинальная фигура и очень скоро одинъ случайный знакомый, русскій электротехникъ, иногда заглядывавшій въ наше кафе, просвѣтилъ меня, кто былъ сей незнакомецъ. Мой собесѣдникъ былъ, вообще, настроенія игриваго, да и прошлое французской мысли ему, вѣроятно, было плохо извѣстно, чѣмъ, конечно, и объясняется такое его объясненіе: «мы зовемъ его хвостоглазомъ, потому что, говорятъ, онъ когда-то писалъ, что въ будущемъ у человѣка вырастетъ хвостъ съ глазомъ на концѣ, который будетъ позволять человѣку, не поворачиваясь, смотрѣть во всѣ стороны». Только послѣ этой шуточной рекомендаціи онъ прибавилъ, что старика зовутъ Консидеранъ. Гарсонъ, къ которому я обратился за подтвержденіемъ, сказалъ мнѣ, что это дѣйствительно «отецъ Консидеранъ» (*le père Considérant*) и сказалъ это съ нѣкоторою гордостью, даже не безъ умиленія передъ почтеннымъ старцемъ.

Такъ вотъ онъ знаменитый Викторъ Консидеранъ, имя котораго сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ еще въ гимназическіе годы изъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго! Неужели это тотъ самый Консидеранъ, который написалъ «*La destinée sociale*», книгу, которую когда-то мнѣ такъ хотѣлось достать, но которой я нигдѣ-нигдѣ достать не могъ, пока не пересталъ искать? И онъ еще живъ этотъ апостолъ фурьеризма, и я его вижу каждый день передъ собою и въ скромномъ ресторанѣ, гдѣ самъ обѣдалъ, и бывшемъ еще тогда тоже очень скромномъ кафе, куда и онъ заходилъ посидѣть часокъ-другой за послѣобѣденнымъ кофе. Невольно мнѣ сдѣлалось обидно за шутливую кличку, кѣмъ-то данную бѣдному старику. Въ кафе Суфле бывало довольно много русской молодежи, эмигрантовъ и полуэмигрантовъ, часто такъ или иначе прикосновенныхъ къ социализму, но къ социализму «научному», и они тоже съ снисходительностью взрослыхъ къ ребячьимъ фантазіямъ относились къ старику Консидерану, какъ представителю «утопизма». Посѣщавшіе кафе французы тоже какъ-то равнодушно относились къ бывшей знаменитости, и только въ названіи «*père Considérant*» было что-то сочувственное, теплое. И думалось мнѣ: *sic transit gloria mundi!*

Я уже сказалъ, что Консидеранъ былъ неразговорчивъ, прямо молчаливъ. Никто меня съ нимъ не могъ познакомить, а самъ

начать съ нимъ разговоръ я не рѣшался. Только много времени спустя, когда открылись курсы въ Сорбоннѣ и въ Collège de France, я сталъ встрѣчать Консидерана на нѣкоторыхъ лекціяхъ. Извѣстно, что во Франціи профессорскія лекціи публичны и что на нихъ очень часто встрѣчаются пожилые и даже старые люди, приходящіе иногда подремать въ теплѣ. Консидеранъ посѣщалъ нѣкоторыя лекціи съ видимымъ интересомъ къ ихъ содержанию. Помню я курсъ Фюстель-де-Куланжа о собственности въ Спартѣ, читавшійся разъ въ недѣлю и въ такое время, когда посѣщеніе его не мѣшало моимъ занятіямъ въ архивѣ и библіотекѣ. На одной изъ лекцій Фюстель-де-Куланжа и произошло, — хорошенько не помню какъ, — мое знакомство съ Консидераномъ. Помнится только, что Консидеранъ случайно сѣлъ рядомъ со мною, и что какое-то, кажется, замѣчаніе, сдѣланное имъ по поводу чего-то, сказаннаго въ лекціи, послужило началомъ нашего разговора. Потомъ, встрѣчаясь, мы другъ съ другомъ кланялись и даже вступали въ бесѣды.

Однажды мнѣ за обѣдомъ у Дюваля пришлось сидѣть противъ четы Консидерановъ, почему-то мнѣ приводившихъ на память Филемона и Бавкиду. Старушка оказалась словоохотливой и много рассказывала, отвѣчая на вопросы, какіе я дѣлалъ ей мужу. Мнѣ очень хотѣлось вызвать воспоминанія старика о Фурье и о героическихъ временахъ фурьеризма, между прочимъ, о попыткѣ основанія фаланстера въ Америкѣ, сдѣланной Консидераномъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ особенно много и поразсказала m-me Консидеранъ, хотя ея рассказъ мало что давалъ для исторіи фурьеризма, — въ родѣ, наприм., эпизода о змѣяхъ, однажды ночью поѣвшихъ всѣхъ куръ фаланстера. Гораздо интереснѣе были, очень только краткіе, рассказы мужа. Объ американской попыткѣ онъ, впрочемъ, говорилъ неохотно, но когда одинъ разъ сталъ мнѣ рассказывать объ отношеніи фурьеристовъ къ сенъ-симонистамъ, о томъ, какъ послѣдніе стали переходить на сторону первыхъ (послѣ знаменитаго процесса Анфантена) и т. п., онъ даже воодушевился, какъ будто дѣло шло о событіи, случившемся только вчера. Потомъ, когда много лѣтъ спустя мнѣ объ этомъ пришлось писать въ своей «Исторіи Западной Европы», я очень жалѣлъ, что въ свое время по свѣжей памяти не записалъ нѣкоторыхъ деталей, сообщенныхъ мнѣ Консидераномъ, но мною впоследствии позабытыхъ.

Многое и другое тоже слѣдовало бы записать, и я очень жалѣю, что этого не дѣлалъ, какъ жалѣю, что не добылъ фотографіи Консидерана, какимъ онъ былъ въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ. Позднѣе, уже въ первые годы текущаго столѣтія, я уже нигдѣ

въ Парижѣ не могъ достать его карточки, а тогда это было бы, вѣроятно, легко. Въ тѣ годы еще существовала фурьеристическая книжная лавка. Самъ Консидеранъ глубоко чтить память своего учителя и говорилъ о немъ не иначе, какъ съ величайшимъ пѣтотомъ. Кое-что изъ этого смутно сохранилось въ моей памяти.

Что-то одинъ разъ дало мнѣ поводъ спросить Консидерана, все ли въ основахъ ученія Фурье онъ, Консидеранъ, сохраняетъ въ полной неприкосновенности послѣ новыхъ пріобрѣтеній научной мысли и новыхъ опытовъ жизни. Отвѣтъ его наэтотъ вопросъ хорошо врѣзался въ моей памяти. Консидеранъ признался, что въ одномъ существенномъ пунктѣ онъ рѣзко отошелъ отъ основъ ученія Фурье. «Мы,—приблизительно такъ сказалъ онъ,—прежде вѣрили въ мировую гармонію, въ которую уже не приходится вѣрить послѣ того, какъ Дарвинъ показалъ, какое значеніе въ мірѣ имѣетъ борьба за существованіе. Намъ уже нельзя теперь стоять на прежней, слишкомъ оптимистической, точкѣ зрѣнія относительно законовъ природы, но это не значитъ, что цѣль, указанная человѣчеству Фурье, не должна быть предметомъ нашихъ стремленій». Нужно, однако, оговориться, что и прежде Консидеранъ далеко не раздѣлялъ натуръ-философскихъ воззрѣній своего учителя, какъ человѣкъ, получившій строго научное образованіе (онъ былъ по специальности инженеръ).

Въ практическую часть ученія Фурье Консидеранъ вѣрилъ, повидимому, до конца. Аналитическій характеръ, какимъ отличалась вся вообще его дѣятельность, за исключеніемъ нѣкотораго вмѣшательства въ событія 1848—9 и 1871 гг., былъ сохраненъ имъ и въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда происходили наши встрѣчи. Это было время макъ-магоновщины, но я не помню, чтобы Консидеранъ говорилъ что-либо на тему тогдашней злобы дня. Вообще онъ былъ очень сдержанъ, когда рѣчь заходила о современныхъ событіяхъ, но я помню, какъ онъ заволновался, когда при мнѣ прочиталъ объ одномъ изъ покушеній на германскаго императора Вильгельма I (Геделя или Нобилинга) весною 1878 г. И сейчасъ я какъ бы слышу серьезнымъ, почти строгимъ, тономъ сказанную мнѣ фразу: «вѣрьте мнѣ, monsieur, что если человѣчество не исполнитъ завѣта Фурье, соціальный вопросъ будетъ рѣшаться пушечнымъ громомъ». Это было сказано Консидераномъ въ одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій за кофейнымъ столикомъ на тротуарѣ около Café Soufflet. Въ слѣдующіе пріѣзды въ Парижъ мнѣ уже рѣдко приходилось встрѣчаться съ Консидераномъ, и я даже не помню, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, но почти увѣренъ, что тогда онъ уже былъ вдовцомъ и, что называется, сильно подавшимся. Едва ли это было позже 1882 г.,

послѣ котораго Консидеранъ прожилъ еще болѣе десяти лѣтъ, скончавшись въ глубокой старости, 85 лѣтъ отъ роду (род. въ 1808 г.).

Мои встрѣчи съ Консидераномъ относятся къ тѣмъ годамъ, когда онъ былъ уже на склонѣ своихъ дней. Несмотря на свою бодрую внѣшность, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, духовно усталого и уже вышедшаго изъ общественной жизни, одинокаго среди новыхъ поколѣній, которымъ онъ былъ чуждъ. Какъ-то и смерть Консидерана прошла мало замѣченной: я не помню, чтобы о ней много писали. По общему характеру своихъ идей и своей дѣятельности онъ принадлежалъ къ пережитому прошлому, и это чувствовалось въ бесѣдахъ съ нимъ и въ отношеніяхъ къ нему окружающихъ людей. Но въ этомъ прошломъ ему принадлежало видное мѣсто, какъ настоящему апостолу фурьеризма, безъ котораго тяжеловѣсныя и часто экстравагантныя идеи Фурье не получили бы, пожалуй, никакого распространенія. Русской литературѣ не мѣшало бы усвоить путемъ перевода или компилятивной передѣлки что-либо изъ того, что о Консидеранѣ написано на его родинѣ.¹⁾

Н. Каргеевъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности Консидерана можно найти въ сочиненіяхъ *M-me Coignet*. Victor Considérant, sa vie et son oeuvre (P. 1895) и *H. Bourgin*. Victor Considérant. Son oeuvre (P. 1909). Срав. *H. Bourgin*. Fourier. P. 1905. Ред.

Картины изъ временъ Вѣнскаго Конгресса ¹⁾.

(Изъ воспоминаній гр. де-ла-Гарда).

VII.

Праздникъ, данный имп. Александромъ въ честь принцессы Ольденбургской.—Поэтъ Карпини и принцъ де-Линъ.

Дворецъ кн. Разумовскаго былъ ярко освѣщенъ. Огромное количество приглашенныхъ гостей осаждало входъ. Имп. Александръ взялъ этотъ дворецъ напрокатъ у своего посланника для того, чтобы устроить въ немъ праздникъ для государей въ день именинъ своей любимой сестры Екатерины, принцессы Ольденбургской.

Всѣ государи, всѣ знаменитые гости конгресса находились здѣсь, гдѣ я встрѣтилъ опять ту пышность, которую видѣлъ въ Москвѣ и въ Тульчинѣ у графини Потоцкой, гдѣ годъ состоялъ изъ 365 праздниковъ.

Залы кн. Разумовскаго были такъ освѣщены, что было свѣтло, какъ днемъ. Большой манежъ былъ обращенъ въ бальную залу. Чтобы внести разнообразіе въ увеселеніе, русскіе танцоры должны были устроить русскій праздникъ. Они вошли, одѣтые цыганами, и исполняли танцы, которыми потомки фараоновъ украшаютъ сладострастные пиры русскихъ бояръ.

Балъ начался неизбѣжнымъ однообразнымъ полонезомъ. Но что носило особенный, граціозный, подходящий къ случаю характеръ, такъ это русскій танецъ, слѣдовавшій за полонезомъ и исполненный одною изъ придворныхъ дамъ императрицы Елизаветы и генераломъ О. Оба были одѣты въ русскіе костюмы. На генералѣ былъ костюмъ молодого москвича: узкій, плотно прилегающій кафтанъ, кашемировый кушакъ, широкополая шляпа и перчатки, похожія на перчатки старинныхъ рыцарей; его партнерша была одѣта въ костюмъ русской южанки, который по нарядности и богатству могъ соперничать со всѣми національ-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 5, 6 и 9.

ными костюмами. На волосахъ, спереди раздѣленныхъ проборомъ, а сзади убранныхъ въ ниспадающія косы, у нея была повязка, унизанная жемчугомъ и драгоценными каменьями. Это украшеніе согласовалось съ остальными частями одежды, которыя были сдѣланы изъ матерій яркихъ цвѣтовъ. Ничего нѣтъ прелестнѣе русскаго танца. Пусть себѣ представляютъ пантомиму, въ которой изображается страстное желаніе мужчины и боязливая сдержанность дѣвушки, которая борется съ своимъ сердцемъ. Она спасается, бѣжитъ, потомъ оборачивается, снова бѣжитъ. Это Галатея Вергилія. Различныя фигуры этого танца, позы, чувства, которыя онъ выражаетъ, переданныя съ граціей и правдивостью, заслужили единодушное одобреніе.

Послѣ русскаго танца танцевали мазурку, родъ мазовецкой кадрили. Наконецъ, для того, чтобы великолѣпіе праздника ничѣмъ не было нарушено, разыграли лотерею по вѣнской модѣ того времени. Одинъ, повидимому, незначительный случай придалъ послѣдней неожиданный интересъ. Обычай требовалъ, чтобы каждый кавалеръ, которому выпалъ счастливый жребій, преподнесъ бы своей дамѣ выигрышъ, выпавшій ему на долю. Драгоценный соболій воротникъ достался кронпринцу Бюртембергскому; онъ поспѣшилъ преподнести его той, кто была царицей праздника. Любовь вознаградила его за это. У Екатерины на груди былъ букетъ, укрѣпленный бантомъ. Она его тотчасъ же откалываетъ отъ платья и передаетъ принцу въ знакъ благодарности. При этомъ откровенномъ признаніи въ чувствѣ, которое съ нѣкоторыхъ поръ ни для кого не было больше тайной, по всему обществу пронесся радостный гулъ.

«Давайте привѣтствовать будущую королеву Бюртембергскую,—сказалъ мнѣ князь Козловскій. Она будетъ королевой, какъ скоро коронованный Нимвродъ соблаговолитъ уступить свое мѣсто. Но, поистинѣ, никогда діадема не украшала болѣе прекраснаго чела!».

Принцъ де-Линь, по обыкновенію, былъ окруженъ толпою слушателей, жаждущихъ подхватить его счастливыя словечки и пикантныя остроты, на которыя было такъ щедро его остроуміе. Онъ отдѣлался отъ нихъ, какъ только меня увидѣлъ, и сдѣлалъ знакъ, чтобы я подошелъ.

«И я также, сказалъ онъ, захотѣлъ преподнести королевѣ этого праздника мой маленькій презентъ. Вчера она меня вызвала къ себѣ и потребовала, чтобы сегодня къ вечеру мною были написаны сто стиховъ на тему, которую она мнѣ предложить. Я никогда не падалъ духомъ въ состязаніи и поэтому принялъ вызовъ: она сейчасъ же мнѣ назначила тему: «Вѣнецъ въ Пра-

терѣ». Вчера вечеромъ я принялся за сочиненіе, а сегодня утромъ выигралъ пари. Худо ли, хорошо ли, мои стихи были готовы и передъ обѣдомъ я послалъ ей новое поэтическое произведеніе. При второмъ выпускѣ я ей напишу, въ видѣ предисловія, слова Вольтера, сказанныя имъ m-elle Клеронъ: «Я проработалъ для Васъ всю ночь, сударыня, какъ двадцатилѣтній юноша»...

Недалеко отъ насъ многолюдное общество окружало Карпини, одного изъ знаменитыхъ поэтовъ современной Италіи. «Не кажется ли, сказалъ онъ, что каждый изъ вѣнскихъ гостей выбралъ девизомъ стихи Аминта:

«Perduto e tutto il tempo,
Che en amar non spendete»¹⁾.

«Да, можно сказать, что всѣ эти государи сожалѣютъ о дняхъ, которые они потеряли въ поискахъ за суетной славой, и что въ ихъ глазахъ ничто недостойно зависти, кромѣ взаимной любви. Это единственное правило, которымъ они руководствуются, въ то время, какъ воображаютъ, что они заняты устройствомъ судебъ міра».

Карпини—авторъ одного произведенія, написаннаго съ такимъ вкусомъ, который ставитъ его на первое мѣсто среди писателей его родины. Заглавіе этого стихотворенія «Прошедшее и будущее».

Когда онъ декламировалъ это стихотвореніе на вечерѣ у Маріи Эстергази, принцъ де-Линь съимпровизировалъ слѣдующее четверостишіе:

Votre futur est l'espérance,
Votre passé le souvenir,
Votre diction l'éloquence,
Et Vous entendre le plaisir²⁾.

Танцы окончились. Принцъ и я поспѣшили пройтись по всѣмъ заламъ дворца, который былъ похожъ на храмъ, посвященный искусству: въ такомъ большомъ количествѣ находились здѣсь образцовыя произведенія искусства, собранныя утонченнымъ вкусомъ хозяина дома. Тутъ висѣли картины величайшихъ художниковъ всѣхъ школъ. Рафаэль рядомъ съ Рубенсомъ, Ванъ-Дейкъ рядомъ съ Корреджіо. Тутъ же бібліотека, биткомъ набитая книгами и рѣдкими манускриптами; въ сосѣднемъ кабинетѣ собрано все, что античное и новое искусство создало самаго утонченнаго. Толпа особенно тѣснилась въ галлерей, предназначенной для образцовыхъ произведеній скульптуры, среди которыхъ возбуждало восхищеніе многое, принадлежащее

¹⁾ Каждое мгновеніе, не посвященное любви, потеряно.

²⁾ Ваше будущее—надежда; ваше прошедшее—воспоминаніе, ваша дикція—краснорѣчіе и слушать васъ—удовольствіе.

рѣзцу Кановы. Этотъ залъ освѣщался алебастровыми лампами, при свѣтѣ которыхъ еще рельефнѣе выступали всѣ совершенства этихъ, точно живыхъ, мраморныхъ статуй. Къ двумъ часамъ ночи отворили огромный залъ, предназначенный для ужина, освѣщенный тысячами свѣчей. Было разставлено 50 столовъ, и по этому количеству можно составить себѣ понятие о числѣ гостей. Въ залѣ, посреди цвѣтовъ, было сервировано съ большою расточительностью все, что Италія, Германія и Франція могутъ доставить изъ гастрономическихъ диковинокъ: стерлядь съ Волги, устрицы изъ Остенде, трюфели изъ Перигора, апельсины изъ Сициліи. Повсюду было безконечное множество ананасовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ еще никогда не видали; эти ананасы были доставлены изъ московскихъ императорскихъ оранжерей. Привезенная изъ Англіи земляника, кисти французскаго винограда, казалось, были только что срѣзаны съ лозы. Но что было вѣдъ всякаго вѣроятія, это—корзины, наполненныя вишнями, которыя красовались на каждомъ изъ пятидесяти столовъ: онѣ въ декабрьскій морозъ были изъ Петербурга и каждая вишня стоила по серебряному рублю. Мнѣ трудно перечислить всѣ проявленія этой безумной расточительности.

Этотъ праздникъ, выдѣлившійся среди ежедневныхъ праздниковъ конгресса, продолжался до наступленія дня. Потомъ былъ приготовленъ завтракъ; послѣ завтрака снова начался балъ, и, если бы не нуждались въ необходимомъ покоѣ, то очень неохотно покинули бы этотъ прекрасный дворецъ, въ который, въ радостномъ веселіи, собралось столько красавицъ и знаменитостей.

VIII.

Имп. Александръ, прусскій король и офицеръ морякъ.—Праздникъ у Штакельберга и Меттерниха.

Однажды утромъ гр. фонъ-Виттъ съ громкимъ смѣхомъ вошелъ ко мнѣ.

— «Что за причина такой веселости, мой милый генералъ?»—спросилъ я его.

— «Приключеніе, о которомъ Уваровъ только что мнѣ рассказалъ. Несмотря на то, что о всѣхъ подробностяхъ этого приключенія ему сообщилъ самъ императоръ Александръ, трудно этому всему повѣрить. Молодой морякъ, любимецъ гр. Несельроде, который никогда не бывалъ въ Петербургѣ и не зналъ въ лицо императора, былъ посланъ съ важными депешами въ Вѣну. Александръ, какъ вамъ извѣстно; любить и здѣсь, какъ и въ своей столицѣ,

прогуливаться пѣшкомъ по улицамъ и садамъ. Въ это утро Его Величество вышелъ изъ дворца, одѣтый въ простое пальто, и вдругъ видитъ молодого офицера его собственнаго флота, который еще въ сапогахъ и шпорахъ, повидимому, старается ориентироваться и ищетъ входа въ императорскій замокъ, не зная къ кому обратиться. Александръ заговариваетъ съ нимъ:

— «Вы, кажется, что-то ищете?»—сказалъ онъ.

— «Конечно,—отвѣчалъ морякъ,—У меня депеши къ русскому императору. Меня послали въ Бургъ, а я вотъ куда забрался! Но такъ какъ я только что пріѣхалъ въ Вѣну, то не знаю, къ кому я долженъ обратиться, кто могъ бы меня проводить и представить»:

Открытое лицо молодого человѣка приводитъ въ восхищеніе Александра, и онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы немного продлить свое инкогнито.

— «Въ эту минуту вы не найдете императора, потому что его нѣтъ во дворцѣ. Но часа черезъ два онъ васъ приметъ».

Бесѣда принимаетъ очень дружескій и откровенный характеръ. Царь спрашиваетъ офицера объ его семьѣ, карьерѣ и его видахъ на будущее. Онъ узнаетъ, что тотъ очень молодымъ поступилъ на службу во флотъ, никогда не бывалъ при дворѣ и никогда не видалъ въ лицо своего государя. Послѣ получасовой прогулки и бесѣды, Александръ обращается къ моряку:

— «Сударь»,—говоритъ онъ ему очень любезнымъ тономъ,—«вы можете передать мнѣ ваше письмо. Я—Александръ».

— «Премилая шутка! Вы, вы императоръ?!»

— «Конечно, русскій императоръ».

— «Ну, хорошо, въ такомъ случаѣ я императоръ китайскій».

— «А почему бы вамъ и не быть китайскимъ императоромъ?»

— «То же думаю и я; и по такому же праву, по какому вы императоръ русскій»,—говоритъ шаловливое дитя Нептуна.

Александръ, все болѣе и болѣе приходя въ восторгъ отъ *qui pro quo*, которое обѣщаетъ стать забавнымъ, находитъ удовольствіе въ этой шуткѣ.

Разговоръ продолжается. Доходятъ до вала. Императоръ замѣчаетъ прусскаго короля, идущаго къ нимъ навстрѣчу.

— «Понимаете ли вы по-нѣмецки?» спрашиваетъ онъ своего спутника.

— «Ни слова», отвѣчаетъ тотъ.

Тотчасъ же Александръ спѣшитъ его опередить, приближается къ Фридриху Вильгельму и обмѣнивается съ нимъ по-нѣмецки нѣсколькими словами, послѣ чего онъ возвращается къ молодому моряку и беретъ его подъ руку.

— «У васъ теперь есть удачный случай познакомиться съ прусскимъ королемъ. Офицеръ моего флота, государь, котораго я имѣю честь представить Вашему Величеству».

— «Еще того лучше!» восклицаетъ офицеръ: «вы, сударь, императоръ прусскій, вы императоръ россійскій, а я, я императоръ китайскій. Три государя!.. Почему нѣтъ! Мой капитанъ правильно говоритъ, что послѣ Господа Бога онъ государь на борту своего корабля... А пророс, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Пруссіи? Каково живетъ въ Берлинѣ? Въ самомъ дѣлѣ, вашъ предшественникъ Фридрихъ В. былъ безспорно герой, точно такъ же, какъ и вашъ предокъ Петръ В. оставилъ по себѣ память великаго преобразователя, говоритъ морякъ, наклоняясь въ сторону Александра, но какъ бы ни были они оба велики, я все же сомнѣваюсь, чтобы они могли бы подражать моему предку, который въ Чесменскомъ бою предпочелъ лучше быть взорваннымъ на воздухъ вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, чѣмъ сдаться туркамъ».

Оба государя не только не чувствовали себя оскорбленными, а наоборотъ ихъ смѣхъ свидѣтельствовалъ, что они отъ всего сердца забавлялись.

Подходятъ къ дверямъ кабачка. Офицеръ очень вѣжливо приглашаетъ своихъ спутниковъ войти туда, чтобы тамъ, за бутылкою вина, продолжать бесѣду.

Подаютъ прохладительные напитки, посѣтителы усаживаются за столъ, пьютъ, чокаются и продолжаютъ довѣрчиво, безо всякаго стѣсненія, разговаривать.

— «Ваше здоровье, мой братъ! обращается Фридрихъ Вильгельмъ прусскій къ императору Александру.

«Ей Богу!—отвѣчаетъ императоръ,—для подобающей торжественности такого тоста недостаетъ лишь артиллерійскаго залпа съ батарей нашихъ столицъ».

— «Ваше желаніе можетъ быть исполнено!—говоритъ морякъ, схватываетъ свой пистолетъ и собирается его зарядить,—на этотъ разъ мы должны будемъ довольствоваться пушкой довольно маленькаго калибра.» Онъ намѣревается спустить курокъ. Не безъ труда удалось предупредить такую шумную демонстрацію. Наконецъ, собираются уходить; морякъ съ упрямствомъ настаиваетъ на томъ, чтобы дали ему заплатить по счету, и приходится на это согласиться. Покидаютъ кабачекъ и приходятъ на бастіоны. Оба монарха видятъ себя немедленно окруженными толпой, которая осыпаетъ ихъ обычными почестями. Герцогъ Ришелье съ почтеніемъ приближается къ Александру и называетъ его «Ваше Величество». Молодой офицеръ, служившій въ

Одессѣ подѣ начальствомъ герцога, узнаетъ его. Онъ блѣднѣетъ, приходитъ въ смущеніе: онъ замѣчаетъ, что онъ былъ предметомъ царской мистификаціи. Однако, вскорѣ ободренный любезнымъ обращеніемъ Александра, онъ торопится передать ему свои депеши. Императоръ принимаетъ ихъ съ дружеской и нѣсколько насмѣшливой улыбкой и отпускаетъ молодого моряка благосклоннымъ движеніемъ руки. Послѣдній, въ тотъ же день, получаетъ отъ своего государя приглашеніе на обѣдъ.

Роль остроумнаго офицера въ этой странной царской забавѣ поможетъ ему гораздо больше, чѣмъ двадцать лѣтъ службы или блестящій подвигъ. Ему не понадобится, подобно его предку, искать себѣ награду въ небесахъ съ помощью пороховой бочки.

«Въ то время, какъ наши государи забавляются,—продолжалъ графъ,—наши императрицы и королевы не хотятъ отъ нихъ отстать. Вы знаете, что сегодня день рожденія русской императрицы. Въ данное время всѣ дни рожденія, всѣ праздники календаря являются поводомъ къ увеселеніямъ и удовольствіямъ. Вчера утромъ австрійская императрица, принцесса Ольденбургская и великая герцогиня Саксенъ-Веймарская, закутанныя въ причудливыя одежды, подѣ чужимъ именемъ явились во дворецъ и приказали о себѣ доложить императрицѣ Елизаветѣ. Послѣ нѣкотораго сомнѣнія онѣ были узнаны и во дворцѣ много этому смѣялись. Были поднесены роскошныя подарки и весь этотъ сюрпризъ былъ принятъ очень благосклонно».

Графъ просилъ меня сопровождать его вечеромъ на большой балъ, который давалъ Штакельбергъ, русскій посланникъ, по случаю дня рожденія императрицы. Я согласился. Говорили, что этотъ праздникъ долженъ былъ быть послѣднимъ русскимъ праздникомъ, потому что, какъ извѣстно было всѣмъ, переговоры должны были закончены къ карнавалу. Многіе государи собирались уже покинуть Вѣну. Лордъ Кэстльри былъ отозванъ въ Лондонъ для открытія парламента. Хотя въ Вѣнѣ, со времени первыхъ дней конгресса, часто носились слухи такого рода, но на этотъ разъ они были правдоподобными. Четыре мѣсяца веселились представители Европы, которые должны были рѣшить судьбу Европы. Политическое равновѣсіе и миръ, какъ предполагали всѣ, были результатами этихъ долгихъ совѣщаній.

Что я могу сказать о балѣ Штакельберга послѣ описанія всѣхъ волшебствъ той эпохи, которыя я пытался уже дать. Казалось, какъ будто между представителями большихъ державъ возникло соревнованіе въ проявленіи пышности и хорошаго вкуса. Но, помимо роскоши и изобилія, балы, которые давала

русская знать высокопоставленнымъ вѣнскимъ гостямъ, отличалась изысканностью въ соединеніи съ тѣмъ, что можно ожидать отъ самой утонченной цивилизаціи.

Самые извѣстные представители дипломатіи и военнаго искусства были приглашены въ столицу Австріи, но посреди этихъ знаменитостей пальма первенства въ утонченности, которую такъ долго присуждали французамъ, безусловно принадлежала Россіи.

Одинъ изъ первыхъ, кого я замѣтилъ въ этомъ блестящемъ обществѣ, былъ генералъ Уваровъ. По своему обыкновенію, онъ стоялъ прямо и неподвижно, также, и на этотъ разъ у него на пальцѣ было то таинственное кольцо, съ которымъ онъ никогда не разставался; на этомъ кольцѣ была вырѣзана мертвая голова. Было ли это кольцо воспоминаніемъ о смерти княгини З., которая отравилась изъ-за любви къ нему, или оно было печальной эмблемой, напоминающей ему о смерти Павла I, къ которой онъ былъ причастенъ, я никогда не могъ этого узнать.

Вблизи него стояли полковникъ Брозинъ и Павелъ Киселевъ, оба адъютанты императора Александра. Первый, красивый и бравый солдатъ, имѣлъ въ послѣдствіи опасную честь занять мѣсто своего государя въ сердцѣ прекрасной Нарышкиной: лишь одному Людовику XIV-му было суждено быть любимымъ m-me Лавальеръ, женщиной, которая посвятила себя небу послѣ того, какъ она перестала посвящать себя своему королю; второй—офицеръ съ большими заслугами, съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ себѣ заслуженную славу, въ качествѣ намѣстника Молдавіи и Валахій. Съ самаго начала вы чувствовали себя очарованными его прямою и блестящимъ характеромъ. Генералъ Киселевъ послѣ того женился на старшей дочери Софіи Потоцкой.

Тамъ стоялъ кн. Долгорукій,—сынъ той прекрасной княгини Долгорукой, для которой Потемкинъ приказалъ обстрѣливать всю ночь напролетъ крѣпость Очаковъ,—въ центрѣ многочисленнаго кружка, въ которомъ можно было различить княгиню Гагарину, Трубецкую, генераль-адъютанта Папкратьева и другихъ.

Немного далѣе Талейранъ вяло разговаривалъ съ Виндингероде и Гарденбергомъ. Среди шума и толкотни его каменная фizioномія выражала то же спокойствіе, какъ и въ залѣ конгресса, гдѣ онъ обсуждалъ судьбу Европы и своего отечества.

Въ то время, какъ Штакельбергъ праздновалъ день рожденія своей императрицы, императоръ Францъ, съ тою же цѣлью, созвалъ всѣхъ коронованныхъ особъ, государей и прочихъ дипломатовъ и военныхъ знатныхъ людей на большой концертъ, въ

одной изъ залъ императорскаго дворца. Концерту предшествовалъ блестяще сервированный обѣдъ. За два дня передъ тѣмъ кн. Меттернихъ далъ блестящій баянъ, на которомъ присутствовали всѣ гости вѣнскаго двора.

Я его видѣлъ облеченнымъ властью, полнымъ дипломатической сдержанности, которой онъ выдѣлялся съ самой своей юности. Меттернихъ въ то время могъ еще считаться молодымъ человѣкомъ. Его черты были красивы и правильны, улыбка обаятельна. Его лицо выражало умъ и благожелательность. Онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ и въ его походкѣ было что-то благородное и изящное. Въ особенности, изъ прекраснаго рисунка Изабея, изображающаго посланниковъ на конгрессѣ, можно было составить точное представленіе обо всѣхъ его внѣшнихъ преимуществахъ, которыми онъ самъ очень гордился. Меттернихъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ рассказчиковъ.

Его праздникъ давался около конца января, и хотя онъ былъ данъ на дачѣ, которая была у Меттерниха въ незначительномъ разстояніи отъ Вѣны, число гостей, несмотря на необычайные холода, было очень значительно и, какъ всегда, тамъ можно было увидать всѣхъ европейскихъ знаменитостей и выдающихся красавицъ.

«Мнѣ кажется непонятнымъ», обратился я къ принцу Филиппу Гессенъ-Гамбургскому, «что это множество празднествъ и увеселеній не влечетъ за собою пресыщенія. Удивительно, что слабая организація женщинъ выдерживаетъ эти все новыя и новыя забавы».

— «Женщины, какъ вамъ извѣстно, находятъ удовольствіе во всякомъ состязаніи, что намъ, мужчинамъ, непонятно, а что же эти балы, какъ не настоящія арены, гдѣ красавицы всѣхъ странъ состязаются между собою при самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Онѣ соперничаютъ другъ съ другомъ въ красотѣ, какъ на карусели, но гдѣ оружіемъ служатъ вѣера. Каждая изъ состязающихся надѣется восторжествовать надъ прочими, а этой надежды достаточно, чтобы удвоить ихъ силы».

IX

Карнаваль. — Маскарадъ. — Діадема или наказанная суетность. — Миліонъ. — Игра и рабство, московскій анекдотъ.

Карнаваль встряхнулъ своими погремушками, и хотя въ продолженіе пяти мѣсяцевъ не выдалось ни одного дня, который не былъ бы ознаменованъ какимъ нибудь празднествомъ, но все же эта лихорадка увеселеній, казалось, собиралась еще болѣе

увеличиться. Почти всѣ важные европейскіе вопросы остались неразрѣшенными. Между тѣмъ, горизонтъ, повидимому, омрачался, и многіе предсказывали сильную бурю, не будучи, однако, въ состояніи указать, откуда могла бы разразиться гроза.

Маскарады посѣщались чаще, чѣмъ когда-либо. Однажды вечеромъ Гриффитсъ и я отправились въ одно изъ этихъ собраній, которыя можно было назвать волшебнымъ фонаремъ конгресса, такъ много было здѣсь публики и такъ была она разнообразна. Послѣ того какъ всѣ залы были открыты, вынуждены были запереть двери и прекратить непрерывный потокъ гостей. Трудно составить себѣ понятіе о томъ безпечномъ веселіи, которое оживляло это общество, состоявшее изъ такихъ разнородныхъ элементовъ.

Въ толкотнѣ я нашелъ кн. Козловскаго.

«Замѣчая со всѣхъ сторонъ», сказалъ я ему, «обмѣнъ нѣжныхъ взглядовъ и еще болѣе нѣжныхъ рукопожатій, можно назвать вѣнскій маскарадъ биржей, гдѣ оперируютъ векселями свѣтской любезности».

— «Бомарше сказалъ это уже раньше васъ о парижской оперѣ, но вы можете сдѣлать добавленіе, что подобные векселя котируются на всѣхъ танцевальныхъ биржахъ Европы. Обратите вниманіе», продолжалъ князь, «на ту молодую даму, которая замаскировалась такъ просто,—калабрійской крестьянкой. Она навѣрно вспоминаетъ, какъ дорого однажды обошлось ея матери минутное тщеславіе. Послѣдняя, находившаяся въ отдаленномъ родствѣ съ моей семьей, узнала, что иногда императорская діадема глубоко ранить, хотя покушеніе, которое она затѣяла, ничуть не касалось политики».

Дама была восхитительна. Я попросилъ моего остроумнаго собесѣдника разсказать мнѣ этотъ случай.

«Однажды императрица Екатерина захотѣла точно сосчитать чудовищную массу драгоцѣнныхъ украшеній, которыя были навалены въ сундукахъ и о цѣнѣ которыхъ во дворцѣ едва ли имѣли понятіе. Но такъ какъ она опасалась кражи при этомъ осмотрѣ, то поручила произвести ревизію двумъ капитанамъ подъ вѣрнымъ и тщательнымъ надзоромъ. Одинъ изъ нихъ былъ отецъ нашей прекрасной маски. Видъ всѣхъ этихъ сокровищъ до того ослѣпилъ глаза ревизоровъ, что они рѣшили совершить воровство. Оба сговорились похитить часть этихъ сокровищъ, надѣясь, что кража останется незамѣченной. Они подѣлили между собою добычу. Одинъ, которому досталось украшеніе изъ жемчуговъ, отослалъ тотчасъ же послѣднее съ своимъ довѣреннымъ въ Амстердамъ, гдѣ тотъ его тайно продалъ. По-

лученныя деньги,—онъ употребилъ на выкупъ родовыхъ имѣній, которыя уже давно были заложены. При этомъ онъ, соблюдая осторожность, перевелъ эти имѣнія на имя своего сына. Другой, доля котораго состояла изъ брилліантовъ, дожидался весны, чтобы отплыть въ Англію, въ надеждѣ тамъ самому лично извлечь изъ продажи большую выгоду, чѣмъ при посредствѣ агента.

Въ числѣ похищенныхъ драгоцѣнностей была діадема стоимостью въ сто тысячъ рублей. Всѣ эти предметы были тщательно спрятаны въ одномъ изъ потайныхъ уголковъ его жилища. Но надъ каждымъ преступленіемъ какъ бы тяготѣлъ злой рокъ. Его супруга открываетъ потайное мѣсто. Напрасно онъ ей клянется, что эта діадема не его собственность, что это добро поручено ему на честное слово. Она его проситъ не о томъ, чтобы онъ ей его подарилъ, но о томъ, чтобы онъ ей позволилъ надѣть его на придворный балъ, и то лишь на одну минуту. Онъ противится ея просьбѣ, она же умоляетъ, неотступно проситъ и плачетъ до тѣхъ поръ, пока капитанъ, страстно любившій жену, уступилъ ей въ надеждѣ, что драгоцѣнность, которая, можетъ быть, уже въ продолженіе ста лѣтъ не показывалась на свѣтъ Божій, не будетъ узнана ни однимъ смертнымъ. Молодая женщина появилась на балу. Судите сами, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою завистью смотрѣли на это драгоцѣнное украшеніе. До сихъ поръ все шло отлично. Но когда триумфъ достигъ уже высшей степени, старая фрейлина Протасова, стоя за стуломъ императрицы, слышитъ, какъ Екатерина громко выражаетъ свое восхищеніе по поводу блеска этихъ брилліантовъ.

«Madame», шепчетъ ей приближенная на ухо, «Ваше Величество не должно удивляться. Эта діадема императрицы вашей тетки, я двадцать разъ видѣла эту діадему, надѣтой на ней».

Эти слова были для Екатерины лучомъ свѣта. Она поднимается и подходитъ къ молодой дамѣ, которая, замороженная своимъ триумфомъ, уже не думаетъ о томъ, что она хотѣла надѣть украшеніе лишь на одну минуту.

«Могу ли я спросить васъ, сударыня», обращается къ ней императрица, «отъ какого ювелира у васъ эти прекрасные камни?» Смушенная этимъ вопросомъ, молодая женщина называетъ фамилію перваго ювелира, которая ей приходитъ въ голову. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, Екатерина удаляется. Между тѣмъ молодая женщина, съ злополучной діадемой на головѣ, продолжаетъ танцовать. Императрица тотчасъ же посылаетъ своего адъютанта, чтобы освѣдомиться у указаннаго ей ювелира, давно ли и для кого онъ сдѣлалъ эту діадему.

Ювелирь заявляетъ, что онъ ни о чемъ подобномъ не знаетъ. Этотъ отвѣтъ доходить тотчасъ же до дворца. Императрица вторично обращается къ молодой дурочкѣ.

«Вы позволили себѣ со мной шутить, сударыня,—говоритъ она ей,—названный вами ювелирь отрицаетъ продажу имъ этой діадемы. Теперь я хочу знать, я требую, чтобы вы мнѣ сказали, откуда она у васъ?!»—прибавляетъ она строгимъ тономъ.

Молодая дама, съ видимымъ страхомъ, лепечетъ, заикаясь, нѣсколько словъ. Подозрѣніе Екатерины усиливается и обращается въ увѣренность.

Она тотчасъ же отдаетъ приказъ арестовать обоихъ ревизоровъ. Оба были отданы подъ судъ, признаны виновными и сосланы въ Сибирь. По странной случайности, у того, который продалъ жемчугъ въ Голландіи и ввелъ сына во владѣніе выкупленнымъ на эти деньги имѣніемъ, эти драгоценности не были отняты, между тѣмъ какъ брилліанты, найденные въ домѣ второго, были заботливо присоединены къ императорскимъ сокровищамъ.

Послѣ того, какъ мы, Гриффитсъ и я, сдѣлали нѣсколько туровъ черезъ всѣ залы, мы рано покинули Бургъ.

Былъ прекрасный вечеръ; мы дошли пѣшкомъ до Охотничьей улицы. Когда мы проходили мимо отеля гр. фонъ-Розенберга, намъ навстрѣчу изъ оконъ вырвалось цѣлое море свѣта. Великолѣпно одѣтые слуги суетливо бѣжали черезъ дворъ и несли тарелки со льдомъ и фруктами. Гармоническая музыка и громкіе голоса свидѣтельствовали о радости, царившей внутри дома.

«Мнѣ кажется», сказалъ я моему другу, «что твой землякъ Ралэй сегодня болѣе расточительно, чѣмъ обыкновенно, угощаетъ своихъ царственныхъ гостей. Если это такъ будетъ продолжаться, то его кредиту на милліонъ скоро наступитъ конецъ».

«Утро вечера мудренѣе,—возразилъ Гриффитсъ,—карьера профессиональныхъ игроковъ до того усѣяна непредвидѣнными случайностями, что слово разоренье, перемѣна счастья, удаливость, излишество находятся въ каждой строчкѣ ихъ біографій. Порой сверкаютъ въ этомъ водоворотѣ нѣсколько лучей благородства, великодушія, жертвы и величія».

Происхожденіе этого кредита на милліонъ гульденовъ находится въ связи съ однимъ событіемъ, о которомъ Ралэй мнѣ самъ рассказывалъ во время послѣдняго его визита и которое характеризуетъ безконечное множество источниковъ игры самымъ изумительнымъ образомъ».

Мы дошли до дому; мой другъ передалъ мнѣ эту исторію приблизительно въ слѣдующихъ словахъ.

«Однажды утромъ передъ подъѣздомъ отеля, который зани-

малъ Ралэй въ Москвѣ, остановился эlegantный экипажъ, запряженный четверкой лошадей, въ великолѣпной сбруѣ, съ длинными развѣвающимися гривами. На козлахъ сидѣлъ кучеръ съ великолѣпной и густой бородой, одѣтый въ затканый золотомъ кафтанъ, стянутый на талии богатымъ казанскимъ кушакомъ; на одной изъ переднихъ лошадей сидѣлъ фореиторъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати-четырнадцати, чисто одѣтый, довольно кокетливаго вида и вышиною не болѣе сапога гвардейца, кричащій тѣмъ рѣзкимъ и далеко раздающимся голосомъ, которымъ эти, похожіе на карликовъ, центавры подзадариваютъ лошадей и предупреждаютъ пѣшеходовъ о томъ, чтобы они дали дорогу. Лакеи въ богатыхъ ливреяхъ и въ треугольных шляпахъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ. Короче сказать, все безукоризненно и въ высшей степени прилично.

Изъ экипажа выходитъ человѣкъ лѣтъ около тридцати, одѣтый по старой русской модѣ, въ русскій костюмъ, который носятъ еще многіе дворяне изъ отдаленныхъ провинцій. У него открытая и привлекательная фizioномія; его свѣтло-русые волнистые волосы сливаются съ такого же цвѣта русою бородой. Вся его наружность,—наружность человѣка изъ высшихъ классовъ общества. Онъ приказываетъ о себѣ доложить и послѣ того входитъ съ тѣми изящными манерами, которыя для людей, желающихъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, за неимѣніемъ другихъ рекомендацій, служатъ хорошимъ паспортомъ.

«Прошу извинить мой визитъ,—говоритъ онъ Ралэю на чистомъ французскомъ языкѣ.—Я долженъ былъ бы раньше попросить у васъ на то разрѣшеніе, но я имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ нѣсколько разъ въ обществѣ и надѣюсь, что это обстоятельство послужитъ мнѣ извиненіемъ».

Ралэй узнавъ его, предлагаетъ ему сѣсть и спрашиваетъ чѣмъ можетъ ему быть полезенъ.

«То, что я вамъ сообщу, сударь, для меня дѣло необычайной важности, но однако раньше всякаго объясненія, вы мнѣ позволите взять съ васъ обѣщаніе сохранить обо всемъ мною сказанномъ глубокое молчаніе. Кромѣ того, вы можете быть увѣреннымъ, что ничто изъ того, что я вамъ открою, не можетъ васъ скомпрометировать».

Ралэй немедленно даетъ обѣщаніе.

«Меня зовутъ, начинаетъ молодой человѣкъ, Сверковъ Ѳеодоръ; я богатый купецъ. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какое мѣсто мы занимаемъ среди горожанъ. Я живу здѣсь, по сосѣдству съ вами, но мой торговый домъ и мое жилище находятся въ Тулѣ.

Вы, какъ мнѣ сказали, англійскій кавалеръ, живете въ Мо-

сквѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ и играете въ карты, подобно всѣмъ знатымъ людямъ вашей страны, по большій и съ лучшими пріемами въ мірѣ. Говорятъ также, сударь, что вы играете счастливо, и я поздравляю васъ съ этимъ, потому что счастье надежное средство противъ обмана».

«Какое отношеніе имѣютъ,—сказалъ изумленно Ралэй, застигнутый врасплохъ,—мои привычки къ вашему визиту? Можетъ быть вы хотите сравнить наше счастье и искусство въ игрѣ въ карты или кости?

— «Нѣтъ, сударь; я никогда не играю и даже не знаю ни одной игры».

— «Такъ въ чемъ же дѣло?»...

«Я хочу—перебилъ его молодой русскій торжественнымъ тономъ, тогда какъ лицо его приняло выраженіе глубокой скорби,—сдѣлать вамъ въ высшей степени важное сообщеніе. Оно касается попытки, успѣхъ которой зависитъ отъ васъ, но которая въ то же время находится въ очень тѣсной связи съ игрою. Мнѣ сказали, что у васъ благородный характеръ. Довѣряя этому, я явился къ вамъ, чтобы вложить въ ваши руки то благо, высокое значеніе котораго англичанинъ умѣетъ цѣнить. Это благо—свобода. Это слово вамъ кажется страннымъ въ моихъ устахъ, сударь. Развѣ не величайшее благодѣяніе Бога, послѣ жизни, основаніе всего великаго и благороднаго—свобода? Ну, хорошо! Этой свободы, безъ которой вся жизнь ничто, я навсегда лишенъ. Я говорю о ней, какъ слѣпой о свѣтѣ. Я рабъ, сударь, и вамъ, можетъ быть, предстоитъ возможность стереть съ моего лба это позорное пятно, этотъ знакъ униженія, этотъ гербъ безчестія, который мы наслѣдуемъ изъ рода въ родъ, какъ печать Каина».

— «Но при чемъ же тутъ я? Объясните».

— «Выслушайте мою просьбу. Въ этомъ бѣшенномъ водоворотѣ, который зовется свѣтомъ, вы встрѣчаетесь съ графомъ К..., прапорщикомъ въ гвардейскомъ полку. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые пользуются большимъ почетомъ въ англійскомъ клубѣ, благодаря своей наглости и высокомерію. Онъ приводитъ въ изумленіе самыхъ неустрашимыхъ игроковъ».

— «Это правда, наше знакомство мало похоже на искреннюю дружбу».

— «Конечно, подобно дружбѣ со многими другими, но я осмѣлюсь утверждать, что въ ней нѣтъ главнаго основанія—уваженія. Вы не можете судить о графѣ, сударь, и въ отношеніи его вы придерживаетесь лишь общественнаго мнѣнія. Хвастовство онъ называетъ гордостью, наглость—мужествомъ, болтовню—образо-

ваніемъ, но что всего хуже, здѣсь, здѣсь», вскричалъ онъ, указывая на сердце, «ему недостаетъ сердца и совѣсти... Извѣстны такіе характеры; никогда не будутъ ихъ уважать, никогда съ ними не могутъ искренно сблизиться».

— «Вы не польстили ему. Дальше, сударь»!

— «Дальше, хорошо! Позоръ на лбу, адъ въ сердцѣ. Я рабъ этого человѣка, этотъ человѣкъ—мой господинъ!»

Когда онъ произнесъ эти слова, его глаза, только что пылавшіе огнемъ, затуманились дымкой слезъ.

Ралэй чувствовалъ себя проникнутымъ глубокимъ состраданіемъ, потому что теперь онъ вполне ясно понялъ, какъ такая судьба должна терзать сердце этого человѣка.

«Успокойтесь и докончите вашъ рассказъ,—сказалъ онъ, пожимая ему сердечно руку,—до сихъ поръ я могу только васъ жалѣть, укажите мнѣ, какимъ путемъ я могу вамъ помочь».

Молодой человѣкъ былъ тронутъ этимъ сердечнымъ тономъ; онъ былъ опять въ состояніи говорить..

— «Отецъ графа жилъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, недалеко отъ Орла. Мой отецъ, который былъ ему переданъ еще очень молодымъ человѣкомъ, пріобрѣлъ его довѣріе, служа ему вѣрой и правдой и благодаря своей преданности достигъ того, что графъ послѣ своей смерти отказалъ ему довольно значительную сумму денегъ, не подумавъ однако о томъ, чтобы отпустить его на волю. Мой отецъ вложилъ эти деньги въ торговлю мѣхами и пушнымъ товаромъ на югъ Россіи. Дѣло пошло хорошо; онъ скоро увидалъ, что состояніе его увеличивается и съ этого времени поставилъ свой домъ соотвѣтственно своему возрастающему богатству. Во время моего дѣтства онъ принялъ къ себѣ въ домъ одну изъ жертвъ французской революціи, которую изгнаніе занесло въ нашу отдаленную страну. Господинъ де Б...., человѣкъ съ солидными знаніями, заботился о моемъ образованіи: онъ сталъ моимъ вторымъ отцомъ. Тѣмъ немногимъ, что я изъ себя представляю, я обязанъ ему. Зная о рабскомъ нашемъ положеніи, онъ много разъ предлагалъ мнѣ вырваться изъ него, послѣдовавъ за нимъ за границу. Но тогда я долженъ былъ бы навсегда покинуть мое отечество; мой отецъ, узнавъ о моемъ бѣгствѣ, былъ бы безутѣшенъ; кромѣ того его, по меньшей мѣрѣ, принудили бы тотчасъ же оставить его великолѣпное жилище и возвратиться къ низменнымъ работамъ обыкновеннаго раба. Но была также еще и другая причина, которая меня привязывала сильнѣе разсудка неразрушимыми узами къ моей постыдной зависимости. Это была любовь; я любилъ и былъ любимъ, но я постоянно гналъ отъ себя мысль связать съ своей судьбой молодую даму дворянку,

которая, выйдя за меня замужъ, сама утратила бы свободу. Я льстилъ себя надеждой, что время уничтожить эти несправедливые законы, что императоръ Александръ скоро сломитъ наше желѣзное иго, что онъ поступитъ съ нами такъ же, какъ съ крестьянами, живущими на берегу Балтійскаго моря, что его впоследствии придется благодарить за освобожденіе милліоновъ мыслящихъ существъ, которыхъ развитіе угнетено произволомъ. Но наши господа скорѣе простили бы ему какія-нибудь неудобства, причиненныя деспотизмомъ, чѣмъ то, что клонится къ исправленію этого деспотизма и къ тому, что можетъ принести пользу низшимъ сословіямъ его подданныхъ. Я надѣялся, что я, наконецъ свободный, могу повести Евдокію къ алтарю, не униженную союзомъ съ рабомъ, но сіяющую подъ бѣлымъ чистымъ вѣнкомъ, который украшаетъ голову свободной жены. Но до сихъ поръ я напрасно надѣялся. Мой отецъ умеръ. Я продолжалъ его торговлю и расширилъ ее до предѣловъ Востока, и въ немногіе годы я, благодаря счастливымъ спекуляціямъ, удвоилъ уже и безъ того значительное состояніе, которое онъ мнѣ оставилъ.

— «Но почему же вы не предлагаете графу выкупа?»

— «Онъ бы отъ него отказался, сударь. Онъ не принадлежитъ къ тому классу помѣщиковъ, которые стоятъ за разумную систему освобожденія крѣпостныхъ. Большіе московскіе бары по принципу никогда не соглашались на выкупъ раба. Еще недавно крѣпостной гр. Шереметева предлагалъ ему за выкупъ на волю 2 милліона, но напрасно, а между тѣмъ этотъ человѣкъ выплачиваетъ графу ежегодно лишь незначительный оброкъ. Но эти сердца изъ желѣза гордятся тѣмъ, что въ числѣ ихъ крѣпостныхъ есть милліонеры, которымъ они могутъ своимъ единымъ словомъ разбить сердце и искалѣчить жизнь, такъ какъ эти несчастные вполне зависятъ отъ произвола ихъ господъ и господскихъ управляющихъ. Они гордятся, когда видятъ ихъ рабовъ, выходящихъ изъ ихъ собственнаго экипажа, который они приобрѣли благодаря своей энергіи, и склоняющихъ передъ ними чело до самой земли. И все это, справедливое небо, только потому, что господинъ, который ихъ такъ унижаетъ,—чтобы сказать вмѣстѣ съ однимъ французскимъ писателемъ,—потрудились лишь родиться. Развѣ это справедливо, сударь? Развѣ это не ужасно?!»

Послѣ небольшой паузы онъ продолжалъ съ такимъ негодованіемъ, что изъ этого можно было легко понять, какъ глубока его рана.

— «Я нарисовалъ вамъ картину въ цѣломъ; но если бы вы знали отдѣльныя подробности этой картины, вы передъ ними содрогнулись бы отъ ужаса! Какое отвращеніе вы почувствовали бы къ

нашему игу. Что заставляло тѣхъ писателей, тѣхъ философовъ, которыми люди обязаны многотомными сочиненіями о правахъ и достоинствахъ человѣка, черпать ихъ доводы изъ фактовъ торговли черными людьми, которые были взяты съ африканскихъ береговъ, чтобы быть проданными на другой конецъ свѣта. Зачѣмъ они не явились къ намъ, чтобы присмотрѣться къ нашему несчастью. Они увидѣли бы, какъ насъ, для которыхъ природа была злой мачехой, переселяютъ съ земли, обработанной нашими руками въ пустынные степи для того, чтобы и ихъ обратить въ плодородныя пашни. Они увидѣли бы, какъ капризъ господина не щадитъ даже самого святого для насъ, какъ принуждаютъ сына быть палачомъ матери, хлестать прутьями грудь, которая его вскормила; какъ наши дѣвушки, наши сестры, наши невѣсты, можетъ быть еще со святымъ причастіемъ на чистыхъ устахъ, будутъ преданы наглѣмъ желаніямъ безсердечнаго господина, при выходѣ ихъ изъ храма. Почему, почему они этого всего не видали? Ахъ, навѣрно, если бы они знали наши скорби, они бы не признали ихъ необходимыми. Ну, сударь. Окончаніемъ всѣхъ этихъ несчастій, обладаніемъ женщины, которую я обожаю и которая, подобно мнѣ, умереть, если благосклонная судьба не соединитъ насъ скоро дарованіемъ свободы, составляющей предметъ самыхъ пламенныхъ моихъ желаній съ тѣхъ поръ, какъ я дышу,—всѣми этими благами я могу быть обязанъ вамъ, и тогда, тогда вы будете для меня больше, чѣмъ человѣкъ, больше, чѣмъ другъ; я буду поклоняться вамъ, какъ божеству.

— «Что же нужно сдѣлать? Я испробую все. Говорите, объясните мнѣ все».

— «Вы играете, сударь; то, что для васъ, можетъ быть, лишь отдыхъ, у графа К...—необузданная страсть, которой онъ все приносить въ жертву и которая непременно увлечетъ его въ пропасть. Съ этой стороны вамъ не будетъ ни малѣйшаго препятствія. Доведите его до того, чтобы онъ, играя, поставилъ на ставку маленькій клочокъ земли, которымъ онъ владѣетъ на берегахъ Волги; это деревня, въ которой насчитывается не болѣе пятидесяти трубъ и жители которой промышляютъ производствомъ гвоздей. Эту деревню, я въ томъ убѣжденъ, онъ не продалъ бы ни за какую цѣну, потому что, если бы это было такъ, то я уже давно сдѣлался бы ея владѣльцемъ. Но въ лихорадочномъ пароксизмѣ игрока онъ можетъ поставить ее на ставку—и потерять. И именно на этомъ и основываются мои надежды. Эта деревня—мѣсто рожденія моего и моего отца; тамъ живетъ моя семья; какъ скоро она сдѣлается моею собственностью, мы всѣ станемъ свободными. Теперь, сударь, распоряжайтесь, въ вашихъ рукахъ

моя тайна и моя судьба. Если вы хотите мнѣ помочь, то мнѣ достаточно одного вашего слова, и прошу васъ, не жалѣйте ставокъ, удваивайте ихъ, увеличивайте ихъ во сто разъ; какой бы то ни было цѣной, добивайтесь побѣды. У васъ неограниченный кредитъ въ моей кассѣ, пользуйтесь имъ, сколько душѣ угодно. И чѣмъ бы ни окончилась ваша попытка, если бы счастье было къ вамъ непрерывно неблагоприятно, если бы даже результатомъ вашихъ потерь было мое разореніе,—во всякомъ случаѣ я буду вашимъ вѣчнымъ должникомъ уже за то, что вы меня поняли, что вы взяли исполнить мою просьбу, сдѣлать изъ меня счастливаго и свободнаго человѣка».

Ралэй все ему обѣщалъ. Они разстались.

Графъ и Ралэй скоро пустились играть во-всю. Англичанинъ, уже раньше упражнявшійся въ подобныхъ маневрахъ, позволилъ себя сначала обыграть. Противникъ, опьяненный успѣхомъ, сталъ буквально тѣнью Ралэя: онъ слѣдовалъ за нимъ повсюду, куда бы тотъ ни направлялся: на охоту, на балъ, на прогулку, въ театръ. Онъ не покидалъ уже его больше. Никогда ни одинъ придворный въ Версалѣ или Сенъ-Джерсѣ не являлся такъ аккуратно къ пробужденію короля. Оба противника избрали игру «Фараонъ», обычную въ Москвѣ. Графъ держалъ банкъ; суммы, проигранныя Ралэемъ, простирались почти до пятидесяти тысячъ рублей. Наконецъ, наступила очередь графа: съ этого момента счастье отъ него отвернулось.

Въ одну ночь, когда Ралэю страшно везло, онъ выигралъ все, чѣмъ владѣлъ графъ К...: звонкую монету, ассигнаціи, произведенія искусствъ, даже образа, оправленные въ золото и драгоценныя камни и которые русскіе считаютъ безцѣнными.

Ралэй все выигралъ и на разсвѣтъ всѣ эти сокровища были нагромождены около стола, который служилъ игрокамъ ареной. Графъ опять предложилъ Ралэю продолжать игру, но, однако, съ тѣмъ, чтобы ставка состояла лишь изъ цифръ, написанныхъ мѣломъ на зеленомъ сукнѣ и которыя ничего бы иного не обозначали, какъ «въ кредитъ».

Серъ Ралэй сдѣлалъ видъ, что хочетъ удалиться, позвалъ своихъ слугъ и приказалъ отнести въ карету все то, что изъ его богатаго и огромнаго выигрыша могло быть унесено. Графъ усиленно просить его остаться, просить съ такимъ умоляющимъ видомъ, такъ неотступно, такимъ тономъ, которымъ умоляютъ о величайшей милости, что Ралэй находитъ моментъ удобнымъ, чтобы исполнить обѣщаніе, данное имъ его молодому протежѣ. Онъ бросаетъ обратно на столъ золото, драгоценности, ассигнаціи.

«Графъ,—говоритъ онъ,—я благородный игрокъ, и вы мо-

жете въ этомъ сейчасъ убѣдиться. Я питаю желаніе сдѣлаться русскимъ землевладѣльцемъ, ну хотя бы даже ради оригинальности. Вы владѣете маленькимъ имѣніемъ на берегу Волги; если это вамъ нравится, то я ставлю противъ этой ставки все, что вы здѣсь видите».

Нужно знать власть этой страсти надъ тѣми, къѣмъ она овладѣла, чтобы понять, что графъ, не колеблясь, согласился на это предложеніе; если бы въ это мгновеніе, когда совершенно исчезла надежда хотя немного отыграться, его противникъ—Люциферъ предложилъ бы ему поставить ставкой душу, онъ не замедлилъ бы это сдѣлать. Не сказавъ ни слова, онъ побѣждалъ къ своему секретарю, потребовалъ отъ него документы на владѣніе этой землей и вернулся, чтобы ихъ поставить, какъ ставку на золото, загромаждающее столъ. И теперь также счастье стало на сторону Ралэя. Они не играли и десяти минутъ, какъ уже Ралэй достигъ того, что сдѣлался владѣльцемъ названнаго имѣнія и былъ у цѣли, такъ долго и страстно желаемой.

«Графъ, сказалъ онъ, вставая и засовывая въ карманъ, какъ документы, сдѣлавшіе его владѣльцемъ земельной собственности, такъ и пятьдесятъ тысячъ рублей, которыя онъ самъ раньше потерялъ въ игрѣ. Графъ, сыграемъ послѣднюю ставку, на все остальное».

Графъ называетъ масть.

«Возьмите все это обратно, говоритъ англичанинъ,—моя ночь мнѣ съ избыткомъ оплачена». Вслѣдъ затѣмъ они расстаются, какъ лучшіе друзья въ мірѣ. Русский былъ въ восхищеніи отъ неожиданнаго и безкорыстно предложеннаго ему реванша. Что касается Ралэя, то онъ не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ о счастьѣ, которымъ онъ облагодѣтельствуетъ своего новаго друга. Еще въ тотъ же самый день счастливый игрокъ написалъ Федору, пославъ ему при этомъ его пятьдесятъ тысячъ обратно и сообщивъ ему, что документы на право владѣнія имѣніемъ на Волгѣ находятся въ его распоряженіи.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того онъ видитъ входящаго къ нему Федора, который ведетъ за руку молодую даму. Въ лицѣ этой красивой, юношески свѣжей, свѣтло-русой дочери сѣвера онъ представляетъ ему Евдокію, которую онъ такъ сильно любитъ и которою онъ также любимъ. Оба кланяются серу Ралэю въ ноги.

«Отнынѣ вы,—лепечетъ она,—нашъ повелитель, нашъ отецъ, благословите насъ, докончите ваше благородное дѣло».

Ралэй помогаетъ ей встать и, проливая обильныя слезы, горячо сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ.

«Вамъ онъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ, говоритъ онъ,

обращаясь къ Евдокіи и передавая ей документы на право владѣнія имѣніемъ. «Несправедливые законы запрещаютъ рабамъ, хотя бы они стали свободными, владѣть вотчиной, но вы, сударыня, вы свободны и тѣ же самые законы позволяютъ, чтобы эта несправедливость уничтожалась, какъ скоро вы возвысили своего крѣпостного до положенія вашего мужа. Вы, въ силу этого полномочія, хозяйка этого имѣнія,—ведите скорѣе Ѳедора къ алтарю и пусть отнынѣ онъ носить только ваши цѣпи».

Въ невыразимо радостномъ волненіи Евдокія бросается въ объятія своего возлюбленнаго.

«Сударь,—говоритъ ему молодой купецъ,—мы не въ силахъ были бы въ продолженіе всей нашей жизни нести столь тяжелое бремя благодарности. Но мы почитали бы себя счастливыми, если бы вы не отвергли нашего небольшого подношенія. Только при этомъ условіи наша радость не будетъ ничѣмъ омрачена».

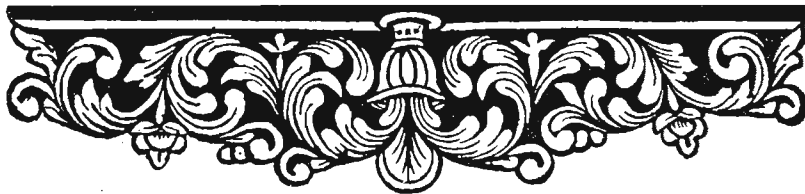
Игрокъ не рѣшался принять плату.

«Примите на память бросился къ нему Ѳедоръ,—этотъ знакъ нашей благодарности, не считайте насъ освободившимися отъ нашихъ обязательствъ. Не отвергайте, мы васъ умоляемъ, этотъ подарокъ или возьмите назадъ ваше благодареніе, прибавилъ онъ, падая вторично ему въ ноги».

Серъ Ралэй не противился дольше. Немного дней спустя, онъ уѣхалъ изъ Москвы.

Въ бумажникѣ онъ нашелъ миллионъ рублей и записку содержащую слова: «Свободному человѣку, который меня освободилъ».

Пер. М. Барсуковой.

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ¹⁾.

XIV. Переписка по поводу юбилея.

Въ 1887 г. въ ноябрѣ исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности Г. Успенскаго (считая съ напечатанія въ книжкѣ «Ясной Полянѣ» Л. Толстого разсказика «Михалычъ»), и этотъ юбилей былъ отмѣченъ, неожиданно для Г. И., цѣлымъ рядомъ привѣтствій, адресовъ и проч., что все необыкновенно его взволновало и тронуло. На избраніе его почетнымъ членомъ общества любителей Россійской словесности въ Москвѣ онъ отвѣтилъ въ началѣ 1888 г. извѣстнымъ письмомъ, въ которомъ отвѣчалъ и на всѣ привѣтствія и говорилъ о грядущемъ любителѣ словесности изъ рядовъ народа. Но прежде, чѣмъ онъ рѣшился на эту форму отвѣта читателямъ, онъ много переволновался, какъ видно изъ слѣдующаго черноваго письма къ Христинѣ Даниловнѣ Алчевской. Къ дѣятельности ея онъ относился съ большимъ уваженіемъ (въ особенности за книгу «Что читать народу?»).

15 февраля 88.

Сію минуту, глубокоуважаемая Христина Даниловна, получилъ Ваше письмо и тотчасъ же отвѣчаю по поводу самаго важнаго, именно относительно моего отвѣта на сочувствіе ко мнѣ, выраженное читателями.

Отвѣтъ непременно надобно, но вотъ въ чемъ дѣло.

Вамъ извѣстно, что Павлен. и Сиб. издають всѣ мои соч. дешевымъ изданіемъ въ 3 рубля. Изданіе выйдетъ 1-го сентября въ двухъ видахъ—одно въ двухъ томахъ, а другое въ 10-ти ма-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» №№ 1—8.

ленькихъ книжкахъ ¹⁾. Это изданіе будетъ для меня большимъ счастьемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и не утаю, между прочимъ, въ матеріальномъ, п. ч. томы 11 и 12, которые я только еще надѣюсь написать, будутъ изданы уже мной самимъ, т.-е. примкнутъ къ тому изданію, которое распротр. Пав. и Сиб. Дешевое изданіе необходимо, и я всегда былъ противъ варварскихъ цѣнъ—10, 15 руб. и т. д. И очень можетъ быть, что изданіе это пройдетъ въ цензурномъ отношеніи. Цензурное начальство хотъ и рѣжетъ меня безпрестанно, но за крамольника не почитаетъ, а спеціально крамольное начальство, т.-е. петербургскія полиціи всѣхъ родовъ и видовъ смотрятъ терпѣливо на мди знакомства, хотя за мною гласный надзоръ.

Но зная чувствительность петербургскаго полицейскаго начальства, я просто таки боюсь *обратить на себя его вниманіе*, если опубликую мою благодарность за адреса, телеграммы, письма и т. д. Вѣдь, всего этого накопилось такъ много,—что не только для меня самого оказалось чрезвычайно неожиданнымъ,—но ужъ для начальства окажется просто бунтомъ или заговоромъ. На меня станутъ смотрѣть въ оба глаза, и дешевое изданіе навѣрное не выйдетъ въ свѣтъ, въ этомъ можно быть вполне увѣреннымъ. Вотъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать?

Я ужъ сдѣлалъ пробу отвѣта такимъ образомъ: Общество Люб. Рус. Слов. въ Москвѣ избрало меня почетнымъ членомъ. Такъ вотъ я и придрался къ этому *избранію*, а не къ 25 л. юбилею, которые запрещены (25-ти лѣтній юбилей освоб. крестьянъ не могъ состояться вслѣд. этого запрещ.), и вотъ въ этомъ моемъ благодарственномъ письмѣ въ Общ. Словесности упомянулъ съ благодарностію о полученныхъ мною адресахъ. Письмо это будетъ прочтено въ одномъ изъ засѣданій Общ. Люб. и когда его будутъ печатать въ газетахъ (въ Рус. Вѣд.), то въ примѣчаніи будутъ перечислены всѣ адреса, письма, телеграммы, которыя я получилъ ²⁾.

Но и этого пожалуй не выйдетъ такъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы я желалъ. Это письмо послано туда ровно недѣлю, но отвѣта о томъ, рѣшатся ли они его читать и печатать, еще нѣтъ. Опасаюсь, что и они, словесники, не рѣшатся прочесть моего посланія.

Не лучше ли мнѣ *пока* поблагодарить въ мѣстныхъ газетахъ? Т.-е. въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Москвѣ и т. д.? Это будетъ шаблонная и бездушная благодарность,—только, и далеко не та

¹⁾ Последнее не состоялось.

²⁾ Письмо было напечатано въ «Рус. М.» 1888 г., апрѣль.

задушевная рѣчь, какою говорили со мною. А это жаль и не-хорошо.

Я написалъ слово «пока» вотъ съ какой цѣлью,—я хочу отвѣ-тить обществу—хорошо, но думаю, что сдѣлать это мнѣ можно будетъ тотчасъ, какъ только дешевое изданіе пройдетъ черезъ цензуру. Если оно будетъ выпущено 1-го сентября, то 2-го будетъ въ газетахъ самый искренній привѣтъ моимъ читателямъ отъ меня.

(Письмо не окончено).

Отголоскомъ юбилея была также любопытная переписка Успенскаго съ откликнувшимся на юбилей изъ Мюнхена Вильгельмомъ Генкелемъ, тѣмъ самымъ Василиемъ Егоровичемъ Генкелемъ, который въ шестидесятыхъ годахъ издавалъ журналъ «Сѣверное Сіяніе»; здѣсь Успенскій печаталъ свои первые рассказы на сюжеты картинъ, снимки съ которыхъ печатались въ журналѣ.

Генкель пишетъ изъ Мюнхена отъ 25 ноября (7 декабря) 1887 года. Онъ прочелъ объ юбилеѣ Г. И. въ «Недѣлѣ» и съ удовольствіемъ вспомнилъ, что когда-то былъ знакомъ съ Успенскимъ. О всемъ характерѣ дѣятельности Успенскаго онъ узналъ только изъ статей въ «Недѣлѣ» Р. Д. (бар. Ром. А. Дистерло), онъ не могъ слѣдить за границей пристально за русской журналистикой, «которая, увы, въ послѣдніе годы такъ страшно потерпѣла отъ разныхъ невзгодъ. Тѣмъ болѣе отрадно встрѣтить на полѣ брани такихъ бойцовъ, какъ Глѣба Ив. Успенскаго». Ему желательно знать, кто издатель сочиненій Успенскаго, «и нельзя ли мнѣ, какъ старому книгопродавцу, разсчитывать на уступку?» Далѣе Генкель сообщалъ о своихъ работахъ, переводахъ на нѣмецкій языкъ русскихъ писателей, о томъ, что собирается одну изъ ближайшихъ своихъ статей посвятить Успенскому. «Не пришлете ли и портретъ Вашъ, я бы помѣстилъ его рядомъ съ портретами Тургенева, Достоевскаго и Л. Толстого на моемъ письменномъ столѣ. Примійте увѣреніе въ моемъ искреннемъ въ Вамъ почтеніи, высокоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ, и не забудьте старика Василю Егорова Генкеля».

Глѣбъ Успенскій отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ. (Помѣтка на письмѣ рукою Генкеля по-нѣмецки: послано изъ Петербурга 13 февраля, въ Мюнхенѣ получено 28 (очев. новаго стиля), отв. страховымъ письмомъ 24 февр. (7 марта) 1888 года).

Дорогой Василій Егоровичъ.

Вы не можете представить себѣ, какъ я былъ радъ вашему письму и тотчасъ же написалъ Вамъ огромное письмо обо всемъ, что

дѣлается въ Россіи—но откровенно говоря—побоялся послать его—Петербургъ любитъ читать чужія письма.

Я душевно радъ, что Вы здоровы и что даже почеркъ въ Вашемъ письмѣ ни мало не перемѣнился съ годами, а точь въ точь такой же, какъ и былъ, и стало быть Вы не состарѣлись ни душой, ни тѣломъ, и занятія литературой не тяготятъ васъ. Долго жить Вамъ, добрый Василій Егоровичъ! Но живите пока тамъ, за границей. Нехорошо, мучительно жить въ Россіи теперь и я не посоветовалъ бы такой жизни врагу. Не знаю, что можетъ европейскій читатель почерпнуть въ русской литературѣ. Она убита въ самыхъ лучшихъ своихъ стремленіяхъ и приведена къ тому, что писатель, сядя за работу, думаетъ о томъ, чтобы не написать такъ, какъ онъ думаетъ. Это отупило всю русскую молодежь, и литература еле-еле влачитъ свое неблагообразное существованіе.

Сію минуту я посылаю Вамъ томы 5, 6, 7 и 8, а скоро пришлю и первые четыре тома. Но въ этихъ 4-хъ томахъ Вы можете найти много о современномъ положеніи народа. Обратите вниманіе на «Власть земли»—сила заключается въ народѣ. Не такъ грубо и подло взглянулъ я на *землю* какъ Золя. Онъ смѣшиваетъ двѣ формы жизни (какъ она и смѣшалась въ Европ. госуд. дѣйствительно)—жизнь на *землѣ*, для того, чтобы добыть *денегъ*. Это въ Россіи не такъ: либо на *землѣ* безъ денегъ, либо съ деньгами безъ земли. Такъ вотъ въ первыхъ главахъ «Власти Земли» представлено «дѣло земли» въ очищенномъ видѣ. Нѣкто Michel Delines издалъ въ Парижѣ книгу *La terre dans le roman russe*,—гдѣ говоря о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Толстомъ—дѣлаетъ заключительную главу и изъ моей «Власти Земли», отзываясь съ похвалой, но выписалъ онъ мало и не подумалъ, что я смотрю на земледѣльческій трудъ—какъ на особый порядокъ жизни. Вы обратите особенное вниманіе на первыя главы, I—V небольшие, а то будетъ скучно пожалуй.

Будьте здоровы, Василій Егоровичъ. Желаю Вамъ всякаго успѣха и хотѣлъ бы видѣть Васъ, если удастся съѣздить за границу. А давно бы надо. Россія и русская жизнь и русская мысль заперты въ душномъ чуланѣ, и охъ, какъ отстали отъ *жизни* другихъ странъ. Если бы мы жили по своему,—но мы *никакъ* не живемъ и идемъ кажется къ полному душевному омертвенію.

Если нужно Вамъ будетъ о чемъ-нибудь спросить меня—пожалуйста пишите мнѣ въ Петербургъ, Вас. О-въ 11 л. д. № 30 кв. 8. Я душевно радъ, что наше знакомство возобновилось письменно. Не могу ли я что нибудь писать изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобы Вы переводили? Я бы много хотѣлъ сказать правды, а для Россіи это нужно, крѣпко нужно.

Искренно Васъ уважающій Гл. Успенскій.

Въ отвѣтъ на это Генкель писалъ отъ 24 февр. (7 марта) 1888 г. между прочимъ:

«Любезный Глѣбъ Ивановичъ, я уже пересталъ было надѣяться, что получу отвѣтъ на мое письмо и сомнѣвался даже, попало ли оно въ Ваши руки, какъ вдругъ неожиданно обрадовали меня Ваши прелюбезныя строки. Человѣкъ, жившій 40 лѣтъ въ Россіи и связанный съ нею столь тѣсными узами, какъ я, непремѣнно обрадуется, когда получаетъ вѣсти отъ милыхъ людей, даже и въ такомъ случаѣ, если вѣсти эти неутѣшительныя. Да, любезный Глѣбъ Ивановичъ, съ душевнымъ прискорбіемъ я читаю, какъ нынѣ Россія управляется и что въ ней дѣлается. Нецензурныя мысли свои я иногда изливаю на столбцахъ нѣмецкихъ газетъ—но что въ томъ толку! Побѣдоносцевыхъ и Толстыхъ этимъ не проймешь! Помните, какія блаженныя времена были шестидесятыя годы? А теперь что? Страшно подумать! Будетъ ли этому конецъ? Право, хоть и страшно думать о войнѣ, но пожалуй что для Россіи нѣтъ другого исхода. Да поможетъ ли война? вотъ вопросъ. Указываютъ на послѣдствія крымской войны—но забываютъ, что тогда совпало еще другое происшествіе—смерть Незабвеннаго, которая больше чѣмъ послѣдствія войны, вліяла на тотъ крутой поворотъ, которымъ ознаменовались первые годы царствованія императора Александра II»....

«Хорошо было бы, если бы Вы могли выбраться хоть на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Россіи, подышать свѣжимъ воздухомъ и понабратся свѣжихъ впечатлѣній!—Дай Богъ Вамъ здоровья и бодрого духа;—настанутъ другія времена, легче жить будетъ.—Извините, что я плохо пишу по-русски—разучился!»

Едва ли это письмо съ довольно-таки шаблонными разсужденіями и нѣсколькими порученіями (напр. о скидкѣ на «Вѣстникъ Европы») и притомъ съ умолчаніемъ о предложеніи Успенскаго писать за границу для перевода на нѣмекій языкъ, могло особенно удовлетворить Успенскаго. Нѣсколько позднѣе отвѣтомъ было слѣдующее письмо Успенскаго, несравненно болѣе сухое, нежели первое:

Дорогой Василій Егоровичъ!

Никакихъ денегъ я съ Васъ не возьму, и вы совершенно напрасно дѣлаете, что пишете объ этомъ. Четыре первыхъ тома я Вамъ вышло, но чрезъ нѣкоторое время.—Но они хуже тѣхъ, которые я вамъ прислалъ. Обратите вниманіе на первый очеркъ V тома. На «Власть земли», «Маленькіе недостатки механизма», «Иванъ Ермолаевичъ», «Пришло на память», «Перестала»...

Я сейчасъ пріѣхалъ изъ деревни и уѣзжаю въ Москву, а затѣмъ, быть можетъ, буду и за границей 1 мѣсяцъ.

Со второй недѣли Великаго поста начинается новое изданіе моихъ сочиненій, 10 томовъ будутъ стоить 3 руб. Изданіе въ маленькихъ книжечкахъ. Оно вновь пересмотрѣно и исправлено. Не лучше ли, если издатель будетъ присылать Вамъ, по мѣрѣ печатанія, листами? Листъ будетъ какъ разъ въ величину конверта и печатаніе пойдетъ быстро. Да я это и сдѣлаю.

Будьте же здоровы, Василій Егоровичъ, и извините меня, что я замедлилъ отвѣтомъ.

Преданный Вамъ

Г. Успенскій.

15 марта 88 г.

На этомъ переписка и окончилась. Генкель умеръ въ очень преклонныхъ годахъ въ Мюнхенѣ въ 1911 г. Успенскому же такъ и не удалось снова побывать за границей.

XV. Къ исторіи «Сѣвернаго Вѣстника».

По насильственному закрытіи весною 1884 г. «Отечественныхъ Записокъ» въ Петербургѣ въ журнальномъ мірѣ образовался чувствительный пробѣлъ. Со второй половины 1885 г. возникъ цензурный «Сѣверный Вѣстникъ», гдѣ началъ было постоянно работать Н. К. Михайловскій, ведшій здѣсь «дневникъ читателя», и стали постоянно сотрудничать Успенскій и Короленко и многіе другія видныя и невидныя имена. Очень скоро, однако, между Михайловскимъ и издательницею журнала Анною Михайловною Евреиновой возникли тренія, въ результатѣ которыхъ Михайловскій ушелъ изъ журнала. Послѣ попытки обойтись безъ него, издательница вскорѣ передала журналъ въ другія руки, и при нихъ онъ измѣнилъ свою фізіономію радикально-позитивнаго преемника «Отечественныхъ Записокъ».

Печатаемая далѣе письма Глѣба Успенскаго и письмо А. М. Евреиновой касаются того момента, когда Успенскій очень хлопоталъ сначала о томъ, чтобы Михайловскій остался въ журналѣ, потомъ о томъ, чтобы журналъ не распался; послѣднее видно и изъ далѣе помѣщеннаго письма В. Г. Короленка, который, подобно Успенскому, полагалъ, что уходъ Михайловскаго еще не поводъ къ распаденію круга сотрудниковъ журнала, уже завоевавшего нѣкоторое положеніе. Переписка обо всемъ этомъ относится къ веснѣ 1888 года.

Не приводимъ нѣсколькихъ дѣловыхъ записокъ Успенскаго къ А. М. Евреиновой: въ двухъ изъ нихъ просьба объ авансахъ, мотивируемая неотложною нуждою. Въ одномъ изъ этихъ нами опущенныхъ писемъ Г. И. говоритъ:

«Анна Михайловна! Посылаю Вамъ начало статейки, окончаніе которой будетъ непременно во вторникъ доставлено. Но я серьезно долженъ сказать Вамъ, что крайне жалѣю, что пишу теперь на эту тему—я до крайности утомленъ, у меня теперь совершенно нѣтъ ни энергіи, ни даже физической возможности дѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ: въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ съ августа 84 по декабрь 85,—я *долженъ былъ* написать до 40-ка печатныхъ листовъ. Были такія обстоятельства, которыя заставляли меня дѣлать такія дѣла, рѣшительно не соотвѣтствующія моей совѣсти. Я положительно измучился и мозгъ мой отказывается работать» (письмо 5 января 1886 г.). Въ другомъ письмѣ отъ 7 апрѣля 1886 г., изъ Одессы, откуда онъ собирался было въ Болгарію, просьба «въ послѣдній разъ» выручить изъ затрудненія въ пути: «причина, почему я рѣшаюсь беспокоить Васъ еще разъ—между прочимъ та, что послѣ 15 апрѣля, можетъ быть, придется платить новый налогъ на паспорта,—а это для меня разоренье и я никакъ не справлюсь съ тѣми средствами, какія у меня есть». Въ третьемъ письмѣ-запискѣ—Г. И. рекомендуетъ вниманію А. М. Евреиновой рукопись нѣкоей г-жи Лѣсницкой, автора разсказа «Мои вдовы».

«Многоуважаемая Анна Михайловна. Никакихъ другихъ измѣненій въ корректурѣ больше не будетъ. Общее названіе «На разныя темы» дастъ мнѣ возможность подъ тѣмъ же заглавіемъ написать что-нибудь и дѣльное со временемъ, теперь я сдѣлать этого не могу.

Интрига и конспирація противъ Н. К.—какъ, вѣроятно, ужъ вамъ извѣстно не удалась, съ перваго же раза, т.-е. въ тотъ же день, какъ только интрига была задумана, Ник. Кон. пришелъ и всю мою механику мнѣ же и разсказалъ. Я же открылъ ему и то, чего онъ не зналъ,—такъ все и кончилось по части механики и интриги.

Но я думаю—неужели въ самомъ дѣлѣ нужны интриги и механики, для того, чтобы такой писатель, какъ Михайловскій, работалъ въ хорошемъ литературномъ органѣ? Ник. Конст. не можетъ бросать литературнаго дѣла изъ-за причинъ литературныхъ: какія такія могутъ быть литературныя противорѣчія или несогласія между нимъ и редакціей? Никакихъ существенно важныхъ причинъ этого рода быть не можетъ: ему можетъ не понравиться плохая статья, или статья ненужная,—только всего; это неизбѣжныя литературныя мелочи. Такого случая, чтобы

хорошая статья—возбудила въ Н. Кон. непріязнь, или онъ захотѣлъ бы отвергнуть дѣльную работу,—развѣ можетъ быть что-нибудь подобное? Да и были ли случаи, чтобы какія-нибудь недоразумѣнія возникали между редакціей и имъ изъ-за статей дѣйствительно дѣльных? Этого рѣшительно не можетъ быть.

Стало быть недоразумѣнія не литературнаго свойства, а если они не литературныя,—то рѣшительно не хорошо дѣлаетъ тотъ, кто изъ-за нихъ разстраиваетъ литерат. дѣло. Если въ этомъ виноватъ Н. К.,—то онъ дѣлаетъ большое зло, уходя отъ хорошаго кружка товарищей. Если же сама редакція придаетъ какое-нибудь значеніе не литературнымъ недоразумѣніямъ—то она дѣлаетъ не лучше Михайловскаго.

Но я думаю, что Вамъ, Анна Мих., дорого литературное дѣло, что на васъ, какъ на ред. единственнаго порядочнаго, молодого органа, *лежитъ обязанность* совершенно пренебречь всѣми неотносящимися до литер. дѣла мелочами, не придавать имъ ни малѣйшаго значенія и сдѣлать все, чтобы отъ Васъ не уходили по какимъ то невѣдомымъ причинамъ писатели, не часто попадающіеся на свѣтъ. Предоставьте на полную его свободу всевозможныя не имѣющія прямого отношенія къ дѣлу фанаберіи,—Богъ съ нимъ,—но, Бога ради, устройте, чтобы онъ работалъ.

Я не видалъ его и не говорилъ съ нимъ; на интригу оказался неспособнымъ, и думаю, что если бы Вы написали ему письмо, усовѣстивъ его, что онъ очень дурно дѣлаетъ, бросая журналъ,—такъ это было бы лучше всего—и просто и справедливо. Съ закрытія Отеч. Зап.,—цѣлыя толпы молодыхъ и всякихъ литераторовъ,—какъ мухи, идутъ въ разбродъ, работая изъ-за копѣйки денегъ. Нѣтъ ни уюта (литературнаго,—а домашній есть у всякаго), ни искренняго вниманія къ работѣ (какъ было у Щедрина)—холодно, одиноко и скучно. Бѣло пишется и невидно—каковъ таковъ читатель у тебя? Въ Сѣв. Вѣстникѣ опять началось было что то по божески, и вдругъ уходитъ Михайлов. Почему? Что за причина? Литературныя несогласія? Я говорю, что это не причина. Они постоянно были въ От. Зап. Съ тысячами вещей Михайлов. не соглашался,—однако, работалъ. Онъ напр. Елисеева не любилъ и совершенно нераздѣлялъ его мнѣній,—однако, работалъ 10 лѣтъ. Возможны же какія-нибудь уступки. И я вполне увѣренъ, что Вы, обдумавши это дѣло безпристрастно и просто, можете сами, безъ всякихъ интригъ и махинацій, привлечь опять Мих. въ С. Вѣст. Редакторомъ или сотрудникомъ—это безразлично. Но нужно, чтобы онъ писалъ здѣсь.

Такъ я думаю, а Вы не сердитесь на меня за письмо. Я именно больше всѣхъ и чувствую литературную безпріютность, одино-

чество, довольно я помучился съ нелитературными издателями и меня крайне волнуетъ, если Вашъ журналъ не пріютитъ Мих., и онъ будетъ шататься гдѣ попало.

Интригу, впрочемъ, я начиналъ, но не кончилъ. Хотѣлъ было написать здѣсь, но не напишу. И объ интригѣ отнынѣ не будетъ помину.

Преданный Вамъ
Г. Успенскій.

Это письмо вызвало, какъ видно далѣе, неудовольствіе со стороны А. М. Евреиновой, и въ отвѣтъ Успенскій послалъ второе письмо все о томъ же, успокоившее ее, о чемъ и упоминается въ началѣ слѣдующаго ея письма.

Глубокоуважаемый

Глѣбъ Ивановичъ!

Ваше второе письмо убѣдило меня, что Вы дѣйствительно не хотѣли меня оскорбить и обидѣть, какъ то случилось по прочтеніи перваго письма. Сознаюсь, а теперь и каюсь, но меня больно обидѣла въ томъ злосчастномъ письмѣ несправедливость. Я не думала винить Н. К. въ неудачахъ журнала. Тутъ не могла я не видѣть опять бабьей сплетни, и меня взорвало, что и Вы вѣрите сомнительному свидѣтельству «говорятъ».

Оскорбили меня упрёки (за) отношенія цензуры къ столь же цѣннымъ для меня, какъ и для всѣхъ, драгоценностямъ литературы. Но я то при чемъ тутъ? Что могу я противъ этой стихійной силы? Неужели затѣмъ возможно предположить, что я не сильнѣе *всѣхъ* сознаю постыдность подцензурнаго положенія? Но существованіе даже и подцензурнаго изданія даетъ возможность группироваться, объединяться, входить въ сношенія и проч. и пр.... Словомъ. при дружной работѣ многое можетъ совершиться... Обвинять меня въ нежеланіи стать въ лучшее положеніе, винить меня въ томъ, что мнѣ *не даютъ* разрѣшенія безцензурнаго изданія, это равняется обвиненію въ глупости съ одной стороны, а ужъ съ другой—рѣшите сами...

Ну да все это въ настоящую минуту, послѣ Вашего письма, теряетъ всякій обидный характеръ. Не въ словахъ дѣло, а въ томъ, что хотѣли словами этими сказать. Вы не хотѣли меня обидѣть, не думали меня оскорблять—больше мнѣ ничего не надо. Вѣрьте, глубокоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ, что «Сѣверный Вѣстникъ» не измѣнитъ своему знамени и будетъ всегда тѣмъ, чѣмъ былъ, и генеральство, и какую бы то ни было диктатуру

смѣло разрушать. Пусть лагерь нашъ растеть и крѣпнеть въ вѣрѣ, что лучшее будущее—не далеко. Примыкайте къ намъ поближе, станьте *товарищемъ* по редакціи: другой опоры намъ не нужно. Если предложеніе это Вамъ по душѣ, то сообщите мнѣ и назначьте время, когда потолкуемъ о подробностяхъ. Мнѣ думается, что это нисколько Васъ не стѣснить, а со временемъ, конечно, не пожалѣете.

И такъ недоразумѣнія долой и съ этой минуты опять

Душевно преданная Вамъ

Анна Евреинова.

Анна Михайловна! Глубоко благодарю Васъ за вчерашнее письмо: оно сняло съ моей души совершенно незаслуженное мной огорченіе, и я со спокойной совѣстью могу оставаться съ Сѣв. Вѣстн. въ тѣхъ же безобидныхъ отношеніяхъ, какъ это было до сихъ поръ. Большая и искренняя Вамъ благодарность.

Вы дѣлаете мнѣ важное предложеніе относительно болѣе близкихъ отношеній къ редакціи и товариществу Сѣв. Вѣстн. И за это я искренно благодаренъ—но я прошу Васъ дать мнѣ время до осени, и тогда я быть можетъ получу возможность говорить съ Вами объ этомъ дѣлѣ положительно. Теперь въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ я положительно бы желалъ обдумать только свои литературныя и всякія дѣла. Юбилей и адреса провели въ моей жизни значительный слѣдъ, и мнѣ надобно на время отстать отъ срочной журнальной работы, сообразить, въ чемъ я погрѣшилъ, отсталъ, чего недодумалъ и что надо бы дѣлать. Кромѣ того, до осени есть у меня нѣкоторые неотложныя обязательства, исправленіе почти всѣхъ десяти томовъ, словомъ, есть много мусорной работы и надъ книгами и надъ своими душевными дѣлами. Всему этому я отдалъ все время до сентября. А вотъ въ сентябрѣ, когда въ журналѣ начнется болѣе острая дѣятельность, я приѣду къ Вамъ и тогда можно будетъ поговорить обо всемъ подробно. Пока же будьте увѣрены, что осенью мои работы будутъ въ С. Вѣстн. по прежнему. Относительно сборника Гаршину я уже отвѣтилъ Якову Вас. Абр. (Абрамову) и статью дамъ, *непремѣнно дамъ*, только надобно знать число. Сію же минуту я сижу надъ статьей о Гаршинѣ для «Русскихъ Вѣдомостей»,—спѣшу и работа многосложная. Пытаюсь по возможности подробно выслѣдить причину этой загадочной смерти. Хочу написать о немъ безъ всякихъ фразъ и запоздалыхъ признаній въ любви. Есть у меня о немъ и личныя воспоминанія и одинъ моментъ знаменательный для того, чтобы понять качество нервнаго разстр.

Гаршина ¹⁾. Какія бы постановленія Ваше собраніе ни сдѣлало, я охотно имъ подчинюсь, а Я. Вас. мнѣ передастъ о нихъ.

Такъ вотъ, многоуважаемая Анна Мих., дайте мнѣ отдохнуть и одуматься до осени, я крѣпко утомленъ въ настоящія минуты.

Преданный Вамъ

Г. Успенскій.

Но съ осени журналъ былъ уже переданъ г-жѣ Гуревичъ.

XVI. Изъ переписки съ Н. Н. Златовратскимъ.

Глѣбъ Успенскій и Н. Н. Златовратскій никогда не были лично близки другъ съ другомъ, и въ архивѣ Г. И. осталось очень немного совершенно дѣловыхъ писемъ автора «Золотыхъ сердецъ» и «Устоевъ». Они касаются, во-первыхъ, журнала «Русское Богатство», въ которомъ Златовратскій принималъ близкое участіе въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и который не имѣлъ успѣха²⁾. Въ 1886 г. Златовратскій приглашалъ Успенскаго принять участіе въ несостоявшемся и затѣянномъ тогда въ Москвѣ сборникѣ въ память 25-лѣтія освобожденія крестьянъ. Сборникъ не осуществился, помимо всего прочаго, потому, что въ то время состоялось распоряженіе—дабы общество не стало праздновать освобожденія крестьянъ—25-лѣтнихъ юбилеевъ за юбилеи не признавать.

Лѣтомъ 1888 года Златовратскій приглашалъ Успенскаго принять участіе въ возникшемъ было въ Москвѣ небольшомъ журналѣ «Эпоха», который очень скоро прекратился (вышелъ только одинъ номеръ вслѣдствіе внезапной смерти издателя).

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

Рѣшаюсь писать Вамъ подъ очень, очень грустнымъ впечатлѣніемъ отъ «Русскаго Богатства». Что намъ дѣлать? Каждая книжка выходитъ все слабѣе и слабѣе, матеріаловъ нѣтъ, а если что и есть, то все до такой степени слабое, что или выбрать вовсе нечего, или приходится брать такой низкій критерій, что журналъ рискуетъ обратиться въ дѣтскій... Съ каждымъ днемъ индифферентизмъ участниковъ сказывается все сильнѣе и сильнѣе. Надо выпускать апрѣльскую книжку—и унасъ не только не оказывается матеріала, но нѣтъ даже продолженія уже начатыхъ статей... Что же это будетъ? Вѣдь мы совсѣмъ загубимъ журналъ, а съ нимъ и свои

¹⁾ Известно, что Гаршинъ въ крайнемъ нервномъ возбужденіи ходилъ въ 1880 г. къ диктатору Лорисъ-Меликову умолять о помилованіи Молодцова. Г. Успенскій видѣлъ Гаршина у себя въ квартирѣ предъ этимъ его шагомъ.

²⁾ Подъ редакцію Н. К. Михайловскаго «Русское Богатство» перешло въ 1892 г. Въ 1886 г. редакторами «Р. Б.» были П. В. Быковъ и д-ръ Поповъ, издателемъ Л. Е. Оболенскій.

репутации. Согласитесь, что это не особенно даже полезно и для тѣхъ идей, которыя взялись мы проводить, и для самаго дѣла, которое мы начали... Пожалуй, придется отдать въ концѣ концовъ честь проницательности гг. газетчикамъ, обвинявшимъ насъ въ совершенно неосновательной заносчивости... Просто голова идетъ кругомъ: ни Вы, ни Протопоповъ никогда не бываете въ редакціи, нѣтъ Кривенко и Анненскаго, нѣтъ Гаршина... Нѣтъ и нѣтъ ни людей, ни статей...

Не забывайте же хоть Вы «Русскаго Богатства» и поддержите его.

Не можете ли Вы тотчасъ по полученіи этого письма прислать намъ для апрѣльской кн. хотя что-нибудь.

Вашъ

Н. Златовратскій.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

Надумали мы здѣсь, небольшая компанія писателей,—пользуясь случаемъ 25-лѣтія освобожденія крестьянъ,—издать сборникъ (беллетристическій), который и по мысли, и по исполненію соотвѣтствовалъ бы вызвавшему его обстоятельству. Предположили мы, во 1-хъ, пригласить къ участию по преимуществу беллетристовъ, болѣе или менѣе родственныхъ намъ по духу, и отчасти этнографовъ; во 2-хъ поставить условіемъ, чтобы всѣ статьи касались той или иной стороны освобожденія, итоговъ, сопоставленій до и послѣ освобожденія и пр.; въ 3-хъ чтобы—и это главное—всѣ произведенія, нисколько не теряя серьезности и глубины содержанія и художественности исполненія, были доступны и интересны народу. Если послѣднее условіе будетъ выполнено, сборникъ будетъ изданъ въ возможно большемъ количествѣ экземпляровъ и по возможно дешевой цѣнѣ. Объемъ его предполагается отъ 20—25 листовъ. Редакція сосредоточится здѣсь, въ Москвѣ, при участіи моемъ, А. С. Пругавина, В. Г. Короленка, А. И. Эртеля и др. и при содѣйствіи гр. Л. Н. Толстого.

Думая, что такая попытка ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишней, мы примемъ всѣ мѣры, чтобы привести ее въ исполненіе. Успѣхъ же дѣла, конечно, будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесутся къ нему наши товарищи. Будемъ надѣяться, что и Вы не только не откажете примкнуть къ намъ, но и съ своей стороны окажете содѣйствіе этому предпріятію всѣмъ, чѣмъ найдете возможнымъ. Матеріальная часть изданія почти навѣрное обезпечена. Гонораровъ не будетъ. Возможный доходъ отъ изданія

пойдетъ или на удешевленіе цѣны книги, или на предпріятіе, подобное настоящему. Срокъ изданія—августъ или сентябрь. Печатаніе предполагается лѣтомъ, поэтому желательно, чтобы рукописи были доставлены ко мнѣ приблизительно до мая.

Не оставьте отвѣтомъ.

Искренно уважающій Васъ

Н. Златовратскій.

Адресъ мой: Каретный рядъ, Спасъ-Пески, церковный домъ.

Р. S. Это письмо нѣсколько запоздало потому, что мы ожидали Ваше(го) пріѣзда въ Москву, чтобы лично переговорить объ этомъ.

Москва, 16 марта 86 г.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ.

Съ сентября мѣсяца предполагается въ Москвѣ изданіе научно-литературнаго журнала *Эпоха*, въ которомъ принимаютъ ближайшее участіе нѣкоторые изъ литераторовъ, живущихъ въ Москвѣ, между прочимъ В. П. Воронцовъ и я. Предполагаемый журналъ будетъ небольшой, до 15 печ. листовъ въ мѣсяцъ, при годовой цѣнѣ въ 5 руб., слѣдовательно и разсчитывать можетъ на соотвѣтственную публику, а потому для него главнымъ образомъ были бы желательны небольшія монографіи по всѣмъ отраслямъ литературы и небольшіе повѣсти и рассказы.

Не найдете ли возможнымъ Вы, многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ, оказать свое содѣйствіе сотрудничествомъ въ *Эпохѣ*, которое было бы для нея весьма дорого и важно?

Если Вы не будете ничего имѣть противъ этого предложенія, будьте такъ любезны—не откажите увѣдомить меня, по возможности поскорѣе, можно-ли воспользоваться Вашимъ именемъ для помѣщенія въ объявленіяхъ объ изданіи *Эпохи*.

Мой адресъ: станція *Подсолнечная* (Николаевской желѣзной дор.), въ селѣ Якишино, Аннѣ Владимировнѣ Филатовой, съ передачею мнѣ.

Искренно уважающій Васъ

Н. Златовратскій.

5 іюня 86 г.

Отвѣтное письмо Г. И. Успенскаго:

Чудово, 18-го августа 88 г.

Николай Николаевичъ! Письмо Ваше о сотрудничествѣ въ журналѣ *Эпоха* я получилъ, возвратившись изъ поѣздки, 16 авг., и отвѣчаю Вамъ по адресу, напечатанному въ объявленіи о журналѣ, полагая, что Вы уже въ городѣ.

Извольте, я охотно прійму въ Вашемъ изданіи участіе и при первой возможности пришлю непременно работу. Теперь же спѣшу пожелать Вамъ всякаго успѣха.

С. Н. Кривенко только что возвратился изъ ссылки и крайне нуждается въ работѣ. Не дадите ли ему ежемѣсячной работы? Онъ бы могъ писать нѣчто въ родѣ «Очерковъ русской жизни» Шелгунова. Задумано имъ много работъ и не худо бы Вамъ съ нимъ списаться. Онъ отдохнулъ, много пережилъ и со свѣжими силами много бы сдѣлалъ для новаго журнала.

Писать ему надо: Чудово, Н. ж. д. Люд., Ник. Крив. для передачи С. Н.

Пока онъ еще не знаетъ, гдѣ будетъ жить. Вѣроятно, въ Новгородѣ.

Еще разъ желаю Вамъ полного успѣха.

Г. Успенскій.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ.

Сердечно благодаримъ Васъ за согласіе на наше предложеніе и за пожеланіе успѣха. Съ великой признательностью встрѣтимъ Ваши работы въ *Эпохѣ*.

Сергѣю Николаевичу готовы содѣйствовать всѣмъ, чѣмъ будетъ возможно, и отъ души привѣтствуемъ его возвращеніе къ литературной дѣятельности. Вмѣстѣ съ этимъ посылаемъ письма и ему. Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ опредѣлить точно, какъ пойдетъ дѣло съ *Эпохой* и насколько могутъ быть осуществлены наши желанія.

Пожалуйста, не оставьте насъ, Глѣбъ Ивановичъ, своей работой въ особенности въ ближайшее время, которое такъ важно для постановки всего дѣла, тѣмъ болѣе, что мы лишены возможности, по крайней мѣрѣ теперь, объявить даже составъ сотрудниковъ; всѣ наши расчеты, значить, на первыя книжки.

Еще разъ благодарю Васъ за Ваше любезное согласіе на сотрудничество съ нами.

Вашъ Н. Златовратскій.

21-го августа 86 г.

XVII. Изъ писемъ къ Успенскому В. Г. Короленка.

Исторія знакомства Успенскаго съ Короленкомъ подробно разсказана въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ послѣдняго. Поэтому излагать ее здѣсь нѣтъ надобности. Воспоминанія эти проникновенно обрисовываютъ личность, а въ связи съ нею и юморъ

и творчество Г. И. Писемъ В. Г. въ архивѣ Успенскаго осталось только три.

Два коротенькихъ письма касаются хлопотъ Короленка о застрявшемъ въ Нижнемъ на желѣзной дорогѣ, по разсѣянности и нераспорядительности Г. И., его чемоданѣ. «Нельзя же, право, терять вещи Богъ знаетъ изъ-за чего, и я буду—пишетъ В. Г.—считать свой городъ Нижній Новградъ опозореннымъ, если въ немъ хламы Глѣба Ивановича Успенскаго будутъ продаваться за безцѣнокъ на толкучкѣ». Къ «позору» для Нижняго такъ и случилось: Г. И. опоздалъ во-время прислать довѣренность на получение вещей и онѣ были проданы съ торговъ.

Одно болѣе пространное письмо В. Г. Короленка, помѣченное 16 сентября (1888 года) имѣетъ болѣе широкое значеніе, и для характеристики ихъ отношеній, и для литературной исторіи, разыгрывавшейся въ то время въ связи съ уходомъ изъ «Сѣвернаго Вѣстника» Н. К. Михайловскаго.

16 сентября.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ.

Большое спасибо Вамъ за Ваше дружеское письмо. Всѣмъ намъ теперь очень тяжело: дѣвочка у сестры умираетъ и мучится вотъ уже очень долго (воспаленіе легкихъ); Ваше письмо, хотя и случайно совпавшее съ этими тяжелыми минутами,—мнѣ очень дорого. Я никогда Вамъ не говорилъ о томъ, какъ я Васъ люблю, потому что говорить объ этомъ трудно; а написать все-таки легче.—Когда то, еще въ Якутской области, я тоже, еще не зная Васъ лично,—получилъ отъ Васъ (хотя и не непосредственно) нѣсколько словъ, которыя меня очень ободрили. Это былъ Вашъ отзывъ о моемъ рассказикѣ «Чудная», который какъ-то попалъ Вамъ въ руки. Я тогда какъ разъ рѣшилъ, что изъ моихъ попытокъ ничего не выйдетъ, и хотя писалъ по временамъ, повинуюсь внутреннему побужденію, но самъ не придавалъ своей работѣ значенія и смотрѣлъ на нее, какъ на диллетантскія шалости. Въ это время, черезъ третьи руки мнѣ пишутъ, что Г. И. Успенскій читалъ гдѣ-то въ кружкѣ мою «Чудную» и проситъ передать автору, чтобы онъ продолжалъ. Я по нѣскольку разъ снималъ съ полки въ своей куртѣ это письмо и перечитывалъ эти строки, и мое воображеніе оживлялось. Когда я надумалъ и писалъ «Сонъ Макара», то Вашъ хорошій отзывъ все мелькалъ у меня въ умѣ.

Ну, будетъ объ этомъ.

Почему Вы спрашиваете, какъ будто, остаюсь ли я въ «Сѣв.

Вѣстникъ». Пока еще не случилось ничего, что заставило бы меня думать о выходѣ изъ журнала, и мнѣ было бы очень непріятно, если бы пришлось уйти. Я смотрю на каждый журналъ, какъ на общее дѣло всѣхъ, вложившихъ туда свои силы. Вѣдь «Сѣв. Вѣстникъ»—не одна Анна Мих. (Евреинова). Тутъ есть частицы души и моей, и Вашей, и Ник. К-ча, который ушелъ. Зачѣмъ этому всему пропадать? Такъ же и «Русская Мысль», вѣдь это не одинъ Гольцевъ и Лавровъ. Есть промахи, ошибки иногда очень несимпатичныя,—надо стараться, чтобъ этого не было. И пока я могу—буду стараться. Вотъ развѣ что нибудь выйдетъ экстраординарное. Но кажется, что еще ничего нѣтъ. Моя мечта состоитъ въ томъ, чтобы журналъ сталъ на ноги, чтобы редакція достигла полного «самоопредѣленія», чтобы прекратились шатанія и колебанія и... —чтобы Михайловскій вошелъ опять въ редакцію. Эти свои мечты я ни отъ кого не скрывалъ и многократно высказывалъ ихъ Аннѣ Михайловнѣ въ редакціи. Были у насъ съ нею кое-какіе разговоры и несогласія, но они уладились, какъ мнѣ казалось, и кончились взаимнымъ пониманіемъ и согласіемъ. Думаю, что это было искренно, и что у Анны Михайловны намѣренія хорошія. Итакъ—если Вы дадите рассказъ—я лично тоже буду очень-очень благодаренъ. Пишу объ этомъ Аннѣ Михайловнѣ. Если надо будетъ доплатить, то, я думаю, она это сдѣлаетъ охотно и сама.—Всѣ наши и Ник. Ѳеодор. (Анненскій).—Ч. В-ій и вообще всѣ мы—кланяемся и обнимаемъ Васъ.

Вашъ В. Короленко.

Приписки:

Адреса-то Вы и не написали. Мой привѣтъ всѣмъ Вашимъ.

Кстати еще о деньгахъ. О тридцати рубляхъ послѣднихъ я не знаю. А прежніе 25 р. Вы рѣшительно никому не должны. «Кутили» мы вмѣстѣ, платили почти Вы одни, и деньги, тогда Вамъ врученныя, были только уплатой нашего Вамъ долга. ¹⁾

XVIII. Изъ писемъ Г. Успенскаго къ Я. В. Абрамову.

Какъ уже было отмѣчено, Я. В. Абрамовъ вошелъ въ литературу чрезъ «Отеч. Записки» при посредствѣ Успенскаго. Сохра-

¹⁾ Предположенія В. Г. Короленко о возможности примиренія Н. К. Михайловскаго съ редакціей «Сѣв. Вѣстника» не оправдались. Въ журналѣ появилось нѣсколько полемическихъ пассажей по адресу Михайловскаго, и Короленко вскорѣ тоже ушелъ изъ «Сѣв. Вѣстника», который принялъ другой характеръ. Уходомъ Михайловскаго опредѣлилась судьба журнала.

нилось нѣсколько десятковъ записокъ и писемъ Г. И. къ Абрамову, относящихся къ второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда Абрамовъ перебрался въ Петербургъ и здѣсь близко стоялъ къ «Недѣлѣ» и къ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» въ первый его періодъ изданія А. М. Евреиновой. Большинство писемъ касается разнообразныхъ замѣтокъ и статей Успенскаго, иногда темъ, которыя, по мнѣнію Успенскаго, надо было бы освѣтить въ журналѣ, и разныхъ житейскихъ дѣлъ и дѣлишекъ. Дружелюбный и теплый тонъ этихъ летучекъ, любовно сохраненныхъ Я. В., говоритъ о томъ, какъ цѣнилъ Г. И. неутомимаго скромнаго работника пера, какимъ всегда былъ Абрамовъ.

Любезнѣйшій Яковъ Васильевичъ!

При этомъ письмѣ прилагается очень любопытная и интересная рукопись которую положительно надо бы помѣстить въ Недѣлѣ или С. Вѣст. Въ Недѣлѣ въ послѣднее время очень часто пишутъ о необходимости работать въ народѣ. Это такъ. Но надо же и заступаться за этихъ работниковъ, надо же, чтобы жизнь и работа въ народѣ не были тиранствомъ и мученичествомъ. Объ учителяхъ въ Недѣлѣ писалось много сочувственнаго—и это хорошо. Но горькія условія жизни этихъ работниковъ надо же въставлять въ литературѣ. Если бы вы сдѣлали маленькое предисловіе къ этой рукописи и посократили ее, т.-е. поисправили бы вообще въ литературномъ отношеніи, то я думаю, что она бы могла быть напечатана въ книжкахъ Недѣли или въ Сѣв. Вѣстникѣ, во 2-мъ отдѣлѣ.

Будьте добры, не откажите обратить вниманіе на мою покорнѣйшую просьбу.

Вашъ Г. Успенскій.

Чудово 6 янв. 86.

О чужихъ рукописяхъ и статьяхъ вообще предстательствуетъ Успенскій постоянно, въ рядѣ записочекъ, а между тѣмъ и самому ему, при одолѣвшей его необходимости писать безумно много и спѣшно, приходится думать и о своихъ статьяхъ и замѣткахъ.

Записочки, гдѣ рѣчь о собственныхъ статьяхъ Успенскаго, обращаютъ на себя вниманіе обычно крайне скромнымъ мнѣніемъ Г. И. о своихъ писаніяхъ; онъ всецѣло предоставляет ихъ на усмотрѣніе гораздо менѣе и одареннаго, и компетентнаго человека.

31 декабря 1887
(помѣтка датъ принадлежитъ Абрамову).

Дорогой Яковъ Васильевичъ!

Полагаюсь на Вашъ судъ. Вотъ небольшая статейка, которую я было написалъ для Рус. Вѣд., но которую они не напечатали—боятся. Если она годится для П. А. (Гайдебурова, редактора «Недѣли».—*Ч. В-й*)—отдайте ее; я знаю, она плоха и слаба, но въ корректурѣ я прибавлю много живыхъ разговоровъ кулаковъ объ орлеанскихъ фальшивыхъ письмахъ и она будетъ живѣй.—Такъ разсудите Вы это дѣло сами. Если же статья такъ плоха, что Вамъ будетъ неловко показать ее Гайд., то и не надо,—а просто приходите сегодня встрѣчать Новый годъ.

Вашъ Г. Успенскій.

«Статьейка» была принята въ «Недѣлю» и по поводу ея новая записка:

Дорогой Яковъ Васильевичъ!

Сдѣлайте милость, прочитайте корректуру моей статейки, которую я далъ Гайдебурову. Я ѣду въ Чудово за дѣтьми. Пожалуйста предупредите П. А., что бы онъ выслалъ ее Вамъ. Марайте, поправляйте, вставляйте туда все, что будетъ нужно. Пожалуйста.

Г. Усп.

Дружескія записочки начала 1888 года:

Яковъ Васильевичъ. Сегодня Алек. Вас. справляетъ Сашины именины. Приходите къ намъ вечеромъ, когда хотите, если только Вамъ можно выходить. Я хотѣлъ быть у Васъ, узналъ, что Вы больны,—но поистинѣ не могъ этого сдѣлать. Говорятъ—тифъ. А я ужъ такъ натерпѣлся дома отъ дѣтскихъ болѣзней, что началъ даже бояться пробовать чтонибудь еще въ этомъ родѣ.

Г. Успенскій.

Дорогой Яковъ Васильевичъ.

Сегодня у меня пирога не будетъ,—крѣпко мнѣ нездоровится. Съѣдимъ мы его какънибудь на этой недѣлѣ, а если завтра вы вечеромъ заглянете ко мнѣ, чтобы поговорить—я буду душевно радъ.

Вашъ Г. Успенскій.

Отношенія Успенскаго къ Абрамову характеризуются еще эпизодомъ со сборникомъ въ память Гаршина. Въ концѣ ноября или началѣ декабря 1888 года Успенскому понадобился лишній экземпляръ, который тотчасъ же не былъ ему присланъ. Въ за-

пискѣ (въ которой Г. И. спрашиваетъ адресъ статистика Щербины, для отсылки ему экземпляра новаго изданія своихъ сочиненій), Г. И. приписалъ: «Я писалъ Вамъ еще о сборникѣ Гаршина. Если это трудно—то не надо».—«Дорогой Глѣбъ Ивановичъ!—отвѣтилъ Абрамовъ.—Я не отвѣтилъ Вамъ вчера, потому что сегодня хотѣлъ посѣтить Васъ самъ. А вы уже разсердились на меня... Адресъ Щербины: Воронежъ, губернская земская управа, Федору Андреевичу Щербинѣ. Гаршинскій сборникъ посылаю. Пожалуйста, не сердитесь за промедленіе, дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Я. Абрамовъ». Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ записка (помѣтка о полученіи 2 дек. 1888 г.):

Яковъ Васильевичъ! Не примите, быть можетъ неосторожнаго слова за то, чтобы я могъ разсердиться. Никогда этого не можетъ быть! Теперь же я до невозможности разстроенъ и иногда пишу и не дописываю. Экземпляръ Гаршина можетъ быть проданъ, если книги его идутъ хорошо,—то и этотъ можно продать. Вотъ почему я сказалъ не надо. Никогда въ жизни не можетъ быть, чтобы я разсердился и на Васъ.

Вѣрьте моей непремѣнной къ Вамъ любви и уваженіи.

Преданный Вамъ

Г. Успенскій.

Въ концѣ того же года Успенскій пишетъ:

Яковъ Васильевичъ! У меня къ вамъ большая просьба: на дняхъ (а когда именно не знаю) мнѣ надобно платить въ фондъ 300 р. Теперь это для меня очень трудно и я хотѣлъ бы отсрочить. Не можетъ ли П. А. Гайдебуровъ сдѣлать для меня это, а я въ благодарность непременно дамъ ему къ январю рассказъ для книжки *Недѣли*. Необходимо сдѣлать такъ: 300 р. я вручу чрезъ Васъ г. Гайдебурову, онъ и представитъ въ фондъ, вмѣстѣ съ моей просьбой объ отсрочкѣ, и фондъ вычтетъ изъ нихъ проценты за полгода впередъ, даже только на три мѣсяца и то мнѣ лучше. Пожалуйста поговорите съ нимъ объ этомъ и увѣдомьте меня, можетъ ли онъ сдѣлать это, если представитъ мое къ нему письмо съ просьбой объ отсрочкѣ и проценты (онъ представитъ всѣ 300 р., но за вычетомъ процентовъ возвратитъ мнѣ остальное).

Увѣдомьте меня пожалуйста съ посыльнымъ, если Вамъ самимъ неудобно будетъ заглянуть во вторникъ, когда я могу уже передать Вамъ и рукопись. Вечеромъ.

Вашъ Г. Успенскій.

16 сентября 1888 г. помѣчена записка о денежномъ одолженіи еще болѣе скромномъ:

Дорогой Яковъ Васильевичъ.

Нѣтъ ли у Васъ рублей 10? Я долженъ на дняхъ получить изъ Рус. Вѣдом. Можетъ быть сегодня въ 3 часа. Во всякомъ же случаѣ во вторникъ непремѣнно получу. Если можно не обременяя себя,—ссудите мнѣ пожалуйста эти рублишки и вручите ихъ сему подателю.

Г. Успенскій.

Не забывайте что Вѣра¹⁾ именинница, приходите вечеромъ. Прошу и Грибоѣдова.

По поводу подобныхъ писемъ Абрамовъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «ихъ я теперь не могу читать безъ слезъ... Право, я не могу представить ничего болѣе ужаснаго, какъ то обстоятельство, что въ нашемъ отечествѣ даже такіе люди, какъ Успенскій, отмѣченные печатью гениальности, носившіе въ себѣ драгоцѣннѣйшій даръ, который общество должно бы лелѣять, охранять отъ всѣхъ жизненныхъ невзгодъ, могутъ нуждаться буквально въ кускѣ хлѣба»...

Многія записки Успенскаго касаются нужныхъ ему для статей книгъ, отчетовъ и т. п., которые онъ и получалъ отъ Абрамова.

Дорогой Яковъ Васильевичъ! Нѣтъ ли у Васъ книжечки о томскомъ благотв. обществѣ? Она бы мнѣ была нужна на единую минуту. Не знаю, куда дѣвалъ я мою книжку о томъ же? Если у Васъ нѣтъ книжечки, то не откажите дать мнѣ Вашу статейку объ этомъ же дѣлѣ. Она была напечатана въ *Недѣль*. Я ее возвращаю сегодня же.

Преданный Вамъ Г. Успенскій.

Спб. 26 марта 89 г.

31 марта 1889 г.

Большое спасибо Вамъ, дорогой Яковъ Васильевичъ за книжку. Теперь она въ полномъ вашемъ владѣніи.

Вашъ Г. Успенскій.

Р. С. Здѣсь самъ Макушинъ²⁾—думаю, что Вы его уже видѣли.

И еще есть сибирякъ, съ реком. письмомъ отъ Ядр.,³⁾ желающій «разоблачить», что творится на Амурѣ.

¹⁾ Дочь Г. И. Успенскаго.

²⁾ Извѣстный томскій общественный дѣятель.

³⁾ Ядринцевъ, извѣстный сибирскій дѣятель и публицистъ.

22 октября 1889 г.

Дорогой Яковъ Васильевичъ.

Если можно,—не откажите мнѣ прислать ту статейку (о по-пахъ), о которой Вы говорили. Я его возвращу въ скорости, вмѣстѣ съ фельетономъ о Фреѣ, который у меня въ сохранности. Всего хорошаго. Вашъ Г. Успенскій.

Ноябрь 1889 г.

Дорогой Яковъ Васильевичъ.

Если возможно,—не откажите мнѣ дать на нѣсколько часовъ отчетъ о Воскр. школѣ Тифлиса. Я возьму оттуда нѣсколько строкъ и Вы безпрепятственно можете тѣмъ же содержаніемъ располагать. Развѣ нельзя объ одномъ и томъ же жизненномъ явленіи, не противорѣча во взглядахъ, писать не одному или двумъ, а всему количеству писателей, заинтересованныхъ этимъ явленіемъ? Такъ будетъ и тутъ. Если же Вы съ этимъ не согласны и въ Ваши хроники такихъ новыхъ и хорошихъ явленій жизни—не попадетъ отчетъ изъ Тифлиса,—такъ я тогда не рѣшусь изъ него заимствовать.—У Васъ эта хроника новыхъ яв. жизни—ведется систематически, подробно, и мнѣ первому будетъ горько, если тамъ не будетъ рассказано о тифлисской школѣ во всѣхъ подробностяхъ. Такъ вотъ, Я. В., и разсудите. Кстати сказать, если бы я кое-что заимствовалъ,—такъ это появится въ печ. послѣ 15 января. Слѣд., если Вы напишите до того времени, то я сошлюсь уже на напечатанную Вами статью. Печатайте о ней раньше, не нарушая лѣтописи этихъ прекраснѣйшихъ явл. нашей жизни,—а я воспользуюсь изъ Вашей хроники въ предѣлахъ для меня возможныхъ и нужныхъ. Время есть для этого.

Душевно преданный Вамъ

Г. Успенскій.

2 декабря 1889 г. Успенскій проситъ переслать въ «Русскія Вѣдомости» на имя В. А. Розенберга отчетъ Крестьянскаго банка, и по поводу составлявшагося тогда третьяго тома его сочиненій пишетъ слѣдующія строки, опять-таки характеризующія скромный взглядъ писателя на свои сочиненія.

«И еще есть у меня къ Вамъ просьба. Нужно мнѣ переписать I-ю страницу рассказа «Расцѣловали» и та книжка, кажется, декабрь прошл. года, гдѣ помѣщена белиберда, именуемая *Медь и Деготь*. Если только въ этой белибердѣ нѣтъ полной безсмыслицы, то я и ее долженъ включить въ числѣ «Мелочей» въ мои

книги. Мало матеріалу! Впрочемъ, я говорю это, не зная вѣрнаго счета. Всякій разъ получаются разныя цифры. Такъ вотъ, Я. В., если Вы можете пожертвовать эту белиберду, я буду благодаренъ»...

Абрамовъ послалъ обѣ книжки «Недѣли», а также отчетъ тифлисской школы и исполнилъ порученіе относительно отчета Крестьянскаго банка.

2 дек. 1889 г. Успенскій пишетъ:

«Прочиталъ этотъ отчетъ съ истиннымъ удовольствіемъ, дорогой Яковъ Васильевичъ. Истинный Вы счастливецъ, что получаете такіе документы дѣйствительно о новыхъ людяхъ всякаго званія. Его слѣдовало бы напечатать поскорѣе, и тогда бы я воспользовался имъ, именно новыми-то людьми, дѣйствительно новыми. Кажется Ф. Ф. (Павленковъ) не откажетъ мнѣ въ содѣйствіи издать книгу. Я сегодня былъ у него по этому дѣлу. Пожалуйста, Яковъ Васильевичъ, если что есть у Васъ что нибудь столь хорошее, какъ отчетъ,—дайте мнѣ пожалуйста почитать.

Преданный Вамъ Г. Успенскій.

Розенбергъ получилъ отчетъ и благодарить за присылку, а я благодарю Васъ.

Приглашеніе на семейный праздникъ: Яковъ Васильевичъ. Сегодня пожалуйста къ намъ вечеромъ—Шурычъ приглашаетъ на свое рожденіе—и «всѣмъ семействомъ». Жду Васъ непременно (12 дек. 1889).

Конецъ 1888 или начало 1889 г.

Дорогой Яковъ Ивановичъ. Худо наше дѣло до чрезвычайности. Я едва могу двигаться, такое нервное разстройство, необыкновенно болятъ ноги. Намъ необходима фельдшерица, которая бы наблюдала за лѣченіемъ А. В., т.-е. записывала бы часы, когда давать лекарство, и слѣдила бы за приказаніями докторовъ. Путаница вредитъ Алек. В., которая нисколько не поправляется, и нѣтъ никакой надежды на то, чтобы она хоть мало-мальски пришла бы въ состояніе, когда ее можно было бы перевезти хоть въ Чудово. Не можетъ этого быть—что будетъ—голова идетъ кругомъ! Не можете ли Вы намъ рекомендов. фельдшерицу, терпѣливую? Деньги у меня будутъ на дняхъ мои собств. изъ тѣхъ, котор. мнѣ Сиб. (Сибиряковъ) заплатитъ за книги, и

вознагражденіе за труды я съ удовольствіемъ дамъ какое угодно, хоть 150 рублей въ мѣсяцъ, лишь бы кончилась путаница, которую дѣлають утомленные уже уходомъ за А. В. люди. Сдѣлайте милость, помогите, если можете. Х. Д. прислала мнѣ книгу. Я не могу ходить, ноги у меня отнимаются, а то бы я былъ у ней.

Пред. Вамъ Г. Успенскій.

Х. Д.—Христина Даниловна Алчевская. Книгу, ею изданную, «Что читать народу?» очень высоко цѣнили Успенскій, на ряду со всѣми другими проявленіями народно-образовательнаго почина, со всѣми новыми людьми, и отрадными явленіями, которыхъ онъ такъ жадно искалъ послѣдніе годы сознательной жизни.

XIX. «Власть капитала». Стихотворная шутка Г. Успенскаго.

Послѣдніе годы работы Глѣба Успенскаго его чрезвычайно занимала мысль дать рядъ статей и наблюденій о «власти капитала», въ параллель «власти земли», и на эту тему о «проступкахъ господина Купона» имъ было написано не мало, еще больше было не законченныхъ проектовъ. Но едва ли кто могъ бы подумать, что продѣлки Купона могутъ вдохновить Г. И. даже на стихотворчество.

Въ бумагахъ Успенскаго сохранился почтовый листокъ со слѣдующимъ стихотвореніемъ въ условномъ былинномъ стилѣ. Оно отлично пародируетъ мнимонародныя выступленія русскаго капитализма.

Красны дѣвушки-молодушки
Истомилися, измучились:
Не дождутся коробейничковъ
Со товарами московскими.
«Ты давай намъ кумачи-парчи,
Ленты алыя выкладывай,
Ситцы всякіе съ пукетами,
Не жалѣя рукъ, отмѣривай,
А отъ насъ бери гусить-утятъ,
Ты телятъ хватай въ охапочку,
Поросятами не брезгивай,
А яиць тебѣ въ подарочекъ
Мы, молодушки, и такъ дадимъ:
Нанесли намъ куры русскія
Тѣхъ яиць почестъ что до неба»...
Все хватай-бери, любезинкой,
Все вали въ телѣгу грузную,
Оболтай ее веревкою,
Въ эрмитажъ-трактирь повертывай:
Тамъ утробы богатырскія
Все причавкають, причмокають...
А молодушки-красавушки,
Красны дѣвушки-лебедушки

Свѣтлымъ утромъ въ Божій храмъ пойдутъ
 Въ лентахъ алыхъ, въ кумачахъ-парчахъ,
 Богу истово помолятся,
 Соблазня тѣмъ же временемъ
 Всѣхъ парнишекъ, молодыхъ ребятъ...
 А подъ вечеръ на заваленкѣ,
 Что цвѣточки разукрашены,
 Всѣ красавицы усядутся,
 Да по русскому обычаю
 Хоромъ дружнымъ, звонкимъ, дѣвичьимъ
 Грянутъ славу всѣмъ компаніямъ,
 Производству, потребленію,
 И тарифамъ, и концессіямъ,
 И субсидіямъ, и акціямъ,
 И купонамъ, и гарантіямъ.
 Сла-ава!

При какихъ условіяхъ написана Успенскимъ эта шутка—не знаемъ.

XX. Глѣбъ Успенскій въ Томскѣ.

Лѣтомъ 1888 года Успенскій ѣздилъ въ Сибирь для изученія переселенческаго дѣла, о которомъ имъ и былъ напечатанъ рядъ статей въ газетахъ.

Въ Томскѣ онъ пріѣхалъ къ открытію университета и провелъ онъ здѣсь нѣсколько времени, общаясь съ кружкомъ ссыльной интеллигенціи, которая въ это время вела здѣсь «Сибирскую Газету», органъ живой и радикальный—насколько въ тогдашнихъ условіяхъ цензуры можно было говорить о радикализмѣ провинціальныхъ газетъ. Объ этомъ пребываніи Г. И. въ Томскѣ сообщено въ рассказѣ г. А. Иванчина-Писарева («Былое», 1907 г., № 10). Мы приведемъ не бывший въ печати рассказъ сочлена тогдашней редакціи «Сибирской Газеты», извѣстнаго статистика и публициста, Петра Александровича Голубева¹⁾ (вятскаго), записанный нами съ его словъ.

«Приходитъ изъ Перми отъ Глѣба Ивановича телеграмма—«ѣду, пришлите 150 рублей». Послали. Потомъ телеграмма изъ Тобольска: «встрѣчайте съ деньгами». Ну, обыкновенное дѣло: какъ сущій младенецъ, Г. И. въ дорогѣ поистратился, навѣрно на пароходѣ задолжался, и приходится его «выкупать».

«Въ день прихода игнатовскаго парохода отправляется кто-то изъ насъ на пристань (помнится, Волховской). На пришедшемъ уже пароходѣ Глѣба Ивановича не оказалось. «Да ѣхалъ ли такой-то, писатель?»—«Какъ-же, какъ же!»—«Такъ гдѣ его вещи, онъ къ намъ?»—Приходитъ въ каюту: она завалена какими-то

¹⁾ Скончался въ началѣ текущаго года въ Самарѣ.

коврами!—«Что это?»—«Да это они въ Тюмени накупили».—«Ну, надо вынести на извозчика, Г. И. къ намъ пріѣхалъ».—Прислуга мнется: «да они задолжали, буфетчику!»—«Сколько? Получите».—«Да они еще и у капитана денегъ взяли!»—«Сколько. Возьмите». Такъ Глѣба Ивановича съ вещами и загадочными коврами выкупили.

Между тѣмъ онъ самъ отыскалъ помѣщеніе «Сибирской Газеты» и явился къ намъ. Редакціонная квартира была прямо ужасна—отвратительный ходъ подъ какими-то навѣсами, такъ что приходилось, чтобъ пройти въ редакцію, согнуться въ три погибели—комнатушки маленькія, грязненькія. «Ахъ да какъ же у васъ хорошо! какая славная редакція!»—говоритъ Г. И. послѣ первыхъ минутъ знакомства. «Иронизируетъ?»—подумалъ я, признаться, но ему и вправду у насъ понравилось, или мы ему понравились, но такой ужъ это былъ человѣкъ, всѣмъ искренно довольный, куда ни попадетъ, были бы ему симпатичные люди.—«Да я тутъ у васъ и останусь!»—«Помилуйте, Г. И., для васъ уже и номеръ приготовленъ, въ такой-то гостиницѣ».—«Ну вотъ, что я тамъ буду одинъ дѣлать, лучше я буду здѣсь проводить время, можно?»—Ну, очень рады, онъ и дѣйствительно большую часть пребыванія въ Томскѣ проводилъ въ редакціи.

Здѣсь выяснилась цѣлая исторія съ коврами. Въ Тюмени на пароходъ, по обычаю, явились торговки продавать эти ковры, мѣстное издѣліе. Ковры, какъ ковры, ничего особеннаго не представляютъ, стоятъ рублей 6—7. Глѣбъ Ивановичъ увидалъ: «Ахъ коверъ какой славный! Сколько стоитъ?»—Торговка запросила десять рублей, которые Г. И. очень довольный, не торгуясь и уплатилъ. Немедленно его обступили и другія бабы и стали навязывать свой товаръ. «Какъ же ты у такой взялъ, а у меня не хочешь, у меня еще лучше коверъ!»—«А у меня-то какой, ты и у меня возьми!»—Г. И. покорно покупалъ коверъ за ковромъ, пока не роздалъ всего, что было при немъ. Наконецъ—«отстаньте, денегъ больше нѣтъ!»—«Какъ же, чтобы у барина да денегъ не было!»—Г. И. занялъ, наконецъ, денегъ у капитана, чтобы отвязаться этимъ способомъ отъ назойливыхъ бабъ и завалилъ свою каюту совсѣмъ ненужными ему коврами.—Ужъ не знаю, куда они дѣлись въ Томскѣ...

Въ пребываніе Г. И. закрылась и наша «Сибирская Газета». Дѣло было такъ. Официальнымъ редакторомъ значился нѣкто Гусевъ, такъ—несообразный человѣкъ, вятичъ, я же его и рекомендовалъ нашему кружку. Газету вели, конечно, цѣликомъ мы сами, а Гусевъ давалъ только свою подпись, большею частью не выдавъ номера газеты до выхода, за что и получалъ по 60 ру-

блей въ мѣсяцъ. Нынче, пожалуй, за такую сходную цѣну подставного редактора не найдешь... Такъ вотъ, приближается открытіе томскаго университета. Мы готовимся, составляемъ обширный специальный номеръ газеты, пишетъ для этого случая намъ статью и Глѣбъ Ивановичъ, о Щаповѣ. Стороной узнаемъ, что редакціи «Сибирскаго Вѣстника» послано приглашеніе на торжество, а намъ не присылаютъ: хотятъ обойти, радикалы и крамольники все тамъ сидятъ. Получаетъ, наконецъ, приглашеніе и нашъ издатель, но не въ качествѣ представителя газеты, а въ качествѣ жертвователя на университетъ. Понятно, мы возмущены. Волховской составляетъ тогда ядовитое письмо попечителю, а тотъ былъ завѣдомымъ врагомъ нашей газеты. И надо же быть такому случаю! Волховской отправилъ Гусеву черновикъ письма попечителю отъ имени редактора и пояснительное свое письмо, что молъ, надо переписать, подписать и отправить попечителю. А Гусевъ—этакое чучело! вмѣстѣ съ чистовымъ письмомъ попечителю въ одинъ конвертъ сунулъ и все остальное. Можно себѣ представить, какъ попечитель обрадованъ былъ полученіемъ такого «поличнаго»: явно доказано руководство газетою со стороны политическихъ ссыльныхъ. Приглашеніе на торжество редакторъ нашъ получилъ, представительство газету, вышелъ и торжественный нашъ номеръ со статьями о значеніи университета для всей Сибири, но дня черезъ три изъ Петербурга пришла телеграмма о пріостановкѣ «Сибирской Газеты».

Глѣбъ Ив., принявшій участіе въ составленіи торжественнаго номера «Сибирской Газеты», съ нами его обсуждавшій, былъ сраженъ пріостановкою ея чуть ли не больше нашего. «Какъ же, какъ же вы теперь будете?»—твердилъ онъ нашему кружку.—«Да такъ же, какъ прежде, Г. И., вернемся въ первобытное состояніе»... Но онъ долго не могъ успокоиться и волновался изъ-за насъ.

Съ дороги изъ Томска онъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ забавно писалъ: «того и того-то очень люблю, а Волховского—подлюбливаю»...

• Это письмо напечатано въ упомянутой выше статьѣ г. Иванчина-Писарева. Статья Успенскаго, напечатанная въ «университетскомъ» номерѣ «Сибирской Газеты» (№ 55 отъ 22 іюля 1888 г.), подъ заглавіемъ «А. П. Щаповъ», представляетъ небольшую, строкъ 300, характеристику взглядовъ этого историка на развитіе русской жизни, опредѣленныхъ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Сибири: это—великороссъ, но великороссъ-сибирякъ, «областникъ», лично наблюдавшій процессы, въ давнее время совершавшіеся и въ Европейской Россіи.

Замѣтимъ еще, что психіатры отмѣчаютъ въ ряду начальныхъ признаковъ прогрессивнаго паралича безцѣльныя покупки ненужныхъ вещей...

XXI. Г. Успенскій, какъ литературный критикъ.

Въ собраніяхъ сочиненій Успенскаго, въ его несобранныхъ писаніяхъ и въ воспоминаніяхъ о немъ нерѣдко попадаются отзывы его о литературѣ, ея дѣятеляхъ, извѣстныхъ писателяхъ. Очень остроумная параллель проведена имъ, напр., въ очеркахъ «Власть земли» между Кольцовымъ и Лермонтовымъ, а отзывы, напр., о Достоевскомъ, приведенные въ воспоминаніяхъ В. Г. Короленка, на рѣдкость живо и неожиданно передаютъ удручающую порою манеру автора «Карамазовыхъ». Онъ ободрилъ къ продолженію писаній Короленка, отказавшагося было отъ писательства. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ Успенскій списывался съ Гольцевымъ, желая взять веденіе въ «Русскомъ Курьерѣ» литературныхъ обозрѣній, но это не состоялось, хотя, конечно, могло бы представить значительный интересъ.

Но за оцѣнку литературныхъ произведеній Успенскому не разъ приходилось браться по просьбамъ начинающихъ писателей, обращавшихся къ нему. Приводимъ далѣе выдержки изъ писемъ его о романѣ г-жи В. В. Т-вой. Они характеризуютъ и вдумчивое отношеніе писателя (въ то время уже совершенно замученнаго жизнью) къ подобнымъ просьбамъ и характерно выражаютъ взгляды Г. И. на задачи художественнаго творчества, въ частности женскаго.

Письма относятся къ веснѣ 1889 г. О характерѣ произведенія даютъ достаточное понятіе самыя письма.

Извиняясь, что долго задержалъ романъ—«я утомленъ до невозможности»—Г. И. пишетъ:

«Вотъ что я скажу о немъ пока въ 2-хъ словахъ. Сколько помнится, вы сказали, что Пошех. Стар. Салтыкова дала вамъ планъ и вообще навела на мысль написать такую же хронику изъ вашихъ воспоминаній. Но вотъ въ чемъ большая разница, которая съ первыхъ строкъ вредитъ вашему произведенію. Салтыковъ пишетъ отъ своего я, но обратитѣ вниманіе, заслоняетъ ли онъ этимъ я то, что онъ описываетъ? Нѣтъ. Его я едва замѣтно. Это я постороннее, это посторонній наблюдатель, и той средой, въ которой это я живетъ, никоимъ образомъ самого Салтыкова объяснить нельзя. Похожъ ли онъ на этихъ уродовъ? Словомъ, я Салтыкова не имѣетъ интереса въ его очеркахъ, имѣютъ интересъ лица, которыя онъ изображаетъ.

«У васъ не такъ. Ваше я съ первой же строки обязываетъ читателя ставить на первый планъ вашу героиню Татьяну. Она, ея психическая жизнь—вотъ главная тема, и только для объясненія духовной жизни этой героини обрисовано все остальное. Но если бы Татьяна было лицо типическое, какъ Елена Тург., Софья¹⁾ Гончарова и т. п., т.-е. лицо, опредѣленно выдающееся въ массѣ человѣческаго хлама, лицо, знаменующее «признакъ времени»,—тогда дѣло другое; но Татьяна не такое лицо, которое могло бы заставить читателя сосредоточивать на ней такъ долго свое вниманіе, и вотъ почему, будучи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, она затмеваетъ, прерываетъ интересъ, который вы возбуждаете въ читателяхъ къ типамъ Пошехонья.

«Если бы вы низвели свое я до размѣровъ я Салтыкова, т.-е. не мѣшало бы читателю видѣть множество типовъ, и если бы ваше я только помогало ихъ видѣть лучше—тогда бы у васъ образовался рядъ отличныхъ очерковъ о пошехонскихъ дѣвицахъ и дамахъ.

«Вѣдь у Салтыкова каждая глава посвящена всегда какому либо одному типу, при чемъ онъ въ этой главѣ весь исчерпывается. У васъ множество типовъ разрѣзано страницами о психологій Татьяны на куски. Даже въ 3-ей части напр. еще не ясенъ образъ матери, ея сестеръ и т. д. А между тѣмъ типовъ женскихъ тѣмъ и всѣ они до высшей степени любопытны. Затѣмъ времена освобожденія крестьянъ—изображены слабо, мало. Пожары то въ 61, то въ 63 и освоб. (праздникъ въ инст.) 63! Такой типъ, какъ Ретивцева—какой прекрасный!—не дописанъ,—а его надо бы тогда же весь закончить, если вы только потомъ встрѣчали ее. Самую Таню вы могли бы сдѣлать предметомъ отдѣльнаго очерка и, какъ посторонняя ей, изобразить особо. Это вовсе не трудно. Читатель пойметъ ваше горе, когда отецъ бьетъ брата—если даже вы о своихъ чувствахъ и о вліяніи этой сцены на васъ скажете едва нѣсколько словъ. Читатель *самъ* хочетъ чувствовать, читая автора,—вы же вредите впечатлѣнію его, тотчасъ заставляя чувствовать, какъ чувствуетъ Таня. Салтыковъ этого не дѣлаетъ, своихъ страданій не навязываетъ читателю, а рисуетъ окружающее и говорить: пойми и подивись. Вотъ, я думаю, и вамъ надобно переработать ваши очерки въ этомъ направленіи. Увѣрю васъ, что съ первой строки, гдѣ упоминается я—читателю становится скучно. «Дѣтство и отрочество» даже Толстого—когда его стали понимать? Оно прошло замѣченное десяткомъ

¹⁾ Видимо, описка. Имя Софьи носятъ двѣ второстепенныхъ героини «Обыкновенной исторіи» и «Обрыва». Г. И. могъ имѣть въ виду или Ольгу въ «Обломовѣ» или Вѣру въ «Обрывѣ».

знатоковъ,—а уже потомъ разобрали Толстого, когда онъ оставилъ свое я. Ап. Григорьевъ написалъ о немъ 1-й статью въ ряду статей: *Явленія, забытыя русской критикой*, а это было въ 62—64 году. А Толстой писалъ съ 47¹⁾. И главное вамъ надобно сосредоточить вниманіе на *женщинахъ*. *Мужчина* изображенъ и такъ хорошо».

Авторъ романа, какъ видно, не совсѣмъ довольный этимъ отзывомъ, предъявилъ Успенскому возраженія. На нихъ Г. И. отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, В. В., мнѣ кажется, что мое письмо къ вамъ не произвело на васъ никакого другого впечатлѣнія, кромѣ непріятнаго. Между тѣмъ желаніе мое было, чтобы трудъ вашъ не пропалъ даромъ, и во-втор., чтобы матеріалъ, котор. вы располагаете, задача, которую преслѣдуете,—были бы выражены въ формахъ—какъ бы сказать?—въ формахъ наиболѣе *внимательныхъ къ читателю*. Вы пишете изъ желанія сказать людямъ то-то и то-то, желали освѣжить ихъ сухія сердца и темныя мысли свѣтлой идеей вѣры. Потрудитесь же, примите на себя трудное дѣло войти въ положеніе читателя, и принимая это положеніе во вниманіе,—скажите ему то, что вы думаете, *такъ*, чтобы слова ваши подѣйствовали на него. Вы пишете для общества, которое утратило вѣру. Надо крѣпко думать о немъ, чтобы ваши слова подѣйствовали на него. Не о томъ, что Татьяна скучна,—писалъ я вамъ, но о томъ, что въ 3-хъ частяхъ она не выяснена, а вѣдь только въ концѣ 3-ей части видишь начало ея жизни. Я писалъ тогда, что вы, точно также какъ и теперь отъ своего же я,—могли бы изобразить Татьяну,—съ объективной точки зрѣнія, и тогда вся она могла бы быть ясна и типична, если бы вы собрали всѣ ея черты (т.-е. главнѣйшія въ ея типичности) по возможности во едино.

«Не подражать Салтыкову рекомендую я вамъ,—а обратить вниманіе на силу впечатлѣнія, которое одно и то же явленіе жизни можетъ увеличить и убавить—смотря по тому, какъ это явленіе пересказано. Вы пишете, что съ утратою *«религіи и вѣры въ безсмертіе души исчезаетъ и великій смыслъ жизни, и наше общечеловѣческое родство, исчезаетъ взаимное пониманіе и искренняя любовь къ существу человѣческому»*, и что *«выморочныя поколѣнія воскреснутъ, когда вспомнятся забытыя слова»*. Какимъ родомъ это можетъ случиться, если писатель, желающій воскресить эти забытыя слова, наше общечеловѣческое родство, самъ не руководствуется этой идеей при изображеніи всѣхъ «выморочныхъ» поколѣній?»

¹⁾ Ошибочно. «Дѣтство» появилось въ 1852 г. и до статей Григорьева Толстому посвящено не мало отзывовъ.

рочныхъ»,—съ «любовью къ существу человѣческому?» Какимъ образомъ вы, съ такими большими цѣлями, могли написать въ вашемъ письмѣ, что «пошехонскія дамы и дѣвицы—это канва, безъ которой не было бы узора», и потомъ насчитали цѣлую тьму козлищъ, которые какъ будто бы не имѣютъ съ овцами никакого «человѣческаго родства?» Вы выбрасываете за бортъ цѣлое полчище хотя бы и невѣрующихъ, но все-таки *людей* (дважды подчеркнуто Успенскимъ),—въ цѣляхъ возстановить «взаимное пониманіе» между этими людьми. Я не такъ смотрѣлъ на вашъ романъ. Я видѣлъ множество несчастнѣйшихъ людей—и особливо женщинъ, раздавленныхъ и испачканныхъ именно всѣмъ строемъ старины. Не скрывая ни одной даже скверной черты своихъ пошехонцевъ, Салтыковъ смотрѣлъ на нихъ, именно *не забывая ни на минуту забытыхъ словъ*, и поэтому для канвы и узора у него нѣтъ ни одной фигуры, ни одного человѣческаго лица, хотя бы онъ и изображалъ уродовъ и звѣреобразныхъ тварей. Вы же, не выяснивъ идеи, на протяженіи 3-хъ частей, до должныхъ размѣровъ и важности ея, сами приводите изъ Салтыкова *только одну строчку*, которая васъ вдохновила, и сами въ трехъ строкахъ письма высказываете вашу задушевную мысль съ полной ясностью. Я и думаю, что, держа въ себѣ эту идею крѣпко и руководствуясь ею (взаимное пониманіе и искренняя любовь къ существу человѣческому, въ изображеніи канвы),—вы бы сдѣлали ваши очерки предметомъ серьезнѣйшаго вниманія литературы и общества, и вообще всякаго человѣка, который хочетъ правды, вспомнить «забытыя слова».

Г. Успенскій.

XXII. Наканунъ тьмы.

Вторая половина 1889 года и 1890—91 г.г. это въ жизни Успенскаго полный темнаго холоднаго отчаянія періодъ надвинувшейся неумолимой душевной болѣзни. Приводимъ нѣсколько писемъ Г. И., навѣвающихъ чувство безотраднѣйшей жути предъ безмѣрностью человѣческаго страданія.

Лѣтомъ 1889 г. Г. И. еще много работалъ, но въ какихъ условіяхъ шла эта работа съ ея поѣздками,—даетъ понятіе его письмо къ Мих. И. Петрункевичу. Оно находится въ связи съ поѣздкой въ Череповецъ, гдѣ Успенскому хотѣлось «раскопать земскій курганъ», разобрать исторію закрытія череповецкаго земства.

Дорогой Михаилъ Ильичъ! Сегодня ночью я пріѣхалъ въ Тверь, и надѣялся, что у меня будетъ время повидаться съ Вами,

что я давно-давно непремѣнно желаю,—но оказалось, что пароходъ отходить въ 9 часовъ утра, то-есть въ такое время, когда весь бѣлый свѣтъ спитъ. Остаться до слѣд. дня я не рѣшился, не зная въ Твери ли вы? Но мнѣ крѣпко желательно видѣть Васъ. Во-первыхъ, за послѣдніе годы я совсѣмъ пропалъ, во всѣхъ отношеніяхъ, объюродилъ, отсталъ отъ человѣческаго общества и вообще глубоко ослабѣлъ и умомъ и душой. Съ осени, съ октября прошлаго года нагрянула на насъ новая бѣда,—болѣзнь А. В., болѣзнь ужасная и тѣмъ болѣе удручающая, что я ее предчувствовалъ давнымъ давно. Съ октября до марта, когда она начала ходить по комнатѣ (конечно поддерживаемая) и когда у нея начала двигаться рука (лѣв. рука была парализована), ни дня, ни ночи не было такихъ, чтобы не пожелать себѣ смерти. Убить я этою болѣзью до невозможности. Что я въ это время писалъ—не помню, но необходима была тѣма денегъ. Теперь А. В. поправляется, живетъ какъ жила, но все это ужъ не то, и чтобъ она какъ слѣдуетъ поправилась надобно, чтобы и я не производилъ на нее удручающаго впечатлѣнія. А я такъ измученъ и такъ отсталъ отъ людей, такъ забитъ этими домашними несчастіями, что и при усиліи не нахожу возможности не ощущать постоянно глубочайшей тоски. Надобно мнѣ хоть немного побыть «съ людьми»,—и вотъ о чемъ я прошу Васъ, милый Михаилъ Ильичъ: у Васъ въ Твери несомнѣнно много такихъ знакомыхъ чиновъ и «членовъ», которые обязаны развѣзжать по губерніи. Судебные слѣдователи, статистики, подат. инспект., чиновники крест(ъ)янского банка. Не согласится ли кто-нибудь взять меня въ какую хоть на 3—4 дня nibудь поѣздку? Писать я ничего не буду,—но во-первыхъ, буду съ людьми,—это мнѣ и нужно, а во-вторыхъ, у меня лично нѣтъ причинъ и основаній забраться въ деревню. Кого я тамъ увижу и какъ отвѣчу зачѣмъ пріѣхалъ? Теперь я ѣду въ Череповецъ, съ археологическою цѣлью «раскопки» того кургана, подъ которымъ схороненъ трупъ череповецкаго земства съ боевыми доспѣхами. Туда меня зовутъ, расскажутъ и дадутъ документы по этому дѣлу,—но я долго тамъ быть не могу, потому что поймутъ цѣль моего пріѣзда. И такимъ образомъ, къ числу 1-му или даже двумя-тремя днями раньше я буду оттуда ужъ въ Рыбинскѣ. Въ моемъ распоряженіи еще весь іюль—и вотъ этотъ то мѣсяцъ я бы желалъ пошляться съ кѣмъ nibудь и при комъ nibудь. Я положительно утратилъ всякія живыя побужденія и едва держусь на ногахъ. Вотъ и прошу васъ, если только возможно, поѣхать съ кѣмъ nibудь, по какимъ nibудь дѣламъ, поѣхать въ какія nibудь мѣста тверской губ. (рѣшительно все равно, хотя съ суд. слѣд.

я бы поѣхалъ съ особ. удовольствіемъ)—извѣстите меня коротенькой записочкой въ Рыбинскъ до востребованія, такъ, чтобы пріѣхавъ изъ Череповца я зналъ свою участь. Ни малѣйшаго отъ меня безпокойства тому, кто будетъ не прочь взять меня въ свою телѣгу,—не будетъ; я охотно приму обязанности писаря. Пишу Вамъ такъ скучно потому, что—пропадаю, пропадаю, дорогой М. И.! Пропадаю я! А мнѣ нельзя этого. Ни съ кѣмъ такого горя не бывало, какъ со мной. Я все вамъ расскажу. Я не писалъ Вамъ и не видался съ Вами долго, потому что всѣ послѣдніе 5—6 лѣтъ Ал. Вас. съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе угнетаетъ меня медленно приближающимся душевнымъ разстройствомъ. Никого я не видѣлъ и потерялъ всякую связь съ общею жизнью. Теперь мнѣ надобно хоть немного возстановить ее, но безъ той посторонней помощи, о которой я прошу,—я вездѣ, куда бы ни поѣхалъ, буду одинъ, на пароходѣ, въ гостинницѣ. Я и такъ ужъ совсѣмъ измучился такими поѣздками. Простите, дорогой Михаилъ Ильичъ! Все таки буду ждать Вашего письма въ Рыбинскъ, и во всякомъ случаѣ въ Твери буду на обратномъ пути.

Крѣпко любящій Васъ

Г. Успенскій.

Двѣ записки Г. И. 1889—90 г.г. домашнему врачу Успенскихъ Е. М. Вольфсонъ даютъ понятіе о приступахъ болѣзни, терзавшей Успенскаго, который вначалѣ и о ней говоритъ съ проблесками привычнаго юмора.

«За послѣдніе дни, Елисавета Марковна, произошли нѣкоторыя переменны: спина вообще значительно меньше раздражена и грудь стѣснена меньше, но неожиданно сильное раздраженіе ощутилось у самага плеча въ верхней части груди и на незначительномъ пространствѣ. Если бы не было смѣшно,—я бы сказалъ,—просто «подъ мышкой» и съ обѣихъ сторонъ. Очевидно бродить эта нечисть, какъ баба пьяная, шатается изъ одного мѣста въ другое. Пилули примаю аккуратно,—утромъ въ 7 ч., потомъ въ 1 ч. и 6 ч. вечера. Микстуру—только на ночь. Хлопоты съ книгой¹⁾ окончатся, кажется, завтра и много много въ среду и тогда я начну лѣчиться какъ слѣдуетъ. Буду Вамъ повиноваться безпрекословно».

Преданный Вамъ

Г. Успенскій.

¹⁾ Третій томъ собр. сочиненій.

Елизавета Марковна! Если только возможно помогите мнѣ Бога ради. Вотъ что со мной творится: *я ощущаю какой-то удушающій запахъ, прямо смрадъ, невыносимый*. Манасеинъ, который лечитъ меня отъ грипа, не удивился этому и далъ записку къ д-ру Шершевскому по нервнымъ болѣзнямъ. Манасеинъ и самъ видитъ, что съ моими нервами не добро и говоритъ—немедленно уѣзжать. Но это невозможно. Я сейчасъ былъ у Шершевскаго въ назначенный часъ, а онъ захворалъ самъ, такъ что не принялъ.

Между тѣмъ вотъ сію минуту я едва держу перо: какой то смердящій запахъ лѣзетъ въ носъ (такъ кажется) и съ каждымъ днемъ сильнѣй, а сегодня такъ положительно я сойду съ ума. Нельзя ли чѣмъ умертвить это нервное разстройство обонянія, втирать снаружи или кистью мазать въ ноздряхъ? Я положительно не знаю что мнѣ дѣлать. Манасеинъ утверждаетъ что это—нервное разстройство. Я ему пишу—но вѣдь это завтра. А я сейчасъ измученъ.

Г. Успенскій.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, отягчавшихъ психику Г. И., обстоятельствъ было сознаніе, что послѣднія его писанія уже омрачены душевной болѣзью. Въ одинъ изъ болѣе свѣтлыхъ моментовъ имъ было, въ концѣ 1889 или началѣ 1890 г., составлено (въ два приѣма) слѣдующее письмо въ редакцію.

М. Г. Въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ первой книги журнала *Русская Мысль*, въ числѣ статей, составляющихъ ея содержаніе, между прочимъ поименована и моя статейка «Выдался денекъ». Статейка эта такого рода, что всякій, кто ее прочитаетъ, несомнѣнно будетъ удивленъ небрежностью, съ которой она написана и, главное, отсутствіемъ въ ней болѣе или менѣе удобопонятнаго содержанія. Въ объясненіе появленія въ печати такого нескладнаго произведенія, я долженъ сказать слѣдующее: статейка эта помѣщена вопреки моему желанію и моей убѣдительной просьбы, обращенной къ ред. Рус. Мысли,—не печатать присланныхъ мною въ декабрѣ мѣсяцѣ трехъ статей, такъ какъ я убѣдился, что написаны они подъ вліяніемъ того ненормальнаго душевнаго состоянія, въ которомъ я нахожусь съ осени и до сего дня и которое потребовало врачебной помощи психіатра.

(Въ вариантѣ еще читаемъ: Въ послѣдній мѣсяцъ прошлаго года, а также и въ настоящее время, я нахожусь въ весьма ненормальномъ состояніи, о чемъ можетъ свидѣтельствовать О. А.

Чечотъ. Иногда мнѣ кажется, что я могу работать, какъ и прежде,—но прочитавъ написанное на другой день,—я вижу, что пишу Богъ вѣсть что).

Зная объ этомъ моемъ ненормальномъ положеніи, редакція Р. М. отнеслась къ моему положенію какъ нельзя болѣе внимательно, и если одна изъ трехъ статей все таки появилась въ печати не просмотрѣнная и не корреktированная мною,—то это могло произойти лишь вслѣдствіе какой то неизвѣстной мнѣ путаницы въ перепискѣ. Но въ чемъ бы эта путаница не состояла, я всецѣло принимаю на себя вину появленія въ почтенномъ журналѣ моего нескладнаго рукописанія,—и надѣюсь, что читатель отнесется къ нему, какъ къ литературной опечаткѣ, не подлежащей ни чтенію, ни сужденію.

Г. Успенскій.

XXIII. Голодъ.

Начало душевной болѣзни Успенскаго совпало съ голодными 1891—92 годами. Впечатлѣнія этой поры также должны были явиться однимъ изъ обстоятельствъ, ухудшавшихъ нравственное состояніе Г. И. Онъ успѣлъ еще написать о борьбѣ съ голодомъ статью въ «Рус. Мысли».

Въ годъ смерти Г. И. намъ въ Самарѣ была передана для напечатанія въ «Сам. Газетѣ» небольшая замѣтка съ приложеніемъ коротенькой записки Г. И. Перепечатаваемъ эту замѣтку, добавивъ, что, какъ передавалъ намъ авторъ (самарская учительница), ею было получено еще одно большое письмо отъ Г. И., но это письмо было отобрано при обыскѣ и не возвращено.

Памяти Г. И. Успенскаго.

Вспоминается мнѣ, какъ живое, лицо покойнаго, нервное, доброе, полное внутренней мысли... Вижу его, окруженнаго молодежью, но никогда не раздраженнаго на эту молодежь. Г. И. зналъ, что эта, подчасъ надоедливая, молодежь любитъ его искренно, горячо; свято вѣрить ему и знаетъ, что пишетъ онъ кровью сердца своего. Но онъ зналъ также, что эта льнувшая къ нему молодежь также кровью сердца своего переживаетъ то, что онъ творить; зналъ Г. И., что любятъ они одинаково и одинаково страдаютъ. Я помню, когда я первый разъ должна была итти къ нему. Какъ билось мое сердце! Я не спала всю ночь! Я шла со страхомъ, смущенная, а разстались мы съ нимъ такъ просто, какъ будто были давно знакомы.

Свое превосходство надъ другимъ человѣкомъ Г. И. такъ хорошо умѣлъ скрыть, что предъ нимъ юноша изливалъ всю свою душу спокойно, не опасаясь за неосторожныя или невѣрныя выраженія; истину онъ угадывалъ тотчасъ же, а потому къ нему шли съ открытой душой.

Помню, я ѣхала на голодъ и пошла проститься съ Г. И.

Много говорилъ онъ о томъ, что ждетъ меня въ деревнѣ.

Прощаясь со мной, Г. И. говорилъ мнѣ:

«Не пишите мнѣ, что тамъ дѣлается; я все знаю, что тамъ дѣлается, все знаю и вижу».

Я взглянула на его лицо и дѣйствительно лицо его выражало страданіе, какъ будто онъ видѣлъ то горе, о которомъ мы говорили...

Передъ Г. И. молодежь не дѣлилась на группы, всѣ одинаково съ любовью и уваженіемъ относились къ этому великому, чуткому сердцемъ и душой русскому писателю народной жизни, забывая о своихъ теоретическихкихъ разногласіяхъ.

Для тѣхъ, кто зналъ и любилъ Глѣба Ивановича первый ударъ былъ нанесенъ еще десять лѣтъ тому назадъ. Уже тогда было извѣстно, что къ жизни онъ не вернется, а теперь 24 марта только наступила развязка этой печальной драмы.

Р. С. Прилагаемое письмо Глѣба Ивановича, написанное имъ незадолго до своей болѣзни, какъ нельзя болѣе характеризуетъ покойнаго, какъ отзывчиваго человѣка на всякое къ нему обращеніе.

Много онъ получалъ писемъ и ни одно изъ нихъ не оставлялъ безъ отвѣта, не давъ утѣшенія, совѣта или поддержки въ трудную минуту.

Письмо Глѣба Успенскаго.

(Письмо послано изъ Петербурга).

6 февраля 92 года.

Посылаю Вамъ, дорогая, великая мученица Е... Е... все, что нашлось сію минуту, но дня черезъ два-три соберу со знакомыхъ гораздо больше и немедленно вышлю. Мѣшаютъ писать, да и я самъ разстроенъ до послѣдней степени.

Не прощаюсь съ Вами.

Г. Успенскій.

Сообщилъ Ч. Вѣтринскій.

Размышленіе В. Ѳ. Малиновскаго о преобразованіи государственнаго устройства Россіи.

Печатаемыя ниже размышленія принадлежатъ перу Вас. Ѳед. Малиновскаго, перваго директора Царскосельскаго лицея, и включены въ его дневникъ.

В. Ѳ. Малиновскій родился въ 1765 г. Отецъ его, священникъ Троицкой церкви въ Москвѣ, впослѣдствіи былъ настоятелемъ церкви при московскомъ университетѣ ¹⁾. Василій Ѳедоровичъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по философскому факультету и затѣмъ извѣстнымъ историкомъ Г. Ф. Миллеромъ былъ принятъ въ 1781 г. на службу въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По смерти Миллера Малиновскій былъ переведенъ, по приказанію вице-канцлера гр. Остермана, въ Петербургъ, гдѣ и служилъ семь лѣтъ при его министерской канцеляріи, занимаясь текущими дѣлами и особенно ежедневною записью секретныхъ дѣлъ.

Въ 1789 г. Малиновскій просилъ назначить его на службу въ русское посольство въ Лондонѣ, «желая», по его словамъ, «познать государство, славимое мудростію и счастіемъ своего правленія и жителей, не заботясь о выгодахъ службы». Знаніе иностранныхъ языковъ, и въ томъ числѣ англійскаго, безъ сомнѣнія содѣйствовало тому, что просьба его была исполнена. Причисленный къ нашей миссіи въ Великобританіи, онъ провелъ въ Лондонѣ два года. Близкое знакомство съ Англіей произвело на него глубокое впечатлѣніе: до конца жизни онъ любилъ вспоминать объ этомъ времени, любилъ бесѣдовать объ Англіи и съ уваженіемъ отзывался о великихъ политическихъ и общественныхъ дѣятеляхъ ея и о многихъ хорошихъ сторонахъ этой

¹⁾ Онъ былъ если не масономъ, то во всякомъ случаѣ въ близкихъ отношеніяхъ съ Новиковымъ и его масонскимъ кружкомъ (Сб. Ист. Общ. II, 105). Другой сынъ его, Алексѣй Ѳедоровичъ, сотрудничалъ въ изданіяхъ Новикова.

страны ¹⁾. Здѣсь онъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе Гамильтона «Отчетъ о пользѣ мануфактуръ», но напечаталъ его лишь гораздо позднѣе, въ 1807 г. ²⁾.

Малиновскій, по возвращеніи въ Россію, вступилъ въ бракъ съ дочерью протоіерея Андр. Аѳан. Самборскаго, который также былъ проникнутъ большими симпатіями къ Англіи. Самборскій (1732—1815 г.), окончившій курсъ въ Кіевской духовной академіи, былъ посланъ въ 1765 г., по волѣ имп. Екатерины II, въ Англію причетникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для изученія агрономіи, при чемъ нѣсколько позднѣе ему былъ порученъ надзоръ за молодыми людьми, посланными также причетниками и для обученія земледѣлію. Здѣсь онъ женился на англичанкѣ Елиз. Фильдингъ, обращенной имъ въ православіе. Пробывъ въ Англіи 17 лѣтъ (въ 1769 г. онъ сдѣлался священникомъ при посольствѣ), Самборскій въ 1780 г. былъ вызванъ императрицею въ Россію и въ 1782—83 г. сопровождалъ царевича Павла Петровича во время его заграничной поѣздки, въ 1784 г. былъ назначенъ законоучителемъ вел. кн. Александра и Константина Павловичей, а затѣмъ и великихъ князей. При вступленіи въ эту должность онъ получилъ въ подарокъ мызу Бѣлозерку (на дорогѣ изъ Павловска въ Царское Село), гдѣ могъ примѣнить свои агрономическія знанія. Еще въ 1781 г. была издана въ Москвѣ книга «Описаніе практическаго аглинскаго земледѣлія, собранное изъ разныхъ аглинскихъ писателей А. А. г. Самборскимъ..., изданное подъ смотрѣніемъ г. профессора Семена Десницкаго». Посредствомъ этой книги Самборскій стремился распространить въ русскомъ обществѣ основныя начала англійской агрономіи. Совершая съ своими учениками, великими князьями, прогулки съ педагогическою цѣлью, онъ объяснялъ имъ великое значеніе земледѣлія, заходилъ съ ними въ избы крестьянъ, знакомилъ съ ихъ бытомъ и нуждами. Еще въ 1787 г. его впервые посѣтилъ М. М. Сперанскій (въ то время студентъ владимірской семинаріи), впослѣдствіи сдѣлавшійся частымъ его посѣтителемъ и въ его домѣ избравшій себѣ жену, также англичанку. Въ 1797 г. Самборскій былъ выбранъ въ члены Экспе-

¹⁾ Впрочемъ въ его журналѣ «Осенніе вечера» 1803 г., отчасти подъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ событій, есть рѣзкая выходка противъ Англіи: «Все, что есть развращеннаго въ мірѣ, Англія заключаетъ въ себѣ, особливо въ сердцѣ своемъ, Лондонѣ... Не торгуютъ ли тамъ всѣмъ, что есть свято и непорочно? не продаютъ ли тамъ и голоса... Ливерпуль набогатился торговлею негровъ»... (стр. 21—22).

²⁾ «Отчетъ генералъ-казначея Александра Гамильтона, учиненный американскимъ штатамъ 1791 г. о пользѣ мануфактуръ въ отношеніи къ торговлѣ и земледѣлію», съ посвященіемъ имп. Александру I.

диціи Государственнаго Хозяйства, и ему поручено завѣдываніе школою земледѣлія въ Бѣлозеркѣ¹⁾; въ этомъ же году имп. Павелъ пожаловалъ ему имѣніе въ 500 душъ въ Слободско-Украинской губ. Изюмскаго уѣзда, гдѣ Самборскій съ одной стороны примѣнялъ усовершенствованные способы хозяйства, а съ другой дѣлалъ кое-что на пользу крестьянъ—устроилъ больницу и школу. При своихъ симпатіяхъ къ англичанамъ Самборскій относился отрицательно къ радикальнымъ французскимъ вліяніямъ, и въ письмѣ (еще при Екатеринѣ II, до вступленія Александра Павловича въ бракъ) къ главному воспитателю вел. кн. Александра Павловича, гр. И. И. Салтыкову, обращалъ его вниманіе на то, что «вольноголаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему... отечеству наизушаснѣйшее кровопролитіе». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ, что «къ сему гибельному происшествію акибы насильно влечетъ народъ угнетеніе и грабительство алчныхъ судей и властей, которые на единой токмо мздѣ продаютъ свое правосудіе». Въ этомъ же письмѣ онъ обращалъ вниманіе Салтыкова на то, что въ юномъ Александрѣ Павловичѣ начинаютъ сказываться «пороки, превредные для государя и государства», что онъ «въ своихъ мнѣніяхъ, дѣяніяхъ и даже прихотяхъ дѣлается самовластнымъ», что, «не по лѣтамъ возрастая тѣломъ, начинаетъ уже сильно ощущать любопытство къ любовной страсти», что нѣкоторые учителя дѣлаютъ ему «внушенія, противныя нашей церкви». Самборскій напрасно выражалъ убѣжденіе, что Салтыковъ, этотъ ничтожный царедворецъ, можетъ сдѣлать Александра Павловича «весьма добрымъ государемъ и добрымъ отцомъ народа», но справедливо выражалъ желаніе, что необходимо заблаговременно ему «внушать сладчайшіе плоды миролюбія» и что процвѣтаніе земледѣлія составляетъ источникъ народнаго благоденствія²⁾.

Я остановился на оригинальной личности Самборскаго потому, что близкое общеніе съ такимъ выдающимся человекомъ несомнѣнно должно было имѣть значительное вліяніе на Малиновскаго. Возвратившись въ 1791 г. въ Россію, Малиновскій вслѣдствіе знанія имъ турецкаго языка былъ отправленъ въ званіи

¹⁾ Еще въ 1792 г. онъ напечаталъ книгу: «Положеніе практической школы земледѣлія и сельскаго хозяйства.—Планы, служащіе къ объясненію положенія практической школы земледѣлія и сельскаго хозяйства».

²⁾ «Русская Старина» 1896 г. № 11, стр. 451—456. О Самборскомъ см. ст. Н. Барсова въ «Русскомъ Біографич. Словарѣ» и книгу Н. Гастфрейнда. «Товарищи Пушкина по имп. царскосельскому лицей», т. III, Спб. 1913 г., стр. 310—319.

секретаря на конгрессъ въ Яссы, на которомъ былъ заключенъ миръ между Турціей и Россіей. Затѣмъ девять лѣтъ онъ состоялъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и въ это время могъ сблизиться съ своимъ тестемъ, Печатаемый нынѣ дневникъ его начинается записью: «Бѣлозерка 27 іюля 1799 г.», которая сдѣлана, слѣдовательно, на мызѣ Самборскаго между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Въ 1800 г. Малиновскій былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію ¹⁾ и вернулся въ Петербургъ для службы при коллегіи лишь черезъ два года.

Еще въ Англіи, въ Ричмондѣ, въ 1790 г. Малиновскій написалъ первую часть своего «Разсужденія о мирѣ и войнѣ», вторую часть котораго закончилъ въ 1798 г. въ Бѣлозеркѣ. Немедленно напечатать этотъ трудъ въ царствованіе Павла онъ, вѣроятно, не имѣлъ возможности, и потому его произведеніе вышло въ свѣтъ лишь въ 1803 г., уже по возвращеніи автора изъ Молдавіи, безъ полного имени автора, а только подъ инициалами В. М. въ концѣ книги ²⁾.

Уже на первыхъ страницахъ книги авторъ высказываетъ мысль, что Европа должна возстановить и утвердить «общій и неразрывный миръ», что слѣдуетъ прекратить войны, «чтобы показать, что мы дѣйствительно не варварскіе обычаи имѣемъ», указываетъ на то, что часто для сохраненія «одной провинціи разоряется цѣлое государство». «Тщеславіе какого-либо двора», говоритъ Малиновскій, «бываетъ иногда не слѣдствіе его силы, но слѣдствіе свойствъ Государя, и тѣмъ опаснѣе, когда преемники его, почитая за долгъ поддерживать оное, ... довершаютъ разореніе, которому положены бываютъ начала несоразмѣрнымъ честолюбіемъ... Хорошее правленіе, просвѣщеніе и личныя свойства народовъ суть надежнѣйшія средства къ пріобрѣтенію славы и почтенія. Англичане пользуются всеобщимъ въ Европѣ уваженіемъ; сему они одолжены своимъ великимъ людямъ въ добродѣтеляхъ, благоустройству своего правленія и личнымъ своимъ свойствамъ»...

Далѣе авторъ возражаетъ противъ мнѣнія, которое считаетъ вреднымъ предразсудкомъ,—о пользѣ войны и, напротивъ, подчеркиваетъ приносимыя ею бѣдствія. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что столицы часто «благоденствуютъ во время войны» и

¹⁾ О службѣ его тамъ и проявленномъ при этомъ безкорыстіи см. письмо его къ В. П. К. (Викт. Павл. Кочубею) въ «Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1863 г. т. I, стр. 172—175.

²⁾ Принадлежность этого сочиненія Малиновскому доказывается письмомъ его гр. Александру Ром. Воронцову, при доставленіи ему этой книги. (См. «Архивъ кн. Воронцова», кн. XXX (стр. 394) и письмомъ къ Державину. «Сочиненія Державина съ примѣчаніями Я. К. Грота». Спб. 1871 г., VI, 239.

вызываютъ невѣрное представленіе о благоденствіи всего государства. «Жители оныхъ, находясь въ совершенной безопасности, ведутъ обыкновенную свою жизнь, наслаждаясь всѣми веселіями мира, и при томъ еще имѣютъ удовольствіе торжествовать побѣды и питать свое любопытство новостями». Онъ съ сочувствіемъ отмѣчаетъ указаніе «Лингета», (т.-е. Ленге), «что публика для удовольствія полученія новостей часто негодуетъ, что армія остается въ недѣйствіи, и что тысячи людей не погибаютъ». Мѣстами Малиновскій дѣлаетъ чрезвычайно мѣткія замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «Законы наказываютъ смертію немногихъ несчастныхъ убійцъ и воровъ, но хранители сихъ законовъ, правители народовъ, не умѣя предупредить войну, подвергаютъ цѣлое государство убійству и грабительству»... «Умноженіе народа весьма достойно старанія всѣхъ государствъ, но покуда они не престанутъ воевать между собою, сіе стараніе ихъ... подобно старанію пастуховъ о умноженіи своего стада на тотъ конецъ, чтобъ оно поѣдено было». Считая, подобно Самборскому, одно земледѣліе «важнѣйшимъ способомъ пропитанія людей и изобилія народовъ», Малиновскій утверждаетъ, что «благоденствіе государствъ состоитъ во всеобщемъ изобиліи народа, но не въ богатствѣ нѣкоторыхъ городовъ или частныхъ лицъ. Богатство во многихъ земляхъ умножилось до высочайшей степени, не распространивъ изобилія въ народѣ, напротивъ того бѣдность по мѣрѣ умноженія богатства распространяется во всей Европѣ», и «милостынныя учрежденія» служатъ слабымъ «вспомоществованіемъ умножающейся безпрестанно бѣдности». Малиновскій въ сильныхъ выраженіяхъ рисуетъ ужасы бѣдности и того горестнаго въ ней утѣшенія, которое приноситъ пьянство. «Пьянство, источникъ преступленій», замѣчаетъ авторъ, «сдѣлавшись не послѣднею отраслью государственныхъ доходовъ, такъ сказать, самимъ правительствомъ одобряется».

Для избѣжанія бѣдствій войны Малиновскій считаетъ необходимымъ не частные союзы двухъ или нѣсколькихъ народовъ, а «общій союзъ Европы». Необходимы «законы для утвержденія независимости и собственности земель и народовъ», а для наблюденія за исполненіемъ этихъ законовъ—«общій совѣтъ», составленный изъ уполномоченныхъ союзныхъ народовъ. Страна, назначенная мѣстомъ пребыванія этого совѣта, должна быть признана «священною и независимою», а личность уполномоченныхъ неприкосновенною. Совѣтъ долженъ охранять общую безопасность, рѣшать споры между народами, а всѣ народы, участвующіе въ союзѣ, должны приводить въ дѣйствіе его рѣшенія. Непокоряющаяся держава исключается «изъ всѣхъ общихъ вы-

годъ и всякаго сношенія» и общею силою принуждается къ повиновенію. При такомъ иорядкѣ нѣтъ надобности содержать посланниковъ (при иностранныхъ дворахъ), такъ какъ «сіе обыкновеніе питаеть только враждебную политику,—по сіе время что пользы они сдѣлали?» Малиновскій высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что «мнимое право верховной власти самовольно начинать войну безъ всякаго сужденія другихъ противорѣчить самому ея существу, которое состоитъ въ наблюденіи правосудія... Война, причиняющая тысячи смертей, развѣ можетъ рѣшиться по одному пристрастію?» Онъ какъ будто предвидѣлъ нарушеніе нынѣ нейтралитета Бельгіи, когда напомнилъ слова Фридриха II, короля прусскаго, что «государь не обязанъ со вредомъ своего народа держать данное слово», и замѣчаетъ, что это «только искреннее признаніе того, что думаютъ и дѣлаютъ всѣ державы». Малиновскій вѣритъ, что «всякая власть есть отъ Бога», но онъ дѣлаеть отсюда выводъ не въ пользу признанія за нею права на полный произволъ: «слѣдственно», продолжаетъ онъ, «всякая верховная власть по своему происхожденію есть ограничена и зависитъ отъ всевышней власти, имѣющей равное попеченіе о всѣхъ народахъ... Мнимое же достоинство не давать никому отчету въ своихъ начинаніяхъ есть гордость, противящаяся Всевышней власти, которая освящаетъ всякую земную власть не для удовлетворенія страстей, но для воздержанія отъ оныхъ... Въ Англіи бывають представленія отъ народа королю о войнѣ и мирѣ. Въ сей щастливой землѣ позволяется народу судить свое правительство въ ссорахъ съ другими державами, полагая, что оно по пристрастію судить себя не можетъ, и что народъ страждетъ отъ войны, а правительство ничего отъ оной не претерпѣваетъ» ¹⁾.

Идеи Малиновскаго о всеобщемъ мирѣ показались харьковскому профессору международного права Каченовскому на столько значительными, что онъ изложилъ ихъ въ 'англійскомъ журналѣ «Herald of peace» (1859, іюль).

Въ томъ самомъ 1803 г., когда была издана книга Малиновскаго

¹⁾ Въ письмѣ къ Державину отъ 4 авг. 1812 г. Малиновскій упоминаетъ, что «есть и продолженіе» этого труда; онъ оставляетъ его въ рукописи потому, что теперь драчливое время, и можно сказать коротко: «воюйте прочіе и деритесь etc». «Сочиненія Державина» съ примѣч. Я. К. Грота, VI, 239. Въ «Сынѣ Отечества» 1813 г. (ч. 9, № 51, стр. 235—244) была напечатана безъ имени автора статья Малиновскаго «Общій миръ», въ которой выражается пожеланіе, чтобы послѣ окончательнаго пораженія Наполеона «разные трактаты новаго союза» были обращены «въ одинъ общій, который бы служилъ вмѣсто уложенія (codex) и утвердилъ надежныя и непремѣнныя правила безопасности и неотъемлемости владѣній» (стр. 242). О томъ, что эта статейка написана Малиновскимъ см. въ его некрологѣ въ «Сынѣ Отеч.» 1814 г. ч. 13, № 18, стр. 223.

«Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», занесены были въ его дневникъ тѣ мысли о государственномъ устройствѣ Россіи, которыя впервые появляются теперь въ печати въ нашемъ журналѣ. Не повторяя ихъ здѣсь, въ этомъ краткомъ введеніи, отмѣтимъ только двѣ основныя ихъ черты.

Малиновскій—монархистъ, но онъ стоитъ за ограниченіе монархической власти: пусть монарху останется власть надъ войскомъ, гражданская исполнительная власть, но пусть министры будутъ отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ предъ собраніемъ довѣренныхъ отъ общества; эти депутаты должны избираться на четыре года. Они рѣшаютъ всѣ общественныя дѣла, устанавливаютъ всѣ налоги и поборы и, по утвержденіи государемъ, ихъ рѣшенія приводятся въ исполненіе. Собраніе депутатовъ должно также имѣть цѣлю «составленіе надежнаго правленія и сообразныхъ тому непремѣнныхъ законовъ». Прецедентомъ для Малиновскаго до нѣкоторой степени является комиссія для сочиненія новаго уложенія, созванная при Екатеринѣ II, но характеръ новаго учрежденія долженъ быть иной: онъ прямо уподобляетъ его «великобританскому верхнему и нижнему парламенту». Если припомнить записку Каразина, подкинутую имъ во дворцѣ вскорѣ послѣ восшествія на престолъ имп. Александра I, и его же записку 1804 г., мнѣніе Мордвинова, прочитанное въ засѣданіи Совѣта 1 мая 1802 г., и, наконецъ, проектъ, составленный Сперанскимъ (въ 1802 г.), объ учрежденіи государственнаго сейма изъ двухъ палатъ ¹⁾, то увидимъ, что наброски Малиновскаго занимаютъ въ этомъ ряду проектовъ государственныхъ преобразованій далеко не послѣднее мѣсто, но авторъ, видимо, не далъ имъ никакого движенія, и они остались среди его рукописей, какъ и многое другое. Тѣмъ не менѣе, они являются важнымъ матеріаломъ для дополненія общей картины развитія политическихъ идей въ Россіи въ началѣ царствованія имп. Александра I. Считаю необходимымъ замѣтить, что, такъ какъ Сперанскій былъ близокъ съ семействомъ Самборскаго и, вѣроятно, встрѣчалъ тамъ Малиновскаго, то можетъ быть печатаемая нами размышленія Малиновскаго были отчасти навѣяны его бесѣдами со Сперанскимъ. Возможно, что вліяніемъ Сперанскаго объясняется и составленіе другого, болѣе поздняго, проекта конституціи для Россіи (1821 г.) также съ двумя палатами «власти представительной»—первая наслѣдственная камера по назначенію членовъ ея государемъ и вторая, избираемая народомъ на пять лѣтъ, но по волѣ государя

¹⁾ См. мою статью «Первый политическій трактатъ Сперанскаго». «Русск. Богатство» 1907 г., № 1 и мою книгу «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», 1909 г., стр. 35—38, 59.

новые выборы могутъ совершиться и ранѣе. Авторъ этого проекта конституціи, *Θ. П. Львовъ*, служилъ одно время въ Тайной экспедиціи до ея уничтоженія, а затѣмъ въ Комиссіи составленія законовъ, гдѣ очень близко сошелся съ *Сперанскимъ*. Любопытно, что позднѣе своею служебною карьерою *Львовъ* былъ обязанъ *Аракчеву* ¹⁾.

Другая значительная черта мыслей *Малиновскаго*—сознаніе необходимости освобожденія крестьянъ. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ установленіе закономъ величины выкупа на свободу и размѣра арендной платы. Но онъ требуетъ при этомъ большой осторожности, «чтобы не завести въ Россіи крестьянъ безземельныхъ». Онъ считаетъ эти мѣры необходимыми и во избѣжаніе «бунтовъ и мятежей», и въ виду того вреднаго вліянія, которое «рабство» имѣетъ на самихъ господъ ²⁾.

О послѣдующей жизни *Малиновскаго* скажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Въ часы досуга онъ занимался изученіемъ еврейскаго языка и перевелъ нѣсколько книгъ *Ветхаго Завѣта*, но эти переводы остались въ рукописи. Въ 1812 г. онъ послалъ *Державину* свою статью «О величествѣ духа»,—первое, прибавляетъ онъ, что написалъ для публики «послѣ девяти лѣтъ молчанія». Въ рукописи осталась его статья «О водвореніи евреевъ на поземельную собственность» ³⁾. Въ бумагахъ *Малиновскаго* послѣ его смерти нашлись замѣтки въ тетрадкахъ и много доскутковъ, гдѣ онъ записывалъ свои мысли о нравахъ, религіи, нравственности и философіи. Подобно *Самборскому*, онъ очень любилъ земледѣліе и придавалъ большое значеніе земледѣльцамъ. Онъ предлагалъ своему другу *Ив. Ив. Мартынову* удалиться въ уфимскія степи, самому воздѣлывать тамъ землю, стараться распространять христіанство и образованіе среди мордвы и въ кругу семьи и друзей наслаждаться простою деревенскою жизнью.

¹⁾ *Дм. Абрамовичъ*. «Записная книжка *Θ. П. Львова*». «Сборникъ въ честь *Д. Θ. Кобею* отъ сослуживцевъ по Императорской Публичной Библіотекѣ». Спб. 1913 г., стр. 218—224; «Отчетъ Имп. Публичн. Библіотеки за 1907 г.» *Д. И. Абрамовичъ*. Каталог собранія рукописей проф. *И. В. Помяловскаго*, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публ. Библ.» Спб. 1914 г., стр. 43—48.

²⁾ Въ неизданной «Запискѣ о освобожденіи рабовъ», присланной *Малиновскимъ* въ 1802 г. *Кочубею* изъ Яссы онъ предлагаетъ уничтожить крѣпостное право и дозволить переходы крестьянъ, но, не говоря о надѣленіи ихъ землею, совѣтуетъ только, чтобы учрежденная для этого великаго дѣла комиссія старалась предупредить злоупотребленія при заключеніи новыхъ условій между помѣщиками и крестьянами о наймѣ земли и работъ и заботилась объ отведеніи казенныхъ земель въ отдаленныхъ губерніяхъ для желающихъ туда переселиться. Изложеніе этого мнѣнія *Малиновскаго* см. въ моей книгѣ «Хрест. вопросъ въ Россіи въ XVIII и перв. полов. XIX в.» т. I, 430—431.

³⁾ Статья эта намъ неизвѣстна.

Въ 1802 г. онъ участвовалъ въ учрежденіи Библейскаго Общества, а также былъ однимъ изъ основателей Филантропическаго Комитета и директоромъ Дома Трудолюбія. 2 іюня 1811 г. онъ былъ назначенъ директоромъ лицея. Какъ очень добрый человекъ, Малиновскій пользовался любовью воспитанниковъ ¹⁾. Онъ скончался 23 марта 1814 г. Двое сыновей его, Иванъ и Андрей, были воспитанниками лицея, дочери были замужемъ: Анна за офицеромъ финляндскаго полка, извѣстнымъ декабристомъ, А. Е. Розеномъ, Марія за окончившимъ курсъ лицея В. Д. Вольховскимъ, принятымъ лѣтомъ 1817 г. въ Тайное Общество (Союзъ Спасенія) ²⁾, за что въ 1826 г. онъ былъ переведенъ на службу на Кавказъ ³⁾.

В. Семевскій.

1803 годъ.

С.-Петербургъ 21 мая 1803. ⁴⁾.

Бѣлозерка 27 Іюля 1799.

Недостатки писанія въ сей книгѣ можно наградить описаніемъ въ ней недостатковъ Россіи и средствъ къ вспоможенію противъ оныхъ.

Недостаеъ Россіи людей,

« « законовъ,

« « просвѣщенія,

« « старыхъ генераловъ.

Законы переводятся; къ просвѣщенію университеты и училища назначены.

Недостаеъ общаго духа. Безъ духа тѣло мертво, слѣдственно и законы и просвѣщеніе не совершенны. Родитъ духъ общій такое правленіе, въ коемъ общество имѣетъ часть.

Недостаеъ въ столицахъ и даже въ губернскихъ городахъ благонравія.

¹⁾ Малиновскій былъ не только весьма религіозенъ, но, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы жизни, какъ видно изъ его неизданнаго дневника 1811—14 г., и мистически настроенъ: онъ читаетъ Библію, Апокалипсисъ, мистическія произведенія М-me Guyon.

²⁾ Л. Майковъ. «Пушкинъ», стр. 69.

³⁾ О жизни В. Θ. Малиновскаго см. некрологъ въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., ч. 13, № 18, стр. 220—223; «Памятная книжка имп. Александровскаго лицея на 1856—1857 г. Спб. 1856 г., стр. 129—141; Селезневъ «Историч. очеркъ имп. лицея», Спб. 1861 г., стр. 42—46; Д. Θ. Кобеко «Имп. царскосельскій лицей», Спб. 1911 г. «Въ память перваго директора и. ц. лицея Малиновскаго» въ «Русск. Инв.» 1861 г., № 131; «Арх. кн. Воронцова», т. 30, стр. 391—393; Н. Гастфрейндъ, «Товарищи Пушкина по имп. царскосельскому лицей», Спб. 1913 г., т. III Д. Θ. Кобеко. Первый директоръ царскосельскаго Лицея. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1915 г., № 7.

⁴⁾ Нижеслѣдующее авторъ дневника писалъ только на нечетныхъ страницахъ дневника 1—77.

Ред.

Недостаетъ страха Божія,

« правды на судахъ.

О развратѣ и роскоши.

Болѣе наставленій и увѣщаній. Чтеніе слова Божія.

Нынѣ есть время благопріятнѣйшее исправить участь Россіи.

Монархъ расположенъ къ добру, не властолюбивъ, не надмѣнъ, онъ не презираетъ своихъ подданныхъ, не пожалѣтъ раздѣлить свою власть съ обществомъ, имѣя на свою часть любовь и почитеніе.

Примѣръ Франціи страшенъ для всякаго исправленія, но примѣръ Франціи въ то же время показываетъ опасность дожидаться того, чтобы зло противъ воли сверхъ чаянія произвело не предуготовленную переменъ.

Впрочемъ, примѣръ Франціи есть одно пугалище, которымъ пользуется недоброжелательство для отвращенія отъ всякихъ добрыхъ начинаній.

Безспорно надлежитъ Россіи управляемой быть единымъ. Но не мѣшаетъ, чтобъ сей единый ограниченъ былъ отъ самопроизвольнаго дѣланія зла. Спросить кроткаго монарха, пожалѣтъ ли онъ разстаться съ сею властію русскихъ царей рубить и вѣшать, съѣчь и засылать въ Сибирь безъ разбору праваго съ виноватымъ, по единой досадѣ или лукавымъ навѣтамъ. Пускай ему останется власть миловать, снисходить и прощать, разсуждая случаи, не постижимые общему непреклонному закону наказаній.

Власть надъ войсками его, власть гражданская исполнительная не отъемлема у него. Ничто не помѣшаетъ приводить въ дѣйствіе необходимыя по пространству Россіи скорыя мѣры.

Но пускай судить послѣ всѣ поступки его министровъ собраніе довѣренныхъ отъ общества: вельможи сдѣлаются осторожнѣе, имѣя отвѣчать и Государю и народу. Неспособные или злые долго не останутся въ силѣ, и добрыхъ не выгонять.

Избранію довѣренныхъ особъ поставила примѣръ и учрежденіе великая Императрица.

Да призовутся сіи депутаты еще разъ. Они рѣшаютъ въ своихъ комитетахъ, какіе законы по какой части пристойнѣе Россіи, и сообразятъ всѣ раздѣленія съ цѣлымъ. Какъ можетъ одна голова обработать все законодательство великой Имперіи!

Сіи депутаты должны составить непремѣнное собраніе, переимѣняя свои выборы черезъ четыре года. Всѣ дѣла общественныя подлежатъ ихъ разсужденію, всѣ налоги и поборы рѣшаются ими и утверждаемы Государемъ приводятся въ исполненіе.

Тогда родится общій духъ. Публика заниматься будетъ не

бездѣлицами и не пустяками, но дѣломъ и сужденіемъ о управляющихъ и дѣяніяхъ ихъ.

Тогда родится: желаніе добраго мнѣнія,—уваженія, достигаемаго достоинствами и добродѣтелями. Тогда будетъ общее стыженіе и страхъ порока претерпѣть поруганіе даже прежде осужденія закономъ.

Подлое мздоимство на судахъ устрашится, изгоняемо свѣдѣніемъ всѣхъ судопроизводствъ.

Работѣпствіе, сіе уродованіе Россійскаго права, замѣнится благородствомъ духа.

24 ○ 1)

Между тѣмъ правленіе Россійское нынѣ есть деспото-аристократія, Владыко-вельможное. Молодъ и непривыченъ Монархъ, вельможи исправляютъ власть и волю свою именемъ Государя.

Учрежденъ совѣтъ, всѣ дѣла стекаются въ него, военныя, сухопутныя, морскія, духовныя, гражданскія, хозяйственныя, раздѣленныя на секретарства или экспедиціи. Въ семъ совѣтѣ рѣшились и опредѣлились всѣ важныя интересы Государства.

Но если что случилось худо, никто именно не отвѣчалъ. И слава добраго, также будучи раздѣлена, не возбуждала живого участія.

Вздумали раздѣлить дѣла по членамъ и каждому особое поручить, съ надлежащею властію, чтобы въ упущеніи не отговорился никто своею посторонностію, всякой занимался своею частію, посвящая оной все время вниманіе.

Итакъ вышли министры иностранныхъ, внутреннихъ, военныхъ, сухопутныхъ, морскихъ, судебныхъ, казначейскихъ, торговыхъ и ученыхъ дѣлъ.

Нѣтъ только Министра Духовнаго,—но разумѣется имъ быть—здѣшній митрополитъ.

Походитъ правда сіе учрежденіе на французское. И тамъ есть министры внутреннихъ дѣлъ, и военныхъ и проч., можетъ съ нихъ и взять образецъ.

Въ Совѣтѣ сходятся опять въ одну точку всѣ различныя части правленія и соглашаются въ общее устройство—это хорошо.

Но еще и Сенату дана власть слѣдовать поступки министровъ и спрашивать у нихъ отчета въ ихъ дѣлахъ. Сенатъ притомъ получилъ новыя преимущества и большую власть. Но неудачныя

¹⁾ Такимъ значкомъ, Малиновскій вѣроятно отмѣчалъ именины; ср. ниже 2 авг. и 2 октября. Послѣдній день празднуется память Андрея юродиваго: очевидно именины Андрея Аван. Самборскаго.

Ред.

попытки въ возраженіи противу указа о долголѣтней дворянъ службѣ въ нижнихъ чинахъ и полученный за то выговоръ остановили всѣ другія представленія сего уважаемаго корпуса. Министръ Сенаторъ можетъ легче исходатайствовать высочайшее повелѣніе, нежели убѣдить и согласить всѣхъ сенаторовъ на свое мнѣніе. Итакъ по свойству самолюбія ожидать должно, что мнѣніе его всегда будетъ повелѣніе, или онъ упадетъ: во мнѣніи публики упалъ и самъ сенатъ, когда обнародовано, что ограничиваются его представленія одними дѣлами старыхъ указовъ. Итакъ онъ остается старымъ Сенаторомъ, Главнымъ Судилищемъ тяжёбныхъ дѣлъ, по очереди весьма долго тянущихся съ утомленіемъ просителей, разоряющихся хожденіемъ и подарками секретарямъ.

Сіи не такъ лѣнны и роскошны. Они просиживаютъ ночи за дѣлами и указы подбираютъ по мастямъ.

Есть и Сенаторы трудолюбивые и въ судопроизводствѣ опытные; но дѣло о государственномъ правленіи—желательно-бы видѣть сенаторомъ великаго человѣка. Державинъ предприимчивъ, смѣлъ и горячъ съ твердостію, онъ бы пожелалъ таковымъ быть, но покуда министръ довольствуется повелѣвать Сенаторомъ. Знаетъ иль нѣтъ, а кто-то и у него взятки собираетъ,—также и у добраго Министра Коммерціи.

Но это зло неискоренимое въ Россіи—по образу ея правленія, по воспитанію, недостатку истинной гордости, стыдящейся болѣе низкостію доходовъ, нежели умѣренностію расходовъ: лучше считаютъ ѣхать въ каретѣ, проданной за тяжбу, нежели съ честностію итти пѣшкомъ.

Правительство понуждаетъ даже брать взятки опредѣленіемъ множества судей съ недостаточнѣйшимъ жалованіемъ. Правительство искушаетъ честность, оставляя ее въ бѣдности.

Пускай будетъ менѣе чиновниковъ, а болѣе жалованія—въ пятеро. И послѣ—за пять тысячъ верстъ перваго, кто возьметъ. Но пощадить невольнаго дателя. Сей законъ поддерживаетъ взяткобрательство, дѣлаются условія письменныя напередъ о раздѣлѣ барыша. Иной начальникъ Губерніи ничѣмъ не корыствуется, и бранитъ и журитъ судей, но унять не можетъ, потому что его дѣло не законы и суды, а ружье: оно не знаетъ, гдѣ поймать виновнаго.

Зачѣмъ же обременять таковыхъ въ мученіе и тягость совѣсти! Обычай такой. Въ Россіи всякой все будь. А губернаторы тоже изъ военныхъ часто—первое случай, второе чинъ, а затѣмъ достоинъ!

Встарину просилися у Государя на воеводство покормиться; нынѣ за тѣмъ же ѣздятъ.

Губернаторъ или самъ беретъ, или даетъ волю брать: по всей Россіи такъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, соединяющихъ съ честностію трудолюбіе и опытность.

Губернаторъ важное дѣло. Въ столицѣ здѣсь судятъ Министровъ и сенаторовъ и проч., тамъ одинъ Губернаторъ все—участь великой области зависитъ отъ него и слѣдственно всей Россіи ихъ попеченія или нерадѣнія, невѣжества иль знанія и проч.

Натурально онъ по связи и знакомству пріятель всего богатаго, а бѣдной народъ—кто внемлетъ его стону по всей Имперіи!

Просьба къ Императору и справка къ Губернатору.

Случается, начальники явно говорятъ противъ жестокости помѣщиковъ, но обуздають ли ихъ неправды! Сами боятся и считаютъ случайности и связи при дворѣ и въ столицѣ.

Великая бѣда Россіи. Случайность и покровительство. Лишить мѣста ничего не стоитъ, только захотѣлось вельможѣ. Буде нѣтъ случая и покровительства, съ одною исправностію и честностію не долго усядишь.

Великой Судія народовъ, призри на состояніе Россіи, распутство въ ея столицѣ, утѣсненіе и неправда въ отдаленіи раздражаютъ твой праведный гнѣвъ, но потерпи и настави на путь истинный.

Народъ въ низкомъ степени подавленъ суевѣріемъ, невѣжествомъ, рабствомъ, лишаетъ себя послѣднихъ силъ распространяющимся пьянствомъ. Каждый кабакъ въ селеніи составляетъ эпоху его благонравія и изобилія.

Винные откупы раззсрени Государству!

Напившись когда возматется народъ и разрушить насильственные узы рабства!

Помыслить надлежитъ о освобожденіи заблаговременно: рабство есть поджига бунтовъ и мятежей.

Есть указъ о освобожденіи по выкупу съ согласія помѣщика. Крестьянъ богатыхъ и дворянъ расточительныхъ довольно найдется. Но чтобъ они не поссорилися, одни будутъ много просить за увольненіе, другіе пожалѣютъ дать.

Не лучше ли опредѣлить закономъ цѣну откупа и найма земли: и рѣшительно узаконить, чтобъ всякаго, исполняющаго указныя условія, освобождать безъ уваженія къ согласію помѣщика.

Дворяне такъ привыкли къ рабамъ, что думаютъ—безъ нихъ и крестьянъ не будетъ, иначе для нихъ представляется новой Банкъ для вспоможенія всякимъ нуждамъ и долгамъ. По раз-

счету: 100 душъ куплено за 10 т. рублей, откупу 30 т. рублей, ежегоднаго дохода за наемъ земли 500 десятинъ—1000 рублей. Итакъ десять процентовъ домой (sic), а съ капиталу еще самаго вѣрнаго дохода 1500 рублей.

Хотя есть достаточные крестьяне, которымъ легко заплатить 300 руб. съ души, но вообще сія цѣна велика и тягостна для бѣднаго и семьянистаго мужика, лучше прибавить цѣну за наемъ земли.

Многіе помѣщики захотятъ себѣ оставить господскую землю; привыкнувъ къ хозяйству и будучи въ ономъ искусны, они съ пользою общества могутъ удержать свои земли. Притомъ же и другимъ нечего будетъ дѣлать въ деревнѣ безъ хозяйства.

Положить дни работные вмѣсто денегъ за наемъ, но трудно судить бывшаго раба съ Господиномъ, скажетъ худо работаетъ—нанимать работниковъ. Цѣна работы, цѣна хлѣба и цѣна земли будутъ въ равновѣсіи.

Законодательство должно быть осторожно, чтобы не завести въ Россіи, какъ въ прочихъ странахъ Европы, крестьянъ безземельныхъ, въ Германіи называемыхъ мелкими людьми, а въ Англіи хижинниками (cottagers), потому что, кромѣ хижины и огорода, ничего не имѣютъ. Сія перемѣна произошла тамъ отъ возвышенія поземельной подати. Не въ состояніи нашедшіеся платить оной распродали свои земли и обратились изъ хозяевъ въ сельскіе работники или разошлись по городамъ и поспѣшествовали разведенію фабрикъ и рукодѣлій, отъ того времени свою эпоху имѣющихъ.

Россія по своему пространству имѣетъ нужду, не только выгоду, въ обработаніи земли, предпочтительно всѣмъ другимъ промысламъ, которые купно съ торговлей должны содержаться въ умѣренномъ отношеніи къ ободренію сельскаго хозяйства, имѣя оной своимъ единственнымъ предметомъ, только чтобъ хозяева имѣли куда сбывать свои произведенія.

Кто любитъ добродѣтель и отечество, долженъ стараться о прекращеніи рабства. Оно портитъ нравъ Россіанина. Сія заносчивость, запальчивость и купно низкость и раболѣпствіе—отъ воспитанія, житія и обхожденія съ рабами. Готовыя жертвы гнѣва, они своею безотвѣтною покорностію питаютъ то и другое и по отношенію состояній между собой приучаютъ насъ самихъ такъ же поступать другъ съ другомъ. Вышнихъ гнѣвливость, грубое обхожденіе, непристойныя брани и терпѣніе подчиненныхъ отъ корени домашняго рабства. Человѣкъ приучается съ одной стороны къ неограниченной волѣ, съ другой къ покорности и слѣпому повиновенію. Самовольство и страхъ—плоды рабства.

Сіе различіе въ обхожденіи вышнихъ съ подчиненными иностранцами и русскими отъ того, что сихъ привыкли видѣть рабами. Камердинеръ рабъ, а секретарь его братъ землякъ. Глубокомысленной примѣчатель знаетъ сей переходъ или переліаніе мыслей.

⊙ 2 августа. Именины.

Неправедны русскіе, насильственны, утѣснительны при добромъ сердцѣ отъ сего слѣпого повиновенія и непреодолимаго терпѣнія рабовъ.

О созваніи депутатовъ.

Россія велика, но не устроена, она не имѣетъ уложенія: управляется по случаю; и на злоупотребленія слишкомъ примѣтныя довольно считается выдать указъ. Зло остается въ своемъ корени.

Надлежитъ собрать депутатовъ для соображенія недостатковъ и злоупотребленій всей Имперіи, для совѣтованія о пособленіи онымъ и для составленія надежнаго правленія и сообразныхъ тому непремѣнныхъ законовъ. Иначе Россія пропадетъ, управляясь временными повелѣніями, одно другое разрушающими; во всемъ примѣтны то излишнее равнодушіе и совершенное нерадѣніе, то крайняя поспѣшность и рвеніе; дѣла на скорую руку не прочны, бесполезны.

Собраніе депутатовъ одно вѣрное средство пособленію всѣхъ золь и недостатковъ. Оно положитъ вѣрное основаніе общему благоденствію.

Оно 1) не опасно, 2) законно и 3) необходимо нужно.

1. Примѣръ Франціи недостойнъ быть упомянутъ: тамъ Государь по неволѣ собралъ депутатовъ, не имѣя болѣе средства пособить чрезвычайнымъ долгамъ и недостаткамъ своихъ доходовъ; здѣсь изъ единаго великодушія и желанія общаго блага.

2. Законно сіе собраніе, поколику что было когда законно въ Россіи, гдѣ воля Государя есть законъ Россіи, и все по волѣ царствующаго могущее совершиться есть законно.

3. Необходимость сего собранія доказываетъ недостатокъ законодательства и невозможность доставить оное Россіи во всемъ совершенствѣ безъ общаго соучастія.

Когда новоожидаемые законы безъ общаго соучастія изданы будутъ, Россія по времени найдетъ ихъ недостаточными и подвергнется по необходимости неудобству перемѣны. И тогда съ шумомъ падетъ сіе зданіе и опасностію подавитъ окружающихъ оное.

Россія довольно просвѣщена была и въ прежнее собраніе депутатовъ, нынѣ же она въ самой счастливой срединѣ. Чрезъ полвѣка она не будетъ столь же удалена отъ общаго подражанія, и между тѣмъ могутъ случиться и худые примѣры.

Нынѣ самая опасная Франція представляетъ добрый примѣръ порядка и твердости правленія.

Извѣстной отвѣтъ министра о медленности составленія законовъ комиссіей гласить: «законы не суть дѣйствіе единой только власти, но дѣйствіе *благоразумія, справедливости и порядка*».

Еслибъ довольно было повелѣтъ сочиненіе законовъ, то бы уже давно оныя были составлены; но мы видимъ въ томъ же отвѣтѣ, что Россія тщетно домогается сего блага почти цѣлые сто лѣтъ, и мы остаемся до днесь при той же книгѣ уложенія, въ которой писаны законы «не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ».

Итакъ буде не составляются законы единымъ повелѣніемъ, то нѣтъ иного средства, какъ общее о нихъ совѣтываніе.

Законъ есть изъявленіе общей воли, и чтобъ новое законодательство не составлено было подобно старому уложенію для однихъ рабовъ, надлежитъ всемѣрно пригласить все Государство къ соучастію въ созиданіи его благоденствія; и тогда будутъ законы дѣйствія, благоразумія, справедливости и порядка. Когда же они сочинятся подъ смотрѣніемъ одного Министра, они будутъ дѣйствіемъ единой власти составлены и во исполненіе приведены.

Комиссія о сочиненіи законовъ не потеряетъ ничего собраніемъ депутатовъ. Она все будетъ «заниматься выписками и сличеніемъ матеріаловъ». Депутаты не помѣшаютъ въ сей работѣ, но неутомимое размышленіе облегчится общимъ совѣтованіемъ. *Одинъ умъ хорошъ, а два лучше того.*

Министръ принужденъ теперь послѣдовать единому своему умоначертанію во всемъ, что касается до безмѣрнаго пространства Россіи, тогда онъ найдетъ себѣ достойныхъ сотрудниковъ, обогащенныхъ опытными свѣдѣніями, тогда по соображеніи оныхъ явятся «единообразіе и добрые законы, которые не по одной власти, но изъ собственной воли всѣ возлюбятъ».

Что собственною волею избираетъ человѣкъ, то и любитъ онъ.

«Необходимость принуждаетъ прибѣгнуть къ лучшимъ кодексамъ Европейскимъ», гласитъ оной отвѣтъ Министра, и упоминаетъ объ одномъ изъ Пруссіи выписанномъ и о другомъ неизвѣстномъ. По удобности изъ сихъ заимствоваться будетъ для Россійскаго законодательства. Но чтобъ безъ ошибки рѣшить, поколику удобны сіи заемные законы Россійскимъ нравамъ и обычаямъ, надобно испытать прежде; послушать чрезъ депутатовъ

мнѣніе представляемаго ими народа, годится ли тотъ или другой иностранный законъ. Безъ сего испытанія и примѣриванія новыя законы будутъ дѣйствіемъ власти, а не благоразумія.

Справедливость и порядокъ требуютъ узнать общее мнѣніе, выслушать противныя причины и по сему соображенію поступить.

Всякой хозяинъ строить для себя домъ, какъ ему надобно; но великое зданіе законодательства, объемлющее благоденствіе всей Имперіи, должно ль соорудиться безъ общаго свѣдѣнія и соучастія?

Законоположеніе для народа «должно всегда сообразоваться нравственности его»: чтобы познать точно народъ, разсѣянный по великому пространству Россіи и опредѣлить его нравственность въ настоящее время законодательства, надлежитъ его видѣть и слышать въ собраніи своихъ полномочныхъ.

По двумъ столицамъ не должно судить о нравственности Россіянъ: обозрѣть ихъ и познать настоящій образъ мыслей и опредѣлить нравственность толь же трудно и медлительно, какъ собраніе законовъ. Хоть бы выбрали самыхъ искусныхъ людей въ познаніи природы человѣческой, то всякой по своему бы изобразилъ состояніе жителей; депутаты каждой провинціи подадутъ вѣрный способъ познать настоящій образъ мыслей народа и степень его нравственности, сами будучи живыя подобія приславшихъ.

Но, короче сказать, законоположеніе безъ соучастія законополагаемыхъ, безъ совѣта ихъ и представленія бѣдственныхъ настоящаго недостатка законовъ. Лучше Россіянамъ прожить еще нѣсколько лѣтъ въ обветшавшей своей храмѣ и дожидаться счастливѣйшаго времени, когда сами могутъ съ общаго совѣта начать новое прочное зданіе.

«Хорошіе законы гражданскіе есть то наивеличайшее благо, что можетъ дать Государь своему народу». Императрица Екатерина II, чувствуя всю силу сея истины, войнами тожко развлекла свое вниманіе отъ благотѣльнаго намѣренія, но обнародованіе наказа комиссіи и совершившееся созваніе депутатовъ понынѣ остаются надежнымъ и непремѣннымъ основаніемъ Россійскаго законодательства для великодушнаго и благотѣльнаго Императора Александра, для почтенія и любви, которыя онъ сохраняетъ къ Ней, для довершенія Ея Славы и благоденствія всей Россіи предлежитъ сему Монарху дать своему народу сіе наивеличайшее благо.

Наказъ комиссіи и созваніе депутатовъ—сіи суть непремѣнныя основанія законодательства, начертанныя въ умѣ и запечатлѣнные въ сердцѣ всякаго любителя отечества и вѣрнаго сына Россіи. Всякое назиданіе, несоотвѣтственное великому основанію, недо-

стойно онаго. Не довольно того, что «огромная машина по натурѣ своей идетъ тихо и медленно», но невозможно ожидать, чтобы совершилось оное сообразно мудрому начертанію, когда не тѣми строителями, которыми начато, и изъ другихъ бѣдныхъ матеріаловъ доканчивается.

Когда собраны будутъ всѣ иностранные законы и предложены сынамъ Россіи на языкѣ ихъ, тогда они въ головахъ ихъ образуются и, смѣшаясь съ національными мыслями, поколику могутъ быть сообразны онымъ, примутся; тогда Россіяне приноровятъ иностранное себѣ, поелику удобно, и на мѣсто неудобнаго придумаютъ свое. Тогда явятся свои ученые законовѣдцы, какіе находятся въ просвѣщенныхъ Государствахъ.

Сообщеніе мыслей родитъ разумъ и познаніе, какъ удареніе кремня-желѣза сыплеть искры, такъ сіи общественныя изслѣдованія открываютъ истину.

Начертаніе къ пространнѣйшему убѣжденію о собраніи депутатовъ.

Начало и основаніе обществъ для общаго блага.

Происхожденіе власти.

I. Законодательная и II. Исполнительная.

I. Временная, но для непредвидѣнныхъ случаевъ и переменъ въ состояніи народа и для бдѣнія сохраненія закона продолжающаяся.

II. Въ отношеніи къ другимъ народамъ и своимъ подвластнымъ, политическая и судебная.

1. а. Начальство и управленіе военныхъ силъ.

2. Судопроизводство.

I. Законы для народа и имъ устанавливаются: самъ не можетъ желать себѣ вреда.

II. Война и миръ для народа, и имъ рѣшится и производится.

III. Подати имъ платятся и имъ употребленіе повѣрено управленію исполнительной власти съ отчетомъ.

8 августа.

Великая обида Россіянамъ почитать ихъ неспособными для составленія своихъ законовъ! Доселѣ толь знаменитые въ Европѣ своимъ мужествомъ и побѣдами, они законодательствомъ покажутъ, сколь великаго почтенія достойны по дарованіямъ своего быстрого ума и тонкаго понятія.

Слава народа требуетъ сего великаго опыта, и кому она дорога, тотъ усердно пожелаетъ обратить взоръ Европы на своихъ соотечественниковъ, созидających законодательство, и кто знаетъ свой народъ, тотъ не побоится, чтобы знаменитое его собраніе постыдило себя.

Напрасно думаютъ,—страхъ главное побужденіе Россіянина безстрашныя его дѣла доказываютъ тому противное. Поревнованіе ему наиболѣе свойственно, возбужденъ онымъ изъ доброй воли онъ сносить труды и опасности. «На людяхъ и смерть красна» говоритъ Русской, «Жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ», онъ же сказалъ. Отъ того сіе *удальство*, толь свойственное и обыкновенное народу, даже до вреда, ибо за недостаткомъ достойнаго предмета, на бесполезной и недостойной обращается.

Пускай посмотрятъ Россійской народъ въ лицѣ своихъ полномочныхъ соединеннымъ, въ общественныхъ дѣлахъ участвующимъ, когда поревнованіе его, обратившись къ достойнѣйшему предмету, удивить Европу своими великими и скорыми успѣхами, богатырскими.

Пускай иностранные толкуютъ о первоначальномъ общественномъ условіи, оно есть токмо идеальное, русскіе могутъ основать свои права надежныѣ на созрѣніи своего ума. Какъ дѣти они были подъ опекою, мало отличны отъ рабовъ; въ совершенномъ возрастѣ требуютъ вступить въ свое наслѣдство и управляютъ имъ сами: кто имъ откажетъ? По какому закону останутся они въ вѣчной опекѣ? Чѣмъ они провинились? Когда они худо будутъ управляться, тогда будутъ наказаны лишеніемъ собственнаго управленія.

13 августа.

Чтобы облагородить русскихъ людей, показать ихъ разумъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и увѣрить ихъ въ самихъ себѣ, надлежитъ дать имъ работу законодательства.

Гласъ народа, гласъ Божій. 19 августа.

I.

Воцарившійся весною, оживи, подобно ей, отечество твое Россію; Тебя любятъ сыны ея, они чаютъ отъ тебя своего благоденствія, никакая досада не охладила ихъ сердца; надеждою онаго исполненные, они просятъ тебя, великой Государь, собери ихъ постановить надежные законы. Покажи свѣту увѣренность свою въ ихъ любви и твое отеческое о благѣ ихъ попеченіе. Отвергни недостойное тебя, челоуѣколюбивой, кроткой Монархъ, сомнѣніе, повели выбрать довѣренныхъ изъ всея Имперіи и насладися любви и усердія всего народа,—благодарность за удостоеніе его участвовать въ законодательствѣ наиболѣе токмо умножитъ вѣрность и повиновеніе.

Правленіе ¹⁾ должно отличать отъ его дѣйствія. Правленіе ограничено, а дѣйствіе его свободно.

Нетельбладтъ ²⁾: Правленіе не увеличивается или не уменьшается отъ обширности или малости областей.

«Государь не ангелъ»,—сіе великому только духу свойственное всенародное признаніе открылъ Петръ Великій.

«Государь примѣтилъ въ народѣ своемъ довольно просвѣщенія познавать цѣну общественнаго блага;—далъ намъ случай поставить на мѣрѣ *обязанность верховнаго судилища, слѣдовательно возможнаго и прочнаго благоденствія Имперіи*».

Сенатъ обрадовался ожидаемому возвращенію своихъ преимуществъ и правъ, и одинъ изъ членовъ его съ поспѣшностію произвелъ изъ новоожидаемаго постановленія возможное и прочное благоденствіе Имперіи. Но Сенатъ по существу своему есть токмо главное въ Имперіи судилище; но отъ возвращенія его права и преимущества не слѣдуетъ ни возможное, ни прочное благоденствіе Имперіи; къ сему потребно другое установленіе, подобное великобританскому верхнему и нижнему Парламенту; настоящій Сенатъ подобенъ только прежнему Парижскому Парламенту. Онъ есть по волѣ Государя, и обязанъ оную исполнять безпрекословно, подавая собой подчиненнымъ мѣстамъ примѣръ повиновенія.

Но между всѣмъ народомъ и Государемъ есть особенная обязанность, и поставить оную на мѣрѣ дѣйствительно есть то же, что основать возможное и прочное благоденствіе Имперіи.

Сія взаимная обязанность есть законъ; хранилище его—собраніе полномочныхъ. Оно одно можетъ оный по обстоятельствамъ и востребованіямъ случая, изъяснить, распространить и перемѣнить, съ общимъ согласіемъ Государя.

По непосредственному съ народомъ сношенію полномочные имѣютъ всю силу онаго, устами ихъ вѣщаетъ народъ, возраженіе ихъ есть возраженіе народа. Тутъ воля съ силою сопряжена. Но Сенатъ ни на что не опирается. Онъ виситъ на волѣ Государя, и когда отстанетъ отъ оной, падетъ и разрушится.

Сенаторы побуждаются награжденіями Государя, полномочные любовью и почтеніемъ народа. Поколику благородіе сіи, по толику и дѣла, чинъ, ленты и имѣніе, тщеславіе и корысть не могутъ произвести тѣхъ дѣлъ и добродѣтелей, которыми удивляютъ любовь отечества и славы.

¹⁾ Печатаемое далѣе написано на четныхъ страницахъ дневника. л. 2—28, 42—46. *Ред.*

²⁾ *Нетельбладтъ*. «Начальное основаніе всеобщей естеств. юриспруденціи, принаровненное къ употребленію положительной юриспруденціи. Перев. съ Лат. при Имп. Моск. Универс.» 1770. *Ред.*

Россіи свойственно переходить въ Аристократію; Совѣтъ или паче члены его Министры имѣютъ нынѣ безъ всякаго особеннаго полномочія много власти, если не столько жъ, какъ при Петрѣ II и началѣ царствованія Императрицы Анны.

Нельзя принудить Монарха имѣть болѣе участія въ дѣлахъ, нежели сколько онъ самъ желаетъ, и потому невозможно и отнять великую власть приближенныхъ его, которую онъ имъ даетъ, не надѣясь самъ на себя по своей неопытности или желая имѣть болѣе отдохновенія и досугу.

Когда Государь Россійской самъ все дѣлаетъ, никто не смѣетъ мѣшаться въ правленіе, но когда угодно стало Государю убавить своей власти и допустить другихъ къ дѣйствительному соучастію въ правленіи, то уже спрашивается токмо, съ кѣмъ лучше оную дѣлать. Полузнатные и средніе ничего предъ самимъ Государемъ, имѣютъ право равняться съ первыми вельможами, и когда сіи великую власть имѣютъ, то позволительно онымъ желать соучастія, ибо между ими есть равенство, по ихъ роду, богатству, и даже преимуществу, особливо по разуму и личнымъ достоинствамъ; они принимаютъ самого Государя въ посредники, и поелику могутъ болѣе добра сдѣлать безъ всякой корысти и награжденія, но для одной любви отечества и славы, то самыя побужденія даютъ имъ преимущество.

Кромѣ допущенія самимъ Государемъ до соучастія въ управленіи, другое право къ тому есть общій выборъ, по удостовѣренію въ усердіи къ общему благу и способности споспѣшествованія оному.

Сіе право столь же основательно и вѣрно, какъ и то, коимъ Государь самъ достаиваетъ подданнаго своей власти въ ожиданіи общей пользы; Государь объ оной печется по своему долгу и обязанности, а все общество по природному побужденію, какъ сіе есть неотъемлемое, неизгладимое право народа, такъ и средство къ удовлетворенію природнаго о себѣ попеченія.

Сообщеніе Государя Императора непосредственное съ Сенатомъ пресѣчено, и отъ того по предварительному его признанію онъ обратился въ немошное тѣло, духъ равнодушія овладѣлъ членами онаго: и первый ударъ нанесенъ сильнымъ защитникомъ правъ Сената, когда онъ принялъ на себя такъ называемую имъ оберегательную власть, и когда чрезъ него одного Сенатъ сталъ имѣть сношеніе съ Государемъ.

Министерство разлучаетъ Государя съ Сенатомъ и нарушило его права; напримѣръ: Сенатъ представляетъ кандидатовъ на Губернаторство, а Министръ ихъ смѣняетъ, и указомъ Государя новыхъ безъ воли и свѣдѣнія Сената опредѣляетъ. По исторіи

Сената со временъ Петра I видно поперемянное уничтоженіе его власти учрежденіями Совѣта или Кабинета.—«Императрица Елисавета подняла Сенатъ на прежній степень, уничтоживъ происками нѣкоторыхъ составленныхъ новыя правительства въ нарушеніе порядка правленія, отъ чего ослабло правосудіе и возрастали упущенія въ Государственныхъ дѣлахъ».

Сенатъ не напрасно хвалится преимуществами своими въ царствованіе сей благодѣтельной ему и народу Императрицы. Она дѣйствительно ему давала отчетъ въ важныхъ Государственныхъ дѣлахъ.—Въ представленіи Сената нынѣшнему Императору о правахъ и преимуществахъ его, поминается объ одномъ: чтобъ «безъ доносу и челобитья по однимъ обстоятельствамъ, извѣстнымъ Сенату, зло прекращать и искоренять. Всякій сенаторъ по своей чистой совѣсти долженъ представить о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и беззаконникахъ, ему извѣстныхъ, безъ всякаго пристрастія».

Сіе право толь велико, что дѣлало Сенатъ подобнымъ Великобританскому Парламенту, каждый членъ котораго имѣетъ право представлять всякихъ злоупотребленій для искорененія оныхъ, и отъ того каждой членъ имѣетъ право обратитъ въ законъ свое предложеніе, буде оно принято большинствомъ голосовъ.

Пускай справится Сенатъ въ своихъ секретныхъ Архивахъ, онъ найдетъ тамъ неупомянутое еще въ своемъ представленіи право мѣшаться въ политическія дѣла Государей въ разсужденіи мира и войны; поелику чрезъ него издаются повелѣнія о наборѣ войска, то онъ и удостоенъ былъ нѣкогда такимъ указомъ, который своимъ примѣромъ уполномочиваетъ его спросить Государя, по какой причинѣ повелѣвается наборъ рекрутъ. Императрица Елисавета гораздо прежде объявленія войны Прусской сообщила Сенату причины оной, и не иначе какъ по удостовѣреніи Сената въ основательности оныхъ повелѣла собрать означенное число рекрутъ ¹⁾. Сохранена Государственная тайна купно съ должнымъ уваженіемъ, отличное отъ того наружнаго, которымъ онъ хвалится въ царствованіе Имп. Екатерины II, когда онъ приходилъ къ ней въ *своемъ качествѣ* говорить похвальные рѣчи! Въ каждый новой годъ, или при заключеніи каждаго мира, не зная уже, зачѣмъ онъ былъ нарушенъ: при кроткой чистосердечной Елисаветѣ, Сенатъ былъ верховнымъ правительствомъ, среднимъ между Государя и народа. Представьте его въ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ съ важностію разбирающаго причины войны Прусской

¹⁾ Это не вѣрно: сенатъ былъ въ этомъ отношеніи лишь исполнителемъ резолюцій Конференцій Ея Имп. Величества. См. «Исторія правит. сената за 200 лѣтъ», Спб. 1911 г. т. II, стр. 96 и слѣд. *Ред.*

и убѣжденнаго оными повелѣвающаго вооруженія, и потомъ приготовляющаго принести поздравленія Государынѣ Императрицѣ съ Шведскимъ миромъ, когда одна забота закрыть минувшій страхъ столицы и стыдъ допущенія себя застать въ такой оплошности...

Земледѣліе недостаточно. Много пустыхъ земель—населенію ихъ мѣшаетъ, что захватили ихъ господа, кто беретъ землю для себя, тотъ и обработаетъ ее. Мѣра дачи пустыхъ земель 12 тыс. десятинъ, дай по 30-ти десятинъ людямъ истинно работающимъ...

«Премудрый Монархъ (Петръ Великой) удерживая законодательную власть въ лицѣ своемъ, какъ она по *пространству и составу Россіи* должна существовать навсегда единственно и неограниченно въ особѣ царствующаго Монарха, учредилъ верховное мѣсто, давъ оному всю исполнительную власть».

Пространство и составъ Россіи требуютъ исполнительной власти въ особѣ Монарха, но законодательная власть есть постоянной и непремѣнной уставъ общежитія какого-либо народа, по особливымъ его свойствамъ и обычаямъ и умоначертаніямъ. Сіе смѣшеніе двухъ властей, различныхъ по существу своему (какъ извѣстно послѣднему ученику въ законовѣдѣніи), смѣшиваетъ всѣ законы съ единою волею Государей и рождаетъ состояніе незаконности лютейшее Турецкаго самовластія, ибо тамъ алкоранъ считается превыше воли Султанской, а у насъ кто священнымъ словомъ удержитъ власть Монарха! Отобраніе деревень у монастырей подавало случай къ употребленію сего орудія и возбуждало живѣйшее участіе духовенства, онымъ управляющаго.

Роскошные, пышные пастыри народа умолкли, когда наступило время разстаться съ своимъ богатствомъ, которое во зло употребляли; упиваясь шампанскимъ, и каменки говорятъ и въ баняхъ имъ поливали. Одинъ Арсеній ¹⁾ вооружился силою Писанія, невиненъ въ своей совѣсти, онъ явился смѣлъ и пострадалъ. Сибирь прибавила симъ праведнымъ число героевъ истины, и любви отечества, пострадавшихъ въ его пустыняхъ наравнѣ съ злодѣями и извергами чловѣчества.

«Если кто изъ народа приватно пріобрѣлъ право опредѣлять ту персону, которой должно поручить правленіе, то еще не слѣдуетъ изъ того, что имъ также приватно приличествуетъ и право опредѣлять основательные законы».

¹⁾ Мацѣвичъ. Ред.

«Хотя законодательная власть и состоитъ во власти верховнаго правителя, однакожъ подданные могутъ предписывать себѣ законы въ своихъ дѣлахъ, поелику такіе законы ни цѣлости, ни безопасности республики, и ниже законамъ отъ верховнаго повелителя предписаннымъ, не противны.

Нетельбладтъ ст. 275.

2 окт.¹⁾

Какъ вередъ изъ нечистой крови собирается въ одно мѣсто, развращеніе Европы открылось во Франціи. Прежде забыли уже воскресеніе, а тамъ завели и декады. Бонапарте, какъ второй Александръ, осѣдлалъ неукротимаго коня, скрывая отъ него свою тѣнь.—Консулъ на три 3 (sic) явился на конѣ вѣчнымъ—доброй ему путь, но онъ желаетъ покореніемъ миръ возстановить: Послѣ Карфагена примется и за другихъ.—Изсѣченная глава исцѣлѣна, и люди дивятся и идутъ въ слѣдъ звѣря.

28 окт.

Отъ славнаго Бонапарта восплачутъ сыны Россіи, разлучаемы съ отцами, матерями, женами и дѣтьми—семьдесятъ тысячъ рекрутъ. Не забуди званія убогихъ твоихъ!

Екатерина II не совершила законодательство, огромное ея основаніе, славное снаружи, не имѣло своего утвержденія. Она полагалась на свой умъ, и не въ благоденствіе народа, но въ славу свою созидала,—слава ее призвала къ себѣ достойной гордости, и блеску удивленія человѣческаго. Громъ побѣдъ, ласкательство ученыхъ довершили сооруженную въ умѣ ея Громаду собственныя великости.

Слава человѣческая обращается туда, гдѣ устремлено вниманіе. Она разрушаетъ истину и ниспровергаетъ мудрость, ея полетъ останавливающую.

Свобода есть истинная, какъ и слава, въ мудрости.

Но кто обѣщаетъ свободу, самъ рабъ страстей, горе народу, который его послушаетъ и обольстится. Раздоры, убійства, мятежи и казни, примѣръ Франція.—Сіей вольности учителя сами будутъ тираны, любимцы народа и жертвы его пристрастія.

Но любовь правды и суда, съ которою истинная свобода отъ Бога совершается, въ терпѣннѣи и кротости. Просвѣщеніемъ народа вѣрою и страхомъ Божиимъ. На совѣсти судъ вѣрный поставляется, прежде вѣрою освѣщенной, въ недостатокъ перваго второй страхъ человѣческой.

¹⁾ Печатаемое далѣе написано на 77—83 стр. дневника.

Истинная свобода не сопротивляется властямъ уставленнымъ, и не сопротивляется злу безъ суда, а судъ отъ Бога признаетъ правой на его волѣ основанной.—Буде власти заблуждаются, терпятъ въ чаяніи суда неминуемаго отъ Бога. Судъ Божій невидимо совершается по всей вселенной. Господь, прибѣжище убогому и благовременный въ скорбяхъ помощникъ, не оставляетъ взыскающихъ его.

6 ноября.

Сей день семь лѣтъ сего утра не было Царя въ Россіи. Екатерина II дышала еще, не смѣлъ сынъ ея Павелъ I принять власти всей и имени Императорскаго. Седьмое 7 ноября начали уже присягать, когда охолодѣла великая и дышать не стала¹⁾. 8 ноября праздновалъ Павелъ свое восшествіе. Наканунѣ сего дня 5 ноября ударило ее. Но весь день и самый дворъ признавалъ до утра ея имя и власть. Только нынѣ проснулись безъ Царя русскіе. Богъ ихъ Царь. Вчера первый морозъ около восьми градусовъ и рѣка становилась. Нынѣ еще болѣе морозъ—а тогда съ 8 ноября начались морозы и сама Нева стала. А нынѣ прежде озеро за недѣлю, и первый снѣгъ на ночь перваго ноября, а днемъ и ледъ пошелъ²⁾.

Освободи Александра I отъ обдержанія вельможъ, чтобы онъ далъ волю своему доброму сердцу, своему благому изволению о счастіи и свободѣ. Просвѣти его Боже, обрати—исправи. Прости отступленія. И духомъ владычнымъ утверди. Первый порокъ, невѣрность—и второй—прелести и красота помазанной съ нимъ—единица да привлекутъ къ себѣ вождельнія сердца. Наслѣдникъ да будетъ въ знакъ благоволенія, какъ неимѣніе его являетъ гнѣвъ твой! За невѣрность и прелюбодѣяніе—примѣръ общему разврату и ободренію! Соедини разсѣянные добрые сыны Россіи—благочестивые, праведные, благоразумные, въ вѣрѣ твоей свидѣтельствовавшие. Избраны да соберутся и потрудятся о благѣ Отечества, въ тишинѣ, и безмятежно. Извнѣ утверди миръ.

Важностію общаго упражненія, ожиданіемъ рѣшенія своей участи въ страхѣ Твоемъ да укрѣпится народъ, возлагая на тебя упованіе свое, Тебя прибѣжищемъ, избавителемъ своимъ признаетъ. Спаси Россію, даждь имъ свѣтъ твой, накажи недостойныхъ и очисти, Святый, посѣти и исцѣли немощи наши. Воцарися самъ, укроти гордыхъ и смиренныхъ вознеси.

¹⁾ Это не точно. Павелъ началъ дѣлать нѣкоторыя распоряженія еще при жизни Екатерины II, которая умерла вечеромъ 6-го ноября, въ три четверти девятаго часа по полудни; немедленно, въ четверть двѣнадцатаго, началась присяга. *Шильдеръ*. «Имп. Павелъ Первый», 281—285.

Ред.

²⁾ Затѣмъ слѣдуетъ полторы строки еврейскими буквами.

Изъ глубины воззвалъ тебѣ. Услыши меня, Царь мой и Боже мой. Се вопль народа!—Наборъ рекрутъ, разлучающій съ дѣтьми, съ женою, тѣло отъ тѣла раздирающій.—Слезы матерей и стонъ отцовъ во уши Твои да вніидеть. Тайныя помышленія сердца, слова устъ, молитвы ихъ оиміамъ куренія да будетъ предъ тобою. Призри на Россію, не отврати лицо твое. Изгнанные на сѣверѣ въ жестокостяхъ мороза, противятся и одолѣвають суровость зимы, веселы и бодры. Пріими во славу твой народъ сей терпѣливый, настави и упаси его. Избери орудіемъ благословенія Твоего другимъ народомъ—Спасеніе твое Израилю!

Буди, буди.

Пс. 14. 7 ¹⁾.

¹⁾ Далѣе на стр. 84—88 дневника слѣдуетъ молитва, вѣроятно сочиненная авторомъ дневника, за государя, государыню, всѣхъ православныхъ, объ избавленіи Россіи отъ несчастій и проч. На этомъ оканчивается дневникъ В. О. Малиновскаго 1803 г. *Ред.*

Мелочи прошлого.

Петербургъ въ 1803 г.

(Изъ дневника В. Θ. Малиновскаго).

30 апрѣля

Чрезъ два-три года возвратившійся въ свое отечество находитъ много перемѣнъ; при каждомъ шагѣ встрѣчаетъ онъ въ столицѣ нѣчто новое. Питербургъ украсился. Жителей прибавилось. Свобода и разрѣшеніе на всякіе наряды, обрѣзаніе волосъ и кафтановъ, возвышеніе главы мужеской, продленіе хвоста женскаго, обнаженіе ихъ рукъ и шей. По всему видно открылось пресѣкшееся сообщеніе съ Европой. Прежняя охота переимчивости по прежнему обратилась къ мелкимъ наружностямъ. вмѣстѣ съ бородами и долгими кафтанами остались рускіе обычаи въ нижайшемъ состояніи нѣкоторыхъ купцовъ, мѣщанъ и всего крестьянства; къ сожалѣнію благородные другой народъ; легкость, развязанность языка и всего тѣла и нѣкоторой глансъ большого свѣта различаетъ ихъ самихъ между собою. Поставлены между дворомъ и народомъ, по мѣрѣ приближенія къ тому или другому всякій имѣетъ свою отгѣнку, переимчивѣйшій полъ женъ скорѣе самъ ее... ¹⁾ снимаетъ съ тѣхъ изъ другога (sic), которые къ нимъ ближе нравомъ, болѣе съ ними дѣляютъ своего времени. Все самолюбіе обращается къ сему отличію, смѣшивающему всѣ характеры и подлинности въ одну маску большого свѣта, все глупое, нелѣпое, непристойное и даже подлое ²⁾ покрывается ею. Каретники, портные, сапожники и парикмахеры, модные купцы и купчихи снаряжаютъ плывущихъ въ большой свѣтъ, они и товарищи ихъ за деньги натягиваютъ паруса и надуваютъ вѣтеръ. Молодцы устремились въ соперничество краснымъ дѣвамъ и женамъ, мужественно рѣшились проколоть свои уши и шеголяютъ нынѣ въ серьгахъ съ румяными щеками.

Впрочемъ Питербургъ все такой же суетливый городъ, всѣ заняты. Кто спѣшитъ на биржу, кто къ министрамъ, набережная

¹⁾ Одно слово не разобрано.

²⁾ Напримѣръ, не сдержатъ своего слова въ уплатѣ долгу, и что важнѣе разстроить благоденствіе семейства обольщеніемъ жены и дочери, есть обыкновенное дѣло многихъ, играющихъ важнѣйшую роль въ маскарадномъ свѣтѣ.

полна неутомимыхъ пѣшиходцовъ, но они не ищутъ, чѣмъ жить, а чѣмъ заняться. При великомъ многообразіи, всего довольно встрѣтишь, кромѣ старыхъ полководцевъ.

Въ публичномъ гуляньѣ поразительная перемѣна трехъ лѣтъ! Росіанки одѣваются съ образца статуй. Кромѣ обнаженія шеи, платье такъ тонко, что всѣ части тѣла видны въ своей фигурѣ. Вѣтеръ забавляется стыдливостью пола.

Мужчины сами какъ нагіе. Короткій узинькой хвостикъ у кафтана, все тѣло въ штанахъ. Взаимны пожертвованія Венерѣ на щетъ благопристойности.

Одежда изъявляетъ нравы. Примѣчатель не ошибается наружностію.

Москвичъ о петербургскихъ театрахъ въ 1829 г.

(Изъ письма брата къ сестрѣ)¹⁾.

«Я былъ нѣсколько разъ... въ здѣшнемъ театрѣ, гдѣ неоднократно, разумѣется, и наслаждался игрою безподобнаго Каратыгина, Семеновой, Самойлова, Сосницкаго... также очарованъ пѣніемъ Ивановой—какъ она играетъ въ Фрейшютцѣ съ Самойловымъ, такъ это дѣйствительно постъ кадрили волшебной музыки въ сей славной пьесѣ... Но какъ игралъ Каратыгинъ... въ славныхъ разбойникахъ Шиллера, такъ это непостижимо! Что за видъ этого актера, что за голосъ, какія движенія, какія чувства. Это надо видѣть, а не описывать! Мочалова съ нимъ равнять нельзя. Они въ одномъ только сходны, что играють тогда только хорошо, удачно и славно, когда придетъ имъ аппетитъ къ этому. Честь и хвала Дирекціямъ театральнымъ! Однако жъ Мочаловъ въ Коварствѣ и Лисбви, а равно и въ Отеллѣ безподобенъ!

Театръ большой здѣшній—никуда не годится противъ московскаго большого; не говорю про наружность и огромность послѣдняго, а взглянешь на устройство и расположеніе внутреннее вообще въ здѣшнемъ театрѣ, такъ увидишь что-то ничтожное въ сравненіи съ московскимъ. Малый деревянный театръ мнѣ очень нравится, внутри все это съ большимъ вкусомъ отдѣлано и такъ мило, а наружность имѣетъ видъ цирка, чѣмъ прежде онъ былъ—при Турнѣ. Въ маломъ Каменномъ театрѣ не былъ еще, да и не буду»...

«Вы пишете, безцѣннѣйшая сестрица, чтобъ я сказалъ что-нибудь о здѣшнихъ модахъ—правда, виноватъ много передъ

¹⁾ Письмо это находится въ архивѣ В. Ю. Скалона.

Вами съ этой стороны... Какъ я замѣчаю, моды здѣшнія и моды московскихъ красавицъ ничѣмъ не отличаются—три дня ихъ только раздѣляютъ, а Московскій Телеграфъ полагаю такъ добръ и такъ услужливъ, что у Васъ скорѣе можетъ быть извѣстно все, нежели отсюда черезъ письмо».

С. М.

Московскій предводитель дворянства Ершовъ.

(Страничка изъ воспоминаній).

Бывшій московскій губернскій предводитель дворянства, ген.-маіоръ Владиміръ Ивановичъ Ершовъ былъ человѣкъ пылкій, самолюбивый и отличался своими продѣлками. Въ свое время о нихъ ходили цѣлыя легенды. Болѣе всего было разговоровъ въ столицахъ и среди военныхъ объ устроенныхъ имъ похоронахъ мундира павлоградскихъ гусаръ въ бытность его командиромъ ихъ, когда, по проекту министра Ванновскаго, въ 1882 г. были уничтожены въ арміи гусарскіе и уланскіе полки, съ переименованіемъ въ драгуны. Послѣ состоявшагося высочайшаго приказа о томъ, Ершовъ собралъ офицеровъ и приблизительно слѣдующее сказалъ имъ:

— Господа! Умерли теперь завѣты нашихъ славныхъ предковъ. Нѣтъ «гусаровъ коренныхъ, предсѣдателей бесѣдъ, собутыльниковъ лихихъ». Проводимъ же съ честью въ мѣсто вѣчнаго покоя и мундиръ нашъ боевой. Похоронимъ его!

И, дѣйствительно, похоронили честь-честью. Сдѣлали гробъ, обили глазетомъ съ лентами и кистями и положили внутрь его, какъ быть должно, венгерку съ чакчирами, ментикъ, шапку и сапоги гусарскіе и саблю. Въ назначенный день былъ выстроенъ весь полкъ въ конномъ строю со всѣми жалованными регаліями. Гробъ поставили на катафалкъ и подъ звуки похороннаго марша полкового хора проводили его до кладбища, гдѣ, съ установленнымъ изъ ружей салютомъ, опустили «въ нѣдра сырой земли».

Вѣсть о томъ, конечно, достигла столицы. Императоръ Александръ III былъ сильно разгнѣванъ такимъ кощунственнымъ поступкомъ Ершова и уволил его въ запасъ арміи, что было для него несравненно хуже отставки, ибо въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ получать хоть какую-нибудь пенсію, а тутъ лишился всякихъ полученій отъ казны. Имѣніе же, кажется въ Серпуховскомъ уѣздѣ, приносило столь мизерные доходы, что на нихъ съ женой и двумя дѣтьми едва можно было влечить жалкое существованіе. Чтобы оказать ему нравственную и матеріальную поддержку, московское дворянство выбрало его своимъ пред-

водителемъ, обезпечивъ ежегодный выдачей на представительство въ 20 тыс. руб. Но онъ не утерпѣлъ и тутъ «набѣдокурилъ», о чемъ вотъ какой рассказывается анекдотъ.

Какъ-то разъ въ дворянскомъ домѣ было назначено засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора. Представители всѣхъ вѣдомствъ собрались уже. Ожидали только прибытія великаго князя. Но онъ запоздалъ по какому-то «неотложному дѣлу», приславъ адъютанта извѣстить о томъ собраніе, прося обождать открытіе засѣданія на полчаса. Для всѣхъ казалось вполне возможнымъ исполнить эту просьбу, но не такъ думалъ Ершовъ. Обратившись къ рядомъ сидѣвшему съ нимъ митрополиту Флавіану, онъ сказалъ громко:

— Навѣрно, у вашего высокопреосвященства есть неотложныя дѣла?..

— Есть!..

— И у васъ тоже?—Обернулся онъ въ сторону московскаго губернатора, кажется, Голицына.

— Да...

— Ну, и у меня есть!—всталъ и пошелъ.

За нимъ потянулись и другіе старшіе чины, а потомъ и мелкая сошка. Когда ровно черезъ полчаса въ собраніе прибылъ великій князь, тамъ находился только одинъ его адъютантъ.

Разумѣется и это событіе не прошло безслѣдно. Вскорѣ изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе: Ершова, какъ главнаго виновника, сослали начальникомъ губерніи въ Оренбургъ, о чемъ онъ, однако, мало грустилъ, митрополита перемѣстили въ Кіевъ, а губернатору дали какую-то другую должность.

По приѣздѣ на мѣсто новаго жительства, Владиміръ Ивановичъ энергично взялся производить чистку подвѣдомственныхъ ему учреждений, начиная съ полиціи. Въ первую голову былъ смѣненъ полицеймейстеръ, потомъ его помощникъ, пристава и т. д. Вмѣсто перваго выписалъ онъ изъ Москвы своего пріятеля, нѣкоего Доброхотова, бывшаго пристава Кремлевской части. И вдвоемъ стали они оборудовать такія дѣла, отъ которыхъ небу становилось жарко. Раньше торговцы носили подарки только приставамъ и околотовымъ, «по издревле заведенному обычаю», а тутъ стали поставлять къ губернатору съ задняго крыльца чрезъ «приближеннаго» лакея Зорина...

П. Юдикъ.

А. Ө. Кони.

(Къ пятидесятилѣтію его служебной и литературной дѣятельности).

Когда знакомишься съ жизнью и дѣятельностью Кони и затѣмъ подыскиваешь слово, съ которымъ бы ассоціировалось сложившееся о немъ представленіе, то легко находишь его. Это слово—долгъ. Кони—прежде всего человѣкъ долга. Всѣмъ извѣстно, что онъ также человѣкъ большого ума и исключительныхъ дарованій, благодаря которымъ онъ стяжалъ себѣ репутацію выдающагося судебного оратора и первокласснаго писателя. Но это именно—*также*: чувствуется, что и умъ и дарованія играли въ его личности подчиненную роль,—роль таланта, котораго онъ не зарылъ, для того, чтобы выполнить то, что онъ считалъ своимъ долгомъ и своимъ назначеніемъ. Кажется, любимыя слова Кони (по крайней мѣрѣ, онъ повторяетъ ихъ въ разныхъ статьяхъ не менѣе трехъ разъ), это—слова Лютера: «Hier stehe ich—ich kann nicht anders» (я стою на этомъ—иначе я не могу). И онъ умѣлъ стоять твердо на томъ, что подсказывалось ему его пониманіемъ долга, всегда твердо держа въ своей памяти изреченіе Цицерона: «Нѣтъ момента въ жизни свободнаго отъ долга».

Въ жизни Кони сдѣлалъ не мало добрыхъ дѣлъ, но тотъ, кто близко не знаетъ его, затруднился бы сказать, вытекали ли эти добрыя дѣла изъ непосредственнаго влеченія добраго сердца, но зато всякій, кто изучилъ убѣжденія Кони по тому, что онъ говорилъ, и провѣрилъ ихъ по тому, что онъ дѣлалъ, не затруднился бы сказать, что всегда—и тогда, когда онъ приходилъ на помощь людямъ, и тогда, когда онъ выступалъ, какъ непреклонный служитель суроваго закона, онъ дѣйствовалъ, послушно подчиняясь требовательному голосу совѣсти. Слово и дѣло у него всегда были въ дружномъ между собою согласіи.

Думаемъ, мы не ошибемся, высказавъ предположеніе, что тотъ «нашъ общій знакомый», о которомъ упоминаетъ Кони,

разсказывая о харьковскомъ профессорѣ Лямблѣ, былъ не кто иной, какъ самъ Кони, и что именно въ утѣшеніе Кони профессоръ Лямбль¹ привелъ въ качествѣ словъ, которыя «общій знакомый» будетъ со временемъ въ правѣ сказать, стихи:

«Ich kenne einen braven Mann;
Sshade dass ich ihn nicht küssen kann,
Denn ich bin selbst der brave Mann».

Первымъ трудомъ, которымъ Кони началъ свою, потомъ уже не прерывавшуюся въ теченіе пятидесяти лѣтъ дѣятельность на благо родной страны, отечественной науки и литературы, было его напечатанное въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1866 г. «кандидатское разсужденіе» о правѣ необходимой обороны (написанное еще въ 1865 г.). Въ этой ранней своей работѣ Кони выступилъ, какъ юристъ опредѣленно прогрессивнаго образа мыслей, которому оставался вѣренъ всю жизнь. Право необходимой обороны имъ оригинально выводилось изъ начала равенства между людьми: «отнять у человѣка защиту (точнѣе: право на самозащиту), когда общество ея дать не можетъ, значило бы совершенно уничтожить объективное равенство между людьми» (стр. 200). Онъ не сомнѣвался въ «справедливости и цѣлесообразности» допущенія необходимой обороны противъ незаконныхъ дѣйствій властей (стр. 214), ибо «всякій гражданинъ, имѣющій обязанность исполнять законъ, имѣетъ и право не допускать противозаконныхъ дѣйствій» (стр. 216); въ частности, гражданину должно принадлежать право необходимой обороны противъ незаконнаго ареста (стр. 238). Кони доказываетъ, что эти теоретическіе выводы соотвѣтствуютъ и смыслу постановленій нашего законодательства (стр. 290).

Хотя «разсужденіе» Кони было напечатано въ ученомъ изданіи Московскаго университета, оно вызвало цѣлый переполохъ, поднятый главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати; въ результатѣ Кони было вмѣнено въ обязанность не распространять оттисковъ своего «разсужденія»; только по особенному снисхожденію авторъ не былъ подвергнутъ никакой карѣ.

По окончаніи московскаго университета Кони былъ рекомендованъ юридическимъ факультетомъ министерства для командировки за границу, гдѣ онъ долженъ былъ готовиться къ занятію каведры уголовного права и процесса, но, вслѣдствіе перехода министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе гр. Д. А. Толстого, командировка не состоялась, и Кони поступилъ на службу по судебному вѣдомству.

Вступленіе на судебное поприще не опредѣлило разъ на всю

жизнь круга дѣятельности и арены успѣховъ Кони. Его «жизненный путь» шелъ не по узкой тропинкѣ, а по многоколейной столбовой дорогѣ. На поприщахъ судебной дѣятельности, законодательной работы, научнаго преподаванія и литературнаго творчества онъ одинаково подвизался съ тѣмъ завиднымъ успѣхомъ, который сдѣлалъ его не по-русски звучащее имя однимъ изъ самыхъ популярныхъ русскихъ именъ. Однако, не можетъ быть все же сомнѣнія, что самую выпуклую грань въ его многогранной работѣ составляетъ его именно судебная дѣятельность. И не только потому, что этой дѣятельности онъ посвятилъ болѣшую часть своей жизни, но и потому, что своимъ примѣромъ и своимъ завѣтомъ онъ оказалъ русскому правосудію услуги, которыя неоцѣнимы и которыя еще долго будутъ привлекать къ себѣ благодарное вниманіе всѣхъ, кто видитъ въ правильно поставленномъ судѣ настоящіе «столбъ и утвержденіе» здоровой общественности и нормальныхъ отношеній между обществомъ и властью. Такъ же, какъ творцы Судебныхъ Уставовъ, помазанный ихъ муромъ, всегда дѣйствовавшій въ ихъ духѣ, Кони былъ однимъ изъ «чиноположниковъ» нашего правосудія. Сойдутъ тѣ мутныя воды, которыя проникли въ живой источникъ нашего правосудія,—въ Судебные Уставы,—и новые дѣятели суда, просвѣтленные тѣмъ общимъ страданіемъ, которое принесла намъ наша горестная эпоха, и одухотворенные тою дѣятельною любовью къ родной странѣ, которую родитъ скорбь за нее, будутъ учиться по прекраснымъ образцамъ, установленнымъ Кони.

Нерукотворный памятникъ своей судебной дѣятельности Кони оставилъ въ своихъ судебныхъ рѣчахъ, помѣщенныхъ въ двухъ сборникахъ: «Судебныя рѣчи» (1868—1888) и «За послѣдніе годы».

Если существеннѣйшій элементъ судебной дѣятельности составляетъ судоговореніе, то изъ различныхъ формъ судоговоренія первенствующее мѣсто принадлежитъ судебнымъ преніямъ. Къ нимъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ литературѣ, примѣнимо требованіе великаго сатирика: «со словомъ надо обращаться честно». Если бы судебный дѣятель, дѣлающій первые шаги на избранномъ имъ поприщѣ, хотѣлъ имѣть наглядный примѣръ того, что значить обращаться со словомъ на судѣ не только честно, но и щепетильно, то онъ долженъ былъ бы обратиться къ судебнымъ рѣчамъ Кони.

Судебныя рѣчи Кони раздѣлены имъ самимъ на четыре группы: обвинительныя рѣчи, руководящія напутствія присяжнымъ, кассационныя заключенія и кассационныя доклады.

Можно было бы много сказать о формѣ обвинительныхъ

рѣчей Кони, всегда отдѣланныхъ, какъ изящнѣйшія литературныя произведенія, но гораздо большаго вниманія, чѣмъ форма рѣчи, заслуживаютъ усвоенные и установленные Кони приемы обвиненія. Научиться его рѣчи невозможно: для этого нужно имѣть его *индивидуальное* дарованіе; усвоить его приемы обвиненія для каждаго обвинителя обязательно.

Прокуроръ, въ глазахъ Кони,—«говорящій судья». Поэтому, онъ прежде всего сохраняетъ то спокойствіе, которое для судьи обязательно. Въ его обвинительныхъ рѣчахъ нѣтъ «натиска» на присяжныхъ засѣдателей; онъ убѣдительно доказываетъ въ каждой изъ нихъ виновность подсудимаго, но рѣдко *убѣждаетъ* судей произнести *непремѣнно* обвинительный приговоръ. «Я выношу полнѣйшее убѣжденіе въ виновности подсудимаго, раздѣляете ли вы мое убѣжденіе, покажетъ вашъ приговоръ»—таковы тѣ слова, съ которыми онъ обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ по дѣлу о нанесеніи губернскимъ секретаремъ Дорошенко мѣщанину Северину смертельныхъ побоевъ, но таковы же по большей части смыслъ и другихъ его рѣчей. Настаивая на виновности подсудимаго, онъ не настаивалъ во что бы то ни стало на обвинительномъ приговорѣ, не внушалъ присяжнымъ засѣдателямъ, взывая къ ихъ совѣсти или запугивая ихъ опасностью, которою угрожаетъ обществу оправдательный приговоръ, что они должны сказать: «да, виновенъ»; напротивъ, онъ говорилъ имъ: «вы можете оправдать *или* обвинить» (дѣло о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Козловской жел. дороги); самое большее, что онъ позволялъ себѣ, это предугадывать обвинительный приговоръ, но не высказывать увѣренность, что приговоръ будетъ непремѣнно таковымъ, какъ бы не допуская мысли, что обвиняемый можетъ быть оправданъ; эта возможность имъ допускалась даже при полной субъективной увѣренности въ виновности подсудимаго. «Я увѣренъ, говорилъ онъ въ рѣчи объ утопленіи крестьянки Емельяновой ея мужемъ, что вы не отступите передъ трудностью задачи, такъ какъ не отступила передъ нею обвинительная власть, *хотя, быть можетъ, разрешите ее иначе*». Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ сквозитъ глубокое убѣжденіе Кони, что совѣсть присяжныхъ засѣдателей должна быть свободна, что, если доводы обвиненія сами по себѣ убѣдительны, то совѣсть присяжныхъ сама свободно, но неизбежно и сознательно подчинится имъ безъ содѣйствія силы внушенія и не подъ давленіемъ внезапно нахлынуващаго чувства, столь же неустойчиваго, какъ неустойчивъ бываетъ искусственный пафосъ обвинительной рѣчи.

Кони никогда не обвинялъ, какъ говорится, «съ запросомъ».

Доказывая виновность подсудимаго, онъ всегда опредѣлялъ и мѣру этой виновности. Какъ ни трудна эта задача, потому что для сравненія явленій моральнаго порядка еще не найдено единицы измѣренія,—въ языкѣ Кони всегда находились подходящія для этого и понятныя для присяжныхъ выраженія, и когда мѣра виновности подсудимаго представлялась ему «укороченной», онъ не останавливался передъ тѣмъ, чтобы просить у присяжныхъ засѣдателей снисхожденія или даже «полнаго снисхожденія».

Конечно, вовсе не рѣдкость въ рѣчахъ обвинителей услышать, что присяжные засѣдатели *могутъ* признать обвиняемаго заслуживающимъ снисхожденія, но Кони не ограничивался этимъ; его ораторское вдохновеніе не заканчивалось на изложеніи доводовъ обвиненія; онъ и снисхожденія для обвиняемыхъ *просилъ* въ такихъ выраженіяхъ, которымъ позавидовала бы защита, когда она ищетъ словъ для того, чтобы тронуть сердце присяжныхъ засѣдателей. Обвиняя Елизавету Штрамъ въ укрывательствѣ убійства ея сына, Кони закончилъ свою обвинительную рѣчь такими словами: «Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына,—забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницею его дѣйствій потому, что не могла найти въ себѣ силы изобличить его... Трепещущія безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природой, укрывало самого преступника. Поэтому, вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія».

Изъ своихъ «руководящихъ напутствій присяжнымъ» Кони выбралъ только три. Извѣстно, какое большое мѣсто стали составлять резюме предсѣдателя въ нашемъ процессѣ съ тѣхъ поръ, какъ многіе предсѣдатели усвоили себѣ взглядъ на защиту, какъ на тормазъ, мѣшающій спокойному и быстрому отправленію правосудія; вовсе не рѣдкое явленіе составляютъ резюме, по характеру своему дублирующія обвинительную рѣчь; что же касается такихъ резюме, которыя не произносятся завѣдомо *in favorem accusationis*, то они часто заставляютъ желать многого съ точки зрѣнія ихъ содержательности. Не даромъ Л. Н. Толстой не удержался отъ карикатуры, изображая говорящаго заключительное слово предсѣдателя. Прежде изложенія дѣла предсѣдатель въ знаменитомъ романѣ «очень долго объяснялъ присяжнымъ, съ пріятной домашней интонаціей, то, что грабежъ есть грабежъ, а воровство есть воровство... Потомъ, когда онъ предположилъ, что присяжные уже достаточно про-

никлись этими истинами, онъ сталъ развивать другую истину о томъ, что убійствомъ называется такое дѣйствіе, отъ котораго происходитъ смерть человѣка,—что отравленіе, поэтому, тоже есть убійство... Потомъ подробно внушалъ присяжнымъ, что, если они найдутъ подсудимыхъ виновными, то имѣютъ право признать ихъ виновными, а если найдутъ ихъ невиновными, то имѣютъ право признать ихъ невиновными»...

Нерѣдка скудость содержанія резюме предсѣдателя объясняется до извѣстной степени скудостью опредѣленій законодателя: заключительному объясненію предсѣдателя въ Судебныхъ Уставахъ удѣлено всего четыре статьи, при чемъ, возлагая на предсѣдателя обязанность изложить передъ присяжными общія юридическія *основанія* къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго», законодатель не опредѣляетъ самъ этихъ основаній.

Уловивъ общую мысль законодателя о заключительномъ объясненіи предсѣдателя, Кони далъ опытъ самостоятельной выработки приемовъ и содержанія резюме. Въ своихъ резюме онъ не толкаетъ присяжныхъ въ ту или другую сторону, а только освѣщаетъ передъ ними тотъ логическій путь, который они должны пройти. Онъ какъ бы перебираетъ передъ присяжными цѣпь логическихъ звеньевъ, которую имъ предстоитъ замкнуть, испытывая прочность каждаго звена, и опасаясь чтобы ни одно изъ нихъ не было пропущено присяжными.

Позднѣе, ставъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента, Кони въ рядѣ заключеній (по дѣламъ о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ, о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ, о Кетхудовѣ и др.) выяснялъ передъ сенатомъ, чѣмъ должно быть заключительное слово предсѣдателя. Разсматривая процессъ, какъ стройное зданіе, онъ видѣлъ въ резюме предсѣдателя то *clef de voûte*, которое «совокупляетъ развѣтвленія параллельно поднявшихся столбовъ обвиненія и защиты». Его собственныя резюме свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ самъ, какъ искусный зодчій, умѣлъ вывести такое «*clef de voûte*».

Вотъ что писалъ Анатолію Ѳеодоровичу Кони по поводу его заключительнаго объясненія въ дѣлѣ Жюжанъ П. Д. Боборыкинъ: «Что въ особенности прельстило меня въ этомъ резюме—это не одна только форма его, но немислимая для меня объективность изложенія и отдѣлки... Я и до Вашей рѣчи разсуждалъ такъ, какъ Вы разсуждали, но *повести* себя такъ, какъ себя повели, не былъ бы въ состояніи—темпераментъ не позволяетъ:

чтонибудь да перепустил бы или не взвѣсилъ бы съ такой широтой и строгой вдумчивостью, какъ это сдѣлали Вы».

Какъ извѣстно, одно изъ дѣлъ, въ которомъ Кони также объективно *повелъ* себя (дѣло Вѣры Засуличъ), стоило ему вынужденнаго перерыва въ любимой работѣ въ уголовномъ судѣ: онъ, выдающійся криминалистъ, былъ переведенъ въ *гражданскій* департаментъ судебной палаты.

Но безспорно самыми цѣнными среди судебныхъ рѣчей Кони являются его кассационныя заключенія. Эти классическія заключенія съ успѣхомъ могли бы быть использованы для академическихъ цѣлей (и частью уже служатъ этимъ цѣлямъ), какъ важное пособіе при изученіи нашего уголовного судопроизводства. Если когда-нибудь будетъ составлена хрестоматія образцовъ судового реченія для пользованія ею на практическихъ занятіяхъ по уголовному процессу, то, конечно, въ этой хрестоматіи кассационныя заключенія Кони займутъ видное мѣсто, какъ лучшія примѣры объективной оцѣнки процессуальныхъ формъ и идейной интерпретаціи Судебныхъ Уставовъ.

Сколько есть состоявшихся по заключеніямъ Кони и въ полномъ согласіи съ ними рѣшеній сената, которыя на памяти у каждаго криминалиста, потому что они приобрѣли значеніе въ подлинномъ смыслѣ руководящихъ рѣшеній по вопросамъ уголовного права и процесса. Достаточно вспомнить разъясненія уголовного кассационнаго департамента по вопросу, можетъ ли уголовный судъ разрѣшить гражданскій искъ, если *событіе*, коимъ онъ вызванъ, признано, а виновность подсудимаго отвергнута (въ рѣш. 1890 г. № 32 по дѣлу Акимова и др.) или по вопросу о предѣлахъ судебного изслѣдованія (въ рѣш. 1895 г. № 17 по дѣлу Ольги Палемъ).

Въ своихъ заключеніяхъ Кони никогда не опирался только на букву закона; онъ всегда выяснялъ внутренній смыслъ тѣхъ процессуальныхъ формъ, на несоблюденіе которыхъ жаловались защитникъ или обвинитель, и только съ точки зрѣнія присущаго имъ жизненнаго значенія оцѣниваетъ степень важности нарушенія. Преподаватель науки уголовного процесса, который стремится представить своимъ ученикамъ не сухой перечень и не легко забываемое описаніе процессуальныхъ обрядовъ, а стройную правовую систему, скрѣпленную и насквозь проникнутую идеей цѣлесообразности, найдетъ очень цѣнное для себя подспорье въ кассационныхъ заключеніяхъ Кони, въ содержащихся въ нихъ разъясненіяхъ практическаго назначенія большого числа судопроизводственныхъ формъ.

Всѣ кассационныя заключенія Кони стоятъ на уровнѣ строго

научныхъ догматическихъ изслѣдованій, подкрѣпленныхъ, когда нужно, историческими экскурсами, всегда оказывающимися у Кони очень любопытными и плодотворными по вытекающимъ изъ нихъ выводамъ, напр., въ вопросѣ о тайнѣ исповѣди (дѣло объ убійствѣ псаломщика Кедрова) или о вліяніи перехода изъ «раскола» въ православіе на ранѣ заключенный по «раскольничьему» обряду бракъ (дѣло о Парфеновѣ, обвинявшемся въ многобрачїи).

Въ кассационныхъ заключеніяхъ Кони есть цѣлый рядъ опредѣленій, которыя по своей точности, выразительности и сжатости заслуживали бы быть цѣликомъ перенесенными въ руководства для студентовъ юристовъ. Можно ли, напр., лучше опредѣлить условія преданія суду въ отличіе отъ условій осужденія, чѣмъ словами: «при преданіи суду вопросъ идетъ объ *основательности* данныхъ для того, чтобы поставить человека передъ судьей; при сужденіи о винѣ или невинности вопросъ сводится къ *доказательности* этихъ данныхъ для сужденія» (изъ заключенія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ)? Или можно ли болѣе удачно формулировать отличіе нашего дореформеннаго доказательственнаго права отъ современнаго, чѣмъ это сдѣлано въ слѣдующемъ сопоставленіи: «Старый порядокъ суда не содержалъ указаній на предѣлы изслѣдованія преступнаго дѣянія,—онъ, повидимому, позволялъ доказывать въ дѣлѣ *все, но не всеми способами*, ограничивая послѣдніе разными условіями. Новый порядокъ, установивъ точную формулировку обвиненія на судѣ, позволилъ доказывать *не все, а лишь то, что входитъ въ область преступнаго дѣянія обвиняемаго, но допускаетъ доказывать это всеми способами*» (изъ заключенія по дѣлу отставнаго поручика Вельяшева, обвинявшагося въ укрывательствѣ векселей).

Кассационныя заключенія не касаются существа дѣла, ограничиваясь ихъ юридической стороною. Отсюда ихъ неизбѣжный сухо-формальный характеръ. Это не мѣшало Кони давать заключенія, въ которыхъ глубокая содержательность соединялась съ живымъ и яркимъ краснорѣчіемъ. Онъ умѣлъ привлечь вниманіе къ своей мысли не только точнымъ, но и выпуклымъ ея изображеніемъ. Можно было бы привести не мало примѣровъ, когда чисто юридическія положенія имъ облакались въ красивую форму наглядныхъ образовъ. Такъ, для выраженія выводимаго изъ 2 п. 797 ст. у. у. с. правила, согласно которому вторая инстанція, рассматривающая дѣло по существу, должна обязательно разобрать всѣ доводы первой инстанціи, Кони находить такую форму: «Допущеніе высшей инстанціи обсу-

ждать не всё доводы низшей инстанции исказило бы архитектуру судебного производства по уставамъ. Въ смыслѣ объема и ширины разсмотрѣнія доказательствъ и низшая, и высшая инстанція должны представлять изъ себя *цилиндры*, каждое поперечное сѣченіе котораго одинаково по объему, а не *пирамиду*, при чемъ, чѣмъ выше восходитъ дѣло, тѣмъ уже становится основаніе для его разрѣшенія».

Или другой примѣръ; для доказательства положенія, что для понятія клеветы ни обстановка, ни количество слушателей не могутъ имѣть никакого значенія, Кони прибѣгаетъ къ сравненію клеветы съ поджогомъ: «Засовывая зажженную паклю въ соломенную крышу зданія, подкладывая подъ огонь полѣнницу дровъ, стоящую въ сѣняхъ, зажигая сѣно, сложенное въ сараѣ,—поджигатель не знаетъ заранѣе и не можетъ, поэтому, опредѣлить,—какъ широко раскинетъ крылья свои сдѣланное имъ злое дѣло... Но въ сферѣ иныхъ, нематеріальныхъ благъ, тоже охраняемыхъ закономъ, развѣ клевета не похожа на поджогъ? Развѣ рассказчикъ, несправедливо позорящихъ чужую честь повѣствованій не поступаетъ такъ же, какъ поджигатель? И онъ, подобно поджигателю, можетъ содѣять зло,—которое въ моментъ начала его совершенія по виду незначительно,—и рассказать только *одному*. Но и онъ не властенъ затѣмъ въ дальнѣйшихъ результатахъ своего рассказа... и онъ, въ большинствѣ случаевъ, пустивъ клевету, уже не въ силахъ, даже почувствовавъ всю низость своего дѣла, прекратить забрасываніе грязью добраго имени невиннаго, имъ самимъ содѣянное... Вотъ почему клевета—этотъ *«поджогъ чужой чести»*—вовсе не обуславливается ни количествомъ слушателей, ни публичностью обстановки разговора» (изъ заключенія по дѣлу купца Адольфа Лангауза).

Выраженіе «клевета—поджогъ чужой чести» вошло въ оборотъ. Сколько уже судебныхъ ораторовъ, съ легкой руки Кони, употребляли его по дѣламъ о клеветѣ, быть можетъ, иногда даже не зная, кому принадлежитъ право авторства на него.

Въ 4-мъ изданіи «Судебныхъ Рѣчей» (1905 г.) Кони прибавилъ къ своимъ кассационнымъ заключеніямъ и нѣсколько кассационныхъ докладовъ.

Большая часть напечатанныхъ кассационныхъ докладовъ Кони посвящены дѣламъ о ересяхъ и расколахъ. Дѣла эти всё относятся къ 90-мъ годамъ, когда преслѣдованіе сектантовъ принадлежало къ числу путей, при помощи которыхъ дѣлалась карьера. Къ сожалѣнію, администраторы, опиравшіеся въ своемъ восхожденіи по ступенямъ служебной лѣстницы на преслѣдованія сектантовъ, нерѣдко находили себѣ поддержку и со сто-

роны судебныхъ учреждений, которыя выносили обвинительные приговоры то на основаніи совершенно произвольнаго распространительнаго толкованія закона, то опираясь на заключеніе указанныхъ властью, возбудившею преслѣдованіе, грубо неграмотныхъ или пристрастныхъ экспертовъ, доходившихъ до признанія за вещественное доказательство преступнаго образа вѣрованій «книги, именуемой Евангеліемъ». Кассационные доклады Кони по этого рода дѣламъ всѣ проникнуты духомъ вѣротерпимости; по всѣмъ докладамъ сенатомъ были отмѣнены обжалованные обвинительные приговоры. Только одинъ приговоръ—также въ согласіи съ мнѣніемъ докладчика—былъ оставленъ въ силѣ: это былъ оправдательный приговоръ Владикавказскаго окружнаго суда, который, разойдясь съ заключеніемъ Владикавказской духовной консисторіи, не призналъ штундистами подсудимыхъ, называвшихъ себя баптистами. Нѣсколько разъ, такимъ образомъ, Кони удавалось удержать «мечъ свѣтскій» отъ удара по живой совѣсти, на которую обрушивался «мечъ духовный».

На ряду съ работой на судебномъ поприщѣ другой сферой практической дѣятельности, которой Кони отдалъ много силъ, было его участіе въ законодательной работѣ.

Еще задолго до того, какъ Кони былъ назначенъ членомъ преобразованнаго государственнаго совѣта, ему пришлось стать участникомъ большой законодательной работы, широко задуманной министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ. Въ качествѣ члена печальной памяти «муравьевской» комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, или, какъ любить называть ее Кони, комиссіи «объ упраздненіи Судебныхъ Уставовъ»,—онъ, какъ вѣрный паладинъ Судебныхъ Уставовъ, горячо отстаивалъ ихъ отъ предпринятаго противъ нихъ похода. Назначенный предсѣдателемъ своего рода «суда надъ судомъ присяжныхъ», образованнаго изъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, Кони блестяще руководилъ его засѣданіями, приведшими къ результату, который не порадовалъ противниковъ суда присяжныхъ. Огромнымъ большинствомъ голосовъ (18 противъ 2) совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ категорически высказало убѣжденіе, что судъ присяжныхъ «представляетъ лучшую форму, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости». Произнесенныя въ засѣданіяхъ особаго

совѣщанія вступительная и заключительная рѣчи Кони представляют собою однѣ изъ наиболѣе содержательныхъ старницъ въ русской литературѣ о судѣ присяжныхъ.

Менѣе, чѣмъ суду присяжныхъ, посчастливилось въ «Муравьевской» комиссіи другимъ устоямъ Судебныхъ Уставовъ. Кони не ограничился устной ихъ защитой, но свое отрицательное отношеніе къ рѣшеніямъ комиссіи запечатлѣлъ въ цѣломъ рядѣ особыхъ мнѣній. Онъ протестовалъ противъ задуманнаго комиссіею сліянія—при сохраненіи земскихъ начальниковъ—въ одну іерархическую организацію мировыхъ и общихъ судебныхъ учреждений, противъ возложенія на участковыхъ судей производства предварительныхъ слѣдствій и расширенія предѣловъ полицейскаго дознанія, противъ предполагавшейся окончательной отмѣны *выборнаго* мирового института, противъ предоставленія права увольненія судей, помимо сената, консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи, противъ установленія процентнаго отношенія евреевъ къ общему составу присяжныхъ повѣренныхъ.

Когда, въ силу указа 12 декабря 1904 г., коимъ повелѣно было «устранить изъ нынѣ существующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія», Комитетъ Министровъ поручилъ особому совѣщанію (такъ наз. комиссіи Д. Ф. Кобеко) составить новый уставъ о печати, то въ составъ совѣщанія былъ приглашенъ и А. Θ. Кони. Нечего и говорить о томъ, что Кони былъ въ совѣщаніи сторонникомъ явочнаго порядка возникновенія періодическихъ изданій, освобожденія книгъ и брошюръ отъ предварительной цензуры, отмѣны права администраціи запрещать, по своему усмотрѣнію, оглашенія о любого рода обстоятельствахъ, установленія исключительно судебного порядка отвѣтственности за преступленія печати. По всѣмъ этимъ вопросамъ имъ были произнесены рѣчи, въ которыхъ точная освѣдомленность относительно дѣйствительнаго положенія печати соединяется съ убѣдительностью аргументовъ въ пользу ея измѣненія.

Съ преобразованиемъ государственнаго совѣта, согласно новымъ основнымъ законамъ, Кони, будучи назначенъ членомъ совѣта, вступилъ окончательно на законодательное поприще. Особенно охотно онъ выступалъ по вопросамъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣла правильная постановка правосудія. Онъ защищалъ существующій обрядъ преданія суду, когда была задумана его отмѣна, какъ гарантію противъ увлеченій слѣдственной и обвинительной властей горячо возражалъ оказавшимся въ государственномъ совѣтѣ, какъ и въ государственной думѣ,

сторонникамъ сохраненія института земскихъ начальниковъ, настаивалъ на расширеніи правъ прокуратуры по возбужденію уголовного преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ, доказывалъ необходимость прекращенія «игры въ прятки» съ присяжными засѣдателями разрѣшеніемъ объяснить имъ угрожающее подсудимому наказаніе, добивался увеличенія содержанія судебнымъ чинамъ для того, чтобы вывести судей изъ состоянія матеріальнаго оскудѣнія и спасти суды отъ опасности моральнаго оскудѣнія, отстаивалъ проектъ введенія условнаго досрочнаго освобожденія, требуя, вопреки предположенію министра юстиціи, распространенія его и на лицъ, приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости, и даже—*horribile dictu!*—произнесъ большую рѣчь въ пользу допущенія женщинъ въ адвокатуру.

Другую серію рѣчей Кони, въ которыхъ особенно чувствуется живое увлеченіе оратора разсматриваемой темой, составляютъ его рѣчи по вопросамъ, касающимся свободы совѣсти: о старообрядческихъ общинахъ, о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое, объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ онъ рѣшительно протестовалъ противъ соединенія политики и вѣры, противъ «канцелярскаго законодательства» въ дѣлахъ вѣры и противъ стремленій связать законодательныя учрежденія въ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ вѣрѣ, каноническими постановленіями, обязательными для духовнаго вѣдомства, а не для призванныхъ къ законодательству «обывателей».

Всѣ рѣчи Кони, какъ по перечисленнымъ, такъ и по другимъ вопросамъ, отличаются прежде всего большою обстоятельностью, почти кропотливымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ возможныхъ доводовъ за и противъ отстаиваемаго мнѣнія. При этомъ Кони, несмотря на свое положеніе члена государственнаго совѣта по назначенію, всегда съ полною независимостью высказывалъ свои убѣжденія. Въ періодъ, когда увлеченіе правительственныхъ сферъ націоналистическою политикою достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, и когда въ государственный совѣтъ поступилъ проектъ о распространеніи въ широкихъ предѣлахъ общеимперскаго законодательства на Финляндію, Кони квалифицировалъ проектъ, какъ мѣру, несущую съ собою опасность для культуры и для благосостоянія Финляндіи и угрожающую отравить финскій народъ «ядомъ негодованія». Когда въ 1912 г. былъ проведенъ въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ—и явно вопреки смыслу этой статьи—отвергнутый государственнымъ совѣтомъ законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ, для чего

сессія думы и совѣта была прервана на три дня, Кони подвергъ эту мѣру покойнаго самовластнаго предсѣдателя совѣта министровъ рѣшительному осужденію, какъ мѣру противозаконную, недопустимую, кромѣ того, не только по юридическимъ, но и политическимъ соображеніямъ, и унижительную для государственнаго совѣта, превращавшую послѣдній въ «простую декорацію». въ «ненужное маховое колесо, которое вертится, не производя никакой полезной работы».

Политическія и общественныя убѣжденія Кони, отразившіяся въ его рѣчахъ, всего вѣрнѣе характеризуются примѣненіемъ къ нему эпитета, который былъ употребленъ однажды имъ самимъ: «прогрессивный консерваторъ». Онъ неизмѣнно вѣренъ тѣмъ протрессивнымъ началамъ, которыя нашли себѣ, правда, далеко не всегда полное, выраженіе въ реформахъ царствованія Александра II-го.

Какъ и другія рѣчи Кони, его рѣчи въ верхней палатѣ облачаютъ богатое содержаніе въ красиво отшлифованную форму. Сколько можно найти въ нихъ крылатыхъ выраженій, которыя, вѣроятно, не разъ будутъ повторяться и съ трибуны и на страницахъ печати. Достаточно привести хотя бы только его отзывы о нашемъ законодательствѣ: въ рѣчи о старообрядческихъ общинахъ, проводя параллель между старческою болѣзнію артерій, вызывающую въ нихъ образованіе сгустковъ крови, и тѣмъ нездоровымъ состояніемъ нашего законодательства, вслѣдствіе котораго въ немъ образуются зловердныя пробки, онъ говорилъ о «законодательномъ артеріосклерозѣ»; въ другой рѣчи онъ примѣнилъ къ бывшему на разсмотрѣніи государственнаго совѣта законопроекту объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ оставленіемъ духовнаго сана, терминъ, заимствованный изъ психопатологіи: «равновѣсіе уменьшенныхъ силъ», ибо въ немъ было «всего понемногу и ничего кореннаго»; наконецъ, въ рѣчи о допущеніи воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ университетъ онъ высказался такъ: «Къ нашему законодательству своеобразно примѣняется поговорка: *per aspera ad astra*. *Astra* достигаются очень рѣдко и съ тягостными усиліями, но *aspera* растутъ и множатся».

Уже рѣчи Кони какъ судебныя, такъ и по законодательнымъ вопросамъ, будучи напечатаны, представляютъ собою цѣнныя литературныя произведенія, но онѣ составляютъ лишь меньшую половину того, что было написано Кони.

Кромѣ упомянутаго выше «кандидатскаго разсужденія», Кони напечаталъ рядъ статей въ «Журналѣ Министерства

Юстиціи», въ «Юридической Лѣтописи» и др. по вопросамъ законодательной и судебной политики. Всѣ эти статьи носятъ на себѣ отпечатокъ, съ одной стороны, широкой начитанности автора, съ другой—его умудренности опытомъ. Особенно поучительны его статьи: «Общія черты судебной этики» (въ «Вопр. филос. и психол.», 1902, янв.-февр.) и «Нравственныя начала въ уголовномъ процессѣ» (въ «Журн. Мин. Юст.», 1902 г., № 1); статьи эти, за исключеніемъ вступительной и заключительной частей, совпадаютъ по содержанію.

Въ 1896 г. Кони собралъ и выпустилъ въ видѣ большой книги свои уже ранѣе печатавшіеся «Очерки и воспоминанія». Это—томъ характеристикъ и біографій. Характеристики Кони составляютъ *chef d'oeuvre* литературы этого рода, но *chef d'oeuvre*, занимающій свое особое мѣсто.

Обычно достоинство характеристики видятъ въ томъ, что она даетъ *портретъ*, въ которомъ, *какъ живой*, выступаетъ образъ оригинала. Какъ разъ этого нельзя сказать о статьяхъ Кони, вошедшихъ въ томъ «Очерковъ и воспоминаній»: въ этихъ характеристикахъ, часто приуроченныхъ къ чествованію памяти того или другого лица, изображаемыя лица не выступаютъ какъ живыя, въ непосредственной близости къ читателю. Уже нѣсколько приподнятымъ тономъ своей рѣчи Кони держитъ читателя на почтительномъ отдаленіи отъ того, о комъ ведетъ свой рассказъ. Его характеристики напоминаютъ не столько портреты, сколько высѣченные мастерскою рукою и воздвигнутые на пьедесталъ надгробные памятники: въ нихъ нѣтъ игры свѣта и тѣней (последнихъ авторъ обычно избѣгаетъ), но зато есть выпуклость контуровъ, нѣтъ живости и разнообразія красокъ, зато есть четкость строгихъ линій.

Нѣкоторымъ его характеристикамъ дѣйствительно присуща та черта, которая не разъ отмѣчалась его критиками: панегирическій тонъ, иногда замѣтное преувеличеніе заслугъ того лица, о которомъ онъ пишетъ, но эта черта объясняется тѣмъ, что и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ оставался тѣмъ, кѣмъ былъ на всѣхъ поприщахъ, на которыхъ работалъ—общественнымъ дѣятелемъ-просвѣтителемъ. Онъ хотѣлъ, какъ видно изъ приводимой имъ въ одномъ случаѣ цитаты изъ лекцій Виктора Кузена, научить «удивляться» красотѣ или величію тѣхъ образовъ, которые онъ рисовалъ, и тѣмъ способствовать пробужденію и укрѣпленію въ читателяхъ или слушателяхъ идеалистическихъ стремленій.

Дидактическій характеръ вообще свойствененъ не только характеристикамъ, но и почти всѣмъ литературнымъ произве-

деніямъ Кони. Но его поученіе не докучаетъ; оно усваивается легко читателемъ, который то внутренне преклоняется передъ святою памятью Гааза, то радуется красотѣ нравственнаго облика поэта-солнца, то чувствуетъ себя глубоко растроганнымъ разсказомъ Кони иногда о какомъ-нибудь совсѣмъ обыкновенномъ эпизодѣ. Вспомните заканчивающія томъ «Очерковъ и воспоминаній» Кони короткія выписки изъ дѣла судебного слѣдователя, озаглавленныя: «Пропавшая серьга». Это тоже поученіе на тему о томъ, какъ слѣдуетъ быть осторожнымъ въ своихъ подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ. Попробуйте прочесть эти выписки вслухъ—вамъ придется сдѣлать усиліе, чтобы вашъ голосъ не дрогнулъ, когда вы дойдете до послѣднихъ строкъ.

Въ статьѣ о кн. В. Θ. Одоевскомъ Кони предъявляетъ такое требованіе къ писателю, который хочетъ выполнить свою просвѣтительную задачу: «Въ произведеніяхъ его должна сквозить его личность, и каждое произведеніе должно быть откровеніемъ личной души автора». И вотъ въ соотвѣтствіи съ этимъ требованіемъ, въ произведеніяхъ Кони чувствуется его глубокое, идущее изъ самыхъ корней его личности стремленіе искать и въ жизни, и въ литературѣ, для себя и для своихъ читателей, уроковъ личной и общественной морали. Въ твореніяхъ Пушкина его прежде всего интересуетъ нравоучительная сторона; онъ съ любовью собираетъ и сводитъ въ рѣчи, произнесенной въ 1899 г. въ засѣданіи академіи наукъ, нравственно-житейскія сентенціи Пушкина и стихи, отражавшіе его общественный идеалъ. Въ статьѣ о Горбуновѣ онъ разъясняетъ глубокий общественный смыслъ забавныхъ горбуновскихъ разсказовъ. Въ свое время Н. К. Михайловскій («Послѣднія сочиненія», т. II) сердито упрекнулъ Кони за то, что онъ, безъ достаточныхъ къ тому оснований, поставилъ Горбунова, просто веселаго разсказчика, на пьедесталъ общественнаго дѣятеля. Можетъ быть, Михайловскій болѣе правъ въ оцѣнкѣ Горбунова, чѣмъ Кони, но въ такомъ случаѣ статья Кони о Горбуновѣ лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ неотступно преслѣдуетъ самого Кони «просвѣтительная задача», ради которой онъ вкладываетъ въ разсказы-шутки Горбунова серьезное общественное значеніе, быть можетъ не имѣвшееся въ виду ихъ авторомъ. Отъ этого разсказы Горбунова, конечно, только выиграли: намъ, не знавшимъ Горбунова, уже трудно при ихъ чтеніи не видѣть въ нихъ того идейнаго содержанія, въ наличности котораго успѣлъ убѣдить насъ Кони.

Уже приближаясь къ пятидесятилѣтнему юбилею своей дѣятельности, Кони выпустилъ два тома своихъ воспоминаній подъ общимъ заглавіемъ: «На жизненномъ пути». Это—увлекатель-

нѣйшія книги среди произведеній русской литературы за послѣднія пять—десять лѣтъ. Ихъ нравится читать и еще болѣе нравится перечитывать. Въ нихъ, какъ и въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ», много характеристикъ, но эти характеристики въ большинствѣ случаевъ иначе написаны, часто (въ I томѣ) набросаны. Если въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ» слово Кони напоминаетъ отточенный рѣзецъ скульптора, высѣкающаго изъ мрамора блестящія фигуры иногда *выше натуральныхъ размѣровъ*, то его изображенія цѣлой галлерей лицъ, о которыхъ онъ рассказываетъ, вспоминая свои встрѣчи «на жизненномъ пути», свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ въ совершенствѣ владѣетъ и искусствомъ портретнаго письма.

Кромѣ большого наслажденія, которое «На жизненномъ пути» Кони доставляетъ каждому читателю, его воспоминанія представляютъ еще особую цѣнность для судебного дѣателя. Если «Судебныя Рѣчи» Кони даютъ образецъ того, какъ нужно *говорить* на судѣ, то въ его воспоминаніяхъ содержится большое число примѣровъ того, какъ долженъ *дѣйствовать* судебный дѣатель.

Въ заключеніе этой очень краткой и неизбѣжно неполной характеристики произведеній Кони еще нѣсколько словъ о его языкѣ: Кони любитъ цитаты,—иногда не только любитъ, но и любитъ ими, приводя одну и ту же цитату по нѣсколько разъ. Но это изобиліе цитатъ никогда не кажется излишествомъ. Цитаты, всегда выбранныя съ большимъ вкусомъ, служатъ для Кони изысканнымъ украшеніемъ, вдѣланнымъ въ блестящую оправу строгаго стиля, въ которую Кони облачаетъ свои мысли и наблюденія. Вы радуетесь, когда Кони напоминаетъ вамъ уже однажды приведенную цитату.

Кони уже 71 годъ, а онъ все еще остается на своемъ посту: принимаетъ участіе въ работахъ государственнаго совѣта, комментируетъ уставъ уголовного судопроизводства, готовитъ для изданія «Судебная Реформа» статью о прокуратурѣ. И теперь, какъ и прежде, интересы правосудія больше всего привлекаютъ къ себѣ его вниманіе. Прослуживъ имъ пятьдесятъ лѣтъ «безъ страха и упрека», онъ и теперь продолжаетъ служить имъ, какъ «старый рыцарь». Хочется приложить къ нему этотъ эпитетъ, составляющій заголовокъ одного недавно извлеченнаго изъ архивной пыли стихотворенія Я. П. Полонскаго,—тѣмъ болѣе, что и современный грозный моментъ, полный тревожныхъ ожиданій, напоминаетъ тотъ моментъ, который изображенъ въ стихотво-

реніи Полонскаго: въ темную, зловѣщую ночь старый рыцарь, облеченный въ доспѣхи, спокойно остается наверху своей башни, «въ мутномъ сизомъ туманѣ».

«А молнія блещетъ, а буря несется,
А море все въ пѣнѣ, сверкая, реветъ».

«Какъ извѣстно, говоритъ Кони, не только геніальные, но и высокодаровитые люди на Руси недолговѣчны». Мы думаемъ, что выразимъ отношеніе къ Кони всѣхъ, кто знаетъ его, если выскажемъ пожеланіе, чтобы онъ еще долго оставался исключеніемъ изъ рокового правила.

Н. Полянскій.

Критика и библиографія.

П. Кудряшевъ. Идеиные горизонты мировой войны. Изд. кн. маг. «Трудъ» М. Ц. 1 руб. 25 коп.

Мировая война 1914—15 г.г. явится «вѣхой, знаменующей историческій конецъ господствующаго социальнo-политическаго міросозерцанія XIX вѣка» — процитированныя слова г. Франка, одного изъ сотрудниковъ «Русской Мысли», давно уже принявшей на себя задачи русскаго христіанскаго мессіанства, характеризуютъ наилучшимъ образомъ цѣль составленной г. Кудряшевымъ книги. Это — сборникъ выдержекъ изъ статей различныхъ авторовъ, написанныхъ за время войны (почему г. Кудряшевъ фигурируетъ въ заголовкѣ, какъ авторъ книги, совершенно непонятно); сборникъ «болѣе яркихъ и значительныхъ идей», высказанныхъ нашими наиболѣе «дальнозоркими и дальновидными современниками» — при чемъ всѣ «дальновидные современники» оказываются, по какой то роковой случайности, принадлежащими къ одному болѣе или менѣе лагерю, къ числу религіозно-философствующихъ лицъ: г. Эрнъ смѣняетъ Бердяевъ, за нимъ Булгаковъ, Мережковский, З. Гиппиусъ, Трубецкой Евгений, Гершензонъ и др. Тутъ же и нововременскій Розановъ. Случайно затесываются одна-двѣ выдержки изъ статей Кизеветтера, Діонео и др.

Тенденція сборника ясна, но для исторически мыслящихъ людей совершенно неубѣдительна. Не слишкомъ ли рано современные «неославянофилы» стали пѣть отходную старымъ идеямъ? Не окажутся ли мечтанія «апокалиптически» настроенныхъ русскихъ мистиковъ, вождѣлѣющихъ вмѣстѣ съ г. Бердяевымъ о какомъ-то предстоящемъ «обрученіи съ Христомъ русской земли», еще болѣе безпочвенными, чѣмъ старая вѣковая культура, дѣйствительно переживающая въ наши дни тяжелый ударъ? Окажутся ли въ состояніи замѣнить старые устои «предчувствія и ожиданія», хотя бы, напр., г. Эрнъ, съумѣвшаго, какъ извѣстно, въ своемъ философскомъ созерцаніи продѣлать самыя изумитель-

ныя операціи надъ исторіей идей и выведшаго Круппа изъ Канта? Конечно нѣтъ, ибо подобныя историческіе кунштюки въ сущности весьма недалеко ушли отъ «специфическаго безумія нѣмцевъ».

У «дальнозоркихъ и дальновидныхъ» нашихъ современниковъ война пробудила «мессіанское сознаніе». «Міръ ждетъ русскаго слова, русскаго творчества»—говоритъ г. Булгаковъ. «Славянство» выступаетъ нынѣ, какъ «главная творческая сила»; оно принесетъ съ собой новую культуру, которая обновитъ «гнилой западъ». Неужели неославянофилы не чувствуютъ, какъ стары ихъ провидѣнія? Но въ старыя мѣха подлито и новое вино. Въ мертвящихъ принципахъ западно-европейской культуры нѣтъ «категоріи святого»—доказываетъ христіанствующій мыслитель «Новаго Времени» г. Розановъ. По его разумѣнію, «для всякаго совершенно понятно и убѣдительно», насколько «поговорить съ Серафимомъ Саровскимъ воспитательнѣе и поучительнѣе, нежели прочесть страницу изъ Гете». Въ этой «святости» и преимуществе русской культуры (напрасно только г. Розановъ полагаетъ, что одинъ только Лютеръ—представитель европейской культуры—боролся при помощи чернильницъ съ чертями, «святая легенда» изъ житія Θεодосія Печерскаго еще въ большей степени полна дьявольскими навѣжденіями). Къ сожалѣнію, однако, тотъ, кто не обладаетъ способностью апокалиптически мыслить (а человѣчество этой способностью не обладаетъ), не можетъ соприкоснуться съ «водой живой», которая «вплескивается» въ «русскую душу» историческими экскурсами г. Розанова. Будемъ вѣрить, вмѣстѣ съ г. Бенуа, что «чудовищная война родитъ новый прекрасный міръ». Но, если и родится новая «соціологическая эпоха», то, конечно, уже не въ сферѣ тѣхъ туманныхъ пророчествъ и предвидѣній, которыми пропитано «христіанское мессіанское сознаніе» мечтателей изъ лагеря неославянофильскаго. Нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ отряхнуться на словахъ отъ старой идеологіи. Но очень трудно замѣнить ее въ жизни. Во всякомъ случаѣ замѣнить ее въ концѣ-концовъ не соціологическія бредни и метафизическія галлюцинаціи современныхъ мыслителей о «сверхнародномъ русскомъ патріотизмѣ»—исторія, по пути которой движутся «судьбы народовъ», болѣе реальна: въ ней нѣтъ ни сверхчеловѣческаго, ни сверхнароднаго.

«Свободная общественность можетъ быть создана лишь свободнымъ духомъ»—говоритъ одинъ изъ авторовъ, включенныхъ въ сборникъ, а именно г. Бердяевъ. Эти слова слѣдовало бы хорошенько воспринять г. Кудряшеву, а вмѣстѣ съ нимъ и московскому двухнедѣльнику «Бюллетенямъ литературы и жизни», со страницъ котораго вышла предлагаемая теперь читателю въ

отдѣльномъ изданіи книга, а, пожалуй, и большинству авторовъ цитированныхъ статей. Свободный духъ требуетъ прежде всего свободы своего выраженія. Только въ свободѣ разсужденія можетъ родиться свобода духа и свободная общественность. Эту то простую аксіому и забылъ составитель, отчего въ результатъ его сборникъ «Идейныя горизонты міровой войны» и получился столь однобокимъ. Конечно, при желаніи и въ существующей литературѣ можно было бы найти противоядіе для своеобразнаго проповѣдуемаго нынѣ «христіанскаго мессіанскаго сознанія». Но только Эрны, Булгаковы, Бердяевы, Трубецкіе, Мережковскіе и ихъ единомышленники имѣли возможность, при современномъ положеніи печати, раскрыть болѣе или менѣе *свободно* и полно по-своему понимаемые ими «идейныя горизонты міровой войны». Напомнить объ этомъ мы и считаемъ нужнымъ въ *историческомъ* журналѣ. Не все старое хорошо, но исторія учитъ цѣнить старое и обращаться съ нимъ съ должной осторожностью и должнымъ вниманіемъ.

С. Мельгуновъ.

Charles Rappoport. Jean Jorès—L'Homme-le Penseur—Le Socialiste. Avec une préface d'Anatole France. Paris. 1915. Pp. I—IX, 1—432.

Книга нашего бывшего соотечественника Х. Раппопорта—первый значительный вкладъ въ библиографію великаго французскаго трибуна.

Могила Жореса слишкомъ свѣжа; промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ трагическаго событія его смерти, слишкомъ малъ, чтобы мы были въ правѣ теперь же ожидать отъ изслѣдователей полной критической оцѣнки его идей и его жизни. Такой задачи не ставить себѣ и г. Раппопортъ. «Я ограничилъ свою роль скромной обязанностью секретаря его (Жореса) мыслей и событій, ихъ вызывавшихъ»—пишетъ онъ въ своемъ предисловіи: «я могъ бы озаглавить свою книгу—*Жоресъ, рассказанный и изложенный имъ самимъ*; читая Жореса лучше всего можно научиться понимать его и любить». Четыре пятыхъ книги г. Раппопорта составляютъ выдержки изъ рѣчей и сочиненій Жореса: если угодно, это не монографія, а хрестоматія. Но что изъ того, если книга читается легко, если цитаты, наполняющія ее, подобраны такъ удачно, что не утомляютъ читателя и создаютъ въ его умѣ законченный образъ ихъ автора? Только это, вѣдь, и требовалось отъ работы, представляющей первый шагъ къ изученію предмета,—спѣшный отвѣтъ на запросъ широкихъ общественныхъ круговъ сейчасъ же какъ можно болѣе узнать о Жоресѣ, оформить представленіе о его личности, осознать вызванную его потерю скорбь.

«Излагая существенныя стороны жизни и дѣятельности Жореса, я старался открыть ихъ основную идею, руководящій принципъ»,—говоритъ г. Раппопортъ, «и мнѣ кажется я нашелъ ту интимную нить, которой его политическая и общественная дѣятельность связана съ его философіей». По мнѣнію автора, это—идея живого единства, сформированная Жоресомъ еще въ его докторской диссертации о «Реальности чувственного міра» (1891),—«біологическій пантеизмъ», опирающійся на идею эволюціи. Въ мірѣ все едино и связно; нѣтъ пропасти между жизнью и смертью, необходимостью и свободой; у всѣхъ существъ отъ человѣка до мельчайшей молекулы—одна душа и одно тѣло. «Карлейль правъ: первые люди-мыслители, видѣвшіе въ каждомъ явленіи природы особое существо, были ближе къ истинѣ, чѣмъ философы-механисты, разлагающіе міръ на простыя варіаціи повсюду единой темы. Міру присущъ драматизмъ».

Въ общественной жизни—«универсальная солидарность», единство настоящаго съ прошлымъ и будущимъ, тождество дѣйствія съ идеаломъ, движенія съ цѣлью, реформы съ революціей. «Мы, говоритъ Жоресъ, идущіе впередъ борцы за новые идеалы,—истинные хранители наслѣдія предковъ: мы взяли съ ихъ очаговъ огонь, а вы сохраняете пепель... Только французская революція открыла для насъ великое національное прошлое, дала намъ Шатобріановъ, Тьери, Мишле—великихъ историковъ, изучавшихъ минувшее съ невѣдомой для предыдущихъ вѣковъ любовью»...

То же «единство» и въ практикѣ. Тактическій методъ Жореса—*революціонная эволюція*—примиреніе конечнаго идеала социализма съ повседневной практической борьбой. Каждое дѣйствіе, каждая частичная реформа, преслѣдуя свою собственную положительную цѣль, органически подготавливаетъ будущее, является его составнымъ элементомъ. Прежде чѣмъ предстать во всей своей силѣ, новое общество мало по малу проникаетъ всѣми корешками въ почву стараго: всѣ великія революціи совершались доселѣ именно такъ...

Жоресъ былъ апостоломъ мира. Идеаль мира, какъ базиса органической эволюціи общества, проходитъ черезъ всѣ его сочиненія. Единственная война, которую онъ допускалъ, это—война для защиты страны, когда атакованная нація исчерпала всѣ средства для сохраненія мира. Соответственно съ такой идеей войны должны быть организованы и военныя силы народа. Казармы должны стать школой для превращенія націи въ народную армію, чуждую агрессивнаго и кастоваго духа. «Какъ нѣтъ на свѣтѣ власти болѣе внушительной, чѣмъ власть, покоющаяся на выраженной въ законѣ волѣ всѣхъ, такъ нѣтъ болѣе могучей

и блестящей арміи, чѣмъ организованная для самозащиты и охваченная стремленіемъ къ независимости нація». Идея демократическихъ милицій, какъ единственной арміи, достойной демократической страны, была, особенно въ послѣдніе годы, любимой идеей Жореса, надъ которой онъ работалъ серьезно и упорно...

Жоресъ былъ настоящимъ «атлетомъ трибуны». «Онъ громить, бушуетъ, кричитъ, захватываетъ, уноситъ слушателя... Испытываешь физическую потребность аплодировать, выражать восторгъ. Чувствуешь присутствіе необыкновенной, какой-то высшей силы—«діавола, а не человѣка» (*un diable d'homme*), какъ выражался Лафаргъ... И въ то же время струя сердечной дружбы пробѣгаетъ отъ оратора къ слушателю. Выходишь лучшимъ изъ залы, потрясенной прозрачно-звонкими волнами его могучаго краснорѣчія. Послушавъ его, хочешь быть другомъ и братомъ всего, что живетъ и страдаетъ, какъ будто вернулся изъ путешествія въ идеальную страну высшей красоты и справедливости. Пройдя черезъ золотыя уста оратора, слова эти, порядкомъ таки изношенныя отъ частаго и безпорядочнаго употребленія, получаютъ вдругъ свой высшій и *полный* смыслъ»... Кто хоть разъ слышалъ Жореса, согласится, что въ характеристикѣ этой нѣтъ преувеличеній.

А вотъ и «слабость» Жореса: «Онъ боялся не быть вмѣстѣ съ истиной. Самоувѣренный тонъ незначительныхъ, по сравненію съ нимъ, людей часто импонировалъ ему. Прежде чѣмъ принять рѣшеніе, онъ долго колебался. Люди, сдѣланные изъ одного куска, идущіе напроломъ къ одной цѣли, поставленной ихъ эгоизмомъ или предвзятой идеей, имѣли надъ нимъ безусловный перевѣсъ. Жоресъ колебался, потому что понималъ безконечную сложность вещей; Жоресъ колебался, потому что зналъ»...

Мы не можемъ, за недостаткомъ мѣста, передать здѣсь, хотя бы въ общихъ чертахъ, всего интереснаго содержанія книги г. Раппопорта. Мы рекомендуемъ ознакомиться съ ней всѣмъ читателямъ, владѣющимъ французскимъ языкомъ.

Что касается внѣшнихъ достоинствъ книги, то о нихъ лучше всего говоритъ отзывъ такого критика, какъ Анатолий Франсъ: «*L'Oeuvre passe en force et en beauté toutes mes espérances*»,—пишетъ онъ съ своимъ маленькомъ предисловіи-письмѣ.

Ив. Херасковъ.

Памяти великаго грузинскаго поэта князя Акакія Ростомовича Церетели. Петроградъ. Изданіе Д. З. Чаброва. 1915. Цѣна 60 к.

Изъ предисловія издателя видно, что, кромѣ этой небольшой книжки, готовится большое русское изданіе, посвященное Ака-

кію Церетели, котораго грузины считают своимъ величайшимъ національнымъ поэтомъ, послѣ Шоты Руставели, автора поэмы XII вѣка: «Витязь въ барсовой шкурѣ». Такое изданіе, если оно дастъ дѣйствительно полную оцѣнку жизни и поэтической дѣятельности А. Церетели, представитъ серьезный научный интересъ. Недавно умершій (26 января 1915 г.) грузинскій поэтъ, при всемъ своемъ націонализмѣ, находился подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ. Онъ учился въ русской школѣ (въ кутаисской гимназіи и на факультетѣ восточныхъ языковъ петербургскаго университета), примкнулъ по своимъ симпатіямъ къ русскимъ шестидесятиникамъ и женился на русской. Съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія литературъ будетъ очень интересно прослѣдить, какъ сказались русскія вліянія на содержаніи, настроеніи и формѣ произведеній такого крупнаго представителя грузинскаго народа.

Но, конечно, Пушкина мы цѣнимъ прежде всего не за то, что онъ былъ очень образованный человѣкъ и что на его творчествѣ видны плодотворныя вліянія французскихъ, англійскихъ и др. писателей. Такъ и для грузинъ кн. Акакій Церетели дорогъ прежде всего тѣмъ, что онъ въ поэтической формѣ выражалъ свое, родное. Объ этомъ говорятъ некрологи, надгробныя рѣчи, перепечатанныя въ изданіи Д. З. Чиаброва; это видно изъ тѣхъ двухъ десятковъ стихотвореній Церетели, которые собраны здѣсь въ переводахъ русскихъ и грузинскихъ поэтовъ: В. Величко, Тхоржевскаго, С. Амираджиби, В. Лебедева, Л. Кипіани и др.

Акакій Церетели происходилъ изъ стариннаго княжескаго рода, и по матери въ немъ текла кровь послѣдняго изъ имеретинскихъ царей. Но отличительной его чертой былъ демократическій духъ грузинскаго народа, живущаго близко къ природѣ. Церетели писалъ стихотворенія на мотивы, которые мы называемъ гражданскими. Этотъ родъ стихотворства легко переходитъ въ реторику, особенно утомительную, когда она выражается цвѣтистымъ восточнымъ стилемъ. Однако, Церетели спасали отъ напыщенности его врожденная искренность и поэтическая наивность. Въ стихотвореніи, посвященномъ профессору грузинской словесности А. С. Хаханову, онъ говоритъ:

Я не то, чѣмъ считалъ ты меня весь твой вѣкъ,
И не то, чѣмъ слыву въ общемъ мнѣнни:
Я лишь чуткій душою, живой человѣкъ —
То земли, то небесъ отраженье.

Этотъ отзывчивый человѣкъ всегда былъ занятъ общественными вопросами больше, чѣмъ личными; онъ писалъ на публицистическія темы, участвовалъ почти во всѣхъ значительныхъ періо-

дическихъ изданійхъ на грузинскомъ языкѣ, самъ издавалъ ежемѣсячный журналъ; но не политическая карьера, не обогащеніе, не слава привлекали его; его душа стремилась къ Богу, къ правдѣ, къ красотѣ:

Я съ восторгомъ пѣлъ страданья,
Пѣлъ, страдая, красоту.
Я любилъ одни желанья,
Я любилъ одну мечту.

Князь, мечтавшій въ ранней юности о блестящей военной, быть можетъ, придворной карьерѣ, своими сатирами на тунеядство богачей вызвалъ мстительный гнѣвъ грузинской аристократіи; и только подъ старость пришло общее признаніе и поклоненіе, когда поэтъ, давно познавшій суету земного, старикомъ скромно жилъ въ своей деревнѣ.

Какъ я страдалъ отъ оскорбленій!
Страдать—у насъ не мудрено.
Теперь меня пускай всѣ хвалятъ —
Мнѣ все равно, мнѣ все равно!

Какъ всѣ лучшіе поэты, Церетели соединялъ въ себѣ общечеловѣческое и національное. Онъ мечталъ о братствѣ народовъ, любилъ Россію, но больше всего давала ему мотивовъ для творчества Грузія. Онъ сравнивалъ себя съ восковой свѣчей, которая стоитъ, таинственно мерцающая, въ храмѣ, передъ святой иконой, и таетъ, какъ символъ искупленія, за земные грѣхи. Храмъ для поэта—это весь міръ, а икона для него—родная страна.

Все отнынѣ тебѣ посвящаю —
Жизнь и силу, и пѣсню мою...
Отдаюсь я родимому краю,
И умру я въ родимомъ краю,
Гдѣ свѣтла и прекрасна природа,
Гдѣ снѣга вѣковѣчныхъ вершинъ,
Бирюзовая глубь небосвода,
Изумрудная зелень долинъ!

Церетели никогда не потакалъ слабостямъ и порокамъ грузинъ. Онъ осуждалъ праздность, изнѣженность отдѣльныхъ личностей, даже цѣлаго класса, но вѣрилъ въ народъ. Онъ зналъ, что и среди грузинъ, прославленныхъ своею военною доблестью, встрѣчаются трусы; но его воодушевляетъ образъ грузинки-матери, которая благодаритъ Бога за то, что врагъ побѣжденъ въ битвѣ, въ которой пали ея два сына, и рыдаетъ, разрывая отъ горя на груди своей платье, такъ какъ живымъ возвратился къ ней третій сынъ, позорно бѣжавшій съ поля битвы («Грузинка»). Поэтъ знаетъ, что и въ его народѣ, извѣстномъ своимъ рыцарскимъ уваженіемъ къ женщинѣ и чистотой своихъ семейныхъ нравовъ, что и въ Грузіи есть коварныя женщины, мечтающія о любовникѣ, который ночью, какъ шакалъ, неслышной

поступью проберется въ спальню, гдѣ спокойно храпитъ мужъ («Кто какъ понимаетъ любовь»). Но онъ рассказываетъ восточную поэму-быль, удивительную для европейца, въ которой воспитатель, мудрый и ученый старикъ, лишилъ себя жизни потому, что его воспитанникъ, слабовольный и распутный знатный юноша, не устоялъ передъ соблазномъ и обезчестилъ жену своего молочнаго брата («Воспитатель»).

Грузины любятъ называть покойнаго поэта своимъ «некоронованнымъ царемъ» и утверждаютъ, что на немъ воспитывается все молодое грузинское поколѣніе. Если это такъ, то грузинская молодежь выбрала себѣ прекраснаго руководителя. На поэзіи Акакія Церетели она можетъ развивать тѣ національныя качества, которыя мы—русскіе любимъ и уважаемъ въ грузинскомъ народѣ: доброжелательную общительность, наивную искренность и пылкое мужество.

В. Лазурскій.

Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, при ближайшемъ участіи А. А. Бахрушина, Н. А. Попова. Художественной частью заведуетъ К. А. Коровинъ. Т. I. Москва. 1914. Книгоиздательство «Объединеніе». Стр. XII + 364 + VIII.

«Исторія русскаго театра» принадлежитъ къ тому же типу подписныхъ éditions de luxe, какъ и «Русское масонство»¹⁾. Подобно послѣднему, данное изданіе обращается «къ широкому кругу читателей» и, являясь коллективнымъ трудомъ, стремится обобщить все сдѣланное до сихъ поръ по исторіи русскаго театра. Редакція надѣется, что «только путемъ такихъ постепенныхъ обобщеній можетъ создаться современемъ полная научная и научно-популярная исторія нашего театра» (XI).

Настоящій моментъ можно считать довольно благопріятнымъ для подведенія подобныхъ итоговъ по изученію русскаго театра. Послѣдніе годы отмѣчены у насъ напряженнымъ интересомъ къ теоретическимъ и историческимъ проблемамъ сцены; къ прежнимъ работамъ нашихъ ученыхъ (Н. С. Тихонравова, Алексѣя Н. Веселовскаго, П. О. Морозова, А. Н. Пыпина, М. Н. Лонгинова, А. С. Архангельскаго, И. А. Шляпкина и пр.) уже въ XX в. присоединили немало цѣннаго такіе изслѣдователи, какъ В. Н. Перетцъ, В. И. Рѣзановъ, Б. В. Варнеке, А. М. Лобода, А. А. Чебышевъ, бар. Н. В. Дризень, В. П. Всеволодскій-Гернгроссъ, А. Н. Бенуа, Н. Н. Долговъ и мн. др. Проф. Б. В. Варнеке издалъ (въ 1908 г.) свои лекціи по «Исторіи русскаго те-

¹⁾ См. Гол. Мин. № 7—8.

атра», сдѣлавшіяся сразу ходовымъ пособіемъ. Толки о «кризисѣ театра», успѣвшіе породить цѣлую литературу, въ свою очередь усиливали общественное вниманіе къ судьбамъ театра. И редакція имѣла право сказать, что «мысль о сравнительно обширной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доступной среднему читателю «Исторіи русскаго театра» уже нѣсколько лѣтъ «виситъ въ воздухѣ» (X).

На пути къ осуществленію этой задачи лежитъ однако немало трудностей. Помимо неразработанности нѣкоторыхъ вопросовъ и цѣлыхъ періодовъ въ исторіи нашего театра, составителей не могла не смущать самая сложность предмета. «Наше изданіе», предупреждаетъ редакція (XI), «лишено возможности съ одинаковой полнотой и обстоятельностью дать исторію жизни всѣхъ видовъ театра». Въ центрѣ изложенія поставленъ театръ драматическій, хотя не будутъ забыты также опера и балетъ. Зато изданіе не ограничится одной исторіей драматургіи (репертуара), но включитъ въ свои рамки собственно исторію сцены со всѣми ея техническими и профессиональными сторонами; театральные дѣятели и актеры въ частности займутъ здѣсь не меньшее мѣсто, чѣмъ писатели. Такая постановка дѣла вполне соответствуетъ природѣ изучаемаго явленія.

Предполагая довести «Исторію русскаго театра» до послѣднихъ дней, включивъ и то, «что сейчасъ находится въ процессѣ роста»,—редакція въ первомъ томѣ (всего будетъ шесть томовъ) сгруппировала статьи по исторіи театра вплоть до XIX вѣка, при чемъ наибольшее мѣсто отведено екатерининской эпохѣ. Очевидно, рѣшено не затруднять «средняго читателя» излишними свѣдѣніями о далекомъ прошломъ русскаго театра. Одинъ изъ авторовъ (С. С. Игнатовъ) прямо отказывается отъ разбора нѣкоторыхъ пьесъ, «чтобы не придавать очерку слишкомъ спеціальнаго характера», и отсылаетъ читателей къ изслѣдованію П. О. Морозова (85). Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть, что при статьяхъ, вошедшихъ въ составъ I тома, совершенно отсутствуютъ библиографическія указанія.

Открывается «Исторія русскаго театра» сжатымъ очеркомъ П. О. Морозова о народной драмѣ. Написанная извѣстнымъ знатокомъ театра, статья эта, хотя, и не обогащаетъ насъ новыми данными, но прекрасно вводитъ читателя въ предметъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о второй статьѣ, озаглавленной «Древне-русскія мистеріальныя «дѣйства» и школьная драма XVII—XVIII вв.». Ея авторъ, проф. В. И. Рѣзановъ, въ отчетливой и живой формѣ передаетъ читателю существенные результаты, къ которымъ пришли онъ самъ въ своихъ спеціальныхъ

изысканіяхъ и другіе ученые, занимавшіеся ранними стадіями въ исторіи нашего театра.

Въ дальнѣйшихъ пяти очеркахъ (*В. П. Всеволодскаго-Гернгросса, С. С. Игнатова, С. К. Шамбинаго, Н. Л. Бродскаго, Б. Л. Модзалевскаго*) послѣдовательно воспроизводятся важнѣйшіе моменты въ жизни русскаго театра, съ Алексѣя Михайловича до Екатерины II. Въ этомъ періодѣ читатель, безъ сомнѣнія, съ особымъ вниманіемъ остановится на статьѣ *Н. Л. Бродскаго*. Въ талантливо скомпанованной и сочной картинѣ онъ сумѣлъ всесторонне охарактеризовать театръ въ эпоху Елисаветы Петровны и, между прочимъ, въ свѣжихъ тонахъ набросалъ портретъ главнаго дѣятеля этого времени, Сумарокова (117—119). Специалисты отдадутъ должное анализу трагедій Сумарокова, въ частности его «Гамлета» (сравнительно съ переводами Вольтера и Лапласа). Въ очеркѣ *Н. Л. Бродскаго* нашли себѣ оцѣнку также комедіи Сумарокова (128—132), которыя обыкновенно ставятся незаслуженно низко (ср., напр., далѣе въ статьѣ проф. *А. С. Архангельскаго* на стр. 239). Называя Сумарокова «первымъ провозвѣстникомъ въ Россіи теоріи ложноклассической драмы» (121),—не слѣдовало бы однако забывать о прецедентахъ, къ числу которыхъ относится, напримѣръ, статья о «позорищныхъ играхъ» въ «Историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчаніяхъ» на «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1733 года, излагаемая въ очеркѣ *С. К. Шамбинаго* (97—98). «Разсужденіе это, построенное на данныхъ Аристотелевой поэтики, можетъ быть, переведенное съ нѣмецкаго, приводитъ насъ на порогъ настоящаго французскаго классицизма», справедливо замѣчаетъ *С. А. Шамбинаго*. За Сумароковымъ, такимъ образомъ, остается не приоритетъ, а авторитетъ таланта.

Съ наибольшей тщательностью освѣщена екатерининская эпоха. Проф. *Б. В. Варнеке* въ обстоятельномъ этюдѣ воскресилъ жизнь екатерининскаго театра въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, а проф. *А. С. Архангельскій* далъ обширное изслѣдованіе (211—316 стр.) о драматургіи этой эпохи, дополняемое далѣе статьями проф. *В. В. Сиповскаго* (объ императрицѣ Екатеринѣ II), акад. *А. Н. Веселовскаго* (о Фонвизинѣ) и *В. П. Всеволодскаго-Гернгросса* (о первыхъ постановкахъ «Бригадира» и «Недоросля»). Мнѣ извѣстно, что проф. *А. С. Архангельскій* предполагаетъ въ непродолжительномъ времени издать особую монографію о драматургіи екатерининскаго вѣка, но и въ настоящемъ своемъ видѣ его работа даетъ чрезвычайно много: авторъ съ любовью останавливается даже на такихъ пьесахъ, которыя принадлежатъ второстепеннымъ или неизвѣстнымъ пи-

сателямъ. Обзоръ проф. Архангельскаго можно бы назвать почти исчерпывающимъ, если бы авторъ не принужденъ былъ сознательно ограничивать себя, чтобы не повторять того, что скажутъ вслѣдъ за нимъ проф. Сиповскій и акад. Веселовскій. Статья проф. В. В. Сиповскаго носитъ заглавіе «Императрица Екатерина II и русская бытовая комедія ея эпохи». Выдѣленіе этой темы, признаться, весьма невыгодно отразилось на обѣихъ смежныхъ статьяхъ. Своего заглавія (будемъ ли мы понимать его широко или узко) проф. Сиповскій въ сущности не оправдалъ: пьесы императрицы разсматриваются по отношенію не къ одной только русской бытовой комедіи, о послѣдней дается крайне бѣглое представленіе, при чемъ по какой-то разсѣянности авторъ иногда цѣлыми абзацами заимствуетъ изъ книги проф. Варнеке «Исторія русскаго театра» (о Лукинѣ). Сосѣдство статьи проф. Сиповскаго не позволило проф. Архангельскому должнымъ образомъ использовать матеріалъ, заключающійся въ драмахъ императрицы, и намъ приходится сливать ихъ статьи, чтобы составить себѣ достаточно полное понятіе о драматургіи екатерининской эпохи.

Исторія драматической литературы за вторую половину XVIII в. распадается, по мнѣнію проф. Архангельскаго, на слѣдующіе четыре момента: 1) «быстрое паденіе» псевдо-классической трагедіи; 2) въ связи съ этимъ—столь же быстрое развитіе «слезной драмы», или «мѣщанской трагедіи»; 3) ростъ комедіи въ сторону реальности и художественности (черезъ стадіи ложноклассицизма и сентиментализма) и 4) своеобразная эволюція такъ называемой комической оперы, которая вообще оказываетъ русской комедіи весьма значительную помощь въ процессѣ освобожденія ея отъ господства слезной драмы. Въ общемъ, резюмируетъ авторъ (213), вся эта исторія есть «не только быстрое паденіе введеннаго къ намъ Сумароковымъ «Расинова театра», замѣна его «слезной», «мѣщанской трагедіей»,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ частности, и довольно быстрый переходъ изъ сферы отвлеченнаго чувства, общей «чувствительности», на почву реальной дѣйствительности,—отъ вопросовъ отвлеченной морали, «добродѣтели» къ реальнымъ вопросамъ окружающей общественности». Итакъ, на протяженіи полвѣка пала ложноклассическая трагедія, расцвѣла и отцвѣла слезная драма и, наконецъ, народилась самобытно-реальная комедія. Въ общемъ трудно оспаривать эту историческую перспективу, но въ частностяхъ, и притомъ существенныхъ, она едва ли вѣрна. Во-первыхъ, можно ли столь рѣшительно торжествовать побѣду надъ ложноклассицизмомъ? Проф. А. С. Архангельскій держится того мнѣнія, что

«ложно-классическая трагедія съ самаго начала не получаетъ у насъ сколько-нибудь широкаго развитія» (213; ср. 238), что псевдоклассицизмъ вообще «слабо прививался» къ намъ, и что уже на первыхъ порахъ онъ встрѣтилъ «равнодушіе, даже протестъ» (242). Если имѣть въ виду не частные факты (удѣльный вѣсъ которыхъ всякій разъ нуждается въ особой провѣркѣ), а основныя линіи нашего литературнаго развитія,—то, наоборотъ, все говоритъ за необыкновенную живучесть ложноклассицизма на русской почвѣ. Онъ продолжаетъ существовать, по крайней мѣрѣ, до двадцатыхъ годовъ XIX ст. Къ слову сказать, самъ Сумароковъ сохранялъ извѣстное обаяніе даже въ XIX вѣкѣ (ср. въ статьѣ Н. Л. Бродскаго на стр. 132). Разумѣется, русскій классицизмъ, какъ и всякое другое литературное теченіе, представляетъ свои особенности, не всегда онъ былъ «чистымъ» псевдоклассицизмомъ, но суть дѣла отъ этого не мѣняется. Отмѣченное явленіе нисколько не поражаетъ насъ: стоить только намъ припомнить общія историко-культурныя условія, въ которыхъ протекала жизнь нашего образованнаго общества, которыя вырабатывали психологію русскаго читателя и которыя, слѣдовательно, опредѣляли наши отношенія къ французской литературѣ. Безъ такихъ соціологическихъ справокъ трудно вообще понимать смѣну литературныхъ теченій и измѣрять ихъ относительную важность. Проф. Архангельскій пытается обойтись безъ такого мѣрила, и въ результатѣ, какъ намъ кажется, большая неопредѣленность сужденій. Въ полной мѣрѣ сказалось это на вопросѣ о мѣщанской драмѣ, которая была настолько характернымъ явленіемъ для екатерининской эпохи, что оставила свой слѣдъ въ области комедіи, комической оперы и даже трагедіи. Какъ возникла она? почему получила извѣстное вліяніе и почему, съ другой стороны, «въ своей наиболѣе рѣзкой, односторонней формѣ» она «не имѣла у насъ широкаго распространенія?» Объясненіе, данное проф. Архангельскимъ на стр. 230—1, едва ли можетъ удовлетворить насъ. Сказать, что это была «реакція ложноклассическимъ традиціямъ», значитъ въ сущности повторить самый вопросъ. Новая теорія, думаетъ проф. Архангельскій, преслѣдовала лишь «ближайшія, чисто литературныя цѣли», но элементъ чувства быстро придалъ литературѣ «совершенно другое содержаніе и направленіе»—болѣе широкое, чѣмъ раньше, «общественное, морально-философское и отчасти политическое значеніе». Это положеніе нуждается какъ разъ въ перестановкѣ частей: литературная теорія созрѣла при наличности извѣстныхъ общественныхъ, политическихъ и морально-философскихъ условій (намекъ на это есть въ статьѣ проф. Сиповскаго, на стр. 319).

Разъ проф. Архангельскій не выяснилъ генезиса мѣщанской драмы, темной должна была остаться и вся дальнѣйшая ея исторія. Группировка фактовъ и ихъ истолкованіе то и дѣло вызываютъ въ насъ сомнѣнія. Болѣе того: авторъ съ строгостью, достойною «теоріи словесности», различаетъ разные виды драмы, всякій разъ точно взвѣсивая составные элементы разбираемой пьесы («наполовину» слезная драма и т. п.),—но въ концѣ-концовъ читатель, вѣроятно, затрудняется отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же нужно разумѣть подъ «слезной драмой». Повидимому, какъ и принято, авторъ придаетъ терминамъ «слезная драма» и «мѣщанская драма» (или трагедія) тождественное значеніе (212, 230—235), между тѣмъ чаще всего оперируетъ съ узкимъ понятіемъ слезной драмы «въ ея чистомъ видѣ» (238), относя къ послѣдней категоріи пьесы, въ которыхъ есть чувства, слезы, мораль и никакихъ отголосковъ живой дѣйствительности (244—245, 246, 249, 285—286 и т. д.). Отъ такой сбивчивой терминологіи, къ сожалѣнію, весьма существенно пострадалъ прежде всего Лукинъ. О немъ дважды говорится въ статьѣ проф. Архангельскаго (241—243 и 258—260), характеризуетъ его и проф. Сиповскій (320—323), но ни тамъ, ни здѣсь Лукинъ не нарисованъ во весь ростъ, и его роль въ исторіи русской драмы такъ и остается неясной. Проф. Сиповскій называетъ его «первымъ нашимъ драматургомъ, который сознательно сталъ проводить въ своемъ творествѣ націоналистическія и реалистическія тенденціи» (320), и проф. Архангельскій видитъ въ немъ «наиболѣе ранняго представителя» «сознательнаго стремленія къ народности» (241). Это стремленіе къ народности трактуется внѣ связи съ мѣщанской драмой (240—243), но затѣмъ оказывается, что главная пьеса Лукина «Мотъ» есть «чистая слезная драма», что вообще на Лукинѣ мы видимъ рѣшительное вліяніе слезной драмы (260).¹⁾ По той же, вѣроятно, причинѣ странная участь постигла и соратника Лукина, Плавильщикова: проф. Архангельскій упоминаетъ лишь его трагедію «Дружество» (224—225), совершенно умалчивая объ его замѣчательныхъ комедіяхъ и теоретическихъ взглядахъ на театръ (послѣдніе представлены нѣсколькими цитатами въ концѣ статьи проф. Сиповскаго, на стр. 339—340). Вслѣдствіе этихъ и подобныхъ дефектовъ статья проф. А. С. Архангельскаго, весьма богатая фактическимъ содержаніемъ, не даетъ ясно вычерченнаго рисунка.

Теперь двѣ-три частности. Автора комической оперы «Кол-

¹⁾ Попутно замѣтимъ, что на стр. 258—260 Лукинъ вставленъ какъ-то случайно между Николевымъ и Княжниннымъ (ср. сказанное на стр. 256 о ближайшихъ преемникахъ Сумарокова).

дунъ, ворожея и сваха» проф. Архангельскій считаетъ «неизвѣстнымъ» (309), между тѣмъ она принадлежитъ И. Юкину. Приведенная на стр. 293 безъ имени автора пьеса «Торжествующій градъ Владиміръ» сочинена Мих. Прокудинымъ и Ермиломъ Костровымъ, а на пьесѣ «Торжествующій Парнасъ» (293) значится—«сочиненіе В. М.» При имени П. Потемкина (236) излишне бы пояснить «графа П. С. Потемкина». Что-то неладное находимъ мы на стр. 258: комедія Николева «Попытка не шутка»; датированная 1774 годомъ, оказалась «въ значительной долѣ заимствованной» изъ «Юліи» Сентъ-Фуа, которая относится лишь къ 1776 г.

Въ двухъ случаяхъ редакціи положительно слѣдовало бы взять на себя посредническую роль между профф. Сиповскимъ и Архангельскимъ. На стр. 320—321 къ тому, что сказано о Лукинѣ «по Варнеке», проф. Сиповскій отъ себя прибавляетъ: «Позднѣе были напечатаны еще двѣ его комедіи: «Наказанная вертопрашка» (печ. 1781) и «Смѣшное сборище» (печ. 1790)». Обѣ эти комедіи извѣстны и проф. Архангельскому (онъ излагаетъ ихъ содержаніе, послѣднюю даже весьма подробно), но, по его свѣдѣніямъ, комедію «Наказанная вертопрашка» написалъ Ельчаниновъ (256), а «Смѣшное сборище» принадлежитъ неизвѣстному автору (268). Полагаю, что правъ проф. Архангельскій. Ужъ не потому ли проф. Сиповскій приписалъ «Наказанную вертопрашку» Лукину, что сочиненія послѣдняго изданы (въ 1868 г.) вмѣстѣ съ сочиненіями Б. Е. Ельчанинова подъ ред. П. А. Ефремова? По отношенію къ «Смѣшному сборищу» авторство Лукина сомнительно уже вслѣдствіе самаго характера этой пьесы. Но, можетъ быть, у проф. Сиповскаго все-таки есть какіе-нибудь аргументы въ пользу авторства Лукина?..

Статья акад. А. Н. Веселовскаго о Фонвизинѣ служить однимъ изъ украшеній I тома: покоясь на прочномъ фактическомъ базисѣ, она написана съ присущимъ нашему ученому блескомъ стиля и содержательнымъ лаконизмомъ. Мы позволили бы себѣ только заступиться за «Коріона», который отнесенъ къ «писательскимъ грѣхамъ» Фонвизина: въ этой передѣлкѣ Грессэ есть и бытовой фонъ (съ діалектологической индивидуализаціей рѣчи крестьянина), и интересная антитеза чувства и разума, индивидуализма и социальности; самъ Коріонъ, похожій на Телефа въ пьесѣ Майкова «Агріопа»,—ранній типъ разочарованнаго человека, порвавшаго со свѣтомъ. Въ исторіи творчества Фонвизина и въ исторіи комедіи XVIII в. «Коріонъ»—замѣтное явленіе.

Историческими справками В. П. Всеволодскаго-Гернгросса о

постановкахъ пьесъ Фонвизина заканчивается I томъ «Исторіи русскаго театра». На грани новаго періода по праву поставлень «Недоросль», который до сихъ поръ не утратилъ способности возбуждать живое вниманіе зрителей.

Съ интересомъ будемъ ждаты продолженія этого изданія, столь удачно начатаго и столь нужнаго. Оно—желанный гость въ нашемъ книжномъ мірѣ. Вѣдь, дѣйствительно, можетъ быть, «ни въ одной странѣ театръ не игралъ такой роли, какъ въ Россіи».

П. Сакулинъ.

Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Составилъ W. T. Stead. Переводъ Е. С. Мосоловой. Петроградъ, 1915 г., стр. 312.

Любопытная эта книга, и много она выиграла бы, если бы ее «составилъ» не такой поверхностный и самонадѣянный фельетонистъ, какъ покойный Стэдъ (имѣвшій слабость всю свою жизнь считать себя серьезнымъ политическимъ мыслителемъ). Письма Ольги Новиковой, письма къ Ольгѣ Новиковой—иногда очень интересны, иногда совсѣмъ неинтересны; но вставки, замѣчанія, размышленія и поясненія, которыми щедро сыплеть по поводу этой корреспонденціи самъ Стэдъ, только понапрасну отвлекають вниманіе читателя и не даютъ ему сосредоточиться на документальныхъ данныхъ. Для русскаго читателя это непрерывное вмѣшательство «составителя» бесполезно, для англійскаго, не столь освѣдомленнаго, даже можетъ быть вредно, ибо Стэдъ, на самомъ дѣлѣ весьма мало искушенный въ русскіхъ дѣлахъ и въ русской исторіи, придерживался, однако, самаго отраднaго мнѣнія о собственной освѣдомленности въ сложнѣйшихъ вопросахъ русской жизни и охотно бралъ на себя роль чичероне. То ему покажется, что польское возстаніе было въ 1832 году (стр. 4); то онъ констатируетъ, что Герценъ велъ въ Лондонѣ «революціонную и антирусскую пропаганду» (стр. 13) и т. п., все въ такомъ же духѣ. Но это—между прочимъ; интересъ сосредоточивается не на словоохотливомъ англійскомъ журналистѣ, а на русской неофициальной дипломаткѣ, корреспонденцію которой онъ отдалъ на судъ читателя.

О. А. Новикова была, безспорно, интересной и недюжинной женщиной; это нужно признать, если сколько-нибудь безпристрастно судить о ней. Отъ природы она была талантливѣе весьма многихъ русскіхъ официальныхъ дипломатовъ временъ Александра II и Александра III. И, кромѣ того, ею руководили, помимо честолюбія, еще и опредѣленные идейные интересы, во

имя которыхъ она работала иной разъ съ самою настоящею страстью. Уже одно это рѣзко отличаетъ ее отъ всей той раззолоченной мелкоты, которая «представляла» Россію при разныхъ дворахъ и для которой Россія была, преимущественно, лишь мѣстомъ полученія чиновъ, лентъ и камергерскихъ ключей. «Депутатомъ отъ Россіи» ее въ шутку назвалъ Биконсфильдъ, и эта кличка такъ за нею и осталась. Для нея существовала, въ точности говоря, единственно лишь Россія официальная, за которой никогда, ни единого разу за всю жизнь ей и въ голову не пришло искать какую-либо другую Россію. Но это ужъ вопросъ иной, котораго тутъ касаться бесполезно. Важно отмѣтить, что этой официальной Россіи она служила идейно, не за страхъ, а за совѣсть, не предавала ее и не продавала, служила всегда съ энергіей, часто съ блескомъ, иногда съ удачею. Ни одинъ историкъ международныхъ отношеній въ 1870-хъ и 1880-хъ гг. мимо ея фигуры не пройдетъ безъ нѣкотораго вниманія. Отъ этой фигуры вѣтъ холодомъ, чтобы ни говорилъ ея поклонникъ Стэдъ; А. О. Новикова отличалась свойствомъ—*абсолютно не понимать* тѣхъ политическихъ и культурныхъ теченій, которыя ей были несимпатичны; ни глубиной, ни широтою, ни толерантностью ея умъ не отличался; въ лучшемъ случаѣ съ нетерпѣніемъ и раздраженіемъ, а чаще съ рѣшительною злобою она относилась ко всему, что въ религіи не совпадало съ Побѣдоносцевымъ, а въ общественности съ гр. Дмитріемъ Толстымъ. Но среди окружавшаго ее ничтожества великосвѣтской русской жизни того времени она могла казаться (да и была въ самомъ дѣлѣ) явленіемъ замѣчательнымъ. Ей и самой бывало душно и тѣсно въ той средѣ, къ которой она принадлежала. Ее тянуло къ выдающимся литераторамъ, богословамъ, государственнымъ людямъ Англіи (гдѣ она жила, кажется, больше, чѣмъ въ Россіи),—и она умѣла также и ихъ надолго привязывать къ себѣ. Ея лондонскій салонъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка былъ мѣстомъ встрѣчи не только свѣтилъ политики (въ родѣ Гладстона, Брайта, лорда Кларендона, Чарльза Виллерса), но и яркихъ представителей науки и литературы (Кингизака, Тиндаля, профессора Фримана, историка Фруда и др.). Письма всѣхъ этихъ и многихъ другихъ дѣятелей къ О. А. Новиковой показываютъ, до какой степени они дорожили ея мнѣніемъ и цѣнили ея дружбу, даже когда вовсе не раздѣляли ея основныхъ воззрѣній, представлявшихъ собою помѣсь славянофильства съ непримиримымъ автократизмомъ. Смерть ея любимаго брата, Николая Кирѣева, убитаго во время сербскаго возстанія противъ турокъ, была для нея страшнымъ ударомъ, но этотъ ударъ ея не сразилъ, а побудилъ лишь съ особымъ рвеніемъ служить своему

дѣлу. Въ трудныя времена 1876—1878 гг., когда не разъ Англія была на волосокъ отъ объявленія войны Россіи, салонъ Ольги Новиковой сдѣлался средоточіемъ дѣятельной руссофильской агитаціи. Упорная борьба Гладстона и другихъ вождей либеральной оппозиціи противъ Биконсфильда и его стремленій стать на защиту Турціи, борьба, шедшая и въ парламентѣ, и въ печати, и на митингахъ—превратила салонъ Новиковой въ своего рода «главную квартиру» дипломатической войны. Враждебная ей правительственная англійская пресса даже называла ее въ эти годы «нимфой Эгеріей» Гладстона и гладстоніанцевъ и охотно преувеличивала ее роль и значеніе ее вмѣшательства въ политическую жизнь Англіи, желая этимъ уязвить оппозицію. (Стэдъ простодушно склоненъ принимать эти сознательныя полемическія преувеличенія за чистую монету). Лежащій предъ нами томъ заканчивается 1878 годомъ; этимъ годомъ кончается и «героическая эпоха» въ жизни и дѣятельности Новиковой.

Въ напечатанной перепискѣ встрѣчаются тамъ и сямъ интересныя мѣста, наводящія на размышленія. Любопытна, между прочимъ, полная слѣпота Ольги Новиковой относительно грозной для Россіи опасности со стороны германской имперіи. Эта слѣпота, впрочемъ, характерна почти для всего ее круга въ тѣ времена. Интересно, что на германскую опасность ей указывалъ (но тщетно) ее нѣмецкій другъ, графъ Кейзерлингъ, ректоръ дерптскаго университета, товарищъ юности Бисмарка. Вотъ приводимое Стэдомъ изложеніе одного его письма къ Новиковой: «26 сентября 1865 года онъ настаиваетъ на опасности германизма. Германцы были первыми орудіями угнетенія; въ порабоженіи поляковъ они превосходятъ самыхъ рьяныхъ москвичей... Онъ находитъ, повидимому, что у германцевъ слишкомъ желѣзный кулакъ». Еще опредѣленнѣе пишетъ Кейзерлингъ въ другой разъ: «Вы, можетъ быть, не знаете, что Бисмаркъ—слабая струнка въ моемъ организмѣ. Мы были друзьями въ университетѣ, и я не могу отдѣлаться отъ симпатіи къ нему, хотя оправданія въ ней и не имѣю. Въ глубинѣ души я чувствую отвращеніе къ внутреннему состоянію Пруссіи; абсолютизмъ, забавляющійся соединеніемъ съ парламентомъ,—какъ женщина, которая бы избрала мужа съ единственною цѣлью имѣть удовольствіе его обманывать и дѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ свѣта. Внѣшняя политика этой страны (Пруссіи) также служитъ мнѣ убѣжденіемъ, что во внѣшнихъ ее отношеніяхъ бездна безправности». Но паѳосомъ дѣятельности Новиковой была вражда къ Турціи, мечта о Константинополѣ, славяно-русская супрематія на Балканахъ и т. п., при всѣхъ же этихъ устремленіяхъ главное препятствіе она видѣла не въ Гер-

мани, а только въ Англіи, точнѣе—въ англійскомъ имперіализмѣ. Берлинскій конгрессъ, повидимому, вызвалъ охлажденіе между негодовавшею О. А. Новиковою и вполне собою довольнымъ канцлеромъ кн. Горчаковымъ. Встрѣтившись съ Горчаковымъ О. А. Новикова горько жаловалась по поводу высылки (за рѣзкую рѣчь) изъ Москвы И. С. Аксакова,—и Горчаковъ разсердился: «какъ? онъ осмѣялъ высочайшее повелѣніе и объявилъ генераль-губернатору Долгорукову, что онъ получилъ въ своей жизни семь высочайшихъ выговоровъ. Кажется, это довольно дерзко!» О. А. Новикова съ гнѣвомъ отвѣтила, что «было гнусно со стороны Долгорукова доносить о шуткѣ» и т. д. Но такъ ей до конца дней и въ голову не пришло, что если за патріотическую рѣчь возможно было выслать Аксакова административно изъ Москвы, то самое печальное здѣсь—отнюдь не «гнусность» Долгорукова, а нѣчто иное; и что, напр., Биконсфильдъ, столь ей ненавистный «злодѣй», едва ли даже и во снѣ могъ помечтать о высылкѣ изъ Лондона Гладстона, который нападалъ на него гораздо болѣе жестоко, чѣмъ Аксаковъ на Горчакова. Письма Гладстона, Фримана и Кинглэка—самыя интересныя части корреспонденціи О. А. Новиковой. Обращаемъ на нихъ вниманіе всѣхъ интересующихся исторіей европейской дипломатіи въ 1870-хъ годахъ; здѣсь, конечно, не мѣсто ни излагать, ни разбирать ихъ.

Слѣдуетъ выразить сожалѣніе, что переводчицѣ не вездѣ удалось справиться съ трудностями текста. Не имѣя подъ руками подлинника, мы все же въ цѣломъ рядѣ случаевъ можемъ установить неправильности, неясности, неточности. Ограничимся лишь очень немногими примѣрами. На стр. 3 читаемъ: «отократное въ теоріи...» Конечно, въ подлинникѣ было *autocratist*, сторонница автократіи,—а слова «отократка»—нѣтъ на свѣтѣ. На стр. 55: «онъ описываетъ Егерфестъ въ Ревелѣ»... *Jägerfest* празднество охотничьяго общества, а на русскомъ языкѣ никакого *Егерфеста*—нѣтъ. На стр. 61: «но не бываетъ ли положенія, когда самый искусный капитанъ не знаетъ какъ и чѣмъ взять верхъ?» Это — переводъ французскаго письма Кейзерлинга,—и мы можемъ увѣрить переводчицу, что *le capitaine* значитъ не только капитанъ, но и *полководецъ*, и даже это второе значеніе—болѣе старинное, чѣмъ первое значеніе. На стр. 62 читаемъ о какомъ-то «д-рѣ Сибель»; дѣло идетъ объ извѣстномъ историкѣ Зибелѣ. На стр. 72: «онъ еще съ Его Святѣйшествомъ». Въ подлинникѣ, несомнѣнно, сказано «*With His Holiness*», что слѣдуетъ перевести: у Его Святѣйшества. Обычная ошибка переводчиковъ, а между тѣмъ здѣсь она особенно способна создать путаницу, такъ какъ ранѣе

говорится о скрытой симпатіи даннаго лица къ католицизму. На стр. 75: «въ домашнюю политику лордъ Кларендонъ не особенно вдавался»... Рѣчь идетъ, конечно, о *domestic policy*, *внутренней* политикѣ! На стр. 81 читаемъ названіе брошюры О. А. Новиковой, взятое въ кавычки: «Христосъ или Моисей? Кто? *Williams and Norgate*». Все это—одинаково крупнымъ шрифтомъ. Получается безсмыслица, такъ какъ не сразу читатель пойметъ, что *Williams and Norgate*—всего только издательская фирма, опубликовавшая брошюру. На стр. 90 читаемъ: «безгрѣховное зачатіе», вмѣсто общепринятаго термина *непорочное* зачатіе. На стр. 145: «болгарскія жестокости были главными факторами для возбужденія Россіи». Конечно, въ подлинникѣ *bulgar atrocities* или *bulgar cruelties*, т.-е. жестокости въ Болгаріи, звѣрства, учиненныя надъ болгарами! Русскій же переводъ здѣсь совсѣмъ извратилъ смыслъ: вышло, что сами болгары содѣяли жестокости—и это-то «возбудило» Россію! Есть еще немало погрѣшностей и неловкостей въ переводѣ, которыя бросаются въ глаза даже при первомъ просмотрѣ, безъ сличенія съ подлинникомъ. Но, въ общемъ, переводу нельзя отказать въ извѣстной литературности.

Проф. Е. В. Тарле.

Мемуары графини Потоцкой (1794—1820). Переводъ съ французскаго А. Н. Кудрявцевой. Съ портретами и указателемъ собственныхъ именъ. К-во «Прометей». Ц. 2 руб.

Граф. Анна Потоцкая, рожд. Тышкевичъ, род. около 1776 г. По матери она приходилась внучкой королю Станиславу-Августу Понятовскому. «Я была—пишетъ она о себѣ—наслѣдницей двухъ большихъ состояній (Понятовскихъ и Тышкевичей), носила громкое имя, обладала пріятною наружностью, получила прекрасное образованіе». Воспитанная при дворѣ своей бабки, сестры короля Понятовскаго, гр. Изабеллы Браницкой, извѣстной «*madame de Sgacovie*», она съ раннихъ лѣтъ обнаружила большую любовь къ литературѣ. Гомеръ, Шекспиръ, Тассо, Расинъ были наиболѣе любимыми ея авторами. Послѣ выхода замужъ за гр. Александра Потоцкаго она находилась подъ вліяніемъ своего свекра, гр. Станислава Потоцкаго, извѣстнаго оратора и переводчика «Исторіи античнаго искусства» Винкельмана, развивавшаго ея художественное чутье и ея любовь къ памятникамъ искусства. Вилановская галлерей (въ помѣстьѣ Потоцкихъ—Вилановъ молодая графиня переѣхала съ мужемъ вскорѣ послѣ брака) являлась для нея лучшей школой при изученіи исторіи живописи. Находясь на верхахъ современнаго ей общества, посѣщая почти всѣ великосвѣтскіе салоны, принимая въ

своемъ домѣ коронованныхъ особъ и виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, гр. Потоцкая имѣла, казалось бы, рѣдкую возможность собрать богатый матеріалъ для своихъ мемуаровъ, обнимающихъ время съ 1794 по 1820 г. Но при всемъ кажущемся разнообразіи (французы въ Варшавѣ въ 1806—1807 г., любовныя забавы, Эйлау, Тильзитъ, Даву; поѣздка во Францію въ 1810 г.: въѣздъ Наполеона и Маріи Луизы въ Парижъ, дворъ, празднества, салоны; Великое Герцогство Варшавское: приготовленія къ походу въ Россію, де Прадтъ, отступление, смерть кн. Іосифа Понятовскаго; русскіе въ Варшавѣ: Косцюшко и Александръ, Вѣнскій конгрессъ, прибытіе имп. Александра въ Варшаву) мемуары гр. Потоцкой поражаютъ скудостью своего содержанія. Ея характеристики въ высшей степени блѣдны; наблюденія ея крайне поверхностны; для картины тогдашней жизни, для психологіи тогдашняго общества ея записки даютъ очень мало матеріала. Отъ приѣма въ 1805 г. въ Вилановскомъ дворцѣ Александра I у мемуаристки осталось почти только воспоминаніе о томъ, что русскій императоръ послѣ обѣда въ теченіе двухъ часовъ стоялъ въ гостиной на ногахъ; «говорили—пишетъ гр. Потоцкая,—что мундиръ его такъ узокъ, что во всякомъ другомъ положеніи онъ чувствуетъ себя неловко». Приглашенная къ семейному обѣду Наполеона, гр. Потоцкая записываетъ объ артишокахъ, цѣлую тарелку которыхъ съѣлъ самъ Наполеонъ, о вниманіи, удѣляемомъ кушаньямъ императрицей, о недооконченномъ ею мороженомъ и т. п., отводя подобнаго рода воспоминаніямъ непропорціональное мѣсто въ разсказѣ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ своей поѣздки въ Сентъ-Клу. Пользуясь разсказами старшихъ членовъ своей семьи, гр. Потоцкая говоритъ и о тѣхъ историческихъ личностяхъ, съ которыми ей самой не приходилось встрѣчаться. Но и съ чужихъ словъ она передаетъ лишь, что кн. Кауницъ отличался «необычайною наглостью», выражавшейся въ привычкѣ чистить за обѣденнымъ столомъ зубы, не стѣсняясь присутствіемъ гостей; что Фридрихъ II «обладалъ блестящимъ умомъ, но былъ нелюбезенъ и рѣзокъ», а Іосифъ II былъ «однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени». Конечно, на 267 страницахъ мемуаровъ Потоцкой можно встрѣтить и любопытныя бытовыя черты, и нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, и пару неизвѣстныхъ эпизодовъ, но отъ внучки послѣдняго польскаго короля, принимавшей у себя Александра и Наполеона, бывавшей у Талейрана, Даву, Мюрата, мы въ правѣ ожидать гораздо большаго.

Къ примѣчаніямъ, которыми снабжено французское изданіе, русская переводчица прибавила нѣсколько своихъ. Не исправляя старыхъ ошибокъ французскаго изданія (организация польскихъ

легіоновъ ген. Домбровскимъ отнесена тамъ, напр., къ 1794 г., а не къ 1797), г-жа Кудрявцева вноситъ новую ошибку отъ себя. Фразу гр. Потоцкой о печальной участи польскихъ легіоновъ, принужденныхъ «проливать свою кровь въ другомъ полушаріи», переводчица комментируетъ словами: «подъ начальствомъ Косцюшко поляки принимали участіе въ борьбѣ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ за независимость» (стр. 9). Это не такъ. Когда Косцюшко сражался за независимость американскихъ колоній, польскихъ легіоновъ еще не существовало, а когда при французской арміи дѣйствовали польскіе легіоны, Косцюшко надъ ними не начальствовалъ и даже не занималъ въ нихъ никакого officialнаго поста. Гр. Потоцкая имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду, конечно, не Соединенные Штаты, а о. Санъ-Доминго, на которомъ погибли остатки польскихъ легіоновъ послѣ заключенія Бонапартомъ въ 1801 г. Люневильскаго мира съ Австріей.

И. Рябининъ.

М. Н. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. Редакція проф. В. В. Сиповскаго. Изд. гр. М. Н. Толстой. Спб. 1914. Стр. XIV+133. Цѣна 1 р. 25 к.

Русская политическая литература консервативнаго направленія сравнительно скудна крупными произведеніями, особенно въ ту эпоху расцвѣта общественной мысли, какою было царствование Александра I. Для данной эпохи записка Карамзина о древней и новой Россіи является несомнѣнно крупнѣйшимъ изъ трактатовъ, ставшихъ на защиту самодержавія и крѣпостного права. Тѣмъ не менѣе, ее постигла печальная судьба запретнаго произведенія: лишь въ 1861 г., въ годъ паденія перваго изъ защищаемыхъ ею устоевъ, она впервые была издана цѣликомъ за границей, въ 1900 г., наканунѣ крушенія втораго изъ устоевъ, «палладіума» Россіи—самодержавія, ея обращеніе было допущено у насъ.

Впервые, если не ошибаемся, русскій читатель узналъ о существованіи записки, написанной въ 1810—1811 гг., изъ статьи Пушкина въ 1836 г. о «Россійской академіи», гдѣ, передавая сущность рѣчи, произнесенной 18 янв. 1836 г. А. С. Шишковымъ, Пушкинъ отмѣтилъ (по поводу замѣчаній Шишкова о пребываніи Карамзина въ Твери и чтенія имъ тогда Александру своей исторіи) «обстоятельство важное для друзей его (Карамзина) славной памяти, неизвѣстное еще для современниковъ», именно то, что Карамзинымъ была написана тогда только что отысканная за-

писка (Современникъ, 1836 г., II, 13) ¹⁾. Часть записки увидела свѣтъ въ слѣдующемъ году, въ траурной, по случаю смерти Пушкина, пятой книжкѣ «Современника» и о томъ значеніи, которое ей было тотчасъ придано, можно судить по сопровождавшему ее посмертному примѣчанію Пушкина: «... Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоценной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго соотечественника, то по крайней мѣрѣ звуки его умолкнувшаго голоса». Факты, недавно сообщенные Н. О. Лернеромъ въ «Трудахъ и дняхъ Пушкина» (1910), позволяютъ судить о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть, чтобы имѣть возможность напечатать хотя бы этотъ отрывокъ, полный пропусковъ (напр., изъ девяти страницъ о Петрѣ I была оставлена лишь одна), обрывавшійся на замѣчаніяхъ объ Екатеринѣ II и не заключавшій въ себѣ, такимъ образомъ, существеннѣйшей части записки,—части, посвященной критикѣ современной Карамзину эпохи и составляющей $\frac{2}{3}$ всей записки. Достаточно сказать, что былъ моментъ, когда записка была вообще запрещена къ помѣщенію въ «Современникъ», и что окончательное разрѣшеніе было получено уже тогда, когда книжка журнала была начата печатаніемъ. Въ письмѣ къ С. С. Уварову, во время цензурныхъ хлопотъ, Жуковский какъ нельзя правильнѣе оцѣнилъ то небольшое, что предполагалъ дать и что далъ «Современникъ»: именно, «это просто взглядъ на состояніе Россіи до смерти Екатерины, въ коемъ нѣтъ ничего общаго съ тою огромною запискою, откуда онъ взять и до которой нѣтъ дѣла читателю». Читатель николаевской эпохи такъ и не узналъ другихъ частей записки: Эйнерлингъ, напечатавшій отрывокъ ея въ своемъ извѣстномъ изданіи «Исторіи Государства Россійскаго» (1842—1843), напечаталъ его въ общемъ въ томъ же объемѣ, возстановивъ лишь нѣкоторые купюры. Отрывки частей записки, относящихся къ царствованію Александра I, были впервые напечатаны М. А. Корфомъ въ его біографіи М. М. Сперанскаго; ихъ краткость и крайняя неисправность копіи М. А. Корфа мало освѣдомляла читателей о содержаніи этой основной части записки. Впервые цѣликомъ записка была напечатана издателемъ русскихъ «интересныхъ манускриптовъ», Ф. Шнейдеромъ, въ Берлинѣ въ 1861 г. Однако,

¹⁾ Рѣчь Шишкова, краткая, занимающая всего три рукописныхъ страницы, ни словомъ не упоминаетъ о запискѣ (Рукоп. Отдѣл. Библ. И. Акад. Наукъ, Дѣла Россійской Академіи, 1836 г., № 10), и замѣчанія о послѣдней принадлежать поэтому всецѣло Пушкину. Отмѣчаю это, ибо нѣкоторые пушкинисты, какъ В. Модзалевскій (Пушкинъ и его современники, IV, 89, прим. 1), полагали противное.

для Россіи она продолжала оставаться запретной. Въ 1870 г. П. Бартеневъ далъ ее въ приложеніи къ «Русскому Архиву», но она была оттуда вырѣзана, несмотря на то, что Бартеневъ опустилъ сужденія Карамзина по поводу убійства Павла I, какъ опустилъ и тѣ замѣчанія Карамзина относительно жизни императрицы XVIII в., вспоминая которыя Карамзину приходилось «краснѣть за челоуѣчество». Лишь Пыпину удалось въ 1900 г. дать въ приложеніи къ «Общественному движенію при имп. Александрѣ I» (изд. 3-ье) полный текстъ записки.

Однако, мытарства записки этимъ не закончились, и причина ниже указываемаго дефекта лежитъ прежде всего въ воззрѣніяхъ Карамзина. Именно, онъ полагалъ, что горькая правда о государственныхъ неурядицахъ должна быть высказываема исключительно самому монарху; высказывающій послѣ того долженъ вернуться въ нормальное по Карамзину состояніе «безмолвнаго вѣрноподданнаго», государь же можетъ исправлять ошибки, но «скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣренность» къ дѣйствіямъ царскимъ. Съ такой точки зрѣнія, естественно, протестующая противъ александровой политики записка должна была оставаться неизвѣстной народу. Карамзинъ, очевидно, того и хотѣлъ: по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ подлинникъ записки, и равно неизвѣстно происхожденіе всѣхъ тѣхъ копій, съ которыхъ были сдѣланы печатанныя изданія¹⁾. Нельзя оспаривать того, что записка Карамзина принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя заслуживаютъ самаго тщательнаго изданія, нельзя оспаривать и того, что положеніе редактора подобнаго изданія очень затруднительно, особенно принявъ во вниманіе всю сложность выработанныхъ современной методологіей принциповъ подобнаго рода работъ. Редактору слѣдовало, конечно, выбрать изъ наличныхъ копій ту, относительно которой у него были бы извѣстныя соображенія въ пользу ея особой близости къ подлиннику. Этому перваго основнаго и элементарнаго требованія новый издатель записки, проф. Сиповскій, не исполнилъ и ничѣмъ не обосновалъ того, почему имъ выбрана для его изданія именно копія библіотеки Его Имп. Величества. Очевидно, его выборъ былъ случаенъ. Въ другомъ мѣстѣ мы попытаемся доказать, что такъ случайно выбранная В. В. Сиповскимъ копія—лучшая изъ изданныхъ до сихъ поръ копій: здѣсь ему улыбнулось счастье. Однако, даже и въ лучшей копіи можетъ быть рядъ

¹⁾ П. Бартеневъ утверждалъ, что его копія была свѣрена съ подлинникомъ. Однако текстъ «Р. Архива» даетъ намъ полное основаніе утверждать не только, что бартеневская копія не была свѣрена съ подлинникомъ, но и то, что эта копія обладаетъ существенными недостатками.

ошибокъ, отъ которыхъ свободны копіи въ общемъ худшія: оцѣнка вариантовъ требуетъ сугубой методологической щепетильности. Если къ тому же читатель знаетъ, что именно русская литература обогатилась недавно трудомъ, давшимъ теоретическое обоснованіе тѣмъ необходимымъ для такой работы принципамъ, которые уже намѣчались историко-критическимъ чутьемъ (мы разумѣемъ второй томъ «Методологии исторіи» А. С. Лаппо-Данилевскаго), то его тѣмъ болѣе удивитъ критерій, положенный В. В. Сиповскимъ въ основу критики карамзинскаго текста: В. В. Сиповскій вносилъ «*существенныя* поправки въ текстъ *по собственному разумію*» (курс. нашъ). Не разбирая научной цѣнности подобнаго критерія, мы остановимся только на результатахъ его примѣненія. Именно, оказалось, что, по какой-то странной игрѣ случайности, всѣ, кромѣ одной, внесенныя В. В. Сиповскимъ «*существенныя*» поправки совпадаютъ съ уже имѣющимися въ напечатанныхъ копіяхъ записки вариантами, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ давали сравнительно сложное видоизмѣненіе текста (ср. стр. XIII, примѣч., поправка къ стр. 110 и «Р. Архивъ», 1870, стлб. 2328). Единственною новизною въ поправкахъ В. В. Сиповскаго является измѣненіе на стр. 39. Въ фразу: «достоинство государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ законъ благонравія» онъ внесъ отрицаніе «не» (не терпитъ). Эта поправка, однако, должна быть оспорена. Нѣтъ сомнѣній относительно подлиннаго смысла разсужденій Карамзина о «дворѣ любострастномъ» Екатерины II, о томъ, что «какъ люди ни развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ», и, слѣдовательно, не могутъ уважать государя, нарушающаго указанный законъ. А съ точки зрѣнія такого смысла слово «терпитъ» могло бы находиться въ данномъ контекстѣ или въ значеніи «допускаетъ» съ отрицаніемъ «не» (предположеніе В. В. Сиповскаго) или же въ значеніи «умалается» безъ всякихъ отрицаній. То, что правильна вторая возможность, и, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, правильно первоначальное рукописное чтеніе, намъ доказываетъ вводящій придаточное предложеніе союзъ «когда», ибо въ противномъ случаѣ мы нашли бы союзъ «чтобы». Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ поправки В. В. Сиповскаго, внесенныя согласно вышеуказанному критерію, дали лишь одно новое—одну новую неисправность текста.

Гораздо болѣшій ущербъ понесло изданіе вслѣдствіе пренебреженія, оказаннаго В. В. Сиповскимъ въ отношеніи къ другимъ критеріямъ; это стало причиной того, что ошибки его копіи остались ошибками изданія. Укажу на нѣкоторыя болѣе существенныя искаженія, которыя исправимы при помощи кри-

терія единства сознанія. Знакомые съ «исторіей государства Россійскаго» знаютъ отношеніе Карамзина къ царю Борису. Считая послѣдняго виновникомъ убійства царевича Димитрія, онъ не жалѣетъ для характеристики Бориса темныхъ красокъ. А между тѣмъ В. В. Сиповскій оставляетъ неисправленнымъ на стр. 13 слѣдующее мѣсто объ убійствѣ царевича: «злодѣяніе, въ тайнѣ умышенное, не открытое исторіей». Будь это правильнымъ, Карамзинъ не имѣлъ бы никакого права называть Бориса въ «исторіи» и тѣмъ паче въ самой запискѣ «сраженнымъ тѣнію убитаго имъ царевича» (правильно чтеніе бартеневской и др. копій: «но»). Въ связи съ общими политическими взглядами Карамзина понятно то уваженіе, съ которымъ онъ относится къ сенату, понятно и то, что государственный совѣтъ и министерства являются совокупнымъ предметомъ его осужденій. Насъ удивитъ поэтому фраза на стр. 118: «люди (нужны) не только для Министерства или *Сената*, но и въ особенности для мѣстъ губернаторскихъ», фраза, въ которой поставлены на одну доску новшество Александра и учрежденіе, овѣянное блескомъ «счастливейшаго для гражданина Россійскаго» времени Екатерины. И, дѣйствительно, нѣсколько ниже мы читаемъ: «если тамъ (т.-е. въ губерніяхъ) пойдутъ дѣла, какъ должно, то Министры и *Совѣтъ* могутъ отдыхать на лаврахъ» (правильно, слѣдовательно, чтеніе «совѣтъ» бартен. и пыпин. копій). На стр. 60 мы сочтемъ неправильнымъ слѣдующее сужденіе о петровскомъ сенатѣ: государь, «принимая *отъ* него жалобы отъ людей частныхъ, грозилъ строгою казнію ему въ злоупотребленіи власти». Это даже стилистически неисправное чтеніе находитъ свое объясненіе, вполне сообразное съ общей характеристикой петровскаго царствованія, въ бартеневской и пыпинской копіяхъ: «принимая на него жалобы». Еще одинъ примѣръ ошибки того же рода на стр. 22. Разсуждая о первыхъ Романовыхъ (слѣдовательно, о XVII вѣкѣ), Карамзинъ отмѣчаетъ, что «именно эта эпоха способствовала сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ», и соотвѣтственно съ этимъ изъясняетъ ниже: «ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ Гражданскомъ просвѣщеніи». Нужно ли доказывать, что правиленъ другой вариантъ: «отъ XIII до XVII в.» Не указываю болѣе мелкихъ недоразумѣній, которыя можно исправить лишь при помощи сравнительнаго анализа копій различнаго происхожденія.

Такимъ образомъ, приходится пожалѣть, что лучшая изъ извѣстныхъ пока копій записки издана не вполне удовлетворительно, что должно вынуждать читателя даннаго изданія прибѣгать и къ изданіямъ предыдущимъ.

С. Валкъ.

А. К. Дживелеговъ. *Александръ I и Наполеонъ. Историческія очерки.* Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. Ц. 1 р. 75 к.

Подъ этимъ заглавіемъ А. К. Дживелеговъ собралъ свои статьи, относящіяся къ началу XIX вѣка. Хотя внѣшнимъ образомъ статьи и объединены, но въ дѣйствительности онѣ очень разнообразны по типу: здѣсь и газетныя статьи, и журнальныя, и помѣщенныя въ изданіи, преслѣдующемъ цѣли учебныя и самообразовательныя. Все это не могло не отразиться на цѣльности сборника, хотя авторъ и говоритъ, что статьи «всѣ» пересмотрѣны. Найти единство въ книгѣ трудно, и съ этой точки зрѣнія, пожалуй, и несовсѣмъ понятно, почему авторъ такъ торопился съ изданіемъ своего сборника: «я радъ,—пишетъ А. К. Дживелеговъ въ предисловіи,—что она (т.-е. книга) выходитъ достаточно вовремя, чтобы дать обществу нѣкоторый матеріалъ для исторической оцѣнки настоящей войны». Въ предисловіи авторъ старается еще тѣснѣе связать свою книгу съ войной, ссылаясь на то, что «историкъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторыхъ сопоставленій». Сопоставленіе заключается въ томъ, что въ статьяхъ, посвященныхъ войнѣ 1812 г. и вошедшихъ въ настоящій сборникъ, А. К. Дживелеговъ пытается доказать, что такъ называемую отечественную войну, вопреки установившейся традиціи, нельзя называть народной. Война 1812 г. затрогивала лишь интересы имущихъ классовъ, поэтому населеніе не проявляло никакого «патріотизма» въ годину борьбы съ Наполеономъ. Нынѣшняя война полная противоположность: «не осталось ни одной общественной группы кромѣ, быть можетъ, крайне правыхъ, плаксиво требующихъ мира, которая не вложила бы душу въ дѣло одолженія «тевтонскаго неистовства». «И подобно тому,—говоритъ далѣе авторъ,—какъ народный характеръ настоящей войны сдѣлался возможнымъ лишь благодаря тому, что Россія жила десять лѣтъ при новомъ политическомъ порядкѣ, такъ и новая политика (нынѣшняя) оказалась осуществимой только потому, что руководители нашей дипломатіи могутъ опереться на народное представительство, на нашу Думу(!)» Совершенно ясно, что въ приведенныхъ сопоставленіяхъ говорить отнюдь не голосъ историка—это предвзятый голосъ политика, принадлежащаго притомъ къ опредѣленной группѣ. Возраженія въ данномъ случаѣ выходятъ изъ нашего вѣдѣнія. Останемся поэтому въ предѣлахъ устанавливаемыхъ не предисловіемъ, а самымъ содержаніемъ книги.

Въ статьѣ о «народной войнѣ» въ 1812 г., къ сожалѣнію слишкомъ сжатой и носящей газетный характеръ, разсѣяно у автора много интересныхъ соображеній, представляющихъ, по нашему

мнѣнію, иногда значительную убѣдительность. Ошибка автора въ томъ, что онъ недостаточно отчетливо опредѣляетъ самый терминъ «народная война»: отсюда неясное и невѣрное сопоставленіе съ переживаемымъ нынѣ моментомъ. Несомнѣнно, отечественная война не захватывала глубоко идеологіи народныхъ массъ, но едва ли это возможно объяснять такъ, какъ это дѣлаетъ А. К. Дживелеговъ: отношеніе крестьянъ, по его мнѣнію, *цѣликомъ* опредѣлялось слухами, что французы несутъ волю. И даже, говоря о роли крестьянъ во время *отступленія* наполеоновской арміи, едва ли правъ авторъ въ категорическомъ ея отрицаніи. Народная (въ тѣсномъ смыслѣ слова) война въ 1812 г. не играла роли активной боевой силы. Это несомнѣнно; но все же она происходила. Это фактъ, вовсе не выдуманный «дворянской научной идеологіей»—факту было придано лишь невѣрное освѣщеніе. Доказывая, что народная война въ 1812 г. лишь «обманъ зрѣнія», авторъ говоритъ, что этотъ «обманъ зрѣнія» въ свое время былъ порожденъ «помѣщичьими страхами»,—что хотѣлъ сказать послѣднимъ авторъ, непонятно. Неясности, можетъ быть, объясняются у автора краткостью. И очень жаль, что, включая статью о народной войнѣ въ отдѣльное изданіе и придавая ей, какъ видно изъ предисловія, почти центральное мѣсто въ сборникѣ—на ней базируется главное историческое сопоставленіе автора—онъ не расширилъ ея и не постарался болѣе детально обосновать. Теперь, вѣрная въ общемъ, замѣтка А. К. Дживелегова можетъ вызывать существенныя и справедливыя фактическія возраженія, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ себѣ мѣстами противорѣчитъ. Во всякомъ случаѣ, если войну 1812 г. нельзя назвать народной, то еще въ меньшей степени этотъ терминъ можетъ быть примѣненъ къ данному моменту.

Если оставить въ сторонѣ историческія сопоставленія съ современностью, то мы будемъ имѣть передъ собой весьма интересные историческіе очерки, изъ которыхъ нѣкоторые написаны чрезвычайно ярко (пожалуй, многое въ сборникѣ не подойдетъ вполнѣ къ вандалевскому заглавію, данному авторомъ книгѣ). Къ такимъ статьямъ, напр., принадлежитъ параллельная характеристика Наполеона и Александра. Быть можетъ, авторъ только слишкомъ возвеличиваетъ Наполеона и слишкомъ унижаетъ Александра. Характеристика послѣдняго рѣзка и справедлива съ моральной точки зрѣнія—отъ прежняго сентиментализма во взглядахъ на Александра I вообще осталось теперь уже немного. А. К. Дживелеговъ, не привлекая новаго матеріала, въ своей яркой характеристикѣ какъ бы примыкаетъ къ новымъ взглядамъ на Александра. Но по существу характеристика Але-

ксандра, на нашъ взглядъ, ошибочна и, при всей своей рѣзкости, примыкаетъ въ основномъ къ традиціонной точкѣ зрѣнія. А. К. Дживелеговъ, снимая съ фигуры Александра окутывавшій ее флеръ сентиментализма и благородства, изображаетъ «коронованнаго Гамлета» человѣкомъ крайне слабовольнымъ, всегда ходящимъ по дудочкѣ другихъ. «Своей воли» у Александра не было; человѣкъ, полный неожиданностей, никогда не знавшій самъ, «во что выльется у него тотъ или иной замыселъ»,—такова характеристика Александра. Съ этимъ согласиться едва ли возможно теперь. Анализъ, произведенный въ тѣхъ самыхъ работахъ, откуда А. К. Дживелеговъ черпалъ матеріалъ для характеристики Александра, показываетъ, что Александръ отнюдь не былъ «жертвой постоянныхъ колебаній не покидавшей его нерѣшительности». Если бы авторъ нѣсколько глубже проанализировалъ личность Александра, не увлекаясь противопоставленіемъ съ Наполеономъ, то онъ легко бы усмотрѣлъ, что Александръ вовсе не былъ человѣкомъ, дѣйствовавшимъ подъ чужимъ вліяніемъ. (Если это и не былъ человѣкъ, что называется, сильной воли, то онъ былъ очень упрямъ въ проведеніи своихъ цѣлей, особенно, когда дѣло затрагивало его честолюбіе). Можетъ быть, и поведеніе Александра въ 1812 г. получило бы иное освѣщеніе, чѣмъ это сдѣлано теперь.

С. Мельгуновъ.

Графиня Марія Ларишъ. При дворѣ Габсбурговъ. Пер. съ англійскаго М. А. Андреевой-Маевской. Москва, 1914. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 280.

Къ мемуарамъ, описывающимъ придворную жизнь, обыкновенно примѣняются иныя требованія, чѣмъ къ другимъ родамъ исторической литературы. Мемуары могутъ быть написаны неталантливо, варварскимъ языкомъ, сухо или расплывчато, и, тѣмъ не менѣе, имѣть высокое историческое значеніе, если ихъ авторъ даетъ *новыя* свѣдѣнія объ исторически *цѣнныхъ* событіяхъ и предметахъ. Это опредѣляетъ два основныхъ признака, съ точки зрѣнія которыхъ мы оцѣниваемъ мемуары: новизна и содержательность матеріала, заключеннаго въ нихъ. Сюда надо присоединить еще и третье требованіе, которое особенно часто нарушается въ мемуарахъ въ виду ихъ характера *личныхъ* воспоминаній: это—правдивость ихъ и объективность сообщаемыхъ свѣдѣній. Мемуары графини Ларишъ мало удовлетворяютъ требованіямъ новизны и объективности и совершенно не удовлетворяютъ требованію содержательности. Они принадлежатъ къ тому роду мемуарной литературы, который съ особенной любовью

описываетъ будуарныя и альковныя подробности жизни коронованныхъ или высокотитулованныхъ особъ. Въ центрѣ мемуаровъ графини Ларишъ стоятъ два лица: ея тетка,—императрица австрійская Елизавета, позднѣе убитая, и ея двоюродный братъ—австрійскій кронпринцъ Рудольфъ, позднѣе покончившій жизнь самоубійствомъ при невыясненныхъ до сихъ поръ обстоятельствахъ; все, что авторъ мемуаровъ объ нихъ сообщаетъ, заключается или въ намекахъ на ихъ хорошо скрывавшіеся романы, или въ открытомъ ихъ описаніи; но никакихъ интересныхъ свѣдѣній о бытѣ австрійскаго двора или о какихъ-нибудь крупныхъ событіяхъ, имѣющихъ общее историческое значеніе, читатель не найдетъ въ мемуарахъ графини Ларишъ. Нѣкоторыя ожиданія можетъ возбудить только ея рассказъ о послѣднемъ романѣ кронпринца съ баронессой Маріей Вечѣра, имѣвшемъ, очевидно, нѣкоторую связь съ трагической смертью кронпринца, а также и неясныя свѣдѣнія о политическихъ планахъ Рудольфа стать венгерскимъ королемъ,—свѣдѣнія, которыя гр. Ларишъ почерпнула изъ своей мимолетной бесѣды съ эрцгерцогомъ Іоанномъ Тосканскимъ и изъ намековъ самого Рудольфа, но и здѣсь самому автору все рисуется въ такомъ неясномъ видѣ, и свѣдѣнія его такъ ограничены, что ожиданія остаются неоправданными, а сомнѣнія—неразъясненными. Къ тому же тонъ мемуаровъ графини Ларишъ недостаточно объективенъ: она стремится снять съ себя упрекъ, который ей былъ брошенъ послѣ смерти Рудольфа придворными сферами: что она была довѣреннымъ лицомъ кронпринца во время его романа съ Маріей Вечѣра; это сообщаетъ послѣдней части мемуаровъ характеръ личной апологіи и во многомъ подрываетъ довѣріе къ сообщаемымъ авторомъ свѣдѣніямъ.

Мемуары написаны живо, съ умѣніемъ драматизировать событія, но это мало повышаетъ ихъ историческую цѣнность.

В. Перцевъ.

Л. Н. Беркутъ. Борьба за инвеституру во время императора Генриха V. Т. 1. До папской «привилегіи инвеституры» 13 апр. 1111 г. включительно. Варшава. 1914. XXXI+252+V стр. Ц. 2 р.

Л. Н. Беркутъ давно уже занимается исторіей борьбы за инвеституру времени Генриха V. Еще въ 1902 г. вышло въ свѣтъ его студенческое сочиненіе на ту же тему, удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ Кіевскаго университета золотой медали. Авторъ прошелъ прекрасную школу: онъ—ученикъ покойнаго Ѳ. Я. Фортинскаго, бывшаго хорошимъ знатокомъ средневѣковой исторіи, превосходнымъ руководителемъ въ практи-

ческих занятіяхъ, владѣвшаго строгимъ методомъ; онъ много работалъ за границей, въ бібліотекахъ и семинарахъ Лейпцига, Мюнхена, Геттингена, Марбурга, пользовался указаніями такихъ специалистовъ, какъ Гаукъ, Мирбтъ и друг. Тѣмъ больше возбуждаетъ ожиданій его книга, и тѣмъ строже могутъ быть требованія, предъявляемыя къ ней.

Какъ извѣстно, исторія эпохи борьбы за инвестиру принадлежить къ числу наиболѣе разработанныхъ; по ней имѣется обширная литература, и въ душѣ автора, какъ онъ самъ сознается (Предисловіе, стр. VIII), возникали «законныя сомнѣнія», нужна ли еще одна, русская, работа. Но онъ приходитъ все же къ выводу, что можетъ быть нелишней работа, *«построенная по иному образцу и поставившая себѣ цѣлью освѣтить указанный періодъ борьбы за инвестиру въ его широкихъ и связанныхъ чертахъ»* (курсивъ автора), написанная притомъ съ безпристрастной точки зрѣнія, внѣ протестантскихъ или католическихъ симпатій. Что подобный трудъ былъ бы въ нашей исторической литературѣ не лишнимъ, съ этимъ мы вполне согласны. Все зависитъ отъ постановки вопроса, метода, отъ того, какъ выполнена задача. Л. Н. Беркутъ обнаруживаетъ очень внимательное, добросовѣстное отношеніе къ обширной литературѣ вопроса, хорошее знаніе этой литературы и источниковъ; но работа его, къ сожалѣнію, вышла неудачной.

Книга Л. Н. Беркута—диссертация; но въ сущности трудно сказать, кого имѣлъ въ виду авторъ, когда писалъ ее,—специалистовъ или болѣе широкій кругъ читателей. Для специалиста здѣсь много лишняго и нѣтъ новаго; для обыкновеннаго читателя книга Л. Н. Беркута тяжела, обременена излишними мелочными подробностями и въ то же время многого въ ней недостаетъ. Дѣло въ томъ, что въ ней борьба за инвестиру при Генрихѣ V именно не освѣщена «въ широкихъ и связанныхъ чертахъ», какъ предполагалъ сдѣлать это авторъ. Первая глава напр. озаглавлена: «Государство и церковь въ послѣдніе годы единоличнаго правленія Генриха IV»; но мы не найдемъ здѣсь цѣльнаго, общаго очерка состоянія государства и церкви того времени и ихъ взаимныхъ отношеній. Въ книгѣ нѣтъ никакого вступленія; не выяснены смыслъ и значеніе борьбы за инвестиру, борьбы грандіозной, долгой и ожесточенной; не выяснены причины ея, дѣйствовавшіе въ ней силы и интересы. Почему, напр., было такое «единомысліе» (стр. 143) между Генрихомъ V и нѣмецкими имперскими князьями, не исключая и *духовныхъ*, которые оказались на его сторонѣ, а не на сторонѣ папы? Чѣмъ объяснить такой шагъ папы Пасхалиса II, какъ рѣшеніе, чтобы епископы и аббаты отказались отъ регалій, леновъ? Могъ ли

вѣрить Пасхались въ дѣйствительность своей радикальной мѣры, правда, вполне логичной, теоретически правильной, но практически, при тогдашнихъ условіяхъ, совершенно неосуществимой? Идеализмъ Пасхалиса авторъ отвергаетъ, но никакого объясненія съ своей стороны не даетъ. У Л. Н. Беркута—лишь пересказъ, чисто внѣшнее изложеніе фактовъ, безъ надлежащаго освѣщенія ихъ, выясненія ихъ причинъ и мотивовъ. Онъ не воспользовался такимъ благодарнымъ матеріаломъ, какъ полемиическая литература той эпохи (за исключеніемъ развѣ стр. 137—9, гдѣ онъ касается двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на инвестиру, нашедшихъ себѣ выраженіе у Бруно Трирскаго, сторонника Генриха V, и Альда Піаченцскаго, сторонника папы, при переговорахъ въ Шалонѣ на Марнѣ).

Въ текстѣ книги нѣтъ изслѣдованія (за исключеніемъ стр. 196 сл.); изслѣдованія—преимущественно мелкихъ деталей—отнесены въ примѣчанія, гдѣ собраны обильныя, часто чрезмѣрныя выписки и изъ источниковъ. Изложеніе загромождено ненужными подробностями. Къ чему, напр., маршруты, приводимые авторомъ, съ обозначеніемъ, въ какомъ городѣ или монастырѣ отпраздновалъ Генрихъ V тотъ или другой праздникъ, сколько времени оставался тамъ и т. под. (стр. 43, 62, 70); напр., Генрихъ «возвратился изъ Регенсбурга во Франконію и, торжественно отпраздновавъ позже въ Майнцѣ св. Пасху (17 апр.), переѣхалъ затѣмъ въ Люттихъ, гдѣ онъ пробылъ, кажется, послѣднюю треть апрѣля и почти весь май» (стр. 43). Или на стр. 126—127: «И вотъ, постепенно двигаясь впередъ, Пасхались II прибылъ 24 марта въ гор. Туръ, гдѣ и оставался до 2-го числа слѣдующаго мѣсяца, когда онъ выѣхалъ въ Мармутъесскій монастырь; затѣмъ, все время съ 3-го апрѣля и до 14-го папа находился въ аббатствѣ св. Троицы въ Вандомѣ, а наступившій 14 апр. праздникъ св. Пасхи онъ провелъ уже въ Шартрѣ—въ гостяхъ у своего вліятельнаго друга, еп. Ивона Шартрскаго. Наконецъ, въ исходѣ апрѣля, въ Сень-Дени»... Такія подробности вполне уместны въ *Jahrbücher*, подобныхъ труду Мейера-фонъ-Кнонау о Генрихѣ IV и Генрихѣ V, такъ какъ задача *Jahrbücher* и состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы собрать по возможности весь фактическій матеріалъ, но онѣ неумѣстны въ монографіи о борьбѣ за инвестиру.

Литература вопроса, какъ упомянуто, очень обширна, и автору приходится повторять сказанное уже другими. Онъ самъ не разъ открыто заявляетъ, что ему не зачѣмъ входить въ подробности: такой-то «описалъ все это самымъ подробнымъ и тщательнымъ образомъ» (напр. на стр. 13). Особенно авторъ слѣдуетъ, доб-

росовѣстно указывая на это самъ, за Бухгольцемъ («*Ekkehard von Aura. Untersuchungen zur deutschen Reichsgeschichte unter Heinrich IV und Heinrich V*». Leipz. 1888) и Пейзеромъ, монографія котораго по темѣ совпадаетъ вполнѣ съ его диссертацией и доводитъ изложеніе тоже лишь до папской привилегіи 1111 г. («*Der deutsche Investiturstreit unter König Heinrich V bis zu dem päpstlichen Privileg vom 13 April 1111*». Berl. 1883) Обширныя выписки изъ источниковъ, приводимыя въ примѣчаніяхъ, можно найти и у Мейера-фонъ-Кнонау, въ его капитальномъ трудѣ «*Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V*» и у Рихтера (*Annalen der deutschen Geschichte*), такъ что едва ли была особенная надобность приводить ихъ въ такомъ обиліи.

Стиль книги тяжелый, изложеніе довольно безпорядочное: I-я глава, напр., начинается смертью Генриха IV, а потомъ говорится о послѣднихъ годахъ его, и кончается глава разрывомъ императора съ сыномъ; къ смерти Генриха IV авторъ возвращается только въ концѣ II главы. Встрѣчаются выраженія: «безмолвныя и трогательныя жалобы» (стр. 96), «застарѣло-скверныя отношенія» (стр. 122), «личный очевидецъ» (стр. 125).

Разсматриваемая книга въ сущности есть распространенное изданіе медальной работы Л. Н. Беркута (1902). Правда, въ студенческомъ сочиненіи лишь 83 страницы и лишь четыре главы, а въ диссертациі—пять главъ (прежняя I-я глава очень распространена и разбита на двѣ); въ новомъ изданіи вставлены, какъ мы видѣли, обширныя примѣчанія, и книга расширена втрое; но основа осталась прежняя; сходство не только въ темѣ, но и въ изложеніи, въ его порядкѣ, въ самыхъ даже выраженіяхъ. И, нужно сознаться, что первая, студенческая работа отличается большою цѣльностью и большою стройностью: главные моменты и основныя факты въ ней выступаютъ яснѣе.

В. Бузескуль.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составляемое А. Л. Бемомъ, М. Г. Долобкомъ, В. В. Дорошенко, Ю. И. Клецандой, С. С. Лисовскимъ, В. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ ред. В. Н. Бенешевича. 1912 г. Вып. III (до 1 янв. 1913 г.). Украиновѣдѣніе. Петр. 1914. Стр. 476—536.

Предыдущіе выпуски «Обозрѣнія» уже показали, въ какомъ крупномъ масштабѣ предпринято это новое библиографическое изданіе. Какъ извѣстно, въ рамки этого библиографическаго обзора входитъ, напр., русская исторія, право, исторія искусствъ, археологія и т. д. Трудность поставленной обширной задачи,

повидимому, ощутила и редакция «Обозрѣнія», которая вынуждена была измѣнить планъ распредѣленія матеріала; библиографію по украиновѣдѣнію пришлось выдѣлать въ особый выпускъ, а обзоръ остальныхъ славянскихъ литературъ за 1912 г. отсрочить и соединить его съ обзоромъ за 1913 г. Разсматриваемый выпускъ составленъ приблизительно по тому же плану и по такой же широкой программѣ, какъ и предыдущіе обзоры. Приведена литература не только на русскомъ и украинскомъ языкѣ, но и на другихъ языкахъ. Нѣкоторые недочеты мы все же считаемъ нужнымъ отмѣтить. Такъ, редакция не использовала почему-то изданій—«Труды Черниговской Архивной Комиссіи» и «Труды общества по изслѣдованію Волыни», въ которыхъ попадаетъ интересный матеріалъ.

Въ отдѣлѣ народной словесности указано изданіе Krauss'a—«Antropophyteia», В. VIII, вѣроятно, ошибочно, такъ какъ въ этомъ томѣ нѣтъ соотвѣтствующаго матеріала; специальное же изслѣдованіе по этому вопросу вышло отдѣльнымъ томомъ, подъ названіемъ: «Das Geschlechtsleben des Ukrain. Bauernvolkes» (Beierwerke zum Studium der Antropophyteia, В. III).

Довольно обширно представлена польская литература по украиновѣдѣнію. Это совершенство понятно, такъ какъ литература эта вообще богата матеріалами по украиновѣдѣнію, въ особенности по изученію Волыни и Подолія. Такъ, наприм., въ книгѣ Kołodziejczyk'a—«Bibliografia Słowianoznawstwa polskiego» (Kraków, 1911) отдѣлу украиновѣдѣнія отведено очень значительное мѣсто. Хотя въ «Обзорѣ» объ этомъ изданіи упоминается въ отдѣлѣ библиографіи, но мы думаемъ, что редакціи слѣдовало особо подчеркнуть важность этого изданія и сообщить о немъ краткія свѣдѣнія.

Жаль также, что къ вышедшимъ выпускамъ пока не имѣется алфавитнаго указателя. Что касается самихъ приѣмовъ библиографической работы, то она исполнена съ той безукоризненностью, которая свидѣтельствуетъ объ участіи въ ней ученыхъ библиографовъ; мѣстами указаны рецензіи на тѣ или другія сочиненія, иногда дается и краткое поясненіе содержанія книги.

Остается пожелать, чтобы это солидное библиографическое изданіе продолжалось съ такимъ же успѣхомъ и энергіей. Выполненіе этого значительнаго труда только и возможно при поддержкѣ Академіи Наукъ и при участіи въ немъ видныхъ представителей науки.

А. Калишевскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

- 1) Аксаковъ К. Сочиненія. Т. I. Ред. и прим. Е. Ляцкого. Изд. «Огни». Ц. 3 р. 2) Алтаевъ, А. Пѣвецъ страданія и свободы. Изд. «Жизнь и знаніе» П. Ц. 1 р. 3) Анисимовъ, С. Путеводитель по Кавказу. Съ рисунками. Изд. «Задруга». Ц. 1 р. 4) Ардашевъ, П. Курсъ новой исторіи. Кіевъ. Ц. 1 р. 5) Архангельскій, П. Выборъ въ Екатерининскую комиссію отъ крестьянъ Двинскаго сѣвера. П. 6) Бертеисонъ, С. Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣят. И. И. Сосницкаго. П. Ц. 1 р. 50 к. 7) Блоискій, П. О національномъ воспитаніи. 8) Бобровъ, С. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. М. Изд. «Мусажетъ». Ц. 50 к. 9) Бунытянъ, М. Экономическіе кризисы. М. Ц. 2 р. 25 к. 10) Бѣлоцерковский, Г. Тула и Тульскій уѣздъ въ XVI и XVII вѣкахъ. 11) Введенскій, А. Сектанты о сектантахъ. Одесса. Ц. 1 р. 25 к. 12) Высоцкій, Н. Первый скопческій процессъ. 13) Выставка войны—наши трофеи. П. Ц. 15 к. 14) Галичина, Буковина и Угорская Русь. Сборникъ, составл. сотр. журнала «Украинская Жизнь». Изд. 2-е «Задруга». Ц. 1 р. 40 к. 15) Гешовъ, И. Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы Пензен. Губ. Земства. 16) Голось Народа. Результатъ анкеты объ отношеніи населенія къ процессу продажи крѣп. напитков. Ц. 30 к. Пенза. Ф. Термитинъ. 17) Гольдштейнъ, І. Панамскій каналъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, война и наши торговые договоры. М. Ц. 1 р. 50 к. 18) Гумбольдтъ, А. Центральная Азія. Т. I. М. Ц. 3 р. 19) Делере, Ш. Превращенія животнаго міра. Перев. Ю. Жемчужникова. Ред. и пред. А. Борисяка. П. Ц. 1 р. 75 к. 20) Жигмайло, Л. Михайло Коцюбинскій (скроба характериски). Ц. 8 к. Катеринославъ. 21) Зензиновъ, В. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. Кн-во «Наука» М. Ц. 1 р. 22) 2 карты театра военныхъ дѣйствій. Изд. Маркса. 23) Кащенко, П. Судъ въ Московскомъ государствѣ. М. Кн-во К. Некрасова. Ц. 30 к. 24) Коваленскій, М. Русскій ученый XVIII в. М. Кн-во К. Некрасова. Ц. 45 к. 25) Крымовъ, В. О прочемъ. Изд. 4-е. П. Ц. 1 р. 25 к. 26) Кушнеръ, Б. Родина и народы. Изд. «Родина и Народы». М. 1915. Ц. 25 к. 27) Мицловъ, С. Поддѣлки старины. 28) Можеть ли Германія побѣдить. Пер. съ англ. 2 т. по 1 р. М. 29) Муйжель, В. Съ желѣзомъ въ рукахъ съ крестомъ въ сердцѣ. П. Изд. Маркса. Ц. 1 р. 25 к. 30) Нейманъ, Б. Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова. 31) Новомбергскій, Н. Вымученныя кабалы въ Моск. Руси XVII ст. Изъ «Журн. Мин. Юст.». П. 32) Нольде, Б. бар. Начало войны. Кн-во «Р. М.». М. П. Ц. 60 к. 33) Отчетъ о дѣятельности Тульской Губ. Уч. Арх. Ком. Тула. 1914. 34) Покровскій, М. Очеркъ исторіи русской культуры. Т. I. Изд. «Міръ» Ц. 2 р. 35) Протосовъ, И. Тайны загробнаго міра. Ц. 1 р. 25 к. 36) Разказы по русской исторіи. Общ. сборн., составл. подъ ред. С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. 3-е «Задруга». Ц. 1 р. 20 к. 37) Саундерсъ, Дж. Послѣдній изъ Гунновъ. Изд. «Трудъ». М. Ц. 75 к. 38) Сборникъ очерковъ и разказовъ умершаго. Легионъ бѣсовъ. Изд. «Умолки. Голось». М. Ц. 1 р. 50 к. 39) Сборникъ статей. Вып. VII. Студенч. Истор.-этнограф. кружокъ при Кіев. Унив. Ц. 2 р. 15 к. 40) Сборникъ статей. Къ Еврейскому вопросу въ Польшѣ. Ц. 1 р. 50 к. Кн-во «Наука». 41) Семеновъ, Л. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и Записки. Ц. 1 р. 50 к. 42) Его же. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. 43) Соловьевъ, С. Записки. Съ портретами. Книгоиздательство «Прометей» Н. Н. Михайлова. П. Ц. 2 р. 44) Судебная реформа подъ ред. Давыдова, Н. В. и Полянскаго, Н. Н. Кн-во «Объединеніе». М. 45) Тарасовъ, Е. Изъ исторіи декабристовъ. Дѣт. и юн. Н. Тургенева. П. 46) Труды Вятской Уч. Арх. Ком. Вып. I. В. 47) Труды Полтавской Уч. Арх. Ком. Вып. 13-й. П. 48) Труды Саратовской Уч. Арх. Ком. Вып. 32-й. С. Ц. 2 р. 49) Труды Тульской Архивной комиссіи. Т. I. Т. Ц. 5 р. 50) Угловъ, А. Репродукція иконописи. Ц. 40 к. 15 г. 51) Украинскій вопросъ. Сборникъ, составленный сотрудниками «Украинской Жизни». Изд. 2-е «Задруга». Ц. 1 р. 52) Цинговатовъ, А. Въ Россію—можно только вѣрить! (Завѣты Тютчева). Изд.

2-е. Р. на Д. Ц. 15 к. 53) **Чарнолускій, В.** Сѣзды по народному образованію. Изд. журн. «Вѣстникъ Народн. Образованія». П. Ц. 3 р. 54) **Чешско-русское Единеніе** № 1. Кіевъ. 55) **Шаховская, Н.** Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. М. Кн-во К. Некрасова. Ц. 40 к.

56) **Шиловъ, А.** Какъ не слѣдуетъ понимать алкоголизмъ. М. Ц. 25 к. 57) **Шумигорскій, Е.** Тѣни минувшаго. П. Ц. 1 р. 25 к. 58) **Шумскій, К.** Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. П. Изд. Марксъ. Ц. 1 р. 50 к.

Поправка.

(Письмо въ редакцію).

г. Редакторъ.

Въ № 9-мъ «Голоса Минувшаго» напечатано сообщенное мною «Неизданное стихотвореніе М. Л. Михайлова.—*Портретъ*. (О. С. Чернышевской)».

Оказалось, что это стихотвореніе принадлежит Я. П. Полонскому, напечатано въ полномъ собраніи его сочиненій и носить заглавіе «*Кн. А. С. Г-ной*» (т. I. Спб. 1896, стр. 162).

Такъ какъ собраніе сочиненій просмотрѣно самимъ Полонскимъ, то объ авторѣ этого стихотворенія не можетъ быть сомнѣнія. Въ альбомѣ О. С. Чернышевской оно написано рукою Михайлова и имъ же подписано. Въ двухъ мѣстахъ въ немъ встрѣчаются небольшія измѣненія словъ; очевидно, Михайловъ написалъ его по памяти, поставивъ заглавіе «*Портретъ*».

В. Міяковскій.

Графъ Ф. Г. де-ла Бартъ.

(Некрологъ)

Исторія западно-европейской литературы имѣть у насъ въ Россіи такъ мало представителей, что смерть недавно скончавшагося гр. Ф. Г. де-ла Барта оставляетъ въ ихъ далеко не густыхъ рядахъ весьма чувствительный и прискорбный пробѣлъ ¹⁾.

Ученикъ Александра Николаевича Веселовскаго, гр. де-ла Бартъ оставался до конца своей преждевременно оборвавшейся жизни вѣренъ завѣтамъ своего учителя, которому онъ посвятилъ одинъ изъ своихъ трудовъ съ эпиграфомъ изъ Данте: «*Tu Dusa, tu Signore e tu Maestro*».

Это значитъ, что онъ прежде всего стремился въ своей области къ нѣкоторой совершенно законной «спеціализаціи». Изъ всего огромнаго царства западной литературы онъ выдѣлилъ одну провинцію, которую и старался детально обслѣдовать—а именно французскую литературу, въ чемъ, быть можетъ, сказалось его французское происхожденіе. Но и въ этой сравнительно ограниченной области онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ одинъ лишь періодъ—его спеціальностью была эпоха французскаго романтизма. Въ 1905 г. (послѣ десятилѣтней работы надъ ней) вышла въ свѣтъ его первая диссертация,—книга о Шатобрианѣ, три года спустя—вторая, о романтической школѣ. Какъ ученикъ Александра Веселовскаго, гр. де-ла Бартъ придавалъ особое значеніе вопросамъ поэтики и стиля. По его убѣжденію, исторія литературы должна въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ превратиться вообще въ «историческую поэтику»²⁾. Вопросамъ поэтики и стиля и посвящены преимущественно его выше упомя-

¹⁾ Большую потерю въ лицѣ Фердинанда Георгіевича де-ла Барта понесъ въ частности и нашъ журналъ. Мы лишились сотрудничества одного изъ наиболѣе видныхъ нашихъ историковъ литературы, работавшаго у насъ неизмѣнно съ начала возникновенія журнала.

Редакція.

²⁾ См. предисловіе къ его книгѣ «Литературное движеніе на западѣ въ первой трети XIX в.»

нутыя двѣ диссертациі. Первая озаглавлена «Шатобріанъ и поэтика міровой скорби во Франціи», вторая «Романтическая поэтика во Франціи». Последняя книга является лишь частью большого задуманнаго имъ труда подъ общимъ заглавіемъ: «Розысканія въ области романтической поэтики и стиля» (при чемъ это заглавіе можно съ полнымъ основаніемъ распространить и на книгу о Шатобріанѣ).

Преждевременная смерть помѣшала ему довести до конца

Графъ Ф. Г. де-ла Бартъ.

задуманное дѣло. Вторая и третья часть «Розысканій» такъ и не появились въ свѣтъ, и только по нѣкоторымъ вскользь брошеннымъ намекамъ автора можно составить себѣ нѣкоторое представленіе объ ихъ планѣ, объ ихъ содержаніи ¹⁾. Задуманная имъ «романтическая поэтика» осталась лишь фрагментомъ, лишь цѣннымъ обломкомъ недостроеннаго зданія.

Какъ ученикъ Александра Веселовскаго, гр. де-ла Бартъ былъ долѣе въ своей области убѣжденнымъ позитивистомъ. Изученіе литературы онъ всегда строилъ на изученіи документовъ, на изу-

¹⁾ См. предисловіе къ «Розысканіямъ».

ченіи фактовъ, восходя отъ нихъ къ тѣмъ или инымъ обобщеніямъ. Вотъ почему онъ (по примѣру своего учителя) былъ противъ конструированія общаго опредѣленія романтизма, какъ и противъ апріорнаго метода Брюнетьера, сначала построившаго опредѣленіе французскаго романтизма, и уже потомъ пытавшагося подтвердить его фактами и т. п. ¹⁾.

Наконецъ, какъ ученикъ Александра Веселовскаго, гр. де-ла Бартъ былъ прежде всего *историкомъ литературы*.

«Главная цѣль, которую преслѣдуетъ историкъ литературы,— замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ²⁾»,—заключается въ изученіи *исторіи* одного или нѣсколькихъ литературныхъ памятниковъ, въ выясненіи ихъ взаимоотношенія, ихъ вліянія на современниковъ, ихъ связи съ литературнымъ прошлымъ и съ общими художественными, религіозными, общественными, политическими и экономическими условіями эпохи. Филологъ-эволюционистъ изучаетъ прежде всего то, что между литературными произведеніями есть *общаго*, и этотъ матеріалъ онъ изучаетъ *объективно*, поскольку вообще объективное изученіе доступно человѣку. Если бы исторія литературы занималась только изученіемъ частнаго, индивидуальнаго, не указывая на общіе законы, не связывая между собой художественныя произведенія, она превратилась бы въ хаотическую смѣсь субъективныхъ сужденій и приговоровъ, въ конгломератъ случайныхъ наблюденій».

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, гр. де-ла Бартъ долженъ былъ, естественно, возставать всѣмъ своимъ существомъ противъ учащавшихся въ послѣдніе годы попытокъ упразднить исторію литературы въ вышеуказанномъ смыслѣ, противъ стремленія разсматривать литературныя произведенія внѣ породившей ихъ общественно-культурной среды.

«Въ настоящее время—писалъ онъ въ своей послѣдней напечатанной статьѣ³⁾—приходится слышать утвержденіе, будто исторіи литературы не зачѣмъ обращать вниманіе на общественныя, политическія и экономическія условія эпохи, такъ какъ искусство довлѣетъ само себѣ, и къ тому же историкъ литературы не можетъ дать подробную историко-культурную картину той эпохи, въ которую жилъ и писалъ изучаемый имъ писатель. Но вѣдь нагляднымъ опроверженіемъ этого взгляда служить хотя бы «Исторія англійской литературы» Тэна, «Боккаччіо, его среда и сверстники» А. Веселовскаго и т. д. И всѣ возраженія

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ См. предисловіе къ «Литературному движенію на западѣ въ первой трети XIX ст.».

³⁾ «Три русскія книги о романтизмѣ» («Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 5).

современныхъ «эстетовъ» противъ этихъ ученыхъ не болѣе, какъ пустое разглагольствованіе. Историко-литературное изслѣдованіе, у котораго нѣтъ историко-культурнаго фундамента, является зданіемъ, построеннымъ на пескѣ».

И онъ не уставалъ поднимать свой голосъ противъ вторгавшагося въ исторію литературы и въ литературную критику «субъективизма» и «дилетанства»¹⁾. Убѣжденный сторонникъ исторіи литературы, покоящейся на историко-культурномъ фундаментѣ, гр. де-ла Бартъ придерживался этихъ методологическихъ принциповъ и въ своей преподавательской дѣятельности, стремясь привить учащейся молодежи взгляды, воспринятые имъ самимъ у своего учителя.

Нѣкоторые изъ читанныхъ имъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курсовъ изданы имъ въ видѣ отдѣльныхъ книгъ («Бесѣды по исторіи литературы I. Средніе вѣка и Возрожденіе»; «Литературное движеніе на западѣ въ первой трети XIX ст.»), представляющихъ полезныя для учащихся пособія, въ которыхъ они найдутъ многое такое, чего нѣтъ въ аналогичныхъ руководствахъ другихъ изслѣдователей. Преждевременная смерть помѣшала ему издать въ свѣтъ также свои лекціи, посвященныя западной литературѣ XVII и XVIII вв..

Такъ осталась его приноровленная къ потребностямъ учащихся «Исторія западной литературы отъ среднихъ вѣковъ и до эпохи романтизма», какъ и его рассчитанная на круги специалистовъ «романтическая поэтика» лишь фрагментомъ, лишь цѣннымъ обломкомъ недостроеннаго зданія.

Занятый преимущественно научной и преподавательской дѣятельностью, покойный гр. Ф. Г. де-ла Бартъ никогда, однако, не порывалъ и съ общественной жизнью, зорко слѣдилъ за измѣненіями въ умонастроеніи нашей интеллигенціи, и не малой его заслугой навсегда останется, что въ дни «общественной разрухи и растерянности», когда «болѣзненный и крикливый субъективизмъ» началъ накладывать свою печать «на всѣ отрасли мысли—на литературу, эстетику, философію и критику», онъ энергично и неустанно поднималъ въ защиту позитивнаго мышленія свой уже надорванный злымъ недугомъ голосъ, пока смерть навсегда не смежила его уста.

В. Фриче.

¹⁾ См. его статью: «Субъективизмъ и дилетанство въ историко-литературной критикѣ» («Голосъ Минувшаго» 1913 г. № 11).

Редакторъ-издатель С. П. Мельгуновъ.

Товарищество суконной торговли и складовъ

„М. Поповъ съ Сыновьями“

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.

МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

== СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ, ==

РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ
МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.

== ПЛЭДЫ И ОДѢЯЛА. ==

**БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ.**

Новая книга д-ра Д. Д. Бекарюкова. „ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ШКОЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ“.

2-е изданіе журнала „Вѣстникъ Воспитанія“,
исправленное и дополненное.

Стр. VIII+577, со многими рисунками, Москва, 1914 г.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Содержаніе:

Отд. I. ШКОЛЬНОЕ ЗДАНІЕ.

Отд. II. ГИГИЕНА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Отд. III. ГИГИЕНА УЧАЩИХСЯ И УЧАЩИХЪ.

Складъ изданія: Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., 32,
контора журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Книгоиздательство «ОБЪЕДИНЕНИЕ»

Москва, Моховая, 20. ————— Телефон. 4-54-43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на иллюстрированное художественное издание

„Исторія Русскаго Театра“

подъ редакціей В. В. Малаша и Н. Е. Зфресса, при ближайшемъ участіи А. А. Бахрушина и Н. А. Попова.
Художественная сторона изданія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ академика художника Н. А. Норе-
вина.

Въ изданіи примутъ участіе слѣдующія лица: проф. С. А. Адриановъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. В. Ам-
фитеатровъ, проф. А. С. Архангельскій, С. А. Ауслендеръ, академ. А. Н. Бенуа, В. К. Божовскій, Н. Л.
Бродскій, Б. Я. Брюсовъ, Ю. Д. Бѣльскій, проф. Б. В. Варнеке, проф. С. А. Венгеровъ, академ. А. Н. Весе-
ловскій, Ю. А. Веселовскій, В. Н. Геряго-роосъ-Воевододеки, П. П. Глѣдъ, Л. Я. Гуревичъ, Н. В. Давы-
довъ, Н. Н. Долговъ, бар. Н. В. Дризевъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, С. С. Игнатовъ, проф.
А. А. Кизеветтеръ, А. А. Кошарскій, Ф. Ф. Комиссаржевскій, академ. А. Ф. Кони, Н. И. Коробка, А. Р. Ку-
гель, А. Я. Левяковъ, Н. О. Лернеръ, В. А. Михайловскій, П. О. Морозовъ, Вл. И. Немировичъ-Давченко,
Н. К. Писановъ, Н. А. Поповъ, В. П. Преображенскій, Россій, проф. В. Н. Рязановъ, П. Н. Сидоровъ,
проф. В. В. Сиповскій, Н. А. Сыротининъ, М. А. Стаховичъ, Л. А. Суалержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ
(Южнинъ), Н. И. Тимковскій, В. Я. Улановъ, В. Е. Чешинъ-Вѣтринскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго,
С. В. Яблоновскій (Потресовъ), П. М. Ярцевъ, Ю. Д. Энгель и друг.

Все изданіе составитъ шесть большихъ томовъ по 40 печатныхъ листовъ въ каждомъ (in quarto),
въ общемъ свыше 240 печ. листовъ или свыше 2000 стр. текста, и будетъ обильно иллюстрировано много-
численными рисунками въ текстъ и на отдѣльныхъ листахъ, изъ которыхъ въ краскахъ будетъ свыше
60 рисунковъ и около 60 медно-гравюръ и свыше 1200 портретовъ, рисунковъ, видовъ, постановокъ
и проч. въ текстѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна изданія въ шести томахъ (отдѣльные тома въ продажу не поступятъ)
по предварительной подпискѣ безъ переплета 33 рубля, при подпискѣ вносятъ три рубля и при полученіи
каждаго изъ шести томовъ безъ переплета по пяти рублей. Лица, желающія получить изданіе въ роскошныхъ
художественныхъ полужоженныхъ съ золотымъ тисненіемъ переплетахъ, уплачиваютъ за каждый томъ
на два рубля дороже. Гг. подписчики, выплывающіе изданіе томами, за пересылку въ предѣлахъ Евро-
пейской Россіи не платятъ. По выходѣ изъ печати второго тома цѣна изданія для новыхъ подписчиковъ
будетъ повышена. **Вышелъ изъ печати 1 томъ.** Смотри отзывы печати: «Русскія Вѣдомости» 1914 г. /XII.
«Кіевская Мысль» 1915 г. 8/1 «Театръ и Искусство» № 49, 1915 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

„СУДЕБНАЯ РЕФОРМА“

подъ редакціей М. В. Давыдова и Н. М. Полянского.

при ближайшемъ участіи М. М. Гарнета, А. Э. Ворриса, Н. Н. Муравьева и А. Н. Парнаго.

Въ изданіи примутъ участіе слѣдующія лица: Б. Н. Базилевъ, В. Н. Бочкаревъ, А. Э. Воррисъ,
проф. М. Н. Гернетъ, проф. В. М. Гессенъ, І. В. Гессенъ, проф. С. К. Гогель, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Да-
выдовъ, проф. А. А. Жижиненко, проф. А. В. Завадеки, проф. Н. А. Заозерскій, доц. М. Д. Загрядковъ,
акад. А. Ф. Кони, А. Р. Ледницкій, проф. П. И. Люблинскій, В. С. Малченко, Н. К. Муравьевъ, Б. Д. На-
боковъ, С. П. Ордынский, А. Н. Парнаго, прив.-доц. В. Д. Плетневъ, Н. А. Побѣдоносцевъ, Н. Н. Полян-
скій, сенаторъ В. К. Случевскій, доц. Б. И. Сыромѣтниковъ, Н. В. Телешко, проф. Г. Г. Тельбергъ, А. Н.
Трайнинъ, И. С. Урюковъ, В. Н. Челищевъ, А. А. Чиколлинъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. В. Н. Ширковъ.

Все изданіе составитъ пять томовъ, въ среднемъ по 20 листовъ въ каждомъ, въ общемъ не менѣе
100 листовъ, или 1600 страницъ текста. Въ изданіи будутъ помѣщены портреты дѣятелей судебной реформы
и тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которымъ будутъ посвящены биографіи или мемуары.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна изданія въ пяти томахъ (отдѣльные тома въ продажу не поступятъ) по
предварительной подпискѣ безъ переплета 20 рублей; при подпискѣ вносятъ два рубля и при полученіи
первыхъ четырехъ томовъ безъ переплета по четыре рубля и пятого тома 2 р. Лица, желающія получить
изданіе въ роскошныхъ полужоженныхъ переплетахъ, уплачиваютъ за каждый томъ на одинъ рубль дороже.
Гг. подписчики въ предѣлахъ Европейской Россіи за пересылку не платятъ.

По выходѣ второго тома цѣна изданія для новыхъ подписчиковъ будетъ повышена. **Вышелъ изъ
печати 1 томъ.** Смотри отзывы печати: «Русск. Вѣдом.» 20/II 1915 г., № 41, ст. А. Кизеветтера. «Русское
Слово» 19/II 1915 г., № 40, ст. Юриста.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Москва, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6, телеф. 4-50-01.

Московское отдѣленіе к-ва „ОГНИ“.

Поступили на складъ:

Библиотека мемуаровъ. Мое время. Григорія Винскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библиотека мемуаровъ. Записки гр. Е. О. Комаровскаго. Редакція П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Библиотека мемуаровъ. Записки несчастнаго (В. П. Колесникова), содержащая путешествіе въ Сибирь по канату. Редакція П. Е. Щеголева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія о быломъ. Изъ семейной хроники 1770—1838.—Е. А. Сабанѣвой. Предисловіе Д. А. Корсакова. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Птр. 1914 г. Ц. 1 р.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Ансаковой (1854—1855). Редакція и примѣчанія кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Птр. 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. О. Ольденбурга. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ Московской жизни 40-хъ годовъ. Дневникъ Е. И. Поповой. Подъ редакціей кн. Н. В. Голицына. Птр. 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣлинскій. Письма. Три тома. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкого. Птр. 1914 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 к.

Былины. Старинки богатырскія. Вступительная статья Е. А. Ляцкого. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ. Художественная рамка и виньетка исполнены В. А. Никольскимъ по стариннымъ образцамъ. Въ приложеніи: поты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Птр. 1911 г. Ц. 2 р.

Стихи духовные. Слова золотыя. Вступительная статья Е. А. Ляцкого. Тексты избраны Е. А. Ляцкимъ, при участіи Н. С. Платоновой. Въ приложеніи: поты, объяснительный словарь, примѣчанія. Изданіе художественное. Ц. 2 р.

Русскіе художники. Суриковъ. Текстъ В. А. Никольскаго. Портреты художника и 7 репродукцій съ его картинъ. Птр. 1910 г. Ц. 1 р.

Иностранные художники. Пювиcъ де-Шаваннь. Текстъ Я. А. Тугеи-хольда. Съ портретомъ художника и 7 репродукціями съ его картинъ. Птр. 1911 г. Ц. 1 р.

А. Родѣнъ. Искусство. Переводъ М. М. Со многими иллюстраціями Птр. 1914 г. Изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к.

Р. Тепферъ. О прекрасномъ въ искусствѣ. Пер. съ фр. М. Г. Птр. 1913 г. Ц. 90 к.
Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными (1865—1875). Со статьей Е. А. Ляцкого и примѣчаніями М. Н. Чернышевскаго. Портреты, рис., автографъ. Вып. I—III: Птр. 1912—1914. Ц. каждого вып. 2 р.

А. А. Нондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Портреты. Птр. 1912 г. Ц. 1 р.

Евг. Ляцкій. Гончаровъ. Жизнь. Личность. Творчество. Критико-биографическіе очерки. Изданіе 2-е, значительно переработанное и дополненное. Портреты, автографъ. Птр. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Л. Н. Толстой. Картинки Отечественной войны изъ романа «Война и миръ». Извлечено М. П—ой. Птр. 1912 г. Ц. 15 к.

Книга о святомъ Францискѣ Ассизскомъ. Предисловіе и переводъ В. Конради. Изданіе художественное. Птр. 1913 г. Ц. 3 р.

Джордано Бруно Изгнаніе торжествующаго звѣря. Переводъ и примѣчанія Алексѣя Золотарева. Птр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Образовательная бібліотека изд-ва «Огни» Серія I. Русскіе критики. **В. Г. Бѣлинскій.** Избранныя сочиненія. Подъ редакціей проф. А. К. Бороздина, со вступительными статьями и примѣчаніями. Птр. 1914 г. Ц. за двѣ части 1 р. 25 к.

Образовательная бібліотека изд-ва «Огни». Серія III. Иностранные писатели. **Буало.** Поэтическое творчество. (L'Art poétique). Ред. прив.-доц. П. С. Когана. Птр. 1914 г. Ц. 40 к.

Тургеневскій сборникъ. Статьи и изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ Тургеневскаго кружка, подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Птр. 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, М. Никитская 29, кв. 6, телеф. 4-60-61).

Московское отдѣленіе изданій журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

Поступили на складъ.

В. Я. КОКОСОВЪ. Разказы о Карійской каторгѣ. (Изъ воспомина-
ній врача). Ц. 1 р.

ВЛАДИМИРЪ КОРОЛЕНКО. Отошедшіе. Объ Успенскомъ. О Черны-
шевскомъ. О Чеховѣ. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Исторія моего современника. I. Раннее дѣтство и годы
ученья. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Е. КУДРИНЪ. Галлерей современныхъ французскихъ знамени-
тостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. (Луи Пастеръ. Альфонсъ Додэ.
Эмиль Золя. Клемансо. Вальдекъ Руссо. Комбъ. Анри Рошфоръ. Жанъ
Жоресъ. Жюль Гэдъ. Анатолий Франсъ. Поль Бурже). Ц. 1 р. 50 к.

П. Л. ЛАВРОВЪ. Историческія письма. 4-е изд. безъ перем. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Формула прогресса Н. К. Михайловскаго. Противники
исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. 2-е изд. Ц. 40 к.

ЕГО ЖЕ. Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе. Теоретики сороковыхъ
годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Ц. 40 к.

Л. МЕЛЬШИНЪ. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. (Пуш-
кинъ, Некрасовъ, Фетъ, Тютчевъ, Надсонъ. Современные миниатюры.
О старомъ и новомъ настроеніи). 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. МЯКОТИНЪ. Изъ исторіи русскаго общества. (Протопопъ
Аввакумъ. Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи. На зарѣ
русской общественности. Изъ Пушкинской эпохи. Профессоры сороковыхъ
годовъ. К. Д. Кавелинъ, какъ историкъ и публицистъ. Памяти Г. И. Успен-
скаго. Памяти Н. К. Михайловскаго). 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

А. Б. ПЕТРИЩЕВЪ. Триста лѣтъ. (1606—1906 гг.) 2-е изд. Ц. 25 к.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Посмертныя записки старца Ѳеодора Кузьмича.
Съ вступительной статьей В. Г. КОРОЛЕНКО и примѣчаніями В. Г.
ЧЕРТКОВА. Ц. 20 к.

КАРЛЪ ШУРЦЪ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.
Перев. А. Н. Анненской. Ц. 30 к.

П. Я. Русская муза. Художеств.-историческая хрестоматія. 3-е изд.
Ц. 1 р. 75 к., въ изящн. коленкор. переплетѣ 2 р. 40 к.

Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей **Н. Ѳ. АННЕН-
СКАГО, В. Я. БОГУЧАРСКАГО, В. И. СЕМЕВСКАГО** и **П. Ф. ЯКУБО-
ВИЧА.** Съ 29 портретами. Ц. 3 р.

В. И. СЕМЕВСКІЙ. Политическія и общественныя идеи декабристовъ.
Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЕЛЬ СТЕРНЪ. Исторія революціи 1848 г. Перев. съ франц.
подъ редакц. **Н. Е. КУДРИНА.** Т.т. I и II. Ц. по 75 коп.

М. ФРОЛЕНКО. Милость. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ
равелинѣ). Ц. 10 к.

Э. ШАМПЬОНЪ. Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1780 г.
Ц. 50 к.

ИЗДАНИЕ „ЗАДРУГИ“ И К. Ф. НЕКРАСОВА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
ТРЕХТОМНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
МАСОНСТВО

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Подъ редакціей.

С. П. МЕЛЬГУНОВА и Н. П. СИДОРОВА.

Въ изданіи участвуютъ:

А. А. Боровой, А. М. Васютинскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, С. А. Ефремовъ, Н. К. Кульманъ, С. П. Мельгуновъ, В. П. Обнинскій, В. Н. Перцевъ, Н. К. Пиксановъ, И. Н. Розановъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, А. В. Семека, Н. П. Сидоровъ, Т. О. Соколовская, Е. И. Тарасовъ, Е. В. Тарле, В. Н. Тукалевскій, И. М. Херасковъ, Е. С. Шумигорскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ МАСОНСТВО XVIII В.

I. Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи.—*И. М. Хераскова*. 2. Французское масонство.—*А. М. Васютинскаго*. 3. Нѣмецкое масонство.—*В. Н. Перцева*. 4. Иллюминаты —*А. М. Васютинскаго*.

II. РУССКОЕ МАСОНСТВО XVIII В. I. Елизаветинское

и Екатерининское масонство.—*А. В. Себеки*. 2. Шварцъ и Новиковъ.—*В. Н. Тукалевскаго*. 3. Гамалѣя.—*М. В. Довнаръ-Запольскаго*. 4. И. В. Лопухинъ.—*Н. К. Пиксанова*. 5. М. М. Херасковъ.—*И. Н. Розанова*. 6. Второстепенные дѣятели.—*Е. И. Тарасова*. 7. Системы масонства.—*Т. О. Соколовской*. 8. Обрядность масонская.—*Т. О. Соколовской*. 9. Правительственныя гоненія —*М. В. Довнаръ-Запольскаго*.

III. ПАВЕЛЪ I И МАСОНСТВО.—*Е. С. Шумигорскаго*.

IV. РАННЕЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЕ МАСОНСТВО. 1. Возрожденіе масонства.—*Т. О. Соколовской*. 2. Невзоровъ и „Другъ юношества“.—*Н. К. Кульмана*.

V. ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ МАСОНСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.—*Е. В. Тарле*.

VI. ПОЛЬСКОЕ МАСОНСТВО.—*И. С. Рябинина*.

VII. АМЕРИКАНСКОЕ МАСОНСТВО.—*И. М. Хераскова*.

VIII. МАСОНСТВО ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ЦАРСТВОВАВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I. 1. Развитіе и организація масонскихъ ложъ.—*Т. О. Соколовской*. 2. Масонская поэзія.—*И. Н. Розанова*. 3. Общественно-политическіе взгляды масонства.—*В. И. Семевскаго*. 4. Поздѣевъ.—*Г. В. Вернадскаго*. 5. Лабзинъ и „Сіонскій вѣстникъ“.—*Н. П. Сидорова*. 6. Украинское масонство.—*С. А. Ефремова*. 7. Противники масонства.—*С. П. Мельгунова*. 8. Закрытіе масонскихъ ложъ —*С. П. Мельгунова*.

IX. СОВРЕМЕННОЕ МАСОНСТВО. 1. На западѣ. —*А. А. Борового*. 2. Въ Россіи.—*В. П. Обнинскаго*.

Изъ отзыва *А. А. Кизеветтера* въ „Русскихъ вѣдомостяхъ“.
о первомъ томѣ:

„Нельзя не привѣтствовать этого интереснаго предпріятія. Научное изученіе русскаго масонства, можно сказать, только что еще начато и, несмотря на то, что мы уже имѣемъ рядъ очень цѣнныхъ монографій по этому предмету, многое еще предстоитъ сдѣлать, рядъ спорныхъ и малоосвѣщенныхъ вопросовъ еще дожидается своего разрѣшенія отъ дальнѣйшей разработки мало обследованныхъ матеріаловъ. Лучшимъ толчкомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, конечно, можетъ послужить сводное подведеніе итоговъ всему тому, что сдѣлано до сихъ поръ. Съ этой точки зрѣнія настоящее изданіе и получаетъ несомнѣнную цѣнность. Что же касается большой публики, то для нея популярно-живая и въ то же время стоящая на уровнѣ современныхъ знаній, исторія масонства явится прямо незаменимымъ пособіемъ для ознакомленія съ этимъ важнымъ эпизодомъ въ исторіи русской культуры.“

Вышедшій первый томъ этого изданія производитъ очень благоприятное впечатлѣніе...

Внѣшность изданія роскошна и изящна. Много прекрасныхъ иллюстрацій, портретовъ и изображеній всякаго рода масонской символики и бутафоріи.“ (№ отъ 3, XII. 1914 г.).

Изъ отзыва *Г. В-скаго* въ „Вѣстникъ Европы“. (1915. № 1).

...„Новое изданіе обѣщаетъ стать для русскихъ читателей надолго основательнымъ источникомъ для ознакомленія съ умственнымъ и нравственнымъ теченіемъ, игравшимъ въ развитіи русской мысли столь видную роль... Видное мѣсто въ изданіи занимаютъ иллюстраціи, исполненныя очень хорошо, притомъ почерпнутыя изъ многихъ недоступныхъ... книгохранилищъ и музеевъ.“

Изъ отзыва *А. С. Изюмова*. („Рѣчь“. № 11. 1915 г.).

Московская „Задруга“ приступила къ выполненію своего плана—дать русскому обществу серьезную критическую книгу о масонахъ за границей и въ Россіи... Надо радоваться, что затрудненія, вызванныя войной на книжномъ рынкѣ, не помѣшали осуществленію этого важнаго дѣла, и въ настоящее время передъ нами первый изъ трехъ томовъ задуманнаго изданія... Внѣшность книги дѣйствительно роскошна... Изданіе „Задруги“, мы не сомнѣваемся, найдетъ широкій кругъ читателей.

См. также статью объ этомъ изданіи *Книжника* „Вольные каменщики“. (Кіевская Мысль № 355. 1914).

Типографія „Византія“ Москва

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна изданія въ трехъ томахъ (отдѣльные томы въ продажу не поступаютъ) по предварительной подпискѣ въ переплетахъ съ пересылкой въ предѣлахъ Европейской Россіи 21 руб.; при подпискѣ вносится 2 руб. и по полученіи перваго и втораго тома по 7 руб., третьяго—5 руб.; безъ переплета цѣна 18 р.: при подпискѣ—1 р. 50 к., по полученіи I-го и II-го т. т. по 6 руб., третьяго—4 р. 50 к.

Въ настоящее время вышли два первыхъ тома.

Подписку направлять по адресу: Москва, Мал. Никитская, д. 29, кв. 6.
Т-во „Задруга“.

и Н. Е. Эфроса. Е. В. Тарле. Воспоминанія и переписка Ольги
Новиковой. И. С. Рябининъ. Мемуары гр. Потоцкой. С. Н. Валкъ.
М. Н. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. Ред. проф.
В. В. Сиповскаго. С. П. Мельгуновъ. А. К. Джигелеговъ. Але-
ксандръ I и Наполеонъ. В. Н. Перцевъ. Граф. Марія Ларинъ.
При дворѣ Габсбурговъ. В. Бузескулъ. Л. Н. Беркутъ. Борьба
за инвеституру во время имп. Генриха V. А. I. Калишевскій.
Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Вып. III. Украино-
вѣдѣніе 286

VII. Некрологъ.

В. М. Фряче. Гр. Ф. Г. Де-ла Бартъ 321

VIII. Рисунки.

Портреты П. А. Лаврова и Ф. Г. Де-ла Барта.

IX. Объявленія.

Проспектъ объ изданіи «Масонство».

Изданіе „ЗАДРУГА“ и К. Θ. НЕКРАСОВА.

(Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6.).

Вышелъ ВТОРОЙ томъ изданія.

**„МАСОНСТВО ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ
И НАСТОЯЩЕМЪ“,**

подъ редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА и Н. П. СИДОРОВА.

Цѣна по подпискѣ 21 руб.

Подробности см. прилагаемый проспектъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 г.

— НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

**ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,**

подъ редакціей *С. П. Мелунова* и *В. И. Семевскаго*.

(3-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ истории и истории литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей истории, истории литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Биографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Материалы по истории, истории литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россію: на годъ 10 руб., на 1/2 года 5 руб., за границу 12 руб., 1/2 года 6 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка:

При подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля 2 руб., 1 іюля 3 руб., 1 октября 2 руб.

Переплата адреса 20 коп.

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб. 25 к., налож. плат. 1 р. 50 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). За 1914 г. по 8 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1915 г. имѣютъ право приобрести на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“ и „Голосъ Минувшаго“ за 1913, 1914 гг. (см. условія въ № 1).

Подписка принимается:

въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Заграница», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Тол. Т-ва Рябушкинскихъ. Москва.